

фото А. Г. Зубов

ББК 63.3(2)
УДК [394.46+929.7:930.2](082)-051
Р 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Свердловской области по областной целевой программе «Патриотическое воспитание граждан в Свердловской области»

Редакционная коллегия:

А.Н. Авдонин, *д-р геол.-минерал. наук (ответственный редактор)*
С.А. Корепанова, *канд. ист. наук*
С.И. Константинов, *д-р ист. наук, профессор*
Н.А. Толпегина, *секретарь оргкомитета чтений*

Р 69 Четырнадцатые Романовские чтения: международная научно-практическая конференция (Екатеринбург—Алапаевск, 17–19 июля 2013 г.): материалы / М-во культуры СО; СОКМ; ОО «Фонд «Обретение»; МО «Город Алапаевск»; УГЮА; [под ред. А.Н. Авдонина]. — Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2013. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-91357-038-3

В сборнике публикуются материалы, посвященные истории России в период правления династии Романовых. Большое внимание авторы докладов уделили таким темам, как реформаторская деятельность в Российской империи, благотворительная и гуманитарная деятельность представителей правящей династии, связь династии Романовых с Уральским краем. Особое место в сборнике занимают доклады, посвященные обстоятельствам гибели царской семьи. Сборник предназначен для исследователей и любителей истории.

ББК 63.3(2)
УДК [394.46+929.7:930.2](082)-051
Р 69

ISBN 978-5-91357-038-3

© Свердловский областной краеведческий музей, 2013
© Текст: авторы, 2013
© Оригинал-макет: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2013

Министерство культуры Свердловской области
Свердловский областной краеведческий музей
Общественная организация «Фонд «Обретение»
МО «Город Алапаевск»
Уральская государственная юридическая академия

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Международная научно-практическая конференция
(Екатеринбург—Алапаевск, 17–19 июля 2013 года)*

Материалы

Екатеринбург • Издательство КВАДРАТ • 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Ветрова Н.К. Четырнадцатые Романовские чтения 7

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Авдонин А.Н. Факты и заблуждения в «Царском деле» 12

Громова А.В. Великие прославления русских святых
в царствование Николая II 19

Кириллов А.Д. Дом Ипатьева: мифы и реальность 35

Щуцкая Г.К. Романовы — основатели первых
мемориальных музеев в России в XIX веке 43

Проколова Л.И. Лазарет Ее Императорского Величества
Александры Федоровны в Ливадии. 51

ДОКЛАДЫ НА СЕКЦИЯХ

Гришин Д.Б. Московский некрополь дома Романовых 61

Новиченков Н.Н. Первые Романовы и земля святого Симеона . . 68

Солодкин Я.Г. Н.Р. Юрьев —
«ближний боярин» царя Федора Ивановича 79

Маркова Л.П. «Царский крест».
Увековечение памяти пребывания представителей царской
династии в Перми. Программа Просветительского центра
«Библиотека Духовного возрождения» к 400-летию дома
Романовых «Династия Романовых: пермский период». 86

Гилева К.В. Старообрядцы в Забайкалье:
судьба русского народа на окраине Российской империи . . . 93

Исаев Г.Е. Государство, церковь и Романовы.
Духовный регламент императора Петра Великого 101

Константинов С.И. Елизавета Петровна Романова —
царица Пруссии (о чем напомнила редкая монета) 107

Романчук А.И. Династия Романовых и археология
(на примере Херсонеса-Херсона-Корсуни) 112

Ведьмин О.П. Флигель-адъютант Петра III —
Викентий Викентьевич Рейзер. 119

Ярков А.П. Пространство и особенности
конфессионально-государственных отношений
в азиатской части страны на рубеже XVIII—XIX веков 124

Юрова Г.В. Памятники и памятные места,
посвященные Романовым на Урале 131

Карфидов А.Н. Романовы в истории Невьянска 142

Огоновская И.С. Первый и последний правители
дома Романовых глазами авторов школьных учебников
XIX—XXI веков 147

Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов как генеалог рода Романовых . 157

Начапкин Н.И., Начапкин М.Н. Мир повседневной жизни Романовых — императора Николая I и цесаревича Александра Николаевича — в переписке 1838—1839 годов	164
Софьин Д.М. Романовы и вопрос о династической солидарности на рубеже XIX—XX веков	171
Робустова Е.В. Общее благо или монаршее достоинство? Решение судьбы реформатора М.М. Сперанского императором Александром I в условиях военной угрозы 1812 года	176
Верхоланцева Р.М. Казанский собор в Санкт-Петербурге: некоторые страницы истории создания и жизни придворного храма дома Романовых	183
Голикова С.В. Визит царя глазами ребенка: воспоминания академика Николая Ивановича Кокшарова о посещении Александром I Березовского завода	190
Валитов А.А. 300-летний юбилей дома Романовых в региональном пространстве	196
Бараненко Л.А. Российская империя: реформы и реформаторы	204
Катарин Д.Н. С.Ю. Витте и реформы железных дорог в Российской империи в 1889—1903 годах	220
Костогрызов П.И. Преобразование государственного строя Российской империи в 1906 году: уроки неудавшейся реформы.	227
Начапкин М.Н. Русские консерваторы начала XX века Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.В. Шульгин, Н.Е. Марков о личности Николая II и причинах свержения монархии в России	233
Дашкевич Л.А. Помощь Романовского комитета для призрения сирот сельского состояния приютам Урала в годы Первой мировой войны	241
Кручинин А.М., Кручинина Н.А. Британский консул Т.Х. Престон о судьбе семьи Романовых	247
Семячкова В.В. К вопросу о деятельности дамских кружков Пермской губернии в годы Первой мировой войны	251
Томилов И.С. Празднование 300-летия дома Романовых в Санкт-Петербурге глазами тобольского духовенства (по воспоминаниям протоиерея Димитрия Смирнова)	257
Черкасов И.А. Воспоминания великого князя Александра Михайловича как источник по истории Первой мировой войны	266
Чирков М.С. Самарские земство и власть в поисках путей общественного согласия (январь-октябрь 1905 года)	273

Логунова М.О. Алоиз-Лаурс Труупс (Алексей Егорович Трупп). С царской семьей до последней минуты	280
Скутанс Г.Ю. «Латышские списки» и внутренняя охрана дома Ипатьева	290
Выголов А.С. События, связанные с убийством царской семьи и ее верных слуг, произошедшие в Екатеринбурге 4–18 июля 1918 года, в свете их трактовки как имеющих признаки «ритуального убийства» (опыт исследования) . .	299
Жук Ю.А. Из какого оружия были убиты царская семья и ее верные слуги?	306
Ильичева С.В. Воспоминания о Я.М. Свике	318
Погорелов С.Н. Некоторые итоги архитектурно- археологических изысканий в 2000–2001 годах на месте убийства царской семьи Николая II	329
Курлаев Е.А. Историческая экспертиза и исследование обстоятельств уничтожения царской семьи.	337
Авдонин А.Н. Особое мнение о докладе Е.А. Курлаева «Историческая экспертиза и исследование обстоятельств уничтожения царской семьи»	343
Список сокращений.	347
Список докладчиков XIV Романовских чтений	349

*Посещение участниками чтений
«Мемориала Романовых» на Старой Коптяковской дороге*

фото Э.П. Лашенко

Н.К. ВЕТРОВА

*Сопредседатель оргкомитета
Четырнадцатых Романовских чтений*

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

С 17 по 19 июля 2013 года в городах Екатеринбурге и Алапаевске проходила международная научно-практическая конференция «Четырнадцатые Романовские чтения». Организаторами конференции выступили Министерство культуры Свердловской области, Свердловский областной краеведческий музей (СОКМ) и общественная организация «Фонд “Обретение”» при участии муниципального образования «Город Алапаевск» и Уральской государственной юридической академии.

Четырнадцатые Романовские чтения проводились в рамках областной программы мероприятий, посвященных 400-летию восставления российской государственности и историческому наследию дома Романовых на Урале.

В год юбилея дома Романовых тематика чтений была значительно расширена. Помимо традиционных тем, посвященных обстоятельствам гибели последнего российского императора Николая II, его семьи и приближенных, идентификации их останков и увековечения памяти, были затронуты следующие темы:

- «Романовы и развитие российской государственности»;
- «Российская империя: реформы и реформаторы»;
- «Романовы в истории России: музейный аспект проблемы»;
- «Государство, церковь и Романовы».

Расширение тематики неизбежно повлекло за собой приток новых участников. Это представители научной общественности из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Тулы, Перми, Верхотурья, Невьянска, Новоуральска, Тобольска, Тюмени, Кемерово, Нижневартовска, Читы. Ближнее зарубежье представляли докладчики из Украины и Латвии. Впервые на чте-

*Генеральный директор СОКМ
Н.К. Ветрова*

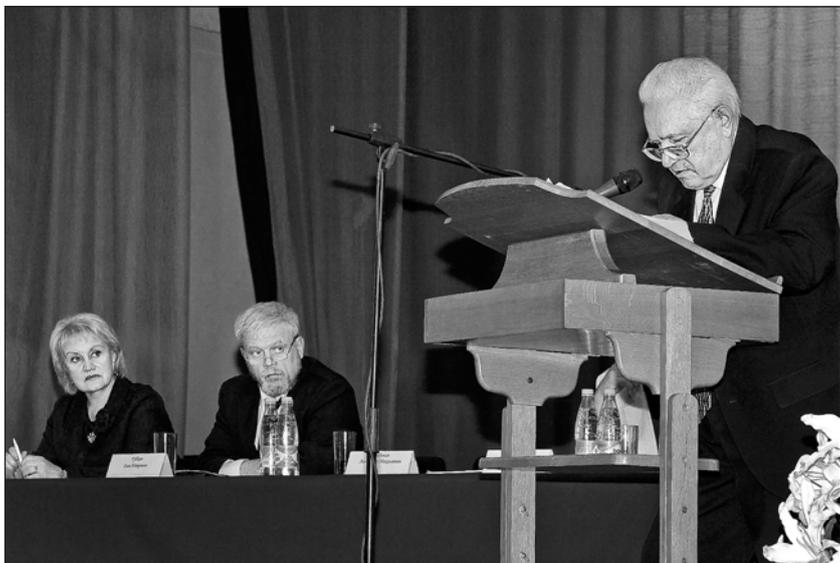

фото М.В. Махленко

*Выступление А.Н. Авдонина на пленарном заседании.
В президиуме Н.К. Ветрова и О.П. Губкин*

ниях были так широко представлены специалисты музейного дела. Наряду с уральскими музейщиками на конференцию приехали их коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга и Украины.

Особенностью чтений 2013 года стало участие в них представителей благотворительной акции, посвященной преподобному-ченице Елизавете Федоровне, — участников Малых Алапаевских Елизаветинских чтений. Оба мероприятия проводились общественной организацией «Уральское землячество в Москве».

Пленарное заседание Четырнадцатых Романовских чтений проходило 17 июля в зале Маклецкого Свердловского областного музыкального училища им. П.И. Чайковского. Заседание открылось приветствиями заместителя министра культуры Свердловской области О.П. Губкина, генерального директора СОКМ, сопредседателя оргкомитета Четырнадцатых Романовских чтений Н.К. Ветровой, представителя Ливадийского дворца-музея Л.И. Прокоповой (Украина, Республика Крым).

Первый доклад на пленарном заседании сделал бессменный председатель общественного фонда «Обретение», заведующий отделом истории династии Романовых СОКМ, д-р геол.-минерал. наук А.Н. Авдонин. С докладами выступили также директор Уральского центра Б.Н. Ельцина, д-р ист. наук, профессор

фото М.В. Махленко

*Выступление И.В. Федосеевой
на заседании объединенной секции*

А.Д. Кириллов, заведующая филиалом Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых» Г.К. Щуцкая, ведущий научный сотрудник Ливадийского дворца-музея Л.И. Прокопова, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, д-р ист. наук А.И. Романчук.

Дальнейшая работа конференции проводилась по секциям: «Власть, общество, церковь», «Романовы и Урал», «Романовы в истории России». Работа первой и третьей секций была объединена.

На заседании объединенной секции свои доклады сделали канд. ист. наук И.В. Федосеева, Д.Н. Катарин, Л.А. Бараненко, Р.М. Верховланцева, канд. ист. наук Д.М. Софьин и другие.

Значительный интерес и наибольшее количество слушателей привлекла вторая секция, ее докладчиками стали Н.Н. Новиченков, Г.В. Юрова, В.В. Семячкова, Л.П. Маркова, А.Л. Казаков, А.С. Выголов, Г.Ю. Скутанс, А.М. Кручинин, канд. ист. наук М.О. Логунова.

Второй день работы конференции проходил в Алапаевске. Участников чтений принимал Дом-музей П.И. Чайковского, филиал Свердловского областного краеведческого музея. Заведующая филиалом Е.А. Черемных провела для участников конференции обзорную экскурсию по музею.

фото А.Г. Зубов

*С.А. Корпанова открывает заседание в Алапаевске.
В президиуме — А.П. Ярков и А.М. Кузнецов*

Заседание началось приветствием начальника управления культуры МО «Город Алапаевск» А.М. Кузнецова. Вел заседание профессор Тюменского госуниверситета А.П. Ярков. На заседании прозвучали доклады д-ра ист. наук Л.А. Дашкевич, канд. ист. наук Е.А. Курлаева, С.Н. Погорелова, канд. ист. наук М.Н. Начапкина. В зале присутствовали алапаевские краеведы и журналисты.

Участники чтений посетили Напольную школу — место содержания великих князей Романовых до момента их гибели, Свято-Троицкий собор, в склепе которого хранились останки великой княгини Елизаветы Федоровны, инокини Варвары и великих князей Романовых до их отправки в Китай, а также монастырь на месте убийства великих князей.

19 июля 2013 года состоялся традиционный выезд на «Мемориал Романовых» на Старую Коптяковскую дорогу. Участники чтений почтили память погибших, возложили цветы у поклонного креста основного захоронения, а также у памятного креста на месте сокрытия останков цесаревича Алексея и великой княжны Марии. Научный сотрудник отдела истории династии Романовых СОКМ Н.Б. Неуймин и старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН Е.А. Курлаев поделились воспоминаниями о поисках захоронения царских детей в августе 2007 года.

фото М.В. Махленко

Н.К. Ветрова вручает каталог выставки «Романовы. На изломе российской истории» д-ру ист. наук, проф. А.И. Романчук

В ходе конференции ее участники ознакомились с федеральным выставочным проектом «Романовы. На изломе российской истории». В завершение экскурсии генеральный директор СОКМ Н.К. Ветрова вручила присутствующим каталоги выставки.

Подлинные артефакты из фондов ГАРФ и собрания Свято-Троицкой духовной семинарии (Джорданвилль, США) гости смогли увидеть на выставке «Гибель семьи Императора Николая II. Следствие длиною в век».

Итогом работы чтений явился настоящий сборник. Редколлегией были отобраны для публикации 43 доклада и сообщения.

В завершение конференции ее участники высказали пожелание более активно привлекать к работе чтений молодежную аудиторию. Присутствующие одобрили расширенную тематику чтений и предложили сохранить ее в последующих конференциях.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.Н. АВДОНИН
Екатеринбург

ФАКТЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ В «ЦАРСКОМ ДЕЛЕ»

Сегодня 17 июля 2013 года. А 95 лет назад, в 1918 году, в России произошло жестокое злодеяние — убийство последнего российского императора Николая II и его семьи. За долгие годы расследования этого события, сначала «белым» следствием, а затем Генеральной прокуратурой РФ, оно было досконально изучено. Установлены обстоятельства преступления, определены убийцы, обнаружены останки царской семьи и их приближенных. Основная часть найденных останков захоронена по христианскому обряду с соблюдением почестей, присущих главе государства. Но, к сожалению, до сих пор среди общественности в нашей стране остаются сомнения в достоверности установленных фактов. Почему это происходит? С моей точки зрения — из-за неверных выводов проведенного в спешке «белого» следствия, а также из-за фальсификации официальных данных Генеральной прокуратуры РФ.

Рассмотрим некоторые факты. 1918 год. 19 июля молодое советское правительство оповестило мир: «В Екатеринбурге в связи с обострением военной обстановки и наличия контрреволюционного заговора расстрелян последний царь Николай II. Семья его переведена в безопасное место». Для чего нужна была эта ложь? Понимая значение совершенного преступления, правительство значительно преуменьшает его значение, заявляя, что семья переведена в безопасное место. Советское государство до конца своего существования официально не признавалось в убийстве всей семьи.

Версия о спасенных Романовых обусловила благополучное «появление» в мире их многочисленных лжепотомков. П. Жильяр отмечает, что в 1919 году в Омске ему был показан мальчик, выдавав-

ший себя за Алексея. За него выдавали себя также В.В. Щетинин из Багдада, М. Голеневский из США. В 1991 году гражданин Испании А. Бримейер объявил, что он внук Николая II. Известен «Алексей» и у нас, в 1991 году он жил в Крыму. Было и несколько Анастасий, из которых наиболее известна Анна Андерсен. Кто знает, какие заявления делали лжепотомки Романовых и как они отразились на возникновении сомнений о судьбах царской семьи...

В нашей стране и поныне живут «потомки» якобы уцелевших детей Романовых. Взять хотя бы Владимира Юрьевича Момота. Он утверждает, что является внуком великой княгини Анастасии Николаевны. Он активно посещает Институт геофизики и призывает сотрудников провести работы на Коптяковской дороге для поисков недостающих участников событий и обнаружения богатств, скрытых под дорогой. Также участвует в заседаниях правительственных чиновников, где заслушиваются его проекты по дальнейшему изучению района «Мемориала Романовых».

Вернемся к изложению событий. 25 июля 1918 года в Екатеринбург вошли «белые» войска. Дом Ипатьева был пуст, в нем царил хаос. Белогвардейское правительство организовало поиски останков государя.

Следы преступления вели в район Старого рудника. Он был давно заброшен, но на его площади сохранилось много старых выработок, в том числе крупные — Открытая шахта (Четырехбратский рудник) и Ганина яма (Исетский рудник). Эти места 30 июля 1918 года посетил следователь Екатеринбургского окружного суда А.П. Наметкин. Здесь обнаружены следы двух костров. Вокруг них разбросаны обгорелые предметы: остатки дорогой женской обуви, корсеты, большие дамские пуговицы, крючки и т. п. Наметкин был потрясен находками крупного бриллианта, осколков изумруда, остатков жемчужных сережек. Он понял, что эти вещи принадлежали августейшей семье. Обследование рудника не выявило признаков захоронения, хотя его невозможно было скрыть за столь короткое время после убийства. Не нашли и останков царской семьи, хотя все вокруг кричало о том, что они здесь были, с ними производили какие-то действия и что останки, возможно, находятся где-то поблизости.

Дело вскоре было передано члену Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергееву. Он энергично принялся за работу, и уже вскоре следствие располагало данными о том, что вся царская семья и ее прислуга были убиты в доме Ипатьева, вопреки ложному заявлению советского правительства об убийстве только Николая II.

Подтверждали это и находки, сделанные в Открытой шахте: обломок жемчуга от серьги императрицы, отрубленный палец и верхняя вставная челюсть взрослого человека. Об убийстве царской семьи рассказал Сергеёву арестованный разводящий охраны П.С. Медведев, лично принимавший участие в расправе. Сергеёв обвинил Медведева в соучастии в убийстве и отметил в постановлении: убийство царской семьи и ее прислуги в доме Ипатьева представляется доказанным. Это — самый главный итог работы Сергеёва. Но останков царской семьи он не нашел.

Даже этих данных, собранных двумя следователями, достаточно для установления факта убийства. Из свидетельских показаний ясно, что оно не было ритуальным. Зачем же нынче стараются придать ему ритуальный характер?!

4 февраля 1919 года Сергеёв был отстранен от работы, дело передали следователю Н.А. Соколову. Материалы Сергеёва впоследствии использовались Соколовым даже без упоминания роли этого замечательного юриста, а также того факта, что именно Иван Александрович Сергеёв в значительной степени обеспечил успех «белого» следствия.

Соколов прибыл в Екатеринбург в марте 1919 года и 27 мая прошёл путь от дома Ипатьева до Четырехбратского рудника, обследуя Коптяковскую дорогу. Он обнаружил и сфотографировал место, где застряла машина большевиков, выехавшая с рудника в ночь на 19 июля 1918 года. В протоколе он отметил: «В наиболее низком поперек дороги месте набросан мостик. Он состоит из нескольких новых бревнышек и старых железнодорожных шпал».

Соколов не придал значения этому месту. Он спешил на рудник, куда его притягивало обилие вещественных доказательств. На руднике Соколов в надежде найти останки организовал работы по вскрытию выработок. Было выполнено детальное обследование почти всех горных выработок. Но только в одной из них, Открытой шахте, получены существенные результаты. На дне ее малого колодца обнаружили труп собачки, принадлежавшей великой княжне Анастасии Николаевне. Нашли также предметы и фрагменты драгоценностей, которые принадлежали царской семье и ее окружению: серебряный вызолоченный значок с эмалью Уланского Ее Величества полка с датой «1803 17/V 1903», перочинный нож, серебряную рамочку, осколок жемчужины, обломок золотого предмета и т. д.

Был промыт ил над деревянным полом большого колодца шахты. В результате промывки найдены головешки и угли от

остатков костра, разведенного на глиняной площадке, прилежащей к Открытой шахте. При изучении содержимого в грунте забоя Открытой шахты и иле на ее дне следов человеческих останков не обнаружили. Сброшенные остатки костра также не содержали обгорелых костных фрагментов.

Наличие предметов, принадлежавших убитым (значок государственности, труп собачки и т. д.), свидетельствует о том, что останки находились где-то рядом, а затем исчезли.

Следователь выявил новую субстанцию — смешанные с глиной сальные кусочки грязного цвета, издающие сильный запах. 12 сальных кусочков были встречены только в малом колодце Открытой шахты. Так как на поверхности земли подобные образования не встречались, то их происхождение можно объяснить попаданием смазки от лебедки, установленной в устье шахты. Соколов утверждал, что смазка была распространена по всей поверхности «Глиняной площадки».

Соколов нашел 30 обгорелых костных фрагментов. Они «были найдены втоптаннами в верхние наружные слои на “Глиняной площадке”». Но кости не были обнаружены непосредственно среди углей в кострах. Этот факт подтверждает, что трупы на кострах не сжигались. Следователь категорически заявлял, что природу костей можно определить только после их научного исследования. Но до конца своей жизни в 1924 году Соколов таких исследований не провел. Так и осталось неизвестно, что за кости он нашел, а они, к сожалению, не сохранились.

При проведении археологических исследований на «Глиняной площадке» в 2000 году мной было найдено еще порядка 60 костных фрагментов. Все найденные тогда костные останки принадлежали домашним животным, что было установлено экспертизой Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ под руководством доктора медицинских наук, профессора В.Н. Звягина.

Время, отпущенное Соколову для поисков, оказалось ничтожно малым. 10 июля 1919 года работы были прекращены, поскольку к Екатеринбург приближались войска Красной армии. Отметим, что Соколов так и не смог найти останки царской семьи, несмотря на то что в проведении следствия ему помогли не менее 1000 человек. Следственного дела он не окончил.

Соколов не установил факта уничтожения царских останков ни в Ганиной яме (Исетский рудник), ни в пределах Четырехбратского рудника. В его следственном деле это подтверждается докумен-

тально. Тогда на каких же основаниях Екатеринбургская епархия утверждает, что уничтожение царских останков произошло в районе Ганиной ямы? Таких оснований нет, и епархия об этом хорошо знает!

С повсеместным установлением Советской власти необходимость в поисках останков царской семьи отпала, власть и так знала, куда она их упрятала. Но это оставалось ее тайной. Поэтому ни в одной из опубликованных в СССР работ не говорилось о необходимости поисков останков Романовых. При существовавшей власти установить в официальном порядке истину в этом вопросе было невозможным.

В 1926 году в Свердловске старый партийный работник, заместитель председателя горисполкома Павел Быков написал и издал книгу «Последние дни Романовых». В ней освещалась подробная история гибели царской семьи. Выход книги не был одобрен властью. Быстро заработала государственная машина: основной нераспроданный тираж уничтожен, незначительная часть — пошла в спецхраны. Наступила тишина.

Главные исполнители убийства — Ф.И. Голошкеин, Я.М. Юровский, Г.А. Никулин — жили в Москве. М.М. Медведев, сын участника расстрела, с которым я был лично знаком, рассказывал, что они часто собирались вместе, общались друг с другом. В 1927 году у них родилась идея: к 10-й годовщине события написать книгу воспоминаний о расстреле царской семьи. Голошкеин, имевший доступ к Сталину, поделился с ним этой идеей. Иосиф Виссарионович, побагровев, зло прокричал в ответ: «О Романовых больше ни слова!»

Несколько десятилетий наша историческая литература не затрагивала вопросов, связанных с царской семьей. Казалось, что интерес к ней заглох. Однако, когда в 1972 году в журнале «Звезда» была опубликована работа М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», она всколыхнула общественность и с новой силой разбудила интерес к судьбе Романовых. В 1988 году журнал «Урал» опубликовал очерк В. Яковлева о перевозке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург.

И, наконец, в 1991 году страну взорвало заявление Свердловского облисполкома: «Инициативной группой, в состав которой входят ученые, юристы, геологи и другие специалисты, совместно с сотрудниками Уральского отделения Академии наук СССР, санитарно-эпидемиологической службы, по согласованию со Свердловским облисполкомом, 12 июля с. г. произвели вскрытие

предполагаемого места захоронения останков семьи последнего российского императора и его прислуги. При раскопке обнаружено 9 человеческих скелетов, с большой достоверностью относимых к членам царской семьи».

После этого стал известен документ — «Протокол закрытого совещания старых большевиков в Свердловске в 1934 году». На совещании «Истпарта» Яков Юровский рассказал о некоторых моментах убийства царской семьи и сокрытии останков. В частности, о том, что он недавно просмотрел книгу «колчаковского» следователя Соколова, в которой была напечатана фотография места сокрытия останков царской семьи (следователь не знал, что это сделал Юровский). Соколов только сфотографировал это место, но не исследовал его, не обратил на него пристального внимания. Юровский был доволен тем, как ловко он сумел провести следователя. Ни один историк не отметил этого потрясающего факта: ведь Юровский признался, что на фотографии Соколова изображено место сокрытия царских останков. Тем самым данный важный документ свидетельствует о подлинности искомого места.

После объявления о нахождении царских останков в средствах массовой информации разразилась буря. Твердили о перезахоронении останков, об отрезанных головах, о спасенных от расстрела, о записках в расстрельной комнате и распространяли прочие басни. Видимо, такова сущность человеческой природы, и переубедить общество можно, лишь неустанно повторяя достоверные, доказательные факты. А факты таковы, что Юровский публично признал место захоронения останков царской семьи, что зафиксировано в его воспоминаниях и на фотографии Соколова.

19 августа 1993 года принято решение о возбуждении уголовного дела по факту обнаружения останков неизвестных лиц со следами насильственной смерти. А в октябре того же года создана правительственная Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и его семьи, проработавшая до февраля 1998 года. Комиссия объединила как руководителей министерств и ведомств, так и крупных ученых — специалистов в области истории и архивного дела, судебных медиков, а также представителей Русской православной церкви и общественности. Посредством десятков, даже сотен разнообразных экспертиз (судебно-медицинских, генетических, исторических и других) к концу 1997 года было установлено, что останки принадлежат бывшему императору Николаю Александровичу Романову, Александре Федоровне Романовой,

их дочерям Ольге Николаевне, Татьяне Николаевне и Анастасии Николаевне, их приближенным — лейб-медику Е.С. Боткину, компанной девушке А.С. Демидовой, повару И.М. Харитонову, гражданину Алоизию (Алексею) Егоровичу Труппу. Это еще один неопровержимый факт!

Все они 17 июля 1998 года были захоронены в одной могиле Екатерининского придела в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Останки царских детей — наследника Алексея и великой княжны Марии — были найдены в 2007 году, пока не захоронены и лежат в холодильниках Московского бюро судебно-медицинской экспертизы. Почему же на такой долгий срок отложен христианский обряд погребения двух несчастных, невинноубиенных детей? Чем можно оправдать такое небрежение к их останкам? Ответ очевиден — позицией РПЦ. Прокуратура, прекратив дело, сообщила о необходимости захоронения останков вместе с остальными членами царской семьи. Однако Президент РФ, Правительство РФ, Патриарх РПЦ хранят по этому поводу молчание.

Так случилось, что Русская православная церковь легко распростилась с помазанником Божьим после его отречения от престола и начала восхвалять Временное правительство. А после убийства царской семьи РПЦ заняла позицию, предложенную следователем Соколовым, который трупов не нашел, но сделал вывод, что они были уничтожены в шахте Четырехбратского рудника. Мы опровергли это утверждение Соколова и нашли спрятанные останки Романовых. Тем не менее и сейчас, несмотря на весомость доказательств, собранных в ходе расследования, некоторые влиятельные лица, в том числе и Патриархия РПЦ, придерживаются ошибочной, официально опровергнутой версии Соколова.

Как бы там ни было, но следствие по уголовному делу об убийстве царской семьи закончено, обстоятельства его выявлены, убийцы установлены. И это факты, которые нельзя опровергнуть! Русская православная церковь до сих пор не выдвинула ни одного состоятельного контраргумента, ни серьезных аргументов для поддержания своей собственной позиции по вопросу о царских останках. Теперь дело за общественностью. Только ее четко заявленная позиция по отношению к указанной проблеме может переломить ситуацию.

А.В. ГРОМОВА

Москва

ВЕЛИКИЕ ПРОСЛАВЛЕНИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

Среди событий текущего года, посвященных 400-летию дома Романовых, особое место заняли «Царские дни» в Екатеринбурге на месте мученической смерти царственных страстотерпцев, а также погибших в Перми и Алапаевске великих князей и князей императорской крови. В своем обращении к 40 000 паломников, собравшихся в ночь с 16 на 17 июля в Храме-на-Крови, перед началом божественной литургии митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл особо отметил среди других значимых деяний императора Николая II прославление русских святых и особое почитание царской семьей сибирских святителей.

Трудами Елисаветинско-Сергиевского просветительского общества в день святого праведного Иова многострадального, небесного покровителя императора Николая II, была организована и 18 мая 2013 года открыта выставка «В память вечную будет праведник. Великие прославления русских святых в царствование императора Николая II». Задача выставки: привлечь внимание широкой общественности, особенно студенческой молодежи, к изучению истории Отечества и Православной церкви, показать на примере деяний последнего императора, житий и подвига прославленных им 11 русских святых истинный пример служения Богу и ближнему. Выставка составлена с привлечением уникальных предметов церковного искусства, редких паломнических реликвий, подлинных документов и материалов эпохи прославлений из частных коллекций.

Царствование императора Николая II ознаменовалось многими выдающимися достижениями, быстрыми темпами развивалась экономика, совершенствовалось законодательство, в пору подлинного расцвета вступили наука и культура. Предметом особых забот государя была церковная жизнь Российской империи. Одной из важнейших сфер духовной жизни, бесспорно, являлась канонизация святых, которая совершалась по представлению Святейшего синода и рескрипту императора.

В допетровской Руси прославления происходили на церковных соборах, среди которых следует особо упомянуть Макарьевские

соборы 1547 и 1549 годов, когда, по исследованию историка Е.Е. Голубинского, было прославлено в лике святых соответственно 14 (по некоторым спискам 11) общецерковных святых и девять местночтимых, Собором 1549 года канонизировано 16 святых. За весь синодальный период, начиная с петровских времен и до коронации государя (с 1721 до 1896 года), канонизировано всего пять святых. А за 20 лет правления государя Николая II, с 1896 по 1916 год, прославлено 11 русских святых /1/.

Всех прославленных во время царствования Николая II святых объединяет попечение об укреплении веры и государственности, ограждение православия от иноверия и ереси, создание на государственных границах новых монастырей и храмов — центров православного просвещения и православного миссионерства. Часто государь выступал инициатором канонизации раньше, чем Святейший синод. Император проявил особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского.

Весьма интересно отметить, что начало почитания большей части прославляемых святых было положено в царствование первых Романовых, при личном участии царя Алексея Михайловича. Так, 12 июня 1650 года в присутствии государя и его семьи было совершено торжественное, по специально составленной службе перенесение мощей благоверной великой княгини Анны Кашинской из ветхого деревянного Успенского собора в каменный Воскресенский собор. Затем по обету Алексея Михайловича и на его средства построен новый каменный Успенский храм с приделом «во имя преподобной и благоверной великой княгини Анны» /2/.

В 1652 году были перенесены из Чудова монастыря в Успенский собор Московского кремля мощи патриарха Гермогена, в 1653 году обреты нетленными мощи преподобномученика Евфросина Синозерского, убитого поляками в 1612 году (тогда же на вклад царя Алексея Михайловича, который издал указ о средствах содержания Синозерской пустыни, сделана деревянная рака с резным изображением преподобного), а в 1659 году, через восемь лет после представления, открыты мощи преподобного Иова Почаевского.

Местное почитание этих святых получило свое продолжение в царствование императора Николая II.

Зачастую жизненный путь прославленных святых напрямую зависел от воли монарха и священноначалия на самом высоком церковном уровне. Особый интерес для понимания взаимоотношений церковной и светской власти представляет обращение

святого праведного Иова Почаевского к царю Федору Ивановичу. Духовно-доверительный и одновременно достаточно противоречивый характер носит отношение Петра I к святителю Иоанну (Максимовичу). Судьбу святителя Иоасафа Белгородского определила императрица Елизавета Петровна. Благодаря сугубому благочестию и ревности к святыням настоятель Вяземского Иоанно-Предтеченского монастыря, будущий святитель Питирим Тамбовский был замечен патриархом Иоакимом. Священномученик Гермоген, первый прославленный в лике святых патриарх, в Смутное время принял на себя великий молитвенный подвиг о спасении Отечества, сохранил историческую преемственность царской власти от Юриковичей к Романовым.

Первым в 1896 году был прославлен святитель Феодосий Черниговский, а последним святым, канонизированным во время царствования Николая II в 1916 году, стал святитель Иоанн, митрополит Тобольский и Сибирский. Промыслительно, что оба эти святителя подвизались в середине XVII века на южных границах государства, где укреплялся Киево-Печерский монастырь.

В 1664 году святитель Феодосий Черниговский стал настоятелем Киево-Выдубицкого монастыря, незадолго перед тем совершенно разоренного униатами. Он восстановил его и организовал уникальный хор, певчие которого славились не только в Киеве, но и в Москве. Благодаря решающему голосу святителя в 1685 году митрополитом Киевским был избран епископ Гедеон (Четвертинский), это событие восстановило единство Киевской митрополии с Русской православной церковью. В 1688 году игумена Феодосия назначили архимандритом опустошенного иезуитами и доминиканцами Елецкого Успенского монастыря. 11 сентября 1692 года в присутствии государей Иоанна и Петра Алексеевичей он был торжественно хиротонисан в Успенском соборе Московского Кремля во епископа Черниговского с возведением в сан архиепископа.

Святитель обратил особое внимание на пробуждение и поддержание духа истинно христианского благочестия среди своих пасомых. Для этого он заботился о сохранении старых и устройении новых монастырей и храмов. В 1694 году по его благословению были основаны Печеницкая женская обитель и Любецкий скит. В том же году он освятил в Домницком монастыре вновь сооруженный храм Рождества Пресвятой Богородицы. В 1695 году освятил Троицкий собор, построенный на вершине Болдиной горы, близ Ильинского монастыря, который стал кафедральным собором Черниговской епархии. Во время управления им Черниговской епархией заме-

чались особым подъем и усиление иночества. Большое внимание святитель уделял духовенству, был строг и разборчив при выборе кандидатов на священнические места.

Он покровительствовал черниговским духовным школам, приглашая из Киева ученых монахов, среди которых был Иоанн (Максимович), будущий митрополит Тобольский и всея Сибири. Вскоре Иоанн стал деятельным помощником и преемником святителя Феодосия в устройстве духовных школ /3/.

В 1897 году было установлено местное празднование священномученика Исидора и с ним 72 мучеников, в Юрьеве Лифляндском от католиков пострадавших. Священномученик Исидор служил священником Никольского храма в городе Юрьеве (ныне Тарту в Эстонии). 6 января 1472 года сразу по окончании литургии священник Исидор с внушительной толпой прихожан отправился крестным ходом на реку для совершения обряда освящения воды. Во время прохождения шествия по городу местный ливонский гарнизон получил от католического епископа города приказ арестовать священника. После ареста он успел снести с оставшимися на свободе прихожанами, которые принесли ему запасные дары, и причастил всех находившихся с ним прихожан, уговорив их не сопротивляться приговору. 8 января всех арестованных привели на реку Омовжу, покрытую льдом, и бросили в прорубь. Казнь последовала за проповедь православия среди местного эстонского населения.

Инициатором канонизации священномученика выступил митрополит Макарий, об этом говорит священноинок Варлаам, редактор подробного жития Исидора. Готовившаяся канонизация была прервана смертью Макария в декабре 1563 года /4/.

Почитание преподобного Иова Почаевского было подтверждено в самом начале XX века. Он жил в тяжелые для православия времена Люблинской унии. Родился в 1550 году в Галиции и назывался в миру Иоанн Железо. Десятилетним отроком поступил в Угорницкий монастырь, а в 12 лет был пострижен в мантию с именем Иова. Жажда подвижнического уединенного жития заставила его перейти на святую гору Почаевскую, где его избрали настоятелем. Иов воздвиг Свято-Троицкий собор и еще шесть меньших церквей, построил Почаевскую типографию.

Особое значение преподобный придавал просвещению, распространению книг среди православного народа. С этой целью он завел в своем монастыре искусных переводчиков и писцов, и даже сам, по свидетельству его житиеписателя, «писанием тако-

вых книг упражняешься». Ибо книги и проповеди были в то время единственной опорой для православных против латино-польских притязаний. Новые возможности для православного просвещения открыло издание славянской Острожской Библии, этого величайшего памятника XVI века, созданного трудами преподобного Иова Почаевского. В 1620 году он принимал участие в Киевском соборе, осудившем унию и постановившем твердо стоять за православие. В 1889 году под заглавием «Почаевская Пчела» была издана одна из его книг.

В начале XX века архимандрит Виталий (Максименко) возобновил работу типографии преподобного Иова, а после русской революции вывез ее за границу, и ныне она продолжает действовать в Америке, в Свято-Троицком монастыре.

Особое место среди канонизированных занимает святая благоверная княгиня Анна Кашинская, общецерковное почитание которой было восстановлено по просьбе кашинских жителей 12 июня 1909 года. В 1294 году она сочеталась браком с тверским, а впоследствии великим князем Михаилом Ярославичем, племянником святого благоверного князя Александра Невского. По кончине своего супруга, сыновей и внука, замученных в Орде, княгиня приняла монашеский постриг, переселилась в город Кашин и здесь приняла схиму с именем Анны. В течение своей жизни «многоскорбная княгиня», как называли ее современники, была образцом христианской супруги и матери. Отличаясь христианскою любовью к бедным и обездоленным, перенося испытания, она снискала настолько благоговейную память потомков, что жители Кашина приписывали ее заступничеству избавление их от разорения врагов, неоднократно приступавших к городу и не имевших сил взять его.

В 1910 году в Богородицкий мужской монастырь города Полоцка были перенесены мощи преподобной Евфросинии Полоцкой. Эта святая была праправнучкой святого равноапостольного князя Владимира и дочерью Полоцкого князя Георгия Всеславича. С детских лет она овладела грамотой, читала Псалтирь, Священное Писание и другие духовные книги, уже в детстве стяжала «плод молитвы». По благословению Полоцкого епископа Илии Евфросиния удалилась в затвор, поселившись в «голубце» — особой келье при Софийском соборе Полоцка. Около 1128 года она стала жить при церкви Преображения, чтобы основать женский монастырь. Сестер обители Евфросиния «с радостью и прилежанием» обучала грамоте. «Аз веселым сердцем подвигаюся учить», —

говорила она. В обители Евфросиния создала женскую школу, одну из первых на Руси.

В 1161 году усердием преподобной был воздвигнут каменный Спасо-Преображенский собор — одна из жемчужин древнерусского зодчества. В этот храм преподобная пожертвовала напрестольный крест, украшенный золотом, с частицами мощей многих святых, а также с частью Животворящего Креста Господня. Этот крест, утраченный и воссозданный в Белорусской православной церкви, почитается как одна из прославленных святынь, уникальный образец прикладного церковного искусства домонгольской Руси. Она основала также Богородицкий мужской монастырь, построила в нем каменную церковь в честь Пресвятой Богородицы, украсила ее иконами и передала инокам. В 1173 году преподобная Евфросинья совершила паломничество на Святую Землю и стала первой дарительницей в череде русских именитых жен, пожертвовав драгоценную кадильницу ко Гробу Господню /5/.

Святителя Иоасафа Белгородского (1705—1754), канонизированного в 1911 году, современники называли русским Николаем-чудотворцем. В деятельности святителя Иоасафа ясно вырисовывается пламенная ревность к насаждению в сердцах пасомых веры в Бога, требование строгого исполнения всеми служебного долга, чистая, святая евангельская любовь к Богу, людям и миру, беспримерное милосердие к ближним, и все это среди распространенных неверия, невежества и распущенности. Тайна архипастырского воздействия святителя Иоасафа заключалась в его живой, глубокой и непреклонной вере, а главным образом, в подвигах его личной жизни. Он не оставил ни одной церкви в своей области без личного осмотра. Его редко можно было застать в архиерейских покоях. Большую часть времени он проводил в разъездах по епархии, на экзаменах и беседах в Харьковском коллегииуме, на службе в храмах Божьих, на рынке за покупкой дров для неимущих, одежды и провизии для бедствующих /6/.

Святитель Питирим Тамбовский, канонизированный в 1914 году, был просветителем коренных народов Сибири, ссыльных и каторжных, подобно святителю Иоанну Тобольскому. Поставленный на Тамбовскую кафедру, будущий святитель Питирим столкнулся с неустроенностью и нищетой церковных дел, к тому же епархия остро нуждалась в пастырях. Он занялся строительством и благоустройством церквей и монастырей, устройством архиерейского дома. Ему предстояло укрепить православную веру в Тамбове и всей епархии. Он лично обращал язычников, все вос-

кресные праздничные богослужения совершал сам, а на будничных службах становился на клирос, учил пению и чтению вновь пришедших, читал шестопсалмие и часы, пел вместе с хором, при этом ни на один день не оставлял своего келейного правила. Епископ учредил, по вяземским обычаям, торжественные крестные ходы, а также освятил входы и выходы в город святыми иконами, препоручая град и всю епархию заступлению Господа и Божьей Матери.

Святитель Питирим усердно проповедовал за богослужениями, чем привлекал немало людей, жаждущих живого слова назидания. Этому же учил он и духовенство. Епископ пошел к отверженным, преступникам, неисправимым людям в Пяшкельскую слободу близ Тамбова. Частые его посещения и беседы обратили жителей слободы ко Христу. Близ Тамбова святитель воздвиг монастырь во имя Иоанна Предтечи, избрав место для его основания вместе со святителем Воронежским Митрофаном. В лесу, близ монастыря, он вырыл колодец, вода которого возымела благодатные, целительные свойства. Наибольшие труды святитель-подвижник понес при постройке в Тамбове благолепного Преображенского каменного кафедрального собора. Он был и архитектором, и рабочим: носил кирпичи, подвозил глину, занимался любой строительной работой.

Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири, прославленный в 1916 году, в бытность простым монахом был приглашен Феодосием Черниговским для устройства духовных школ в Чернигове. В 1695 году Иоанна назначили настоятелем Елецкого Успенского монастыря, затем, после кончины святого Феодосия, он занял Черниговскую кафедру. В 1700 году святитель Иоанн основал в Чернигове коллегию (славяно-латинскую школу), которая, по его замыслу, должна была стать подготовительным училищем для Киево-Могилянской коллегии. В коллегию принимали детей из семей не только духовенства, но и дворян, мещан и казаков. Святитель Иоанн в своих сочинениях называл Черниговскую коллегию «новыми Афинами» и «черниговским Геликоном», современники дали ей прозвания «Коллегия Максимовическая» и «Олимп черниговский Максимовический». Позднее по образцу Черниговской коллегии стали возникать духовные школы в других украинских и русских епархиях.

С деятельностью коллегии была тесно связана работа руководимой святителем Иоанном типографии в Болдинском во имя святой Троицы и пророка Божия Илии мужском монастыре, где печатались богослужебные книги, учебные пособия, его собственные

труды и произведения других духовных писателей, панегирические сочинения, переводы с латыни. Святитель Иоанн и сегодня широко известен своими 12 опубликованными богословскими трудами и богатым рукописным наследием, многогранной просветительской деятельностью, востребован православным читателем. Служа на Тобольской кафедре (1712–1715 годы), он обратил в христианство одного из «князьков кошитских юрт», исповедовавшего ислам, направил к его двору священника и крестил более 300 его подданных; отправил в Китай первую Пекинскую духовную миссию /7/.

По благословению Святейшего синода 29 июня 1912 года был официально причислен к лику святых преподобномучеников и чудотворцев Новгородских преподобный Евфросин Синозерский, от поляков убиенный. Отшельник и молчальник, он подвизался в конце XVI века в обители с храмом Благовещения Пресвятой Богородицы на берегу Синичья озера, близ реки Чагодоши, и был убит поляками за исповедание православной веры 2 апреля 1612 года /8/.

В череде великих прославлений особая забота о скорейшей канонизации преподобного Серафима Саровского была проявлена императором Николаем II. Святитель Иоанн Кронштадтский, императрица Александра Федоровна стали непосредственными инициаторами прославления.

Государь лично принял участие в торжествах прославления святого старца. Преподобный Серафим (в миру Прохор Исидорович Мошнин, 1759–1833) — один из величайших русских святых, аскет и отшельник, прославившийся исцелениями и духовной проповедью среди простых людей. Еще при земной жизни преподобного тысячи верующих по его молитвам получали помощь от Господа, почитали его за угодника Божия. После святой кончины по молитвам к Серафиму Саровскому совершались многочисленные чудотворения. Могила преподобного, источник, водой которого он исцелял недужных, Саровская пустынь, Дивеевский монастырь стали местами паломничества.

Подготовка к канонизации Серафима Саровского началась еще в конце XIX века. Однако дело прославления затянулось. Понадобилось личное вмешательство государя (Серафима Саровского издавна почитали в царской семье): он обратился к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву с просьбой подготовить указ о прославлении ко дню празднования памяти старца Серафима.

В июле 1902 года императрица Александра Федоровна направила в Саровскую пустынь дары: лампаду и церковные облачения. Лампаду, пожертвованную государыней, зажгли перед иконой «Умиление», установленной в Успенском соборе. Это был список с образа, перед которым скончался Серафим Саровский. Государыня просила служить молебн о здравии Их Величеств. Эти молебны стали отправляться ежедневно в часовне над могилой святого старца. По просьбе государя архимандрит Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Серафим (Чичагов) доставил царственный дар — лампаду — и в Дивеевский монастырь. Архимандрит Серафим и прокурор Московской синодальной конторы князь А.А. Ширинский-Шихматов по высочайшему повелению приняли руководство для подготовки всех торжественных мероприятий.

В короткий срок была проделана огромная работа в связи с предстоящими торжествами: пущены специальные «богомольческие» поезда, организовано снабжение паломников, медицинское обслуживание, построены гостиницы, приняты меры к сохранению порядка. «Церемониал торжественного открытия Святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца» был распisan по дням и часам. Для участия в торжествах в Саров прибыли более 500 представителей духовенства, около 300 000 паломников.

К сожалению, усложняющаяся внутриполитическая обстановка и постоянная занятость не позволили императору Николаю II присутствовать на других канонизациях. Особое значение, которое он придавал торжествам прославления, показывают его многочисленные приветственные телеграммы участникам и организаторам торжеств со словами духовной радости, дальновидными и значимыми для истории России оценками и пожеланиями.

Великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Константин Константинович с сыновьями принимали активное участие в прославлениях преподобного Серафима Саровского, святой благоверной княгини Анны Кашинской, преподобной Евфросинии Полоцкой, святителя Иоасафа Белгородского, священномученика патриарха Гермогена. Елизавета Федоровна более 30 лет посещала российские святыни в самых отдаленных уголках империи от Соловков до Верхотурья как августейшая посланница православного монарха.

К началу XX века были отработаны правила, последовательность и регламент проведения торжеств, заранее разрабатывались программы, создавались особые организационные комиссии.

Благодаря объединенным усилиям властей и Святейшего синода в местах прославлений удавалось принять от 20 000 до 300 000 паломников одновременно.

Так, на торжества прославления святителя Иоасафа в Белгород стеклось до 200 000 паломников. С 1 сентября в четырех храмах Белгорода во внебогослужбное время паломникам предлагались беседы: катехизические, патриотические, противосектантские и отчасти противораскольнические.

Жажда и ревность подвига веры и благочестия во имя святителя Иоасафа особенно ярко выражались массами паломников во время стояния в очереди у врат и в ограде белгородского Свято-Троицкого монастыря. Кафедральный храм святителя Иоасафа не мог вместить более 500–600 человек, а пещерка святителя — более 40–50 человек. В преддверии же и в дни торжеств ежедневно прикладывались к мощам святителя Иоасафа по 16 000–20 000 паломников и даже более.

Несмотря на огромное стечение народа, белгородские торжества прошли с соблюдением образцового порядка. Для паломников было устроено шесть барачков, 2000 палаток, столовые, чайные, пять амбулаторных пунктов, много водопроводных кранов... Лагерь богомольцев посещала Ее Императорское Высочество великая княгиня Елизавета Федоровна и тем доставила им великую радость.

Еще несколько слов хочется добавить о торжествах прославления святой благоверной Анны Кашинской и перенесении мощей святой преподобной княгини Евфросинии Полоцкой. Современников впечатляла многочисленность, красота и торжественность крестных ходов, прибывших в Кашин и Полоцк сложным водным путем. При следовании мощей преподобной из Дальних пещер Киево-Печерской лавры торжественную паломническую процессию приняла на Днепре целая флотилия судов. Ослепительно белый пароход, украшенный зеленью и цветами, увозил раку со святыми мощами преподобной. Еще три парохода сопровождали святыню. Плавание по Днепру продолжалось 12 дней с остановками в Любече, Речице, Рогачеве, Быхове, Могилеве и Орше. Во всех местах остановки флотилии совершались торжественные богослужения, на носу парохода была сооружена часовня с зеркальными окнами. На берегах, у самой воды, паломники разжигали костры, стояли со свечами. Дни шествия великой славянской святыни по водам Днепра стали поистине днями общей молитвы, торжеством славянского единства.

От Орши святыню с крестным ходом понесли в Витебск, а затем в Полоцк. Полоцкие торжества длились три дня. Прибыли высокие гости, обер-прокурор Синода, высшие иерархи Юго-Западного края, наместники и игумены ближних и дальних монастырей и десятки тысяч паломников. Мощи преподобной были положены в раку, сооруженную на пожертвования всего края. Но самым значительным и торжественным стало возвращение святых мощей преподобной Евфросинии в родную обитель.

Во время крестного хода в процессии следовали королева эллинов Ольга Константиновна, великий князь Константин Константинович, великая княгиня Елизавета Федоровна. Раку внесли в монастырский собор, а на следующий день — в Спасский храм, основанный самой преподобной.

Не менее впечатляющими были Кашинские торжества. Богомольцы все прибывали: день ото дня росла и ширилась волна народной веры, народного усердия.

«Добро пожаловать» — крупно начертал Кашин на красиво убранной триумфальной арке, устроенной при въезде в город от вокзала. Вниманием и распорядительностью духовного и гражданского начальства, усердием и любовью местного духовенства и граждан приготовлены бесплатные помещения приезжему духовенству, приглашенным почетным гостям, хоругвеносцам, бедному люду. Для последнего не только удешевлен проезд по усилившей свою провозоспособность железной дороге, но и устроены временные навесы и бараки для бесплатного ночлега, сделаны большие запасы хлеба по доступной всем цене (3–2 копейки за фунт), имеется даровой кипяток и чай, бесплатная лечебница с целым штатом врачей.

11 июня 1909 года, в половине двенадцатого в город при чудной погоде под звон колоколов вошел самый большой из крестных ходов — Тверской; его составляли, кроме тверских, хоругвеносцы со святынями, духовенство и представители из Осташкова, Корчевы, Кимр, Калязина, Клина, Арзамаса и нескольких поволжских сел; многотысячная толпа богомольцев сопровождала святыни.

Означенный крестный ход, сопровождаемый на пароход епископом Старицким Алипием, от Твери до Калязина плыл по Волге на пароходе, а от Калязина, подобно Бежецкому и Краснохолмскому крестным ходам, все 20 верст шел пешим путем. Плавное, величественно он двигался к Воскресенскому собору. Яркое полуденное солнце отражалось золотыми лучами на дорогах ризах икон святых благоверных Михаила Тверского и Анны Кашинской, играло

в качающихся золоченых хоругвях, образовавших целый лес вдоль процессии...» /2/.

Всего в торжествах прославления святой благоверной княгини Анны Кашинской приняли участие более 100 000 паломников.

Русская православная церковь и патриотически настроенная общественность в 2013 году широко отмечают 100-летие прославления патриарха Гермогена в лике святых, произошедшего в 1913 году в Москве. Современники называли эти торжества незабываемыми.

Именно святой патриарх Гермоген в 1579 году, через 27 лет после покорения Казани первым русским царем, будучи еще священником Ермолаем, принял в свои руки как благословение из Казанского пожарища чудотворную икону Божьей Матери Казанской, привез ее в Москву и представил царю первое краткое сказание о явлении чудотворной иконы и первый с нее список.

Эта чудотворная икона спасала наше Отечество в самые тяжелые моменты истории. В 1612 году она стала главной святыней ополчения Минина и Пожарского. Победа Петра Первого над шведами под Полтавой в 1709 году тоже была одержана с этой иконой. М.И. Кутузов в 1812 году молился образу в Казанском соборе Санкт-Петербурга перед отъездом в действующую армию. В годы Великой Отечественной войны о даровании победы русскому воинству просил Божью мать митрополит Гор Ливанских Илия. С Казанской церкви началось Дивеево; главные соборы Оптиной пустыни и Шамордино, десятки других монастырей и тысячи храмов посвящены этому образу.

В 1587 году при царе Федоре Ивановиче казанский священник Ермолай принял иночество с именем Гермоген. В 1589 году он был поставлен патриархом Иовом первым митрополитом Казанским. В течение 17 лет пребывания на митрополичьей кафедре святитель Гермоген мужественно и последовательно защищал православие, перенес жестокие гонения и ссылку от Лжедмитрия I за непоколебимое исповедание веры. С 1706 года уже с патриаршего престола святитель Гермоген поддерживал помазанника Божьего, законного царя Василия Ивановича Шуйского. Среди Смуты и «междоусобия» он первым назвал будущего основателя новой династии — благочестивую ветвь рода бояр Романовых, отрока Михаила Федоровича.

Патриарх Гермоген вел активную миссионерскую деятельность, боролся против влияния римско-католической церкви, способствовал восстановлению древних церковных служб. Он написал «Послание наказательно <...> о исправлении церковного пения», в котором выступал против развития в церковном пении тенденции

к многоголосию, а также следующие сочинения: «Повесть (сказание) о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери», «Повести о житии Петра и Февронии, муромских чудотворцев», «Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев», «Слово об обретенной мощей митрополита Алексея» и многие другие.

Известны и грамоты святителя Гермогена: грамота патриарху Иову с прошением разрешить совершать в пределах Казанской митрополии поминовение русских воинов, погибших под Казанью в 1552 году; «Богомольная» грамота митрополиту Филарету о молебне во всех церквях по случаю войны царя В.И. Шуйского со сторонниками Лжедмитрия II, укрепившимися в селе Коломенском, от 29 ноября 1606 года. Предположительно известны еще 11 грамот патриарха Гермогена, включая «грамоту в Нижний Новгород, Казань и другие города против поставления русским царем сына Марины Мнишек — 20-е числа августа 1611 г.».

Гермоген был образованным богословом, искусно слагал речи (известны его речи, обращенные к царю Василию Шуйскому, в частности «Речь при венчании на царство В.И. Шуйского» 1606 года).

С церковной деятельностью Гермогена связана и его издательская деятельность. По инициативе патриарха в правление Шуйского для типографии построили «превеликий» дом и для печатания книг сделали новую «штанбу» (все это сгорело во время московского пожара 1611 года). Печатаением книг при Гермогене в 1606–1610 годах занимались О.М. Радишевский, Иван Андроников Невежин, Аникита Федоров Фофанов /9/.

Прославление в лике святых Патриарха Московского Гермогена имело особое значение для современников. По словам священномученика протоиерея Иоанна Восторгова: «<...> триста лет Москва не знала прославления святого. Ток чудес милости Божией как бы обходил ее, по грехам нашим. Чернигов, Саров, Кашин, Полоцк, Белгород — и вот, наконец, и первопрестольный град наш вспоманут в очах Божиих».

Великие московские торжества прославления патриарха Гермогена в лике святых проходили в три этапа. Начались торжества празднованием 17 февраля 1912 года 300-летия мученической кончины святителя. Продолжились 10–13 мая 1913 года всероссийским прославлением святого и завершились 10–12 мая 1914 года торжественным открытием святых мощей и переложением их в новую раку.

Епископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) вспоминал события по случаю 300-летия мученической кончины

патриарха в Москве: «Торжество началось парастасом в Успенском соборе. <...> С этого священного амвона <...> раздавалось грозное слово патриарха Гермогена, обличавшее изменников православной вере и Отечеству. <...>

На другой день богослужение началось крестным ходом из Казанского собора в Успенский с чудотворною иконою Богоматери Казанской, которую некогда изъял из земных недр святитель Гермоген в Казани. Она и поставлена была над его гробницей. В 6 часов вечера совершены всенощные бдения во всех церквях столицы, а на другой день — архиерейские служения в Успенском соборе, в Чудовом монастыре. В 7 часов вечера в Епархиальном доме открылось торжественное собрание в память великого Патриарха. Особенно сильное впечатление произвело чтение грамоты патриарха Гермогена тушинцам-изменникам и гимн святителю-страдальцу. <...> Русь XX века оглянулась на свое далекое прошлое XVII века, увидела там, в ряду героев веры и патриотизма, великого мужа, явившегося вождем этих героев, возбранным воеводою в святом деле спасения Руси в тяжкую годину смуты и междуцарствия. Увидела современная нам Русь этого исполина духа и — поклонилась ему...» /10/.

За 20 лет великих прославлений не только установился порядок и регламент торжеств, но и сложилась благочестивая традиция принесения памятных подарков, ценных вкладов, уникальных предметов церковного убранства. На торжествах прославления патриарха Гермогена для переложения мощей святителя в новую раку 10—13 мая 1914 года были организованы специальные празднества. Император Николай II пожертвовал предметы нового облачения для мощей патриарха и раку из серебра. Проект всех работ выполнялся при участии В.М. Васнецова художником С.И. Вашковым и князем М.С.Путятыным.

Новая рака для мощей святителя Гермогена была создана по подобию гробниц Киевской Руси. При оформлении использовались жемчуга, топазы и аметисты. За образец для чеканки по серебру был взят рисунок с панагии, принадлежавшей святителю Гермогену. На крышке раки размещалась его икона, выполненная эмалью. Вдоль крышки шла крупная золотая вязь — текст тропаря. Поместив на раке камни высокой твердости, строители вкладывали в это символическое значение: украшалась духовная драгоценность, мощи «адаманта веры», негибачего подвижника и патриота /10/.

Неоценим вклад великих прославлений русских святых в укрепление устоев российской государственности и православ-

ной веры, утверждение духовных и патриотических основ общества, традиционных ценностей и христианской нравственности. Молитвенное предстательство и жизненный подвиг служения Богу и ближнему, труды на благо Отечества прославленных святых имели огромное значение для возрождения «золотого века» династии Романовых — допетровской симфонии государства, народа и Церкви, для развития православного просвещения, культуры и искусства в Российской империи времен царствования Николая II.

Незримая связь существует между прославленными святыми и царственными страстотерпцами. Судя по иконам и предметам личного благочестия, найденным в Ипатьевском доме, царская семья обращалась с сугубой молитвой к предстателю Сибирской земли и их уральской голгофы святителю Иоанну Тобольскому. Вспомним же последний труд святителя, его книгу «Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной волей» /11/, и согласимся с тем, что императору Николаю II удалось мужественным и боголюбивым сердцем постичь эту Божественную премудрость.

Так пожелаем же себе словами телеграммы Его Величества Государя Императора, отправленной во время Кашинских торжеств: «Да возродятся и в будущем <...> новые поколения истинно достойных своих предков сынов России. Николай» /12/.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голубинский, Е.Е. *История канонизации святых в Русской Церкви* / Е.Е. Голубинский // *Богословский вестник*. — 1894. — Т. 3. — № 8. — С. 188—190, 191.

2. *Паломничество Великой Княгини Елисаветы Феодоровны в Тверскую губернию на прославление св. блгв. Княгини Анны Кашинской*. — Нижний Новгород: Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2011. — С. 1—6.

3. Тарасенко, А.Ф. *Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский* / А.Ф. Тарасенко. — Дубно, 2005.

4. Фетисов, И.И. *К литературной истории повести о мученике Исидоре Юрьевском* / И. И. Фетисов // *Сб. ст. в честь акад. А.И. Соболевского*. (Сб. отд. русского языка и словесности (СОРЯС) АН СССР. Т. 101. № 3). — Л., 1928. — С. 219; Рогов, А.И. «Повесть об Исидоре Юрьевском» как исторический источник и памятник русской публицистики периода Ливонской войны / А.И. Рогов // *Славяно-германские культурные связи и отношения*. — М.: Наука, 1969. — С. 322, 327; *Акты Западной России (АЗР)*. *Русско-ливонский*

- договор 1481 года. 1848. Т. 1. — № 75. — С. 97; Казакова, Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» / Н.А. Казакова // *Тр. Отдела древнерус. лит. Ин-та рус. лит.*, 1970. — Т. XXV. — С. 63.
5. *Полоцкое радование*. — Полоцк, 2010.
 6. *Белгородский чудотворец*. — М., 1997.
 7. *Житие святителя Иоанна, митрополита Тобольского*. — М., 1916; Фомин, С.В. *Последний Царский Святой* / С.В. Фомин — М., 2003.
 8. *Преподобномученик Евфросин Синозерский* // Сб. ст. к 400-летию со дня преставления прмч. Евфросина Синозерского. — СПб., 2012; Хрусталеv, М.Ю. *Житие преподобного Евфросина Синозерского* // *Чагода: ист.-краев. альманах* / М.Ю. Хрусталеv — Вологда: Ардвисура, 1999. — Вып. 1.
 9. Дробленкова, Н.Ф. *Гермоген* // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Н.Ф. Дробленкова. — Л., 1988. — Вып. 2. — С. 153–163.
 10. *Патриарх Ермоген. Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление*. — М., 1997.
 11. *Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский и всея Сибири. Илиотропион, или Сообразование человеческой воли с Божественной волей*. — М., 2012.
 12. *Паломничество Великой Княгини...* — С. 93.

А.Д. КИРИЛЛОВ

Екатеринбург

ДОМ ИПАТЬЕВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В этом юбилейном году 400-летия дома Романовых в нашем регионе проходит много значимых мероприятий. В Екатеринбурге, Перми, Тюмени, Тобольске, Челябинске открыты выставки, выходят печатные труды, посвященные романовской теме. Это и понятно: три российских императора (Александр I, Александр II, Николай II) и десяток великих князей в разные годы XIX – начала XX века посетили Урал и Сибирь.

Особое место в истории того же Екатеринбурга занимает легендарный дом Ипатьева — последнее пристанище последнего императора России Николая II. В самой вековой (1877–1977) биографии дома прослеживаются все общественные перипетии своего времени. И здесь надо сказать доброе слово о биографе-летописце Ипатьевского особняка екатеринбургском краеведе Виталии Васильевиче Шитове. Именно он взял на себя благородный труд подготовить к печати уникальное издание — книгу-альбом «Дом Ипатьева. Летописная хроника: 1877–1977» (итог работы нескольких десятилетий), подробно проследив все этапы строительства, существования и гибели этого исторического здания, имевшего мировое духовно-культурологическое значение для многих поколений.

Цареубийство 1918 года — главное событие в биографии дома. И хотя основные факты екатеринбургской трагедии широко известны, заинтересованный и вдумчивый читатель найдет в этом издании достаточно много не отмеченных до сих пор подробностей и фактов, «помогающих яснее увидеть и вернее оценить историческое и национальное значение цареубийства, в котором мы видим прообраз последовавшего за ним народовубийства» /1/.

В книге Б.Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему» читаем: «Нынче, в эпоху гласности, идет много разговоров о доме Ипатьевых, в подвалах которого были расстреляны бывший царь и его семья.

Возвращение к истокам нашей искореженной, изодранной ложью и конъюнктурой истории — процесс естественный. Страна хочет знать правду о своем прошлом, в том числе и страшную правду.

Трагедия семьи Романовых — это как раз та часть нашей истории, о которой было принято не распространяться. Именно в те годы, когда я находился на посту первого секретаря обкома, дом Ипатьевых был разрушен. Расскажу, как это произошло.

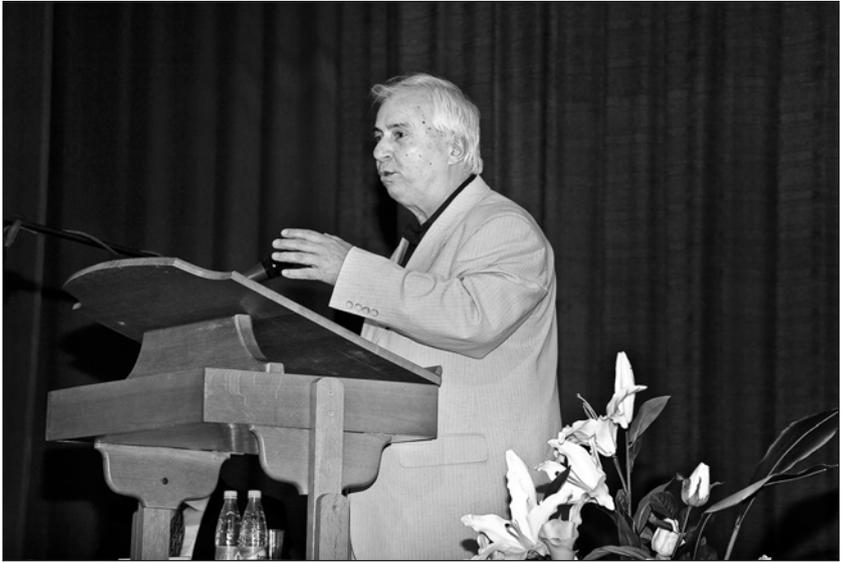

фото М.В. Махленко

*Выступление д-ра ист. наук, проф. А.Д. Кириллова
на пленарном заседании*

К дому, где расстреляли царя, люди ходили всегда, хоть и ничем особенным он сильно от соседних старых зданий не отличался, заселяли его какие-то мелкие конторки, но страшная трагедия, случившаяся здесь в 1918 году, заставляла людей подходить к этому месту, заглядывать в окна, просто молча стоять и смотреть на старый дом. <... >

Я к этому относился совершенно спокойно — поскольку совершенно понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жадой воскресения нового царя.

Здесь были совсем другие мотивы — и любопытство, и сострадание, и дань памяти, обыкновенные человеческие чувства.

Но по каким-то линиям и каналам информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых дошла до Москвы. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее скоро получаю секретный пакет из Москвы.

Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен брать всю ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановле-

нию Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали.

Еще один печальный эпизод эпохи застоя. Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство. Будет стыдно, но ничего исправить уже не удастся».

В 1927 году Н.Н. Ипатьев дал интервью сотруднику пражской чешской газеты «Венков». На вопросы корреспондента он отвечал так:

«Когда Царь и Царица были переведены в мой дом на Вознесенской площади, Царица на раме окна одной из комнат написала, в память своего приезда, дату: “17/30 апр. 1918”.

Мой дом, как его называли — Ипатьевский, был построен в 70-х годах прошлого столетия. И за все это время ни один мертвый не был из него вынесен. Никто в нем не умирал!.. Какая суровая ирония судьбы... Через 50 лет в нем сразу было убито 11 человек. Сразу из него тайно вынесли 11 оскверненных убийцами тел!..»

Свой рассказ инженер Ипатьев закончил замечанием об исключительной случайности, а именно о том, что «триста лет тому назад Михаил Федорович Романов был избран царем в Ипатьевском монастыре Костромской губернии.

А через 305 лет его династия прекратилась после убийства царя Николая II и его сына наследника Алексея в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Начало и гибель династии Романовых, таким образом, связаны с одинаковым именем!..»

Таковы документы времени. Обо всем этом и многом другом можно прочитать в книге-альбоме В. Шитова, которая вышла в Челябинске к дням памяти царской семьи в июле 2013 года в издательстве «Авто Граф» (объем 410 страниц, более 500 иллюстраций, тираж 500 экземпляров).

В недавно опубликованном сборнике «Слово современников Бориса Ельцина» есть два материала об Ипатьевском доме. Как вспоминает Василий Васильевич Гудков (секретарь Свердловского горкома КПСС в 1963—1975 годах, председатель Свердловского горисполкома в 1975—1981 годах): «С момента наступления в нашей стране «эры гласности» до сих пор идут разговоры о сносе особняка инженера Ипатьева. Я много раз рассказывал журналистам о подробностях этого дела, но они каждый раз излагали все по-своему. Создали четвертый фильм на эту тему, однако и в нем мои сведения даны неполно, однобоко.

Постановление политбюро ЦК КПСС, подписанное Брежневым, о сносе дома, в подвале которого в 1918 году была рас-

стреляна царская семья, пришло в Свердловский обком партии в то время, когда первым секретарем обкома был Яков Петрович Рябов. Я тогда работал председателем горсовета. Рябов написал на постановление резолюцию: ознакомить четырех человек, в том числе и меня.

Прочитав документ, я встретился с Яковом Петровичем и сказал ему о том, что не могу, не имею права дать указание о сносе этого здания. И попросил, чтобы такое решение принял облисполком. Мне ответили: нет, такого постановления не будет, достаточно того, что вас ознакомили с партийным документом.

Что еще тут скажешь? Я стал думать, как выполнить, по сути, приказ. Нужно заметить, что ни мои заместители, ни архитекторы города не поддерживали решение политбюро. И тут в городе разгорается общественное мнение протеста. Все наши газеты, а потом и “Советская Россия” выступили против сноса дома Ипатьева. Под этим напором дом объявили памятником архитектуры российского масштаба. Я откровенно обрадовался такому повороту: может, после этого в Москве откажутся от своей затеи. Тем временем Рябова избирают секретарем ЦК партии, он уезжает в столицу, а первым секретарем обкома избирают Ельцина. Я думаю, пришел новый руководитель, его не станут загружать такой проблемой.

Но оказалось, что ошибался. Ельцину позвонили из ЦК: почему не снесите дом Ипатьева? Борис Николаевич вызывает меня к себе: “Вы знакомы с постановлением политбюро?” Да, говорю, знаком. Но как я могу сносить этот дом, если общественное мнение против, “Уральский рабочий”, “Вечерний Свердловск”, даже газета ЦК КПСС “Советская Россия” против. Я не могу идти против всех. Поверните всех в нужное направление.

Поворачивать, конечно, не стали. Пользуясь режимом партийной дисциплины, скомандовали журналистам, и все замолчали.

Ельцин мне говорит: “Вот видите, сейчас никто не пищит”. — “Но есть еще один вопрос, — я отвечаю. — Дом Ипатьева — памятник российского значения. У меня нет никакого права разрешить его снос. Если это случится, меня отдадут под суд и могут посадить за самовольное нарушение закона”. Борис Николаевич согласился, говорит: “Хорошо, что вы задали такой вопрос, я сейчас попробую его решить”.

Он тут же позвонил Соломенцеву. Оказалось, что тот, хотя и был кандидатом в члены политбюро ЦК, ничего о постановлении не знал, видимо, в момент его принятия на заседании политбюро не

присутствовал. Борис Николаевич советует председателю Совета министров РСФСР: “Вы уж разберитесь в вашем доме, чтобы мы не нарушали закон”.

Этот разговор происходил вечером. Утром я прихожу в горсовет, а там у меня на столе лежит постановление Совмина России: дом Ипатьева в Свердловске исключить из состава памятников российского значения. Ну, говорю сам себе, теперь у тебя все концы обрезаны, ссылатся больше не на что. Позвонил Ельцину: “Так что, Борис Николаевич, будем сносить?” Ответ прозвучал коротко: “Обязательно”.

Получилось так, что ни я, ни он не стали свидетелями уничтожения здания. У нас были плановые очередные отпуска. Перед отъездом я вызвал к себе главного архитектора города Геннадия Ивановича Белянкина и наказал ему зафотографировать особняк.

Возможно, придет время, когда потребуется все восстанавливать и будут нужны снимки оригинала.

Время, как видим, пришло, но здание не стали возрождать из пепла, а на том месте воздвигли Храм-на-крови».

А вот что вспоминает Элла Григорьевна Эркомайшвили (бывший корреспондент программы «Время», Всесоюзного радио и телевидения, заслуженный работник культуры РФ): «Свой последний фильм я назвала “Последний свидетель”. Он не о человеке, а об известном доме Ипатьева в Екатеринбурге, где в 1918 году была расстреляна семья бывшего российского императора Николая Второго. Мы разыскали людей, которые, получив приказ, непосредственно разрушали этот дом. Они подробно раскрыли историю сноса и рассказали о чувствах, которые тогда переживали. Тема эта родилась не в одночасье.

Борис Николаевич уже работал в Москве. Узнав, что он приехал в Свердловск, я написала на интервью для эфира. Меня сразу предупредили: “Только с одним вопросом”. И я его спросила: “Борис Николаевич, как все-таки вышло, что столько домов у нас построили, а вот один дом разрушили. Как это было?” Он рассказал ту историю, которая теперь всем известна из его “Исповеди на заданную тему”. А в конце признал: “Я тогда был еще новый, молодой первый секретарь обкома. Да, это был приказ, и я просто не решился послушаться”».

Сейчас Ельцина нередко винят в том, в чем он был и не был виновен. Как-то забывается, что он пришел к власти в России в те годы, когда убеждение «так жить нельзя» было всеобщим, и ему во многом удалось изменить положение. Я думаю, что людей такого

масштаба судить рано. Будущее покажет, насколько были верными его действия и цели.

Кое-кто из местных краеведов по-прежнему обвиняет Ельцина в нарушении исторической среды центра Екатеринбурга. Конкретными доказательствами никто себя не утруждает, мол, были такие факты в период руководства Ельциным Свердловской областью, значит, ему и нести за них ответственность. Между тем уже опубликовано немало пояснений этих фактов. Приведены они и в недавно вышедшей из печати книге Григория Каёты и Анатолия Кириллова «"Первая жизнь" Бориса Ельцина».

В книге мы приводим копию записки председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в ЦК КПСС «О сносе особняка Ипатьева в городе Свердловске», датированной 25 июля 1975 года. Замечу, что в это время первым секретарем обкома работал Я.П. Рябов. «Антисоветскими кругами на Западе, — сообщал председатель КГБ, — периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в г. Свердловске. Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный центр областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать иностранные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расширяться, и дом Ипатьева станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города» /2/.

В своих мемуарах «Я и город» бывший главный архитектор Свердловска Г.И. Белянкин вспоминает, как в то время к нему пришел директор Облгражданпроекта Штучкин и попросил подписать протокол о сносе дома Ипатьева «в порядке реконструкции улицы Карла Либкнехта». Белянкин тогда отказался от своей подписи под таким, как он пишет, «фальшивым документом» /3/. По воспоминаниям Я.П. Рябова, инициативу Андропова в Свердловске никто не одобрил, с возмущением ее восприняли «старые большевики». Было решено «потянуть время» с надеждой, что в Москве либо одумаются, либо забудут /4/.

Однако об этой идеологической проблеме Москва не забыла. Как пишет в своей книге «Прыжок назад» В.М. Манюхин, «в

1978 году пришла директива ЦК о сносе дома в связи с проявлением особого внимания к городу Свердловску как оборонному объекту, тогда закрытому для всех иностранцев <...> И вот несколькими западными странами вносится в повестку очередной, 19-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: “Признать дом Ипатьевых памятником мировой истории”, а следовательно, Свердловск становится открытым для всех иностранцев. Бывший первый секретарь обкома Б.Н. Ельцин посоветовался с членами бюро и председателем горисполкома. Решили потянуть время, а потом, может, и замаять вопрос. Но через месяц Ельцин получает личную записку Л.И. Брежнева о немедленном сносе, так как сроки начала сессии ООН уже приближаются и вопрос включен в повестку дня...» /5/.

Теперь уже, как уверяют свидетели, и сам секретарь ЦК КПСС Я.П. Рябов «настоятельно просил ускорить снос дома. Председателю горисполкома Гудкову дано указание это серьезное политическое мероприятие выполнить, и как можно скорее, чтобы к моменту рассмотрения вопроса в ООН на месте дома было чистое место» /6/.

Любой здравомыслящий человек может войти в положение Ельцина, первого секретаря обкома, члена ЦК КПСС, которому дано поручение политбюро ЦК, — никакой демарш не остановил бы выполнение этого решения.

Вынужденную сопричастность к сносу дома Борис Николаевич переживал все последующие годы и потому с полным одобрением отнесся к решению властей Свердловской области о строительстве на месте расстрела царской семьи Храма-на-Крови. Его он посетил в первый же свой приезд в Екатеринбург после открытия храма.

Показательно и его решение принять участие в церемонии погребения останков царской семьи и их слуг в Петропавловском соборе. Выступая на траурной церемонии, Борис Николаевич сказал:

«Уважаемые соотечественники!

Сегодня для России исторический день. 80 лет минуло со дня убийства последнего российского императора и членов его семьи. Долгие годы мы замалчивали это чудовищное преступление. Но надо сказать правду: расправа в Екатеринбурге стала одной из самых постыдных страниц в нашей истории.

Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков. Виновы те, кто совершил это злодеяние, и те, кто его десятилетиями оправдывал. Виновы все мы. Нельзя лгать себе, объясняя бессмысленную жестокость политическими целями. Расстрел семьи Романовых — результат непримиримого

раскола в российском обществе на «своих» и «чужих». Его последствия сказываются и поныне. Захоронение останков жертв екатеринбургской трагедии — прежде всего акт человеческой справедливости. В нем символ единения народа, искупления общей вины.

Перед исторической памятью народа в ответе мы все, и потому сегодня я не мог сюда не приехать. Как человек и как президент я должен быть здесь. Я склоняю голову перед жертвами безжалостного смертоубийства.

Строя новую Россию, мы должны опираться на ее исторический опыт. С именем Романовых связаны многие славные страницы истории Отечества. Но с этим именем связан и один из ее самых горьких уроков: любые попытки изменить жизнь путем насилия обречены. Мы обязаны завершить век, который стал для России веком крови и беззакония, покаянием и примирением. Независимо от политических взглядов, религиозной и этнической принадлежности. В этом наш исторический шанс. На пороге третьего тысячелетия мы должны сделать это во имя ныне живущих и грядущих поколений. Давайте помянем тех, кто стал безвинными жертвами ненависти и насилия. Пусть земля будет им пухом!»

Эти слова актуальны и сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Казаков, А.Л. *Летопись дома Ипатьева* / А.Л. Казаков // УРФО. — 2013. — № 5–6. — С. 58

2. Каёта, Г., Кириллов А. «Первая жизнь» Бориса Ельцина / Г. Каёта, А. Кириллов — Екатеринбург, 2011. — С. 286.

3. Белянкин, Г.И. *Я и город* / Г.И. Белянкин — Екатеринбург, 2005. — С. 99.

4. Рябов, Я.П. *Мой XX век* / Я.П. Рябов — М., 2000. — С. 38.

5. Манюхин, В.М. *Прыжок назад* / В.М. Манюхин — Екатеринбург, 2002. — С. 124–125.

6. Белянкин, Г.И. *Указ. соч.* — С. 99.

Г.К. ЩУЦКАЯ
Москва

РОМАНОВЫ — ОСНОВАТЕЛИ ПЕРВЫХ МЕМОРИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

В первой половине XIX века в России появляются мемориальные династические музеи.

Первый из них был создан императрицей Елизаветой Александровной в городе Таганроге и посвящен ее супругу — императору Александру I. С чем связано появление этого музея? Для ответа надо вспомнить, как император оказался в Таганроге и что там произошло.

Одной из причин поездки Александра I в Таганрог в 1825 году стала рекомендация врачей, которые считали необходимым пребывание императрицы Елизаветы Алексеевны на юге России. Однако выбор Таганрога был необъясним и вызывал недоумение у современников. Так, графиня Шуазель Гуффье писала: «Трудно понять, каким образом и почему доктора сочли полезным для грудной болезни климат этого города, расположенного на берегу моря и зимой подверженного очень холодным ветрам (*перевод Е.Мирович*)».

Однако некоторые историки считают, что Таганрог сознательно был выбран императором (он посетил этот город в 1818 году) как место для тайного ухода, а болезнь императрицы явилась лишь предлогом для поездки /1/.

Другие историки считают, что Александр I, покидая Петербург осенью 1825 года, еще не принял конкретного решения о тайном уходе от власти именно в Таганроге. Хотя о намерении перестать быть императором и отказаться от бремени правления Александр I высказывался в то время неоднократно и, в частности, в разговоре с братом Николаем Павловичем и его супругой Александрой Федоровной.

Для пребывания императора со свитой подготовили дом на Греческой улице, предназначенный для гостей градоначальника. Последним владельцем дома, построенного в 1806 году, был сотник Николаев, строивший в Таганроге казенные здания по подряду. В 1811 году его дом продали за долги. Новым хозяином стал градоначальник Таганрога генерал-майор А.П. Папков.

К приезду императора Александра I «казенный дом» отремонтировали, после чего это небольшое одноэтажное здание, лишен-

ное всякого архитектурного своеобразия и выходящее углом на две улицы, стали называть «дворцом».

13 сентября 1825 года император торжественно въехал в Таганрог.

Ожидая приезда императрицы Елизаветы Алексеевны, Александр I руководил расстановкой мебели и развешивал картины. В соответствии со вкусами царя, не любившего роскоши и придворного этикета, была создана обстановка простоты и уюта. Выписанная из Германии простая добротная мебель, казалось, предназначалась не для царской резиденции, а для дома помещика среднего достатка. По всему было видно, что император устраивался надолго. У него появляются планы надстройки к дому второго этажа и устройства большого сада рядом с дворцом /2/.

25 сентября 1825 года в Таганрог прибыла императрица Елизавета Алексеевна. Жизнь города значительно оживилась: один за другим следовали балы, обеды и приемы.

Но по свидетельству Павла Алексеевича Тучкова, входившего в число сопровождавших лиц, в Таганроге «государь жил как частный человек, без свиты и придворного этикета». Он ежедневно прогуливался пешком, и «редко его прогулка не была ознаменована какою-нибудь помощью бедному семейству...» /3/.

Из Таганрога император совершил путешествия в Новочеркасск, Нахичевань, Ростов-на-Дону. В конце октября по приглашению генерал-губернатора М.С. Воронцова посетил Крым. 5 ноября император вернулся из этой поездки уже тяжелобольным. У него началась лихорадка, и все старания медиков оказались напрасны. 19 ноября 1825 года Александр I скончался, как зафиксировано в официальном акте, в 10 часов 47 минут утра «от горячки и воспаления мозга». В декабре гроб с телом императора был отправлен в Петербург. Елизавета Алексеевна в Петербург не поехала и осталась в Таганроге до апреля 1826 года.

В память о своем муже императрица сохранила в неприкосновенном виде дом на Греческой улице, где они жили с Александром Павловичем. В этом доме Елизавета Алексеевна с фрейлинами занимала восемь комнат, государь — две (кабинет и гардеробную).

На плане дома, составленном архитектором Шарлеманом в 1830 году, четко видна планировка. К дому пристроена церковь /4/.

Все вещи и обстановку дома Елизавета Алексеевна сохранила и в январе 1826 года открыла в доме мемориальный музей, который назывался «Дворец Александра I». На доме установили памятную доску с надписью: «В этом здании в 1818 и в 1825 гг. останавливался

российский император Александр I. Здесь прошли последние дни его жизни. В 1826 г. был открыт первый мемориальный музей России — Высочайший Дворец Александра I в Таганроге».

Попасть в музей было непросто из-за отсутствия свободного доступа. Требовалось просить разрешения у зрителя «дворца». У калитки всегда стоял часовой /5/.

Музей просуществовал до 1927 года, а затем его закрыли и все вещи раздали в разные музеи Таганрога.

В настоящее время в музее быта можно видеть ковер, вышитый императрицей Елизаветой Алексеевной («То свято место, где мы молились»), стол, секретер, кресло и книги из «дворца» Александра I.

Мемориальный музей императора Александра I собираются возродить в Таганроге, тем более что в 2015 году исполнится 190 лет со дня его смерти. А пока в здании на Греческой улице располагается детский санаторий «Березка».

Второй мемориальный музей в России был создан императором Александром II. В 1856 году во время коронационных торжеств в Москве император вспомнил о древнем доме своих предков — палатах на улице Варварке — и решил их реставрировать для создания музея «Дом бояр Романовых» /6/.

Палаты — единственное сооружение, сохранившееся от усадьбы бояр Романовых. С середины XVI века владельцами ее были предки Романовых — Захарьины-Юрьевы. В этой усадьбе в 1596 году родился Михаил Федорович, ставший родоначальником царской династии Романовых.

Михаил Федорович, избранный на московский престол в 1613 году, стал жить в Кремле, там был «государев двор», а его родовую усадьбу на Варварке стали называть «старый государев двор». В 1631 году после смерти инокини Марфы, матери Михаила Федоровича, на «старом государевом дворе» основали Знаменский мужской монастырь, к которому перешли все постройки романовской усадьбы. Со временем эти постройки ветшали, рушились, и монахи монастыря обращались к государям за помощью: «<...> а нам богомольцам твоим убогим ныне построить нечем; место скудное; погибает в конц...».

Многие цари и императоры дома Романовых оказывали помощь в ремонте и содержании построек бывшей родовой усадьбы: Алексей Михайлович, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I, который отвел монастырю лучшие земли и угодья, что способствовало повышению его доходов. Но, несмотря на это, обветшавший монастырь не смог себя содержать. В конце XVIII века

рухнули все старые строения двора, кроме палат, выходявших на улицу Варварку.

В августе 1856 года последовал высочайший указ «О возобновлении прародительской Бояр Романовых Палаты, при Московском Знаменском монастыре».

Была создана Ученая комиссия, которая составила царю записку «О старинном доме при Знаменском монастыре». В ней говорилось, что «несмотря на разные переделки, в этом здании доселе уцелели данные, кои ясно говорят о его древности и по коим оно может быть успешно реставрировано» /7/.

Для того чтобы начать работы, требовалось выкупить палаты у Знаменского монастыря. Государь обратился с письмом к митрополиту Московскому Филарету с просьбой разрешить «приобрести дом сей у монастыря покупкою, чтобы поддержать его древнее достояние своих предков и сохранить их для потомства». Знаменский монастырь был готов для такого важного дела передать палаты и часть территории под музей безвозмездно. Однако 13 января 1857 года последовало высочайшее повеление о пожаловании Знаменскому монастырю 20 000 рублей в качестве вознаграждения за «приобретенный Его Величеством от сего монастыря дом с принадлежащим к оному двором, бывшим некогда бояр Романовых» /8/.

В 1857 году по указанию императора Александра II началось возобновление палат. К этому времени перестройки и ремонты до неузнаваемости изменили облик старинного дома. На рисунке известного историка и археолога А.А. Мартынова палаты изображены до реставрации. Справа видна каменная жилая постройка с деревянным верхом, слева — трехэтажный каменный дом, в котором едва улавливаются черты древнего здания. Это романовские палаты с поздней пристройкой. Интерьеры палат также пострадали от разных арендаторов.

Реставрацию палат поручили академику архитектуры Ф.Ф. Рихтеру. Он тщательно исследовал сохранившееся сооружение, выявил его древние части, провел обмеры и составил проект возобновления палат. Это был первый опыт отечественной научной реставрации. При разборке поздних пристроек Рихтер обнаружил, что палаты оказались встроенными в другое здание, «более твердой кладки». Пришлось с большой осторожностью ломать каменную стену пристройки. Историк и археолог И.М. Снегирев отмечал: «Зодчий Рихтер Ф. старался, сколько возможно, удовлетворять законным требованиям археологии. Вся масса деталей, уце-

левших в частях и в целом, восстановлены вполне, не пренебрегая и самыми малыми остатками».

31 августа 1858 года происходило священнодействие при возобновлении палат, и император Александр II не только лично при сем присутствовал, но и утверждал составленное митрополитом Московским Филаретом предложение о церковном порядке священнослужения.

Церемония освящения реставрационных работ прошла торжественно и пышно. На ней присутствовала царская семья, встречал их митрополит Московский Филарет «в полном облачении с напрестольном крестом в руке, вкладом благочестивой матери царя Михаила Федоровича, великой инокини Марфы Ивановны». На освящении присутствовали также члены Государственного совета, министры, московский военный генерал-губернатор, чины Высочайшего двора, генералы, флигель-адъютанты, члены Ученой комиссии. Столь блестящее общество едва ли когда собиралось в Знаменском монастыре. Огромное количество народа собралось в самом монастыре, на улицах, в переулках; окна и крыши соседних домов заполнили зрители. Желających увидеть государя и церемонию освящения было очень много.

В ходе освящения император Александр II, императрица Мария Александровна и великие князья положили в приготовленное закладное место медную вызолоченную доску с текстом и монеты: серебряную монету царствования Ивана IV (свидетельствующую, что здание было сооружено в XVI веке), золотую и серебряную монеты времен царя Михаила Федоровича (в память о том, что в этом доме вырос сей государь), золотую и серебряную монеты чекана 1856 года (год создания музея), золотую и серебряную монеты 1858 года («во свидетельство действительного начала работ»). Затем архитектор действительный статский советник Ф.Ф. Рихтер поднес государю кирпичи, серебряный молоток, лопатку и растворенную известь для закладки. После этого царская семья проследовала во внутренние помещения палат, где осмотрела остатки древних частей здания, познакомилась с расположением и назначением комнат /9/.

После освящения продолжились реставрационные работы и оформление интерьеров. Государь лично следил за ходом работ и неоднократно вносил изменения и уточнения в проекты реставрации.

Так, на шпале палат планировалось установить флюгер в виде прапора, но по указанию Александра II его заменили гербом дома

Романовых — грифоном, а в роспись свода Трапезной палаты, также по распоряжению императора, был включен герб рода Романовых, монограмма «МФР» и двуглавый орел — герб России.

В создании экспозиции Александр II также принял активное участие. Он приказал обставить дом не только предметами XVI—XVII веков, но и личными вещами первых Романовых. Основные памятники поступили из Оружейной палаты Московского Кремля: 185 предметов, среди них — вещи патриарха Филарета, Михаила Федоровича и Марфы Ивановны. Музей пополнился и за счет даров и приобретений старинных вещей. В частности, в мае 1857 года «император Высочайше повелеть изволил: из оставшейся после смерти генерал-адъютанта графа Перовского старинной мебели приобрести для возобновляемого дома Романовых». Вообще Александр II хотел, чтобы в этом музее было как можно больше подлинных памятников и чтобы «старинную мебель употребляли всю и лишь в добавок к ней требующуюся заказали новую». Члены Ученой комиссии выполнили указания императора: новую мебель заказывали лишь самую необходимую и по тщательно разработанным рисункам Рихтера.

Император также хотел, чтобы служащие в палатах Романовых носили старинные одежды, образцы которых он утвердил в 1857 году. Рекомендовалось в должности избирать лиц представительной наружности и имеющих награды. Однако форма не была введена и служители музея носили придворные мундиры. Как выглядели служители музея «Дом бояр Романовых», можно видеть на старинных фотографиях: на одной — Семен Васильевич Инштетов (служил в 1870-е годы), на другой — Захар Фадеевич Фадеев (служил в 1890-е годы). Нам удалось разыскать их потомков, сохранивших эти фотографии.

Незадолго до открытия «Дома бояр Романовых», в начале августа 1859 года, император утвердил билет и правила впуска посетителей в музей. На обратной стороне билета было написано, что обозревать музей дозволено два раза в неделю: в понедельник и четверг с 11 до 13 часов. В некоторых случаях посетители могли допускаться в музей и в другие дни, но при этом на билете должна стоять фамилия и дата. Одновременно впускалось не более восьми человек. Посетителям запрещалось дотрагиваться до мебели и вещей. Сопровождать посетителей при осмотре палат был обязан кто-нибудь из придворнослужащих.

18 августа 1859 года Александр II неожиданно приехал осмотреть здание. Ему удалось увидеть палаты только снаружи, т.к. вну-

три еще шли работы. Император входил в подробности работ и спрашивал о них у председателя Ученой комиссии князя Оболенского и у архитектора Рихтера. В заключение он сказал: «Я доволен, очень хорошо». Следуя примеру царя, великий князь Михаил Александрович 20 августа также посетил палаты и с «оживленным любопытством» их осмотрел.

Музей «Дом бояр Романовых» был торжественно открыт 22 августа 1859 года. Экспозиция воспроизводила древнюю обстановку, в которой родился и провел детские годы будущий царь Михаил Федорович, и в то же время она представляла боярский быт XVI–XVII веков.

После открытия музея вышло высочайшее распоряжение о роспуске Ученой комиссии, выполнившей возложенные на нее функции.

В мае 1860 года Александр II рассмотрел и утвердил «Инструкцию для придворнослужителей “Дома бояр Романовых”». Всего император утвердил шесть должностей в музее: гоффурьер, ключник, лакей, истопник и два дворника. Согласно этой инструкции, гоффурьер исполнял обязанности смотрителя здания, следил за прислугой, заведовал хранящимися предметами, то есть был хранителем памятников, наблюдал за ремонтно-реставрационными работами. Много обязанностей возлагалось на дворников: они не только мели двор и мостовую, но и кололи дрова для топки, а в течение ночи должны были по очереди обходить палаты как со стороны двора, так и со стороны улицы, то есть охраняли музей. Все они были избраны из придворных служителей Московских Кремлевских дворцов.

Музей «Дом бояр Романовых», один из первых мемориальных музеев в России, просуществовал до 1917 года, затем его передали Оружейной палате Московского Кремля, а в 1932 году палаты стали филиалом Исторического музея.

За свою историю музей в палатах не раз менял свое название. В настоящее время это «Палаты бояр Романовых», ему вернули первоначальное название. Интерьеры старого дома представляют боярский быт XVII века. Это единственный в России музей патриархального быта допетровской Руси. В 2013 году экспозицию дополнили памятниками, связанными с историей усадьбы и предками Романовых — Захарьиными-Юрьевыми.

В самих палатах навечно запечатлены дата основания музея и имя его создателя. В малом подвале XVI века на своде есть несколько кирпичей с датой «1856», а на восточном фасаде палат

во время реставрации расчистили закладную доску XIX века с текстом: «Благочестивейший Государь император Всероссийский Александр Николаевич, благоговеющий к памяти своих благоверных предков, в благословенное время священного венчания его на царство и миропомазания, лета Господня 1856, августа 26 Высочайше повелеть соизволил возобновить бояр Романовых Палату при Московском Знаменском монастыре...».

Митрополит Филарет в середине XIX века высоко оценил деятельность императора: «<...> честь и слава Царю, чтущему доблестных предков <...>», а также справедливо заметил: «Да сохранят веки то, что похитили веки, — да сохранят памятник Михаила, долженствующий отныне быть вместе памятником Александра Второго» /10/.

Музей в палатах сохраняется уже более 150 лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тальберг, Н.Д. *Покаянный подвиг Александра Благословенного* / Н.Д. Тальберг — Нью-Йорк, 1951. — С. 25.
2. Светлов, В.Я. *Город Таганрог* / В.Я. Светлов // *Нива. Ежемесячное литературное приложение*. СПб. — 1902. — № 9. — Сентябрь. — С. 40.
3. Голицын, Н.С. *Рассказы об императорах Павле I и Александре I* / Н.С. Голицын // *Русская старина*. — 1880. — Т. 29. — С. 741–742.
4. *Архив архитектора Шарлемана. Таганрогский литературный и историко-архитектурный музей-заповедник*.
5. Светлов, В.Я. *Указ*. соч. С. 42–43.
6. РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 631а. Л. 223.
7. Там же. Л. 109–109 об.
8. РГАДА. Ф. 796. Оп. 139. Д. 1937. Л. 1.
9. ОПИ ГИМ. Ф 132. Ед. хр. 558. Л. 6.
10. *Филаретовский альманах*. — М., 2004. — С. 82.

Л.И. ПРОКОПОВА

Ялта

ЛАЗАРЕТ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ В ЛИВАДИИ

Одним из хозяйственных подразделений царского имения «Ливадия» являлась больница, деятельность которой была направлена на медицинское обслуживание Высочайшего двора, а также ливадийских рабочих, служащих и их семей. Больница размещалась в двухэтажном здании, одной из многочисленных построек, сооруженных в 1860-е годы архитектором Ипполитом Антоновичем Монигетти. В здании находились приемные кабинеты, аптека, небольшое стационарное отделение на несколько коек, родильное отделение, а также жилые помещения — квартиры врача и фельдшерицы.

В начале 1890-х годов старшим врачом Ливадийского имения был назначен доктор Пантюхин Василий Яковлевич, пожалованный в почетные лейб-медики двора Его Императорского Величества 5 октября 1911 года. Должность фельдшерицы с 1896 года занимала Ижболдина Юлия Александровна.

Довольно многочисленное население Ливадийского имения во время высочайших приездов императорской семьи, особенно начиная с 1909 года, постоянно увеличивалось в несколько раз. В связи с этим в значительной степени разрасталась медицинская, а также санитарная часть. Все это создавало огромные трудности в работе единственного врача небольшой больницы.

На повестку дня вставал вопрос о постройке новой больницы и расширении штата обслуживающего персонала в лице второго врача. Об этом доктор Пантюхин писал в своем рапорте от 18 ноября 1913 года на имя управляющего имением, который уже ходатайствовал перед Главным управлением уделов о постройке новой больницы. Вопрос этот был решен положительно. И уже в начале февраля 1914 года приступили к подготовительным работам по планировке участка под постройку больницы, для которой выбрали «Высочайше одобренное место ниже Вознесенской церкви в имении «Ливадия»».

Проектирование здания новой больницы было поручено архитектору Ливадийского имения Глебу Петровичу Гушину. В подготовленный Гушиным проект уже в начале 1914 года из Министерства императорского двора и уделов на имя управля-

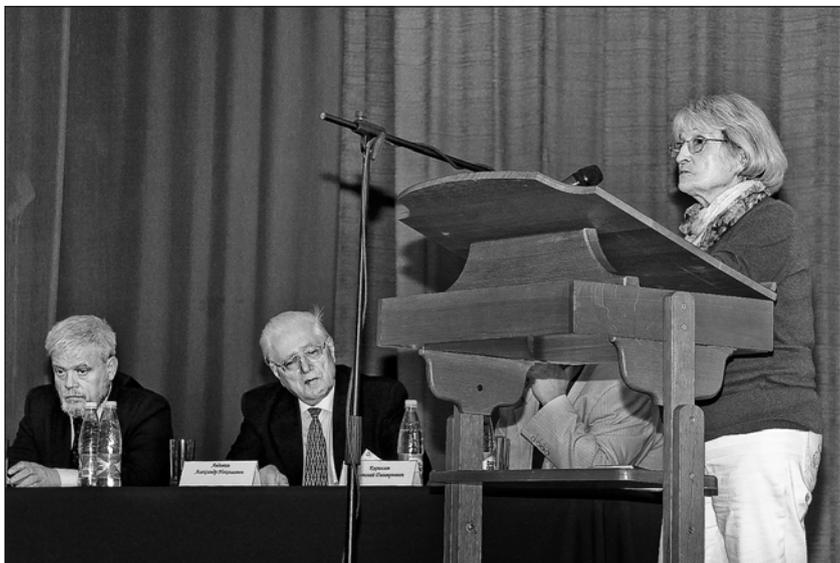

фото М.В. Махленко

Выступление ведущего научного сотрудника Ливадийского Дворца-музея Л.И. Прокоповой на пленарном заседании

ющего поступил «перечень указаний по вопросу об изменении плана здания, проектируемого к постройке в имени «Ливадия» новой больницы, предложенных Лейб-медиком Е.С. Боткиным и одобренных Ея Императорским Величеством Государыней Императрицей Александрой Федоровной» /1/.

На протяжении первого полугодия 1914 года Гушин четыре раза посещал Царское Село по вопросам, связанным с проектированием строительного объекта в Ливадии.

Проект новой больницы, подготовленный архитектором Гушиным, представлял собой большое двухэтажное здание с мансардой. Выступающая центральная часть главного фасада, обращенного в сторону моря, предназначалась для больничной церкви.

Весной 1914 года, во время пребывания Высочайшего двора в Ливадии, на всеподданнейшей записке о времени закладки новой больницы рукой императора было начертано: «Постройку начать теперь, осенью сделаем закладку», а против пункта с вопросом о том, во имя какого святого должна быть сооружена больничная церковь, Николай II «собственноручно начертал — Святого Пантелеймона» /2/.

Для предстоящей осенью 1914 года торжественной закладки больничного здания были приобретены «серебряная заклад-

ная доска в медном конверте и таковые же молоточек и лопатка». Но начавшаяся война помешала осуществлению этого мероприятия и не понадобившиеся ценные вещи Гушин позже передал из чертежной на хранение в Ливадско-Массандровское удельное управление.

Ход начавшегося в мирное время строительства продолжался и в последующие военные годы. Составлялись детальные сметы на внутреннее устройство и оборудование строящейся больницы. Заключались договоры с разными фирмами. В мае 1915 года Гушин, находясь в Москве, заключил договор с «Торговым Домом В. Залесский и В. Чаплин» на устройство центральной системы отопления, горячего водоснабжения, вентиляции и паровой дезинфекции. Наряду с известными фирмами в строительстве больницы принимали участие местные подрядчики: Игнат Холопцев, Гавриил Химич, И. Каменцер и другие, прежде участвовавшие в строительстве Нового Ливадийского двorca.

К концу августа 1915 года постройка больницы была закончена вчерне и покрыта крышей. В это время здание оборудовалось системами трубопроводов: отопительными, водопроводными, канализационными, осветительными. Электрические проводки выполнялись хозяйственным способом под руководством заведующего Ливадийской электрической станцией Н.Е. Леговича, которому было поручено, когда он осенью 1915 года был в отпуске в Петрограде, «детально ознакомиться с устройством электрического освещения в образцовых лечебницах и операционных помещениях Петрограда» /3/.

В помещениях устанавливались коробки для окон и дверей (около 300 штук), подоконники. В сентябре 1915 года шла поставка оконных и дверных приборов, заказанных одной из крупнейших тульских фирм «И.А. Воронцов и сыновья».

Задерживалась отделка главной лестницы, чью железобетонную конструкцию выполнили еще в июне. Это было связано с решением вопроса о замене облицовочного материала для ступеней, которые вначале предполагалось выполнить из мрамора. В сентябре из Главного управления уделов поступило распоряжение «сделать облицовку ступеней пока из дерева с покрытием линолеумом, отложив устройство мраморной облицовки до более благоприятного времени» /4/.

Общая же задержка хода строительных работ вызывалась главным образом нехваткой рабочих рук, особенно столяров и плотников.

По вопросу оборудования новой ливадийской больницы обстановкой доктор Пантюхин в течение месяца, с 29 августа по 29 сен-

тября 1915 года, совершал поездки в Харьков, Москву и Петроград. В Царском Селе, будучи представленным государыне императрице, Василий Яковлевич докладывал о ходе работ. При этом Александра Федоровна «выразила желание об ускорении этих работ, предначинчив новую больницу для раненых и больных офицеров и нижних чинов, мансардное же помещение для больных сестер милосердия» /5/. Старую же больницу со всеми в ней учреждениями и родильным отделением велено было сохранить.

Вернувшись из Петрограда, Пантюхин в своем рапорте от 1 октября 1915 года писал: «Относительно оборудования новой больницы Ея Величество изволила приказать воспользоваться всеми имеющимися в Дворцовых помещениях предметами, как-то кроватями, матрацами, подушками, одеялами, посудой столовой, кухонной и чайной, бельем постельным и столовым. Все, чего нельзя получить в Ливадии, купить и заказать» /6/.

Уже находясь в Ливадии, доктор получил разрешение на приобретение в магазинах Москвы и Петрограда для больницы и ее пациентов необходимых вещей (носки, чулки: вязаные, шерстяные, бумажные; фартуки кухонные, косынки, платки носовые и др.), а также разнообразной материи для постельного белья, халатов, салфеток, скатертей (полотно, фланель, бобрин и др.). 12 октября Пантюхин представил в Ливадско-Массандровское управление «5 составленных им смет на предполагаемые в 1916 году расходы по новой больнице на сумму 84.059 рублей» и еще «3.000 рублей на приобретение медикаментов и перевязочных материалов» /7/.

В начале марта 1916 года в Ливадии состоялось совещание под председательством начальника Ливадско-Массандровского удельного управления статского советника Ю. Львова, при участии лейб-медика Его Императорского Величества, действительного статского советника Е.С. Боткина, помощника начальника Ливадско-Массандровского удельного управления П.Н. Янова, почетного лейб-медика, действительного статского советника В.Я. Пантюхина и архитектора, коллежского асессора Г.П. Гущина по вопросу об ускорении открытия новой больницы, которую по воле государыни императрицы решено временно приспособить для помещения в ней 25 офицеров, 40 нижних чинов и 15 сестер милосердия.

21 марта в том же составе состоялось второе совещание, на котором обсуждался ряд вопросов, касавшихся устройства в новой больнице военного лазарета. При этом были рассмотрены следующие вопросы:

1. Обеспечение больницы молочными продуктами, на что требовалось только молока не менее 150 бутылок ежедневно, не считая сливок и масла. Такого количества получить с ливадийской фермы не представлялось возможным. В Ялте также невозможно было приобрести необходимое количество молока, поскольку оно полностью расходовалось в связи с возросшим количеством городских и окрестных жителей, а также с функционированием многочисленных военных лазаретов. Поэтому на совещании было принято решение о покупке 10 коров, командировав для этой цели в соседние губернии приказчика ливадийской фермы Яковлева.

2. Вопрос об освещении помещений лазарета. Вследствие призыва на военную службу машинистов ливадийской электростанции и невозможностью найти новых служащих, знакомых с работой на машинах Дизеля, станция работала только до 12 часов ночи. Так как освещение больницы требовалось в течение всей ночи, совещание высказалось за возвращение служащих электростанции Монахова и Пяткова, взятых на военную службу по мобилизации, переводом из частей в ливадийскую караульную команду.

3. По вопросу снабжения лазарета льдом заведующему электростанцией Леговичу поручалось решение вопроса с приобретением хлор-метила для запуска ледодельного завода в Ливадии, а также возвращением мобилизованного Крючкова с переводом его в караульную команду.

4. Среди многочисленных вопросов, связанных с жизнедеятельностью лазарета, затрагивался и вопрос об устройстве при нем огорода для выращивания необходимой для больных огородной зелени и овощей.

26 марта последовало высочайшее соизволение императрицы Александры Федоровны на ассигнование в сумме 70 000 рублей из общего удельного капитала на содержание лазарета в течение одного года.

Заведывание больницей возлагалось на старшего врача Пантюхина. Главное управление уделов разрешало для новой больницы приобрести парный экипаж, линейку-дроги, пару лошадей для экипажа, одну лошадь для дрог, сбрую и одежду для кучеров с расходом на это до трех тысяч рублей за счет собственного кредита, ассигнованного по смете имения.

Также Главное управление уделов сделало распоряжение об отправке в Ливадию из Москвы автомобиля Управления Беловежской удельной Пуши.

Для исполнения обязанностей шофера в Ливадию был командирован эвакуированный из Беловежской Пуши в Москву шофер Мецко. Прибывшему с семьей Антону Мецко и его помощнику Петру Зюкину предоставили квартиры в доме шоферов при гараже, в котором был помещен и автомобиль.

В целях снабжения больных молоком и молочными продуктами была разрешена покупка 20 коров. Также был разрешен, по ходатайству доктора Пантюхина, отпуск вина, которое в дальнейшем выписывалось и по мере надобности отпускалось больным как лекарство по назначению врача.

Для разных помещений первого и второго этажей новой больницы (палат, операционных, перевязочных, рентгенкабинета, прихожих, столовых, бельевых) поступили заказанные и выполненные местным мастером Гавриилом Химичем многочисленные шкафы, столы и столики, табуретки и стулья. Все предметы мебели были сделаны из ольхового и соснового дерева и окрашены белой эмалевой краской, а ряд предметов мебели выполнен из полированного ясеня. Для крытых балконов мастер изготовил диваны, кресла и для них более 70 подушек, набитых волосом. Для балконных кушеток от Г. Химича поступило 40 подушек с морской травой. Для окон изготовлены парусиновые занавеси с карнизами, выкрашенными в белый цвет.

С началом строительства новой больницы последовало решение Главного управления уделов на открытие в имении «Ливадия» нештатной должности второго врача, место которого по предложению ливадийского доктора Пантюхина было предложено Николаю Георгиевичу Стойко, ассистенту госпитальной хирургической клиники Новороссийского университета. На место новой службы Н.Г. Стойко прибыл с женой и двумя малолетними детьми и с 1 марта 1914 года приступил к исполнению своих врачебных обязанностей. По просьбе доктора Пантюхина второму врачу предоставили дом старшего техника гаража Кегресса, удобно расположенный вблизи новой больницы. С началом Первой мировой войны Стойко призвали на военную службу, при этом его должность в Ливадии оставалась незанятой. С открытием лазарета во вновь сооруженной больнице Николай Стойко, согласно воле императрицы Александры Федоровны, был откомандирован в Ливадию и с конца апреля 1916 года вступил «как в исполнение своих обязанностей по имению, так и в должность хирурга при лазарете» /8/.

11 апреля 1916 года состоялось освящение новой больницы, на что было ассигновано 300 рублей. В этот же день была отправ-

Ливадия, не ранее 1915 г. и не позднее 1917 г.

лена в Петроград на имя князя В. Кочубея телеграмма за подписью начальника Ливадско-Массандровского удельного управления Ю. Львова о состоявшемся освящении и открытии новой Ливадийской больницы. Устройство церкви в открывшейся больнице несколько затягивалось, в связи с чем императрица выразила желание «об установлении походной церкви, которая по освящении впоследствии больничной церкви была бы оставлена на хранение в Ливадии» /9/.

Походная церковь, наподобие той, которую Александра Федоровна подарила Ее Королевскому Величеству королеве Ольге Константиновне для Павловского лазарета, была заказана Товариществу П.И. Оловянишникова. Также для церкви новой ливадийской больницы фирма Оловянишникова выполняла заказ на изготовление художественной церковной утвари и пяти колоколов.

Доставленная в Ливадию 22 апреля походная церковь была принята в присутствии священника Юзефовича, Боткина, Пантюхина и Гущина. Разместилась она в больничной комнате, удобной для совершения церковных служб и треб для больных и служебного персонала. В субботу, 30 апреля, священник ливадийских церквей Юзефович освятил установленную походную церковь во имя святой мученицы Александры, после чего в ней была совершена пер-

вая Божественная литургия и затем отслужен молебен о здравии Их Императорских Величеств. Императрица выразила желание, «чтобы в церкви больницы совершались богослужения при надобности, но возможно почаще» /10/.

Из епархиального склада города Чернигова для больничной церкви поступило несколько десятков «икон на дереве по живописному фону». В 20-х числах мая 1916 года Юзефович был командирован на две недели в Москву с целью приобретения для новой церкви утвари, облачения, богослужебных книг и прочих предметов церковного обихода.

6 июня 1916 года Е.С. Боткин сообщил в Ливадско-Массандровское удельное управление о последовавшем высочайшем соизволении на наименование новой больницы — «Лазарет Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны в Ливадии».

Начальник Ливадско-Массандровского удельного управления Юрий Львов предложил своему помощнику генерал-майору П.Н. Янову принять ливадийский военный лазарет под свое заведывание и наблюдение, освободив его от таких обязанностей по Кчук-Ламбатскому лазарету. При этом указав Янову на необходимость по возможности чаще посещать лазарет и докладывать ему (Львову) обо всех особых случаях. Попечительницей лазарета в Ливадии по желанию императрицы на время войны назначалась супруга Янова — Любовь Леонидовна.

Распределением больных по лазаретам ведал Царскосельский эвакуационный пункт. К лету 1916 года на довольствии в ливадийском лазарете состояло 80 человек: больных офицеров — 16, солдат — 26, отдыхающих сестер милосердия — 4, сестер милосердия персонала — 8, служащих больницы — 11, сиделок — 9, служителей — 6 человек. В числе медицинского персонала лазарета наряду с доктором Пантюхиным состояли врачи Николай Стойко, Станислав Зеленевский из клиники Львова и фельдшерница Ксения Лукьянова, жительница Ливадии. Среди сестер милосердия были как местные, так и приезжие. В их числе: Софья Врангель и Марина Нератова из Петербурга, Вера Стеценко из Баку, Надежда Самовская из Чернигова, Ольга Ножникова из Ялты, дочь известного ялтинского врача Бориса Ножникова. Большинство сиделок были из числа местных ливадийских жителей.

Количество прибывающих на лечение больных и раненых с каждым месяцем возрастало, в связи с чем доктор Пантюхин в рапорте от 12 октября просил о найме для работы в лазарете дополнительно еще двух сиделок, двух санитаров и кухонного рабочего.

На протяжении всего 1916 года в Ливадию направлялись по распоряжению императрицы для отдыха и лечения сестры милосердия царскосельских лазаретов, общины сестер милосердия Российского Красного Креста, которые проживали в помещениях Старого свитского дома (дом гофмаршальской части). В марте в Ливадии находился доктор Боткин вместе с дочерью Татьяной. Он, по словам великой княжны Татьяны Николаевны, писал императрице из Ливадии «длиннейшие письма насчет всех санаториев и лазаретов». В октябре в Ливадию прибыл министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс, для которого был подготовлен министерский дом. Знакомство с лазаретом произвело на царского министра благоприятное впечатление

В декабре 1916 года за подписью верховного начальника санитарно-эвакуационной части генерал-адъютанта принца Александра Ольденбургского был издан приказ «О принятии самых энергичных мер к широкому развитию огородного дела...» В связи с этим в Ливадии состоялось совещание, на котором было решено устроить небольшой огород вблизи лазарета. Главный садовник Ренгер изъявил согласие бесплатно руководить работами по устройству огорода. На совещании отмечалось, что лазарет нуждается не столько в огороде, сколько в необходимости дать выздоравливающим нижним чинам какую-либо работу, в связи с чем «было решено принимать выздоравливающих нижних чинов из лазарета за половинную плату в садоводство и виноградарство» /11/.

Однообразная больничная жизнь, как известно, плохо сказывается на лечении больных и раненых. Понимая это, доктор Пантюхин старался по возможности разнообразить пребывание в лазарете воинов, для которых довольно часто устраивались концерты с участием артистов из Ялты. Перед больными и ранеными воинами в лазарете выступали и учащиеся Ливадийского Императорского двухклассного училища. 21 ноября и 6 декабря 1916 года в лазарете были проведены литературно-вокальные вечера. Учащиеся декламировали стихотворения русских поэтов, а хор под руководством учителя пения Сакуна отлично исполнял патриотические и бытовые песни.

К рождественским праздникам для офицеров и нижних чинов были устроены елки. К 28 декабря ученики Ливадийского училища подготовили праздничную музыкальную программу, с которой выступили на рождественской елке в ливадийском лазарете. Каждый раз выступления детей проходили с большим успехом, создавая праздничную атмосферу и подбадривая больных и раненых.

ных. Также в праздничные дни по указанию доктора улучшалось довольствие всех больных.

В последний день января нового 1917 года в лазарете была открыта и освящена стационарная домовая церковь. Начальник Ливадско-Массандровского удельного управления Юрий Львов телеграфировал в Царское Село об этом радостном событии. В ответ была получена телеграмма: «Сердечно благодарю Вас, администрацию и служащих Ливадии и Массандры, а также весь состав моего лазарета за молитвы. Радуюсь освящению новой церкви во имя целителя Пантелеймона в ливадийской больнице. Да найдут в ней все призываемые утешение и помощь. Всем искренний привет. Александра» /12/.

Открытие и освящение больничной церкви явилось последним значительным событием, связанным с лазаретом Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны.

И как память о когда-то бывшем в Ливадии лазарете сохранился устроенный в подпорной стене мастером Христофором Арзаманиди старый фонтан с надписью, запечатлевшей годы строительства новой больницы: 1914—1916. Здание больницы было разрушено в годы Великой Отечественной войны, а позже на месте больницы-лазарета возвели новую постройку — школу-интернат.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив АР Крым. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2459. Л. 5.
2. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2459. Л. 29.
3. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2459. Л. 164.
4. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2459. Л. 109.
5. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 12.
6. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 12.
7. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 11.
8. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2572. Л. 35.
9. Там же. Ф. 219. Д. 2459. Л. 282.
10. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 128.
11. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 224.
12. Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 2608. Л. 241.

ДОКЛАДЫ НА СЕКЦИЯХ

Д.Б. ГРИШИН
Москва

МОСКОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ ДОМА РОМАНОВЫХ

Исторический некрополь царского (императорского) дома Романовых в Москве — уникальный памятник, достойный внимательного изучения. По нашим подсчетам, московский мартиролог династии составляют пять царей (включая одного императора), один великий князь, семеро царевичей, пять цариц и 18 царевен.

Но в Москве еще ранее сложился некрополь боярской семьи Романовых, предков царской фамилии. Расположился он в Новоспасском монастыре, начав формироваться в конце XV века. Первым из семьи здесь, в подклети Преображенского собора, был погребен в 1498 году боярин Василий Юрьевич Захарьин-Кошкин, а позднее его брат Роман, чье имя дало фамилию будущих правителей России /1/. В 1606 году сюда перевезут останки пострадавших в царствование Бориса Годунова трех братьев Никитичей — Василия, Михаила и Александра Романовых /2/. Михаил в Пермском крае, где он скончался, почитался местночтимым святым, а в начале XX века готовилась его общероссийская канонизация.

Время не пощадило эту усыпальницу, многие захоронения были утрачены. Из сохранившихся и восстановленных в недавнее время отметим гробницы упомянутого Романа Юрьевича (отца жены Ивана Грозного, царицы Анастасии) и его сына Никиты Романовича — отца патриарха Филарета (в миру Федора Романова) и деда царя Михаила Федоровича. Никита Романович погребен рядом со второй супругой Евдокией Александровной Горбатой-Шуйской, что не совсем канонично, ибо незадолго до кончины он принял постриг с именем Нифонт. Неподалеку находится гробница и его первой жены, Варвары Ивановны Ховриной, от которой происходят взошедшие на престол потомки. Понятно,

что усыпальница, как и весь монастырь пользовались в XVII веке повышенным вниманием со стороны царской семьи.

Но с приходом Романовых к власти вопрос о месте их захоронения принципиально меняется. Теперь в качестве усыпальниц они используют некрополь Московского Кремля, а именно традиционные места погребения представителей правящего дома. Речь идет об Архангельском соборе и соборе Вознесенского монастыря.

Первый был построен в 1505 году архитектором Алевизом Новым на месте старой церкви, издавна служившей некрополем семьи великих князей Московских, начиная с Ивана Калиты. В новом соборе, куда перенесли гробницы прежних правителей, упокоится Иван III, а также его потомки, включая двух царей, Ивана IV Грозного и Федора Ивановича /3/.

Второй собор, Вознесенский, служил усыпальницей женщин великокняжеской и царской семьи. Самое раннее захоронение (1407) принадлежало здесь Евдокии (в иночестве Евфросинии), супруге Дмитрия Донского, глубоко почитавшейся и позднее причисленной к лику святых. Из цариц в соборе покоились три жены Ивана Грозного, включая Анастасию Романовну (что было особенно важно для новой династии), а также супруга царя Федора Ирина Годунова /4/.

В 1625 году овдовевший царь Михаил Федорович (1596–1645) совершает первое погребение представителя дома Романовых в Кремлевском некрополе. В Вознесенском соборе была похоронена его супруга Мария Владимировна Долгорукова (?–1625). Вскоре вслед за ней там же упокоены его дочери-младенцы от второго брака: Пелагея (1628–1629), Марфа (1631–1632), Софья (1634–1636) и Евдокия (1637).

В Архангельском соборе государь за один год похоронил двух сыновей: шестилетнего Ивана (1633–1639) и новорожденного Василия (1639). Таким образом, новая династия в связи со своим статусом отказывается от прежнего места упокоения членов семьи, подчеркивая тем самым не только свое положение, но и преемственность от дома Рюриковичей.

Однако не все было столь однозначно. Если погребение патриарха Филарета, отца Михаила Федоровича, в Успенском соборе Кремля объясняется традицией, по которой предстоятель Русской церкви должен покоиться в главном храме России, то место захоронения матери этого государя вызывает вопрос. Ксения Ивановна Шестова (в иночестве Марфа) носила титул Великой старицы и проживала в Кремлевском Вознесенском монастыре. Казалось бы,

там она и найдет последний приют. Но вместо самого почетного женского некрополя для ее гробницы выбирают в 1631 году прежнюю родовую усыпальницу в Новоспасском монастыре. Вероятно, то была ее собственная воля, продиктованная какими-то личными соображениями, например желанием находиться рядом с тремя деверями-страдальцами, чью судьбу она едва не разделила сама. Однако это лишь гипотеза.

Интересно, что там же, рядом со своей бабушкой, будет похоронена царевна Ирина Михайловна (1627–1679), любимая тетя царя Федора Алексеевича (1661–1682), проявлявшего большое внимание к Новоспасскому монастырю. Таким образом, более полувека царствующие Романовы продолжали в отдельных случаях использовать старую фамильную усыпальницу, что говорит об их сильной привязанности к родовым корням.

Но положение обязывает, и Кремль становится неоспоримым. В Архангельском соборе последнее пристанище обретают цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович (1629–1676), Федор Алексеевич и Иван V Алексеевич. Здесь же погребены сыновья Алексея Михайловича: Дмитрий (1648–1649), Алексей (1654–1670) и Симеон (1665–1669); единственный сын Федора Алексеевича, младенец Илья (1681); и проживший семь месяцев сын Петра I Александр (1691–1692).

Вознесенский собор пополняют гробницы второй супруги Михаила Федоровича, Евдокии Лукьяновны Стрешневой (?–1645), двух жен Алексея Михайловича, Марии Ильиничны Милославской (1626–1669) и Натальи Кирилловны Нарышкиной (1658–1694), и первой жены Федора Алексеевича, Агафьи Семеновны Грушецкой (?–1681). Рядом появляются надгробия царевен. Дочерей Михаила: Анны (1630–1692) и Татьяны (1636–1708). Дочерей Алексея: Анны (1655–1659), Евдокии (1669) и Феодоры (1674–1677). Дочерей Ивана V: Марии (1689–1692) и Феодосии (1690–1691).

Рассматривая кремлевский некрополь дома Романовых, важно обратить внимание на расположение гробниц внутри соборов. Сакральное пространство любого храма несет глубокий смысл, а его отдельные части обладают определенными степенями важности, значимости. Этим чаще всего и определялось место захоронения. Вне алтаря (совершенно особого, исключительного для таких целей) наиболее почетным считалось пространство возле южной стены, а затем юго-западный угол. Однако к моменту начала формирования романовского некрополя в обоих соборах, особенно в Архангельском, эти места уже были заполнены. Поэтому погребение

ние первых династий совершалось возле юго-восточного столпа, то есть как можно ближе к южной стене и иконостасу. Рядом с сыновьями похоронили Михаила Федоровича, а по левую сторону от него — Алексея Михайловича, чьи сыновья (кроме преемников на престоле) были погребены возле того же столпа. Как видим, налицо вполне понятное стремление создать небольшой «семейный угол». Немаловажную роль играло и то, что он вплотную соседствовал с ракой святого царевича Дмитрия. Вторым аналогичным центром, объединяющим гробницы членов семьи, должен был стать северо-восточный столп, рядом с которым погребены цари Федор и Иван Алексеевичи.

Ситуация в Вознесенском соборе несколько отличалась /5/. Несмотря на то что возле южной стены оставались свободные места, Михаил Федорович погребает первую супругу в северо-западном углу, наименее почетном из всех. Для сравнения — подобное пространство в Архангельском соборе было отдано под захоронения опальных родственников. Причина могла крыться в том, что Мария Владимировна пробыла царицей недолго. Заболев сразу после свадьбы, она скончалась через три месяца, вероятно, отравленная. Кроме того, ее гробница оказалась рядом с захоронением старицы Иулиании (?—1579), жены Романа Юрьевича Захарьина и матери царицы Анастасии Романовны. А в этом вновь просматривается идея родства и преемственности Рюриковичей и Романовых.

Зато вторая супруга основоположника новой династии, похороненная уже их сыном, упокоилась возле иконостаса, на южной стороне. Продолжая воздавать почести членам своей семьи, рядом с матерью Алексей Михайлович похоронит первую жену. А вторая супруга «Тишайшего», его вдова, будет погребена бок о бок со своей предшественницей, словно в знак примирения люто враждовавших родов Милославских и Нарышкиных. Маловероятно, что такая идея исходила от царствовавшего Петра I (1672—1725), но факт остается фактом.

Интересно в этой связи и отношение первых Романовых к своим предшественникам на троне. После кончины Марии (Екатерины) Буйносовой-Ростовской в 1626 году, вдовы царя Василия Шуйского (1552—1612), проведеншей последние годы в Новодевичьем монастыре и пользовавшейся большим уважением Михаила Федоровича и его матери, ее похоронили в Вознесенском соборе. Причем не просто возле южной стены, но и рядом с почитаемой гробницей великой княгини Евдокии (Евфросинии). Когда же в 1635 году поляки возвратили останки самого Василия, то его похоронили в

Архангельском соборе, однако в наименее почетном месте. А вот прах Бориса Годунова, первоначально погребенного в том же храме, Романовы, восстановившие порядок после Смуты, не вернули на прежнее место, видя в этом царе лишь своего притеснителя. Таким образом, нетрудно заметить, что новые правители рассматривали Кремлевский некрополь не как личный, а как государственный, но, будучи хозяевами государства, устраивали его по собственному разумению.

Петровская эпоха вносит в романовский мартиролог существенные изменения. Прежде всего, это выразилось в начавшемся захоронении членов династии в новой столице, Санкт-Петербурге. В Москве же бурное время привело к формированию в некрополе царского дома новой части, которую можно назвать опальной или оппозиционной. Начало ей положила известная противница Петра царевна Софья Алексеевна (1657–1704). Заключенная в Новодевичий монастырь и насильно принявшая постриг, она скончалась в этой обители. Добровольный переход в схиму дал ей возможность вернуть прежнее имя. Софью похоронили в юго-западном углу Смоленского собора Новодевичьего монастыря, а через восемь лет в том же храме была погребена ее старшая сестра и, возможно, единомышленница Евдокия Алексеевна (1650–1712). В монашество она не перешла, но доживала свой век в Новодевичьем. Младшая сестра, Екатерина Алексеевна (1658–1718), вначале тоже подозревалась Петром в сочувствии Стрелецкому бунту и некоторое время находилась в том же монастыре под стражей, но затем была отпущена и сохраняла с братом-царем добрые отношения /6/. Ее гробница стала третьим захоронением дома Романовых в Смоленском соборе.

Кстати, все эти захоронения устроены несколько необычно. Поскольку под собором имеется подклеть, пол не вскрывался, а саркофаг ставился на его поверхность и обкладывался кирпичом. Точно так же похоронена в соборе царица Евдокия Федоровна Лопухина (1669–1731), первая супруга Петра Великого. Она скончалась в царствование Анны Иоанновны (1693–1740), очень тепло к ней относившейся, но обрела вечный покой в том монастыре, где прелела последние годы, завершив формирование в Москве «антипетровского» некрополя Романовых.

Иначе выглядела ситуация с захоронениями внуков Петра I. Царевна Наталья Алексеевна (1714–1728) скончалась в Москве, где императорский двор оставался после коронации ее брата, а сам Петр II умер там же накануне своей свадьбы. Обоих похоро-

нили в Кремле, соответственно в Вознесенском и Архангельском соборах. Однако не только место кончины определило этот выбор. Петербургский некрополь императорской семьи еще не утвердил своего превосходства, а собор Петропавловской крепости только достраивался, и даже сам Великий реформатор не был окончательно захоронен. В таких условиях, да и при шаткости политического курса, погребение в традиционном некрополе представлялось более логичным и привлекательным. И только со времен Павла I погребение близ могилы создателя империи станет непререкаемым условием для его наследников.

В начале XIX века московский некрополь дома Романовых пополнило одно загадочное захоронение. В 1810 году на территории Новоспасского монастыря была похоронена таинственная инокиня Досифея, известная также под именем княжны Таракановой. В отличие от известной авантюристки, она, видимо, реально была тайной дочерью императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761), найденной по распоряжению Екатерины II (1745–1796) и заключенной в 1785 году в московский Ивановский монастырь. На ее погребении присутствовала московская знать во главе с генерал-губернатором, а над могилой возвели часовню (ныне часовня отреставрирована, но останки перенесены в нижний храм Преображенского собора).

В феврале 1905 года в Москве от рук террористов погиб великий князь Сергей Александрович (1857–1905), много лет занимавший должности московского генерал-губернатора и командующего Московским военным округом. По желанию вдовы, великой княгини Елизаветы Федоровны (1864–1918), его останки вопреки традиции не перевезли в Петербург, а захоронили в Кремле. Место погребения выбрали особое — Чудов монастырь, где в 1906 году был сооружен специальный храм-усыпальница во имя преподобного Сергия Радонежского. Над его проектом работали известные художники и архитекторы, а ризницу наполнили уникальные иконы из собрания покойного великого князя /7/.

Особо следует сказать об отношении самих Романовых к своему московскому некрополю. Наибольшим почитанием пользовался, конечно, Архангельский собор. Первые цари династии посещали его довольно часто и делали в него вклады. Для белокаменных надгробий изготовлялись покровы. Во время каждой коронации, вплоть до последней в 1896 году, государь приходил сюда сразу после венчания, чтобы поклониться могилам предков. Позднее собор приписали к Дворцовому ведомству, а в 1903 году

надгробия для сохранности закрыли металлическими остекленными футлярами. В год 300-летия дома Романовых над гробницами основоположника династии и его наследника соорудили сень (не сохранилась).

Почитался и Вознесенский собор. Но его дальнейшая судьба оказалась трагичной. В 1929 году храм был снесен вместе со всеми постройками монастыря. Саркофаги погребенных успели перенести в подвал пристройки Архангельского собора, где они находятся и сегодня.

Романовский некрополь в Новоспасском монастыре с XVIII века оказался в забвении. Сильный урон ему нанесло французское нашествие 1812 года, после которого из 70 надгробий (включая представителей других фамилий) сохранилось около 30. Восстановление усыпальницы затянулось до 1857 года, а в 1902 году в ней была создана церковь во имя святого Романа Сладкопевца. В юбилейном 1913 году в ряду торжеств усыпальницу прародителей посетил Николай II (1868–1918). Советская эпоха полностью разорвала этот храм, лишь в середине 1990-х годов здесь начались раскопки и восстановительные работы. Обновленную усыпальницу освятили в 2002 году.

Вместе с Чудовым монастырем в 1930 году была уничтожена и гробница великого князя Сергея Александровича. Но его останки сохранились и, фактически чудом обретенные, были торжественно перезахоронены в 1995 году в усыпальнице Новоспасского монастыря. Сегодня его новая гробница пользуется большим почитанием в народе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Новоспасский монастырь: альбом.* — М.: Новоспасский монастырь, 2009. — С. 16.

2. *Там же.* С. 23.

3. *Кремль и Красная площадь. Православные святыни / под общ. ред. Д.Б. Гришина.* — М.: Нац. географ. об-во, 2003. — С. 101–113.

4. *Там же.* С. 224–229.

5. *Схема и список в кн.: Панова, Т.Д. Некрополи Московского Кремля.* — М.: Московский Кремль, 2003. — 71 с.

6. *Пчелов, Е.В. Романовы. История династии / Е.В. Пчелов.* — М., 2005. — С. 44.

7. *Степанов, М.П. Храм-усыпальница Великого князя Сергея Александровича / М.П. Степанов.* — М., 1909.

Н.Н. НОВИЧЕНКОВ

Верхотурье

ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ И ЗЕМЛЯ СВЯТОГО СИМЕОНА

Зарождение и расцвет города Верхотурье пришлось на стык двух царских династий России. Город был заложен в 1598 году по указу последнего из династии Рюриковичей — Федора Ивановича, сына Ивана Грозного. Романовы приходились родственниками угасшей династии по первой жене Ивана IV, Анастасии, и оказались связаны с Верхотурьем задолго до того, как Михаил Федорович был венчан на царство.

Один из основателей города, голова Иван (Меньшой) Васильевич Воейков, после службы в «новом городе на Верхотурье» по поручению царя Бориса Годунова был приставом при опальном боярине Федоре Никитиче Романове. Иван Воейков происходил из захудалого дворянского рода, выдвинулся во время опричнины, участник Ливонской войны. Упоминается среди чашников, рынд и столбников на дипломатических приемах. Был доверенным лицом Годунова, исполняя «особые» поручения. Так, в 1584 году по приказу Годунова он убил сосланного в Арзамас Петра Ивановича Головина, бывшего казначея Ивана Грозного /1/.

В конце 1600 – начале 1601 года прошли аресты многочисленной семьи Романовых. Борис Годунов видел в них конкурентов и подозревал, что они хотят себе «достать царство». Возможного из них претендента на царский престол, Федора Никитича, поспешили постричь в монашество и держали в заточении до самой смерти Бориса. Опасения внушали Годунову уже сосланные и униженные им Никитичи. Все братья были разлучены и отданы под самый строгий надзор, чтобы не допустить сношений сосланных с внешним миром или между собой. Сопровождавшим ссыльных приставам вменялось зорко следить, чтобы никто к сосланному не подходил «и не разговаривал с ним ни о чем, и письма никто не поднес, и не сходил с ним никто». Особенно тщательно наблюдали за постриженным в монахи Федором (Филаретом) Романовым.

Воейков, приставленный к Федору Никитичу, получил от Годунова инструкцию «писать государю про тайные государевы дела, что проявится от его государевых злодеев и изменников». Так, Воейков докладывал, что Федор винит в своих бедах не царя,

а бояр — «бояре де нам великие недруги, искали де голов наших, а де сам видел то не единожды». В царском указе о Филарете (Федоре) было указано: «жить старцу у того монастыря, в котором воровства бы не чаять». Таким местом стал Антониево-Сийский монастырь.

Пристав Воейков регулярно отсылал записанные им разговоры и думы «старца» Филарета. По отпискам Воейкова видно, что ссылка, лишение свободы и радостей семейной жизни не сломили властной и мощной натуры Филарета, но наложили суровый отпечаток на его характер. Он стал чрезвычайно вспыльчив и раздражителен. Кроме того, как бы ни был тщателен надзор, а все-таки до Филарета доходили вести из внешнего мира. Он слышал про успехи Самозванца, надеялся, что Годунова скоро свергнут с престола, и, быть может, надеялся, на облегчение своей участи при перемене режима.

В марте 1605 года Воейков вынужден был донести, что «живет де старец не по мирскому чину, всегда смеется неведомо чему, и говорит про мирское житье... и к старцам жесток». Доносил Воейков, что Филарет «старца Илинарха лаял, и с посохом к нему прискакивал, и из кельи его выслал вон». Филарет стал отказываться от исповеди: возможно, он подозревал духовника в несоблюдении требуемой при этом тайны. Воейков винил во всех этих нестроениях монастырские порядки, отсутствие городьбы (ограды) около монастыря, «свободный прием всяких прохожих людей» и т. д., добившись грозной царской грамоты на имя игумена обители /2/.

Однако вскоре царя Бориса не стало, а при Лжедмитрии I Филарет получил свободу. Иван Воейков в мае 1606 года принял участие в заговоре против Лжедмитрия I и участвовал в его убийстве. Погиб Воейков в том же 1606 году, сохраняя верность царю Василию Шуйскому. В Путивле он был убит сторонниками Лжепетра (якобы сына царя Федора), которому отказался присягать.

По Бабиновской дороге зимой 1601 года через Верхотурье в Пелым прошли дяди будущего царя из династии Романовых — Василий и Иван Никитичи. Из донесений пристава Ивана Некрасова узнаем о том, как везли в ссылку Василия Никитича. Дорога была трудная. Пришлось идти пешком. Василий Никитич шел «прост», но к ночи «чепь на него» клали, боясь побега. Он провел какое-то время в Верхотурской тюрьме, поскольку в режиме содержания «транзитных» ссыльных верхотурским воеводам предписывалось «держать новоприсланных ссыльных до отпусков в низовые сибирские города в той тюрьме и с великим бережением...». По сообщению пристава, после Верхотурья Василий Никитич раз-

болелся, «и он Иван вез его в санях простого; а как ему полегчало, и он на него чепь клал». Пристав Иван Некрасов винился перед государем, «что он Василия ковал мимо государева указа, блюдая от него побегу» /3/.

В 1619 году переведена была из Тобольска в Верхотурье ссыльная девица Мария Хлопова, бывшая невеста царя Михаила Федоровича, вместе с дядей своим И. Желябужским, его матерью, женой и братом.

Когда Михаилу, первому царю из династии Романовых, шел 20-й год, мать решила его женить. Михаилу уже была мила девушка Мария Хлопова. С ней он познакомился еще ребенком, когда его семью при Борисе Годунове отправили в ссылку. Когда Михаила с матерью вернули в Москву во время правления Самозванца, туда же переехала и Хлопова. Маша, рано потерявшая мать, жила в царском дворе с бабкой, принадлежавшей к древнему боярскому роду Желябужских. Мать царя, инокиня Марфа, склонялась к Марии Долгорукой, девице из знатного и богатого рода. Однако Михаил все-таки выбрал Хлопову. По мнению современников, ближний боярин царской матери Михаил Салтыков чем-то опоил царскую невесту, а когда ей стало плохо, заявил: «Невеста порченная. Черной немочью больна, к чадородию государеву неспособная».

Мария Хлопова вместе со всем семейством Желябужских была отправлена в Тобольск, а затем в Верхотурье. Некоторое улучшение, по сравнению с Тобольском, положения Желябужских в Верхотурье — половина воеводского дома и приличное денежное содержание — связано с возвращением из польского плена отца Михаила Федоровича — Филарета (Федора) Никитича. Михаил рассказал отцу об опальной невесте. Было проведено расследование, и Хлопову признали здоровой. Салтыков, за которым значились и другие «грешки», попал в опалу. Машу со всем семейством Желябужских перевели в Нижний Новгород, и они ждали скорого возвращения в Москву. Однако мать царя снова решительно заявила, что своего благословения на брак с Хлоповой не даст. Филарет больше в свадебное дело не вмешивался, а царь согласился на брак с княжной Долгорукой (та умерла через несколько месяцев после свадьбы от тяжелой болезни). Хлопова скончалась в 1633 году.

А в 1649 году в Верхотурье была сослана другая несостоявшаяся царская невеста — Евфимия Всеволожская. В начале 1647 года молодой царь Алексей Михайлович задумал жениться. Из 200 девушек выбрали шесть самых красивых. Алексею Михайловичу понравилась Евфимия, дочь Федора (Рафа) Всеволожского. Ей он

поднес по обычаю ширинку (платок) и кольцо как знак обручения с нею. По обычному порядку Всеволожскую ввели в царские хоромы. Следовало облечь ее в царскую одежду, возложить на нее венец и наречь царевною. Но произошло неожиданное: когда невесту одевали и причесывали к свадьбе, она упала в обморок в присутствии царя.

Некоторые современники считали, что Всеволожскую «испортили» родственники отвергнутых царем девиц — ей очень туго затянули волосы и одежду. Другие обвиняли воспитателя царя боярина Бориса Ивановича Морозова, который был недоволен выбором Алексея Михайловича. Морозов хотел женить царя на Марии Милославской, а самому взять в жены ее сестру, то есть породниться с царем. Вот что пишет современник, англичанин Самуил Коллинз, живший в Москве в начале XVII столетия: когда Всеволожская, получивши платок и кольцо, «явилась перед ним (государем) в царской одежде, Борис (Морозов) приказал так крепко завязать ей венец на голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у нее падающая болезнь (что государевой радости она непрочно). Ее старого отца обвинили в измене за то, что он представил свою дочь на избрание больную; после мучительной пытки он был сослан в Сибирь, где умер; а семья осталась в немилости». Невесту, уже нареченную царевною, сослали из дворца.

Царь был потрясен всем происшедшим. Несколько дней он «лишен был яди» — ничего не ел. Позднее государь пожаловал Евфимии весь изготовленный к свадьбе постельный убор. В отметке по случаю отдачи этих предметов сказано: «по государеву указу отдано ссыльной больной девице Евфимье Рафовой дочери Всеволоцкого». Федора (Рафа) Всеволожского «с сыном ево Андреем, и с дочерью Евфимию Федоровною, и с женой Настасьєю» сослали в Тюмень. В 1649 году Всеволожский «с Тюмени из опалы» пожалован на воеводство в Верхотурье. Семья Всеволожских переезжает в Верхотурье и занимает воеводские палаты. Федор (Раф) Родионович с 1649 по 1652 год сидел в Верхотурье на воеводстве. Коллинз, писавший свои записки около 1660 года, утверждал, что развенчанная невеста еще была жива, что со времени высылки ее из дворца никто за ней и не знал никаких припадков, что у ней было много женихов из высшего сословия, но она всем отказывала и берегла платок и кольцо — в память ее обручения с царем... /4/.

Надо сказать, что воеводами на Верхотурье в XVII веке были представители многочисленной царской родни: воевода Стрешнев Максим Федорович (в 1644—1646 годах), близкий родственник

Евдокии Лукьяновны (Стрешневой), жены царя Михаила Федоровича; воевода Милославский Данила Иванович, дед царицы Марии Милославской, первой жены Алексея Михайловича; воевода Нарышкин Григорий Филимонович, дядя царицы Натальи Кирилловны, второй жены Алексея Михайловича, матери Петра I; воевода Лопухин Федор (Ларион) Аврамович (в 1680–1682 годах), отец Евдокии Лопухиной, будущей жены Петра I... К этому списку можно добавить и канцлера Артамона Матвеева, воспитателя Натальи Кирилловны и неофициального лидера нарышкинского клана, который был сослан воеводой на Верхотурье, но по дороге арестован.

Именно при воеводе Нарышкине в 1692 году после пожара, уничтожившего весь город, кроме Николаевского монастыря, в селе Меркушино на поверхность поднялся гроб с нетленными останками праведного Симеона. Мощи стали прославляться как исцеляющие от множества недугов. Старцы Николаевского монастыря начали тщательно записывать все случаи чудес. Активное участие в данном начинании принял и воевода. Неслучайно, что среди имен первых исцеленных — слуга и дочь Нарышкина /5/.

Первые цари из династии Романовых жаловали своими подарками храмы и монастыри Верхотурья. Вплоть до начала XX столетия хранилось в церковной ризнице Троицкого собора Верхотурского кремля серебряное кадило. На верхней и нижней частях его имелась чеканная надпись: «Сие кадило построил в соборную церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы, что на Верхотурье, пожаловал Великий Государь царь и Великий князь Алексей Михайлович, вся России самодержец, в лета 7148 (1640), при протопопе Иоанне Михайлове».

В 1648 году в ответ на челобитье протопопа Верхотурской церкви Ивана Михайлова из Москвы сюда был доставлен с нарочитым нижеследующий указ: «От царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Руси, в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Борису Семеновичу Дворянину да подъячюму Григорию Недовескову. По нашему указу послано с Москвы, в Сибирь, на Верхотурье, в собор к Живоначальной Троице, с Верхотурскими служилыми людьми <...> книги печатныя, и ризы, и стихари; а сколько каких книг и риз, и тому послана к вам роспись под сею нашею грамотою, за дьячюю приписью. И как вам наша ся грамота придет, а верхотурские служилые люди <...> в Сибирь, на Верхотурье приедут, и вы бы у них те печатные книги, и ризы, и стихари велели принять по росписи, все на лицо; а приняв — отдати

те книги и ризы в собор к Живоначальной Троице, да о том отписать к нам, к Москве». О дарах от царя Алексея Михайловича в верхотурской съезжей избе была составлена чиновничья расписка: «Роспись, сколько послано с Москвы в Сибирь, на Верхотурье, с верхотурскими служилыми людьми <...> печатных книг и риз». Среди привезенного: «Книг печатных в переплете: Евангелie на престольное в полдесть, Евангелисты медные; два Охтая; две Триоди, Постная да цветная; Минея общая; два Пролога; Службеник; Апостол; Псалтырь, в полдесть; Часовник» /6/.

В 1670 году был пожертвован на престольный серебряный восьмиконечный крест чеканной работы. Как гласила надпись на нем, он являлся вкладом царя Алексея Михайловича: «Построен сей Животворящий крест Господен в соборную церковь Пресвятыя Троицы на Верхотурье, пожаловал Великий Государь царь, и Великий князь Алексей Михайлович всея России Самодержец». Из описания этой святыни следует, что «внутри его дерево», в которое были вложены 12 частиц мощей разных святых.

В том же 1670 году в Верхотурье из столицы по повелению государя был доставлен храмовый образ Святой Живоначальной Троицы. Внизу на иконе размещалась следующая надпись: «Сей Пресвятыя и Живоначальныя Троицы образ, благословением и помощью того Самого Отца и Сына и Святого Духа, Истинного Бога Нашего и повелением Благодетельнейшего и Христоролюбиваго Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белья России, Самодержца написан в царствующем и Богоспасаемом граде Москве, иконописцем Григорием Авраамовым, и поставлен в Богоспасаемом граде Верхотурье в сей соборной Пресвятыя и Живоначальныя Троицы церкви, во славу Пресвятаго и Великолепнаго Ея имени, а от воплощения Единосущнаго Безначальному Отцу Слова, при протопопе тоя святыя церкви Иоанне Михайлове». В дореволюционных изданиях про Свято-Троицкую церковь неоднократно упоминается и описывается «на престольный крест с рельефными на нем изображениями». Этот крест также являлся вкладом царя Алексея Михайловича. В нем, как видно из надписей, с нижней стороны вложены 10 частиц святых мощей угодников Божьих.

Наряду с богослужебными предметами в храм постоянно жертвовались и книги. Так, в 1671 году царем Алексеем Михайловичем были пожертвованы два на престольных Евангелия. В церковной библиотеке имелись следующие издания: «О священстве, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго архиепископа Константи-

нопольского», отпечатана в Москве в 1644 году; «Беседы и нравоучения, иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского и Вселенского Патриарха Златоустаго», отпечатана в Москве в 1655 году; «Боговдохновенная книга великих пастырей церковных и учителей всея вселенная: иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския, — беседы на шестоднев; иже во святых отца нашего Афанасия, архиепископа Александрийского — на богомерзких и проклятых злохульных ариан и во преподобных отца нашего Иоанна Дамаскина (книга небеса)», отпечатана в Москве в 1655 году; «Скрижаль», отпечатана в Москве в 1666 году; два экземпляра книги «Жест правления», отпечатанной в Москве в 1666 году.

Все эти книги на протяжении трех столетий хранились непосредственно в церкви. На их страницах имелась особая памятная запись, которая гласила: «...по указу Великого Государя царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержца дана сия книга из приказы Его Государевых Тайных дел в соборную церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы, что на Верхотурье...» /7/.

Выполняя царские указы, занимались воеводы обустройством храмов и монастырей. Так, несостоявшийся тесть Алексея Михайловича получил грамоту: «От Царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси, в Сибирь на Верхотурье, воеводе нашему Рафу Родионовичу Всеволожскому <...> По нашему указу велено на Верхотурье в Покровском девичьем монастыре воздвигнути церковь нову, во имя Покрова Пречистыя Богородицы да Усекновения Честные главы Иоанна Предтечи, и кельи поставить <...> А об иконах, и о книгах и о ризах наш указ к вам впредь будет» /8/.

Верхотурские воеводы принимали активное участие в политических интригах и борьбе за престол. Сын иноземного полковника на русской службе стольник Иван Елисеевич Циклер был сторонником царевны Софьи, которая, по словам современников, доверяла ему как «самому ревностному приверженцу». Однако в 1689 году, видя, что дело Софьи проиграно, он вместе со своими подчиненными перешел на сторону Петра I, за что получил звание думного дворянина и воеводство в Верхотурье. Как профессиональный военный, он сделал много для укрепления обороноспособности города и его гарнизона. Позже, в 1697 году, Циклер был казнен в Москве за участие в заговоре против Петра.

Падение правительства Софьи и приход к власти Нарышкиных ознаменовался для Верхотурья восстановлением пошатнувшегося было положения города как транспортного и таможенного центра. Последовали указы о запрете других путей в Сибирь, кроме «государевой дороги» через Верхотурье. Так, 25 октября 1696 года указом царей Ивана и Петра кунгурскому воеводе С.А. Сухотину на проезд через Кунгурский уезд был положен запрет. Разрешение ездить только через Верхотурье было закреплено и в новом торговом уставе 1698 года. В результате сбор Верхотурья в 1699 году, по сравнению с предыдущими годами, вырос в четыре-пять раз и составил 11 511 рублей, что вдвое выше аналогичных сумм, собранных в Тобольске (5602 рубля), и превышало таможенные доходы любого другого из сибирских разрядов /9/. Неудивительно, что именно Верхотурье, где сосредотачивались столь значительные суммы, стало опорным пунктом правительства в проведении его экономической политики в Сибири.

Петр I, понимая неизбежность войны со Швецией, прилагал все усилия для создания в стране собственной металлургической базы. Одним из центров производства российских чугуна и меди должен был стать Урал. В 1696–1698 годах верхотурский воевода Д.П. Протасьев получил из Москвы ряд грамот, согласно которым он должен был осмотреть «в которых местах камень магнит и железная добрая руда есть ли». Кроме того, он получил указание о выборе удобных мест к учреждению заводов и о присылке в Москву снятых с таковых мест чертежей и образцов руды. «В 1700 г. января 19 день Государь указал мастеров з женами и з детьми для железных заводов послать на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где железным заводам быть пристойно». В номере от 17 декабря 1702 года первой российской газеты «Ведомости» сообщалось: «В Верхотурском уезде из новообретенной железной руды много пушек налито и железа велими много сделано и такого мягкого и доброго из шведской земли не привозили, для того, что у них такого нет...» /10/.

По замыслу Петра I Верхотурье должно было стать сначала центром горного освоения края, а затем центром уральской металлургии. В «статьях», данным новому верхотурскому воеводе А.И. Калитину, предусматривалось заведение в городе больницы и богодельни, создание училища, «где бы градских людей отроков учить». Велено также, чтобы «молодые ребята» обучались «кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным делом». Предписывалось заботиться о построенных уже заводах и заводить новые.

фото Евгений Ташкин

*Собор Святой Живоначальной Троицы (Троицкий собор),
Верхотурье*

Верхотурский воевода А.И. Калитин приходился зятем думному дьяку А.А. Винниусу, главе Сибирского и Артиллерийского приказов, одному из ближайших соратников Петра и инициатору строительства уральских заводов, что еще более делало очевидную роль, уготованную Верхотурью в будущем развитии Урала. Именно ради такого будущего строился в нем каменный кремль, который своей представительностью должен был подчеркнуть значение Верхотурья. По специальным указам Петра I от 17 января и 8 марта 1699 года в Верхотурье из Москвы были присланы «каменного, известного кирпичного дела подрядчик и подмастерья Тимошка Гусев с товарищи». В грамоте от 2 июля 1700 года Петром даются подробные инструкции строителям кремля: как строить, из чего и что сделать, чтобы удешевить строительство.

Настоящим памятником Петру I в Верхотурье стала каменная Свято-Троицкая церковь Верхотурского кремля. Построенная в стиле «московского», или «нарышкинского», барокко, она до сих пор несет на себе изразцовую надпись, окаймляющую собой наружную стену храма: «Лета от сотворения света 7211 А от Рождества Христова 1703 А обложена сия церковь во имя Святыя живоначальная Троицы Повелением Государя и Великого всея Белья и малая России самодержца 32 от рождения Его при благоверном при бла-

городном Государе нашем Цесаревиче и Великом Князе Алексии Петровиче, от рождения его в 15 лето, Государя между патриаршества в управлении Патриаршого престола — преосвященного Стефана, митрополита Рязанского и Муромскаго благословением в духовном чину Преосвященнаго Филофея, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, при прибытии на Верхотурье воеводой стольника Алексия Ивановича Калетина (по какой-то причине фамилия изменена. — *Н.Н.*), совершился в лето 1705 году».

Город должен был превратиться и в крупный духовный центр. А.И. Калитин ходатайствовал перед митрополитом Филофеем Лещинским, известным своей активной миссионерской и церковно-строительной деятельностью, о перенесении в Верхотурский Николаевский монастырь мощей праведного Симеона, что и произошло 8 сентября 1704 года.

Однако первоначальным планам Петра I на судьбу Верхотурья не суждено было сбыться. В марте 1704 года вышел царский указ о передаче казенного Невьянского завода во владение Демидову. Верхотурскому воеводе Калитину «ведать его ни в чем не велено». Глава Сибирского приказа А.А. Винниус, тесть воеводы, выступавший против передачи казенных заводов в частные руки, был к тому времени смещен со своего поста. К концу первой четверти XVIII века центр экономической жизни края перемещается в район Екатеринбурга и Кунгура. Одновременно после ряда действий Петра I, направленных на ограничения самостоятельности церкви, и указа о телесных наказаниях и ссылке за «церковные чудеса» была приостановлена кампания по канонизации Симеона Верхотурского.

После гибели в 1918 году последней царской семьи из династии Романовых следователь Н.А. Соколов среди оставшихся от нее вещей обнаружил: образ святого Симеона Верхотурского, принадлежавший государыне; еще один его образ, но уже на эмали; «флакон с изображением на нем Святого Симеона Верхотурского, наполненный наполовину водой»; освященную 12 июня 1914 года на мощах святого Симеона Верхотурского икону святого Николая Чудотворца с инициалами «А.В.»; красочный, чеканный на гипсе и деревянный в металлической рамочке образок святого Симеона, а также принадлежавшие великой княгине Татьяне Николаевне «Житие и чудеса Святого Праведного Симеона Верхотурского», подаренное ее матерью в Тобольске в 1917 году, и закладку с образом святого Симеона Верхотурского /11/. Но это уже совсем другая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников.* — М.: Современник, 1989. — С. 164.
2. *Васенко, П.Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. Издание комитета для устройства празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых / П.Г. Васенко.* — СПб.: гос. типография, 1913. — С. 91–92.
3. *Там же.* С. 85–86.
4. *Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края (к 400-летию Верхотурья).* — Екатеринбург: изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. — С. 43.
5. *Корчагин, П.А. История Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города / П.А. Корчагин.* — Екатеринбург: РГ-Урал, 2012. — С. 57–58.
6. *Верхотурская старина: краев.-ист. изд.* — Верхотурье, 2005. — Вып. 4. — С. 6–8.
7. *Там же.*
8. *Корчагин, П.А. Указ. соч.* С. 208.
9. *Там же.* С. 55, 72.
10. *Там же.* С. 72.
11. *Там же.* С. 141.

Я.Г. СОЛОДКИН

Нижевартовск

Н.Р. ЮРЬЕВ — «БЛИЖНИЙ БОЯРИН» ЦАРЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

Одним из наиболее крупных политических деятелей России второй половины XVI века являлся шурин Ивана Грозного по «юнице» Анастасии — Никита Романович Юрьев. Пик его служебной карьеры, продолжавшейся около четырех десятилетий, пришелся на первые годы царствования племянника — «освятованного» Федора Ивановича.

Историки единодушно включают Н.Р. Юрьева в состав регентского совета, образованного Грозным при своем «преблаженном» наследнике, порой считая представлявшего земскую знать боярина главой этого опекунского кружка /1/. Предпочтительнее, однако, говорить не о таком совете, а о Ближней думе, объединявшей в конце 1580-х годов, по свидетельству Дж. Флетчера, шесть-семь членов. Английский посол Дж. Баус, во время пребывания которого в Москве скончался Иван IV, называл его главными советниками Б.Я. Бельского, Н.Р. Юрьева и А.Я. Щелкалова, отметив, что двое последних даже считали себя царями /2/.

Как представлялось А.А. Зимину, в первые месяцы нового «скифетродержавства» реальная власть принадлежала князю И.Ф. Мстиславскому, Н.Р. Юрьеву и думному дьяку А.Я. Щелкалову, а дядя «святым сопричасного» государя являлся тогда, пожалуй, самым влиятельным боярином в Думе, что сказалось на пополнении ее состава. А.П. Павлов считает, что в начале царствования Федора Ивановича Юрьев был главой правительства, включавшего братьев Щелкаловых. Мнение Г.В. Абрамовича, что Никита Романович вместе с Шуйскими и Мстиславскими представлял «княжеско-боярскую группировку, противостоявшую Борису Годуну в его стремлениях к захвату власти» /3/, вряд ли имеет под собой основания.

В.И. Корецкий признавал Никиту Романовича наиболее значительным лицом в московских событиях весны 1584 года, в частности в ходе умиротворения восставших, которые, не желая сохранения опричных порядков, осадили Кремль. С точки зрения видного историка, боярин, не чувствуя себя там в безопасности, выехал, по сообщению голландца И. Массы, на свое подворье в Китай-город

(на Варварку), где, вероятно, охранялся столичными стрельцами. Как писал Корецкий, «со 2 апреля («смятения» в «царствующем граде». — *Я.С.*) до 31 мая (коронации Федора Ивановича. — *Я.С.*) в Москве фактически установилось двоевластие, центрами которого были Кремль, где <...> верх постепенно брал Б.Ф. Годунов, и подворье Романовых (там обосновался Юрьев. — *Я.С.*) в Москве. <...> С созывом земского собора и с коронацией Федора <...> это двоевластие было ликвидировано на основе компромисса между Б.Ф. Годуновым и Н.Р. Юрьевым, возглавившим новое правительство» /4/.

Но можно ли доверять показаниям И. Массы? Вопреки ему, что отмечалось самим Корецким, 2 апреля 1584 года Никита Романович «находился в Кремле и выезжал к восставшей черни» /5/. Состоя в ближайшем окружении нового царя, боярин, пользовавшийся любовью простолюдинов, даже если и жил в апреле-мае того года на Варварском крестце, то постоянно бывал в то время и в резиденции «святонаставшего» племянника. И хотя вряд ли справедливо мнение, что до предсмертной болезни Юрьева, которому, по оценке С.Ф. Платонова, с вступлением на трон племянника вначале принадлежало «правительственное первенство», Борис Годунов не играл видной политической роли /6/, тезис о сохранявшемся в течение почти двух месяцев (до коронации «миропреподобного» Федора) двоевластия кажется преувеличением. К тому же Земский собор, в частности покончивший якобы с таким неопределенным положением, если и созывался, то в 20-х числах апреля 1584 года.

Согласно польским сведениям за май того же года, боярин И.П. Шуйский — один из двух самых влиятельных лиц в России — «требовал себе должности Никиты». Вопреки мнению Р.Г. Скрынникова, отсюда вовсе не следует, что «по возвращении из Пскова в Москву регент И.П. Шуйский стал исподволь готовить» отставку Юрьева и Щелкалова /7/. К тому же прославившийся в конце Ливонской войны знатный князь, появившийся в столице вскоре после царской коронации, следом вновь очутился в Пскове /8/.

Скрынников, писавший о правительстве Н.Р. Юрьева либо Б.Ф. Годунова или же о просуществовавшем несколько месяцев триумвирате, в состав которого входил и А.Я. Щелкалов /9/, не сомневался в том, что брат царицы Ирины удостоился чина конюшего ко времени, а может быть, в пору коронации сына Грозного, при поддержке Никиты Романовича «с его неограниченным влиянием на Федора и весом в Боярской думе». Скрынников вообще

признавал Юрьева покровителем Бориса. Но из-за преклонного возраста положение родного дяди «ангелоподобного» государя оказалось непрочным /10/.

Считается, что Юрьев тяжело заболел либо к лету /11/, либо в июле-августе /12/, либо в конце 1584 года /13/. Мнение, что последний раз Никита Романович, накануне смерти принявший постриг под именем Нифонта, упоминается в документах за август следующего года /14/, точнее в списке дворовых, оставленных в Москве на время похода Федора Ивановича в Троице-Сергиев монастырь, следует отклонить. В приходо-расходных книгах Чудовской обители, где, кстати, говорится о смерти этого брата «богомудрой» царицы Анастасии 23 апреля 1586 года /15/, зафиксирован его вклад 12 декабря 1585 года по И.Д. Карпову. В 1585/1586 году «с доклада» Юрьева К. Яковлева дала в «Троицу» сельцо Бежецкого уезда Горы Морткины с деревнями и починками /16/. На взгляд В.П. Загоровского, дядя «святоцаря» Федора участвовал в подготовке прения Боярской думы об основании Ливен и Воронежа в октябре 1585 года /17/. С точки зрения видного исследователя средневековой истории Центрального Черноземья, Юрьев, еще в 1574 году начавший ведать сторожевой службой на «крымской Украине» Московского государства, 1 марта 1586 года провел совещание в Разрядном приказе, «приговорив» отменить посылку стоялых голов к Дону и Осколу /18/.

Скорее можно согласиться с замечанием В.П. Загоровского о том, что в начале 1586 года Никита Романович «лишь номинально числился руководителем сторожевой службы», и распоряжение от 1 марта того года исходило от какого-то разрядного дьяка, а вовсе не от «великого» боярина /19/, не одно десятилетие игравшего видные роли на политической арене и под конец жизни сделавшегося едва ли не ключевой фигурой при дворе «крестоносного» преемника первого московского царя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Три века: Россия от смуты до нашего времени: Ист. сб. под ред. В.В. Калаша. — М., 1912. — С. 44–45; История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1966. — Т. 2. — С. 216; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков (далее — ПЛДР). — М., 1987. — С. 585; Лихачев, Д.С. Великая Русь: История и художественная культура: X–XVII века / Д.С. Лихачев и др. — М., 1994. — С. 398; Семенов, О.В. «Изменное дело» Романовых и уральская ссылка Ивана и Василия Никитичей в начале XVII в. // Западная Сибирь: прошлое,

настоящее, будущее / О.В. Семенов. — Сургут, 2004. — С. 33. Ср.: Скрынников, Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова / Р.Г. Скрынников. — Л., 1971. — С. 197; Дробленкова, Н.Ф. Борис Федорович Годунов // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Н.Ф. Дробленкова. — Л., 1988. — Вып. 2, ч. 1. — С. 93. Считать подобно В.И. Корецкому, что регентский совет был сформирован не Грозным, а после его смерти «в придворных кругах» (История СССР... — Т. 2. — С. 214), нет оснований.

С.В. Бахрушин называл Н.Р. Юрьева главой правительства Федора Ивановича, уступившим этот пост своему сопернику Борису Годунову (Бахрушин, С.В. Научные труды / С.В. Бахрушин. — М., 1952. — Т. 1. — С. 214).

2. Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженкинсон, Рандольф, Баус) / Пер. с англ. С.М. Середонина. — М., 1884. — С. 96, 103. В статейном списке московского посольства Дж. Бауса Юрьев представлен ближним человеком царя Ивана, боярином Ближней думы. Папский дипломат А. Поссевино, побывавший в российской столице незадолго до смерти Грозного, признавал Никиту Романовича очень влиятельным лицом (Середонин, С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник / С.М. Середонин. — СПб., 1891. — С. 220, 221; Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино. — М., 1983. — С. 198–199). См. также: Зимин, А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А.А. Зимин. — М., 1986. — С. 88, 94, 265; прим. 22, 30.

3. Зимин А.А. В канун грозных потрясений... — С. 109, 111, 121; Абрамович, Г.В. Князя Шуйские и российский трон / Г.В. Абрамович. — Л., 1991. — С. 119; Павлов, А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А.П. Павлов. — СПб., 1992. — С. 32. В представлении же Н.М. Карамзина Юрьев считался тогда первым вельможей, но подчинялся царскому шуруину Борису Годунову, хотя и дружил с ним. См.: Карамзин, Н.М. История Государства Российского / Н.М. Карамзин. — М., 1989. — Кн. 3, т. 10. — Стлб. 9, 14, 22.

4. Корецкий, В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. / В.И. Корецкий. — М., 1986. — С. 88–89. Ср.: С. 56, 93. Об этом, следуя рассказу И. Массы, писал и Н.И. Костомаров (Костомаров, Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: 1604–1613 / Н.И. Костомаров. — М., 1994. — С. 10).

5. Корецкий В.И. История... — С. 84. Ср.: С. 138. Утверждение, будто Романовы и Шуйские приложили руки к распространению версии

«о насильственном умерщвлении царя Ивана» (Там же. С. 87. Ср.: С. 83), бездоказательно.

6. /П-в/ (Платонов) С. Борис Федорович Годунов (дополнение) // Русский биографический словарь. — СПб., 1908. — Т. Бетанкур — Бякстер. — С. 247; Он же. Смутное время. — СПб., 2001. — С. 201, 265–266, 370–371, 378. В другую крайность впал Ю.В. Толстой, убежденный в том, что «с восприятием Феодором венца мономахова исчезло всякое иное влияние, кроме власти его знаменитого шурина, многоумного Бориса» (Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553–1593: Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым. — СПб., 1875. — С. 39).

7. Скрынников, Р.Г. Россия накануне «смутного времени» / Р.Г. Скрынников. — М., 1981. — С. 21.

8. См.: Разрядная книга 1550–1636 гг. — М., 1976. — Т. 2, вып. 1. — С. 6, 20, 26, 28; Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 346, 358, 362, 365; Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1987. — Т. 3, ч. 2. — С. 30, 59, 60, 78–80.

9. Скрынников Р.Г. Россия... — С. 24, 25.

10. Там же. — С. 21, 22; Скрынников, Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви / Р.Г. Скрынников. — Новосибирск, 1991. — С. 346. Александро-Невская летопись склоняет к выводу, что Борис Годунов стал конюшим накануне царского венчания. См.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 1965. — Т. 29. — С. 221. Ср.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений... — С. 270; прим. 34.

Ссылаясь на Летописную книгу о Смутном времени, Р.Г. Скрынников и А.П. Павлов, как и С.Ф. Платонов, упоминают про «завеща- тельный союз» Юрьевых и Годуновых (Скрынников Р.Г. Россия... — С. 21–22, 116; Он же. Борис Годунов. — М., 1983. — С. 22–23; Павлов А.П. Государев двор... — С. 32–34. Ср.: Корецкий В.И. История... — С. 93). Однако надо учитывать, что приведенное выражение — один из много- численных литературных штампов, встречающихся в названной «истории» (см.: ПЛДР. — С. 364, 408; ср.: С. 368, 374, 408, 420, 424, 456). В Пискаревском летописце (в чем В.И. Корецкий, Р.Г. Скрынников и А.П. Павлов не сомневаются) Романовы и Годуновы отнесены к враж- дебным политическим группировкам. Поэтому вслед за А.А. Зиминым, думается, есть основания говорить (о чем писал Авраамий Палицын) лишь про обещание Бориса Годунова Никите Романовичу опекать его молодых сыновей (Зимин А.А. В канун грозных потрясений... — С. 133). Что касается известия относительно позднего «Сказания о постав- лении на патриаршество Филарета Никитича» будто Борис «исперва

любовно приединился (к «Никитичам». — Я.С.) и клятву страшну тем сотворити, яко братию (Романовых. — Я.С.) и царствию помощателя имети», то тенденциозность этого не отличающегося ясностью сообщения очевидна. «Списатель», близкий к кругу нового «первосвятителя», вероятно, старался обвинить бывшего «изрядного правителя» в вероломстве. С.В. Бахрушин, думается, вполне основательно считал версию о «завещательном союзе» Романовых и Годуновых легендой (Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. — С. 214; прим. 45).

11. Павлов А.П. Государев двор... — С. 32. Утверждение, что Юрьев отошел от дел по старости (Общественная мысль России в XVI—XVII вв. — М., 2010. — Т. 1. — С. 377), должно считаться неточным.

12. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов. — СПб., 1997. — С. 260; Он же. Борис Годунов. — М., 1999. — С. 47, 49; Лурье, Я.С. Письма Джерома Горсея / Я.С. Лурье // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. — 1940. — Вып. 8, № 73. — С. 189; История СССР... — Т. 2. — С. 214; Скрынников Р.Г. Россия... — С. 26; Зимин А.А. В канун грозных потрясений... — С. 122; Корецкий В.И. История... — С. 94 и др. По утверждению С.М. Соловьева, Юрьев тяжело занемог не позднее августа 1584 г. (Соловьев, С.М. Соч. / С.М. Соловьев. — М., 1994. — Кн. 4: История России с древнейших времен. — Т. 7—8. — С. 207).

13. Очерки истории СССР: Период феодализма: Конец XV в. — начало XVII в. — М., 1955. — С. 473; Загоровский, В.П. О древнем Воронеже и слове «Воронеж». 2-е изд., испр. и доп. / В.П. Загоровский. — Воронеж, 1977. — С. 92. Мнение, что Юрьев смертельно заболел в августе 1585 г. (Абрамович Г.В. Князя Шуйские... — С. 119), неверно.

14. Скрынников Р.Г. Россия... — С. 26. Ср.: С. 21.

15. Корецкий В.И. История... — С. 92, 95. См. также: Дмитриев, И.Д. Московский первоклассный Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем (историко-археологический очерк) / И.Д. Дмитриев. — М., 1909. — С. 10.

Впервые эта дата была названа Г.Ф. Миллером.

Указание на смерть знаменитого боярина вскоре после весны 1586 года (Загоровский В.П. О древнем Воронеже... — С. 92) ошибочно.

16. Корецкий В.И. История... — С. 92; прим. 68; Черкасова, М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI — XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) / М.С. Черкасова. — М., 2004. — С. 89. В так называемом Московском летописце помещена роспись воевод русской армии в предполагаемом походе против Стефана Батория (накануне его смерти в декабре 1586 года, ср.: Карамзин Н.М. История... — Кн. 3, т. 10. — Стлб. 28; прим. 81), где Н.Р. Юрьев значится среди военачальников большого полка (ПСРЛ. — М., 1978. —

Т. 34. — С. 232–233). Скорее всего, этот «разряд» составлен ранее, возможно, в самом начале царствования Федора Ивановича либо (см.: Скрынников Р.Г. Россия... — С. 191; прим. 49) 25 февраля 1585 г.

Кстати, в «проромановском» Новом летописце (далее — НЛ), где подчеркивается, что «царица Анастасея Романовна да Микита Романовичъ отъ единого отца и матери; от царицы Настасеи Романовны царь Федоръ Ивановичъ, от Никиты Романовича Федоръ Никитичъ з братьею», Н.Р. Юрьев назван вместе с князем И.Ф. Мстиславским лишь как боярин, посланный молодым государем к подступившим к Кремлю мятежникам «розговаривать и свою милость к ним сказать», и умалчивается о смерти «близнего приятеля» Федора Ивановича, зато указывается на видную роль Бориса Годунова, пользовавшегося «присвоением царским», сразу после кончины Грозного (ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 14. — С. 35–36, 53). Надо думать, более подробными сведениями о деде будущего царя Михаила составитель НЛ не располагал. В.И. Корецкий, кстати, возводил сообщение Латухинской Степенной книги о смерти Никиты Романовича к известной В.Н. Татищеву, но следом утраченной летописи о «разорении русском» (Корецкий В.И. История... — С. 131. Ср.: С. 127, 169). Однако про кончину боярина, входившего в состав Ближней думы Ивана Грозного и его сына Федора, сказано также в Хронографе второй редакции. См.: ПЛДР. — С. 318.

17. Загоровский, В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В.П. Загоровский. — Воронеж, 1991. — С. 199.

18. Загоровский В.П. О древнем Воронеже... — С. 91, 92; Он же. История города Воронежа в документах // Воронеж в документах и материалах. — Воронеж, 1987. — С. 3; Он же. Исследования и заметки по исторической географии Центрального Черноземья XVI века // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). — Воронеж, 1989. — С. 21, 23; Он же. Воронеж: историческая хроника. — Воронеж, 1989. — С. 16.

19. Загоровский В.П. О древнем Воронеже... — С. 91, 92.

Л.П. МАРКОВА

Пермь

«ЦАРСКИЙ КРЕСТ». УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ПРЕБЫВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСКОЙ ДИНАСТИИ В ПЕРМИ.

Программа Просветительского центра «Библиотека Духовного возрождения» к 400-летию дома Романовых «Династия Романовых: пермский период»

В 2013 году исполняется 400 лет восшествия на русский престол первого представителя рода Романовых. Пермский край исторически связан с трагическими страницами воцарения и гибели представителей династии Романовых и имеет прямое отношение к данной теме наряду с Костромой, Петербургом, Екатеринбургом.

Необычным было появление династии Романовых — она была выбрана Земским собором в 1613 году и призвана отстоять независимость России в гражданской и национально-освободительной войне начала XVII века, утвердив ее государственность.

Мало кто знает, что именно Пермский край способствовал тому, что династия Романовых закрепилась на русском престоле. Один из наших государственных праздников — День народного единства — приурочен к 4 ноября, дню изгнания поляков из Москвы в 1612 году. Против поляков выступило русское ополчение, созданное Кузьмой Мининым и князем Пожарским. Для того чтобы создать и вооружить ополчение, требовались большие деньги, — был организован сбор средств, люди отдавали все свои сбережения. На ополчение было потрачено 6000 рублей (лошадь или корову тогда можно было купить за 1 рубль). Так вот, из этой суммы 5000 рублей передала семья Строгановых, чьи владения находились тогда в Пермском крае. После победы Романовых они получили титул «именитые люди» — в истории России так больше никого не именовали.

Внимание императорского дома Романовых к Пермскому краю наблюдается с давних времен. Еще по указанию Петра Великого его посланец В.Н. Татищев приезжает на Урал и среди прочих закладывает Егошихинский медеплавильный завод, жилой посе-

лок которого стал основой будущего города Перми. В 1770-е годы рассматривается вопрос об учреждении в Прикамье губернского центра. Екатерина Великая признала «выгодность положения Ягошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города». Торжественное открытие губернского города Перми состоялось 18 октября 1781 года. Памятным событием для жителей Перми стал приезд императора Александра I в 1824 году. Были проведены большие работы по благоустройству города и сооружению некоторых знаковых объектов, включая обелиски Казанской и Сибирской застав, ротонду в Загородном саду. Заложенная в дни пребывания императора городская больница стала именоваться Александровской. В 1837 году, обозревая Отечество, в Перми побывал цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II.

Во второй половине XIX – начале XX века губернский центр на Урале посещают целый ряд царственных особ. Обычно высокие гости встречались с духовенством и губернским начальником, посещали Спасо-Преображенский кафедральный собор, казенные и учебные заведения. Среди них великие князья Владимир Александрович, Алексей Александрович, Георгий Михайлович, Михаил Николаевич, его сын Сергей Михайлович и другие. Летом 1914 года, накануне Первой мировой войны, визит в Пермь и Пермскую губернию осуществила великая княгиня Елизавета Федоровна.

Годы революции и Гражданской войны также были связаны с пребыванием в Перми членов императорского дома. В 1917 году через Пермь проследовали император Николай II и его семья, отправленные в ссылку сначала в Тобольск, а затем в Екатеринбург. В своих дневниковых записях они оставили воспоминания о двухчасовой остановке под Кунгуром, во время которой они гуляли по цветущему лугу у реки. В 1918 году в Перми в течение недели находилась великая княгиня Елизавета Федоровна по пути в ссылку в Алапаевск.

По удивительному стечению обстоятельств пермская земля стала сопричастна историческим событиям, предшествующим вступлению Романовых на престол, и гибели последних представителей правящей династии. В 1602 году в деревне Нырбка (ныне поселок Нырб) был замучен дядя первого царя из династии Романовых — боярин Михаил Никитич Романов. На пермской же земле трагически завершилась история царствовавшего в России дома Романовых. В 1918 году по решению Совнаркома в Пермь сослали великого князя Михаила Александровича, которому была передана верховная власть по манифесту отречения от престола Николая II за себя

фото М.В. Махленко

*Выступление Л.П. Марковой
на заседании секции «Романовы и Урал»*

и своего сына Алексея. В ночь с 12 на 13 июня великий князь Михаил Александрович и его секретарь Брайан Джонсон были захвачены вооруженной группой революционных боевиков из Мотовилихи, вывезены по Соликамскому тракту и в шести верстах от пушечного завода расстреляны. Так Пермская губерния стала могилой для последнего, самого близкого к престолу представителя Российской императорского дома. Царскую семью убили в Екатеринбурге, а в Алапаевске — других членов августейшей династии, в том числе великую княгиню Елизавету Федоровну (до 1921 года Екатеринбург и Алапаевск входили в состав Пермской губернии).

Печально, но Пермский край в истории рода Романовых сыграл роковую роль. Моральный долг пермяков — отдать дань уважения династии, под началом которой Россия прошла исторический путь длиной в 300 лет.

Исследованию трагедии и увековечению памяти великого князя Михаила Александровича в Перми уделяют внимание в основном энтузиасты. Издана книга «Скорбный путь Михаила Романова от престола до Голгофы», установлена мемориальная доска на здании бывшей гостиницы «Королевские номера» (ул. Сибирская, 5), завершается строительство часовни Михаила Тверского, небесного покровителя Михаила Александровича, снят фильм «Два Михаила — начало и конец династии» (автор С. Тупицын). В ряду мероприятий «Романовские дни в Пермском крае» пермский Свято-Троицкий Стефанов мужской монастырь организует ежегодные крестные ходы до часовни Михаила Тверского, в которых участвуют до 2000 человек. В 2010 году у часовни был установлен и освящен большой Царский крест.

Программа библиотеки «Династия Романовых: пермский период» вошла в краевую и городскую программы празднования

400-летия дома Романовых в Перми и Пермском крае. В планах мероприятий на 2013 год — увековечение их памяти через выставочную, издательскую, поисковую деятельность.

Одной из самых острых и нерешенных проблем для Перми является отсутствие Музея дома Романовых или хотя бы постоянной музейной комнаты. Библиотека своей просветительской и издательской деятельностью пытается восполнить этот пробел.

Особое место в программе библиотеки занимают мероприятия, связанные с темой увековечения памяти де-юре последнего императора Михаила Александровича Романова. Он, единственный из последних царствующих Романовых, не был похоронен по христианскому обычаю. Его гражданский вклад в развитие государственности России еще не изучен и не оценен по заслугам. В 2013 году библиотека проводит цикл встреч «Один день с Великим князем Михаилом Романовым» в исторических зданиях, которые он посещал (бывший дом заводчика Сергея Тупицына по ул. Большевикской, 120; дом купца Алина по ул. Сибирской, 17; здание бывшей гостиницы при Благородном собрании по ул. Сибирской, 20; «Королевские номера» по ул. Сибирской, 5 и другие — всего 10 зданий). С начала года прошло восемь встреч. Так создается своего рода виртуальный музей великого князя Михаила Романова.

Начало же положила акция памяти у бывших Королевских номеров «День рождения Великого князя Михаила Александровича Романова», которую впервые в городе провела библиотека 4 декабря 2012 года. В ней приняли участие те, кому небезразлична история нашего города и края: краеведы, режиссеры, издатели, духовенство, студенты Пермского строительного колледжа, учащиеся школы № 9. Тема гибели Романовых на родной земле волнует многих пермяков, поэтому все участники выступали с призывом о создании Музея дома Романовых в бывшей гостинице «Королевские номера». Представители молодого поколения провели флеш-моб «Музею дома Романовых — да!». В ходе акции студенты Пермского колледжа культуры и искусств провели блиц-опрос, в результате которого выяснилось, что 94% респондентов поддерживают идею открытия Музея дома Романовых в Перми. По предложению Н.А. Зенковой, выпустившей единственный в мире сборник архивных материалов об убийстве великого князя «От престола до Голгофы», память Михаила Александровича и Брайана Джонсона почтили минутой молчания. К памятной доске возложили цветы. Чтобы всегда помнить те страшные дни нашей истории и не допустить их повторения, вновь зажгли свечи памяти.

В продолжение акции 5 декабря на Урал-Информ ТВ вышла интернет-версия передачи «Личные новости от пермяков», посвященная подготовке празднования 400-летия дома Романовых в Перми (<http://www.uitv.ru>). В завершение мероприятий, посвященных дню рождения великого князя Михаила Романова, было выработано обращение к администрации г. Перми с предложением о создании Музея дома Романовых в бывших «Королевских номерах».

Цель цикла встреч «Один день с Михаилом Романовым» — познакомить учащихся, студентов и педагогов, любителей истории с малоизвестными фактами пребывания великого князя и августейших особ в Перми. В частности, с фактами посещения Михаилом Александровичем и другими представителями дома Романовых исторических зданий, храмов, семей известных пермских промышленников, купцов, общественных деятелей.

Встречи прошли в Центральной городской библиотеке им. А. Пушкина, которую посещал великий князь; в бывшем Мариинском женском училище (сейчас Пермская государственная сельскохозяйственная академия), учрежденном императрицей Марией Александровной, женой императора Александра II; в бывшем доме заводчика Сергея Тупицына по ул. Екатерининской, 210, в Пермском Успенском женском монастыре. Особо знаменательная встреча прошла в бывшем здании Благородного собрания, где в 1913 году в этот же день проходило главное торжественное празднование 300-летия дома Романовых в Перми и в гостинице которого в 1918 году был первоначально размещен Михаил Александрович.

В рамках работы киноклуба библиотеки «Событие» в кинотеатре «Кристалл» и киносалоне «Премьер» прошли Рождественская и Пасхальная недели православного кино. В 2013 году демонстрировались фильмы о представителях дома Романовых. Впервые в кинотеатрах Перми был показан документальный фильм из цикла «Николай II. Круг жизни». Его представил член творческой группы, пермский режиссер Павел Печенкин, директор Госкиноцентра «Пермкино», президент международного кинофестиваля «Флаэртиана». В обсуждении фильма приняли участие известные пермские режиссеры, писатели, ученые, священники, общественные деятели, учащиеся и студенты, любители кино.

12 июня в рамках «Романовских дней в Перми» проведен Фестиваль колокольных звонов и хоровой музыки «Колокола памяти». Он прошел на Соборной площади возле Пермской государственной художественной галереи. Приятно, что на нем присутствовали автор книг «Последний царь» и «Михаил и Наталья»

Дональд Кроуфорд из Великобритании и члены международной экспедиции по поиску останков великого князя Михаила Романова и его верного секретаря Брайана Джонсона, которая работала в Перми с 1 по 17 июня. В состав экспедиции вошли члены фонда Search Foundation, Inc. (Фонд по поиску детей Романовых, США) и Пермского историко-культурного фонда «Обретение».

В завершение экспедиции состоялся круглый стол «Пермская Голгофа», посвященный итогам поисковой деятельности. На круглом столе прошло активное и заинтересованное обсуждение итогов работы. С признательностью в адрес экспедиции выступили директор и педагоги МОУ «Средняя образовательная школа № 9 им. А.С. Пушкина». Они продемонстрировали электронную презентацию проекта по переводу с английского языка на русский глав книги «Последний царь». В проекте приняли участие 18 учебных заведений Перми. Участники международной поисковой экспедиции получили в подарок экземпляры этой книги и в ответ поблагодарили директора и учащихся школы № 9 за содействие и физическую помощь в проведении раскопок. Трогательно, что педагоги школы подарили сотрудникам библиотеки небольшое дерево породы гинкго-билоба, семена которого были привезены из Лиссабона и выращены в Перми. Особую ценность придает подарку то, что это дерево пермского периода.

Еще одно начинание библиотеки — акция, посвященная увековечению памяти приближенных царской семьи, последовавших с августейшими особами в ссылку и убитых большевиками в Перми 4 сентября 1918 года. Проводятся беседы, экскурсии на место захоронения приближенных царской семьи, демонстрируется документальный фильм Аллы Мингазовой «Царским маршрутом», рассказывающий о трагической судьбе царской свиты, запечатлевший места их заточения и погребения в Перми. Фильм повествует о том, как в сентябре 1918 года на четвертой версте Сибирского тракта были расстреляны 10 человек, в том числе фрейлины императрицы Александры Федоровны. В картине устами героинь ведется рассказ о периоде ареста царской семьи, о верных спутницах императрицы Александры Федоровны — фрейлины Анастасии Гендриковой и гофлектрисе государыни Екатерине Шнейдер, учившей Александру русскому языку, когда она еще была принцессой Гессенской, невестой Николая Романова. По случаю установки нового креста на месте их предполагаемого захоронения состоялась панихида, выпущен буклет. Готовится к изданию сборник краеведческих материалов «Романовские места в Перми».

Еще одна инициатива библиотеки — возрождение в Пермском крае традиции поминовения боярина Михаила Никитича Романова, существовавшей с 1613 года и запрещенной в 1928 году. В поселке Ныроб на месте ямы-темницы, где он скончался мученической смертью в конце лета 1601 года, возвели часовню, а на месте первого погребения Михаила Никитича воздвигли храм во имя Богоявления Господня. При императоре Николае II была предпринята попытка прославления боярина Михаила Никитича Романова в лике святых, но этому помешали революция, арест и казнь царской семьи.

В 2013 году Дни памяти пройдут в седьмой раз в день святого Архистратига Михаила, небесного покровителя боярина Михаила Романова. В программу традиционно входят: выступление исторического театра на ландшафте «Ныробский узник» в поселке Ныроб, панихида по Михаилу Никитичу Романову у часовни на месте его заточения и гибели, научно-практическая конференция, обширная культурная и экскурсионная программа.

С начала года в программе «Династия Романовых: пермский период» приняло участие около 7000 человек. Реализация мероприятий данной программы позволит укрепить интерес к историческому и культурному наследию России, в том числе нашего края, а также будет способствовать формированию в обществе устойчивых патриотических и гражданских настроений.

400-летие дома Романовых — это не только прославление династии, но и, по словам великой княгини Марии Владимировны, «прославление мужества, самопожертвования и любви простых людей, освободивших и возродивших нашу страну...». Хочется добавить, что это еще и время покаянного переосмысления нами событий 400-летней и 95-летней давности. Время для раскрытия «белых пятен» истории и установления исторической справедливости.

СТАРООБРЯДЦЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ: судьба русского народа на окраине Российской империи

Старообрядчество явилось следствием раскола Русской православной церкви в результате церковной реформы патриарха Никона 1653—1660 годов и борьбы между церковью и династией Романовых за приоритет во власти.

Противники реформ, или, как они сами себя называли, «ревнители древлего благочестия», были приравнены к еретикам, отлучены от церкви и преданы проклятию. Впоследствии их стали называть староверами, старообрядцами, «раскольниками».

Со второй половины XVIII века старообрядцы начали селиться на территории Забайкалья для постоянного проживания. Таким образом, несмотря на свою отдаленность, Забайкалье оказалось связано с общероссийской историей. Поэтому мы рассмотрим историю старообрядчества как составную часть истории русского народа, ревностно сохранившего не только религию, но и свою этническую принадлежность. В Забайкалье старообрядцы представляли два течения — поповщину, которая первоначально существовала в форме беглопоповщины, и беспоповщину. Первые расселились на территории западного Забайкалья, вторые — восточного.

Историей пребывания старообрядцев на территории Забайкалья занимались многие исследователи, например Ф.Ф. Болонев, Т.М. Зенкова, В.И. Косых и др.

Старообрядцы прославились трудолюбием и высоким качеством земледелия. Используя традиционную русскую систему земледелия — двуполье с перелогом, семейские выращивали рожь, пшеницу, ячмень, овес, просо, гречиху, в небольших количествах озимую рожь. Для вспашки земли применяли соху, сабан. Они первыми из забайкальского населения стали использовать плуг. Для боронования применяли бороны, в основном полутяжелые рамочные с деревянными, позже железными зубьями. Посев зерна осуществлялся вручную из плетеного берестяного лукошка, короба или севалки, которые вешали на кушаче или ремне на шею. Созревший хлеб жали серпами, а овес, гречиху и полегший хлеб косили косами. Молотили вручную цепями. Зерно размалывали на

ручных жерновах, позднее на водяных, конных и ветряных мельницах. Чтобы получить крупу, зерно «обрушивали» в деревянных ступах. Часть полученного урожая семейские обязаны были сдавать в хлебозапасные магазины, где они в случае неурожая могли взять зерно на семена или пропитание. Количество взятого зерна из такого магазина отмечалось на деревянной учетной бирке, одна часть которой хранилась в магазине, другая — у крестьянина.

Огородными работами занимались женщины и дети. Сажали традиционные для забайкальского климата огородные культуры: картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы, редьку, репу, лук, чеснок, турнепс. Семейские использовали систему орошения — отводные из рек каналы, от которых прорывали небольшие канавы. Из них брали воду для поливки огородов большими выдолбленными из дерева ковшами с длинной ручкой. Во время сельскохозяйственных работ устраивали «помоча» (народный обычай взаимопомощи).

Животноводство носило подсобный характер. В небольших семьях содержали коров, овец, коз, свиней в усадьбе при доме. Скот пасли вблизи села на выпасах — поскотиных или скотских выгонах. Чтобы скот не потравил посевы, поскотины огораживали. В этом деле участвовало все село. Каждый знал свой участок городьбы, а когда она ломалась, обязан был ее исправить. Большие зажиточные семьи соответственно имели больше разного скота и держали его вдали от селений на заимках, где скот пасли нанятые пастухи.

Замкнутый образ жизни семейских и удаленность их селений от больших городов диктовали ограниченность внутреннего рынка. Этим объясняется повсеместное развитие натурального хозяйства, когда потребности в основном удовлетворяются продуктами собственного домашнего производства.

Среди домашних ремесел особое место занимали прядение и ткачество, которые считались женскими занятиями и были развиты в основном в селениях по реке Чикой, где просуществовали вплоть до 1930-х годов. Сырьем для этого производства служили лен, конопля и овечья шерсть. При обработке льна и конопли для получения волокон использовали деревянные мялки — терницы, трепалки. Чтобы получить нити, пряли на веретене или самопрялке, прикрепив кудель к прялке. Девочек учили прядь с 9–10 лет на веретенах и прялках небольшого размера. Некоторые женщины пряли на заказ для заработка, обычно в зимнее, свободное от полевых, огородных и других работ время.

Женской работой была также обработка шерсти. Полученную шерсть рыхлили, чистили и расчесывали на гребне, затем пряли тем

же способом, получая нити, из которых потом вязали чулки, носки, варежки (варьги). Используя конопляные, льняные и шерстяные нити, ткали на ткацких станках (кроснах). Из льняных и изредка конопляных нитей вырабатывали холсты на полотенца, скатерти, рубахи, штаны. Грубое волокно конопли шло на изготовление мешков, постилок, на дратву для шитья обуви, ремонта хомутов и др. Из шерстяных нитей ткали грубое сукно для верхней одежды, пояса, скатерти-сукманки. Девочки с 12 лет начинали готовить себе приданое в виде тканых полотенец, скатертей, мужских рубах и поясов и др.

Исследователь Ю. Талько-Грынцевич так высказывался о трудолюбии старообрядцев (семейских): «...По Чикою-реке есть селения, где не только равнины, но даже горы до самых вершин запахиваются, куда соху надо завозить верхом или заносить руками и где пашут на таких крутизнах, что борозду можно делать только сверху, наверх соху на руках заносить должно. Этот пример трудолюбия почти всегда награждается урожаями. Внизу по течению Селенги есть старообрядческие многолюдные селения, которые также щеголяют хлебопашеством, особенно известна так называемая Тарбагатайская пшеница» /1/.

Семейские, поселенные в основном в уже существовавшие русские селения, способствовали их укрупнению, влияли на формирование их планировочной структуры. Эти села, как правило, протяженные в одну или более улиц с одно- или двухрядной застройкой, располагались по берегам рек. Застройка улиц была разнообразной: дома на улицу ставились торцевой или длинной стеной, иногда окна смотрели на улицу, иногда дом «выходил» на улицу глухой стеной. При этом в застройке улиц семейских селений существовала характерная особенность: дома, ворота, заборы, заплоты, как правило, не выступали в улицу, располагаясь в одну линию.

Сохранялась и традиционная застройка русской крестьянской усадьбы. Она состояла из переднего двора с жилым комплексом и хозяйственными строениями, скотного двора с постройками, огорода. Расположение жилого комплекса на территории усадьбы также различалось: иногда изба ставилась одной стенкой на улицу в один ряд с въездными воротами, иногда жилой комплекс находился внутри переднего двора за высоким забором. Последний вариант был наиболее ранним и объяснялся традиционной замкнутостью образа жизни семейских старообрядцев.

Для селения семейских характерны четыре основных типа крестьянского жилища: четырехстенная изба, т. е. сруб с сенями и без сеней; пятистенная изба; шестистенная изба («связь»); круглый или

квадратный дом. Первые три типа жилища в основе своей имеют сруб. Вероятно, первые дома семейских ставились на подклети (своеобразный глухой первый этаж, служивший подвалом). Иногда на подклеть возводилась только часть дома. В таких домах окна располагались высоко, дома были теплее, а сама постройка называлась «клеть на подклети». Подобные строения характерны для Северной и Центральной России начиная с XVII века. Возводя жилище, сруб клали (рубил) «в обло» (иными словами, «в угол» или «в чашу»). В морозные зимы это препятствовало промерзанию сруба.

Первые и большинство поздних построек семейских имели самцовую конструкцию крыши с характерными для нее элементами: самцами, слегами, крючьями-«курицами», желобами — водостоками, охлупнем, повалами. Подобная конструкция также была известна с XVII века в центральных и северных районах России. Она не требовала применения гвоздей, большого количества досок и поэтому была выгодна для крестьян. Со второй половины XIX века такая конструкция крыши постепенно исчезает и на смену ей приходит новая облегченная конструкция — стропильная. Это было связано с усовершенствованием строительной техники: применением гвоздей, пилы для распиливания бревен и др.

В качестве строительного материала служили разные породы дерева. Из лиственничных бревен, обладающих водостойкими качествами, клали нижние и верхние венцы сруба, делали желобоводостоки, охлупень, воротные столбы, строили бани и погреба. Весь остальной сруб жилого дома делали из сосновых бревен, более легких и обладающих хорошей теплоизоляцией. Из сосновых плах настилали пол и потолок. Чистый и гладкий в обработке кедр шел на наличники, отделку избы, полотнища ворот.

Для четырехстенной избы семейских была характерна традиционная русская планировка жилища. Большая глинобитная печь располагалась у задней стены около двери, устьем была повернута к передним окнам. За печью в углу у боковой стенки устраивался голбец — дощатый короб, прикрывавший лестницу в подполье, здесь же хранилась кухонная утварь. Около печки при входе ставили кадку с водой, покрытую деревянным кругом. По диагонали от печи находился «красный угол»: стол, лавки вдоль стен и божница. Божница представляла собой угловую полочку, на которой находились медные литые кресты, иконы-складни, деревянные иконы старого письма без окладов, восковые свечи, лампада. Пространство от божницы до потолка затягивалось нарядной цветной тканью, а по сторонам божницы и под ней развешивались

подручники и карманы, расшитые яркими цветными нитками и украшенные аппликацией. Над дверями или возле печи сооружались полаты для ночлега детей. У боковой стены параллельно печи стояла единственная деревянная кровать с потниками (войлоками) и подушками. Позднее избу стали делить перегородками, образуя отдельные комнаты.

Одежда семейских, отличаясь самобытностью, имела русскую традицию и в основе своей, и в составлявших ее элементах, конструкции, крое, способах украшения. Особенно интересен был женский костюм. Он относится к так называемому сарафанному комплексу русской одежды, получившему распространение на рубеже XVII–XVIII веков в основном в северных и центральных районах России. Традиция носить подобную одежду сохранилась у семейских в течение всего XX века. Длительное бытование у них сарафанной одежды обуславливалось тем, что указ Петра I о ношении европейского платья не распространялся на старообрядцев. Да и сами семейские, видимо, в знак протеста по отношению к властям продолжали носить старорусский костюм как атрибут старого жизненного уклада /2/.

Обязательными атрибутами семейской женщины были рубаха, сарафан прямой и косоклиный, фартук (запон) традиционного кроя из ярких и контрастных по цвету тканей. Костюм дополнялся длинным тканым поясом с узором. Семейские женщины шили рубахи и сарафаны из привозных китайских (даба, далемба, бурс, чесуча, канфа, камка, бархат), русских и европейских (плис, кашемир, гарус, гродетур, левантин, тафта, канифас, ситец, миткаль, бумазея) тканей. Они в больших количествах продавались в магазинах Верхнеудинска и Кяхты, откуда доставлялись местными торговцами.

Замужняя семейская женщина должна была носить сложный головной убор, состоявший из кички и платка, в особых праздничных случаях дополнявшийся позатыльником, пояской и кокошником. Кичка служила своеобразным каркасом головного убора. Она изготавливалась из темной хлопчатобумажной ткани с высоким твердым простеганным очельем, вверху слегка отогнутым вперед и вниз; стягивалась на шнурок вокруг головы. Кокошник (чехол на кичку) шили из бархата, атласа, шелка, украшая его по дну сплошным или редким золотым шитьем, по очелью — позументом, изнутри подбивая простой тканью. Позатыльник — полоса ткани с тесемками по краям, центральная часть украшена позументом, вышивкой из бисера и пуговиц или шитьем; одевали его

сзади ниже кокошника. Пояска — полоска ткани с тесемками, украшенная унизанными перламутром нитями, бисером, стеклянными цветными бусинами; одевалась на лобную часть, покрывая очелье кички. Платок повязывали сложенным с угла на угол вокруг головы так, чтобы он закрывал завязанные тесемки и края всех этих деталей, а также края кокошника. Если кокошник не надевали, то платком покрывали кичку так, чтобы были видны пояска и позатыльник, а также кисти платка. Иногда носили кичку и платок, иногда — только платок, повязанный на голове особым способом.

Важным дополнением женского наряда служили украшения: ожерелья из янтаря, речного жемчуга, перламутра, специальное шейное украшение — жарелок. Серьги, кольца, броши, запонки для ворота рубах из простого металла со вставками из стекла изготавливались самостоятельно. Серебряные, реже золотые украшения приобретались в магазине. Дополнял костюм съемный карман, который носили у пояса под фартуком. В холодное время женщины носили так называемые курмушки и бекеши, стеганые халаты.

Мужской костюм семейских состоял из рубахи-косоворотки и штанов с широким шагом. Рубаха типично русская, а штаны украинско-белорусского типа. Мужчины носили валяные из овечьей шерсти колпаки, шляпы с широкими полями, зимой — шапки из овчины, волчьи, заячьи, а зажиточные — лисьи. В холодное время года надевали куртки (куртики) из шерстяного домотканого полотна, халаты. Из обуви семейские (как женщины, так и мужчины) носили чирки и ичиги, заимствованные у бурят унты и пимы. Отдельные виды верхней одежды — доха, меховая шапка (малахай) — также были заимствованы у бурят. Покрой зипунов, халатов, шуб был такой же, как у русского костюма.

Основную роль в утверждении и формировании крестьянского быта играла семья. Она являлась основной хозяйственно-производительной единицей, осуществляла функции воспроизводства этноса. На специфику семейного быта существенно влияли церковь и духовные наставники (уставщики), демографические и культурно-этические связи, патриархальная традиционность и новации в семейно-бытовых отношениях, в составе семьи /3/.

С XVIII века у семейских преобладала семья, состоявшая из четырех-семи душ обоего пола. Более многочисленные семьи — от 10 до 14 человек — были исключением. В малой семье, обычно состоявшей из двух поколений (родителей и детей), ее глава пользовался большим почитанием и уважением не только как старший, но, прежде всего, как заботливый и рачительный хозяин и кормилец.

В XIX веке получают распространение большие неразделенные семьи. Семья обычно состояла из двух-четырех семей женатых братьев, проживавших вместе (семейно), и насчитывала несколько поколений. Один из братьев был во главе семьи, чаще старший. Главой такой семьи иногда оставался дед братьев, чаще отец или старший брат при живом отце. Все основные финансовые вопросы решали на семейном совете, что свидетельствует об элементах демократии в неразделенной семье.

Положение женщины в семье не было однозначным. Авторитет хозяйки дома был особенно высоким. Она руководила невестками при выполнении всех домашних работ, ведала семейной кассой. В случае смерти хозяина наследовала его право старшего. Иногда даже при взрослых сыновьях она не уступала этих прав до глубокой старости. Невестки имели много обязанностей и мало прав. В доме они считались лишь работницами и, кроме приданого, которое они приносили в дом после замужества, никакими другими вещами не распоряжались.

За воспитание детей отвечали в основном женщины. Поскольку жизнь крестьянской семьи была связана, прежде всего, с трудом, то и трудовое воспитание детей стояло на первом месте, поэтому в нем участвовали и мужчины. Взрослые передавали детям свои навыки и опыт.

Браки у семейских заключались между единоверцами и по обоюдному согласию. Девушки выходили замуж в 16–19 лет, а парни женились в 18–25 лет. Поздние браки были редким явлением. Характер брака часто определялся социальным положением жениха и невесты — «клонили дерево по себе». Иногда браки заключались с согласия родителей против воли невесты. Существовали браки по «сговору», когда жених из другой деревни впервые видел свою невесту только во время сватовства и сватал девушку по совету родных или знакомых. В редких случаях существовал обычай умыкания невесты, который завершался свадьбой самокруткой (без согласия родителей, без обряда). Разводы были крайне редки. Повинных в измене мужа или жену подвергали общественному презрению.

Семьи семейских старообрядцев долго сохраняли черты домостроя и патриархальности, особенно характерные для больших неразделенных семей. Но уже в начале XX века, когда наблюдался распад больших семей, явственно начинали проступать новые черты. Это выражалось во внутрисемейных отношениях, в усилении женской независимости, нарушении многих семейных запретов и др.

Таким образом, в связи с указанной переселенческой политикой Российского государства среди русского населения Забайкалья во второй половине XVIII века выделилась локальная этнокультурная группа, получившая здесь название «семейские». В дальнейшем из-за малоземелья они освоили пространства восточнее междуречья Хилка и Чикоя, продвинувшись вверх по Хилку и к верховьям Ингоды.

Последовательная приверженность традиционному православию, бытовому укладу и культурным традициям в целом, сохранение диалектных особенностей языка, крепкие семейно-родственные связи, условия обособленного проживания в местах высылки и специфика занятий — все это способствовало созданию своеобразных этнокультурных черт данной группы забайкальского населения. Постепенное осознание взаимосвязи указанных компонентов культуры подготовило условия для формирования в конце первой трети XIX века на территории Забайкалья особой этноконфессиональной общности — семейских. Семейские Забайкалья, имея богатейшее наследие культуры допетровской Руси, а также белорусской, украинской и польской культур, испытали и влияние бурят. В частности, заимствовали некоторые приемы хозяйствования (утугование сенокосных угодий, систему орошения).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Константинов, А.В. *Забайкалье: Ступени истории (с древнейших времен до 1917 года)* / А.В. Константинов, Н.Н. Константинова. — Новосибирск: изд-во СО РАН, 2007. — С. 192.

2. Зенкова, Т.М. *Народная традиционная культура семейских Восточного Забайкалья: история и современность: уч. пособие* / Т.М. Зенкова. — Чита: Экспресс-изд-во, 2010. — С. 203.

3. Болонев, Ф.Ф. *Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв.* / Ф.Ф. Болонев. — Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2009. — С. 117.

Г.Е. ИСАЕВ
Москва

ГОСУДАРСТВО, ЦЕРКОВЬ И РОМАНОВЫ. ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Церковная реформа императора Петра Великого сформулирована в «Регламенте, или Уставе Духовной коллегии, по которому она знать долженства своя, и всех духовных чинов, також и мирских лиц, поелику оные Управлению Духовному подлежат, и при том в отправлении дел своих поступать имеет» епископом Феофаном (Прокоповичем) в 1719 году («Регламент» подписан Освященным собором и утвержден самодержцем в 1720 году, опубликован в январе 1721 года, признан восточными патриархами в 1723 году). Реформа установила новую коллегиальную власть — Святейший правительствующий синод, ставший законным церковным правительством (1721—1917).

14 февраля 1721 года состоялось открытие новой коллегии. В нее вошли митрополит Стефан в должности президента, два вице-президента — архиепископы Феофан и Феодосий, четыре советника из архимандритов, четыре ассессора из пресвитеров и один — из «греческих черных священников». Уже на первом заседании Духовной коллегии встал вопрос о молитвенном возношении нового церковного правительства, и в ходе обсуждения собравшиеся остановились на греческом слове «синод».

Святейший правительственный синод, как высший орган церковной власти, был признан в качестве постоянного собора, равного по власти патриарху и заменяющего его, а потому носящего титул Святейшего. Синод заменял и Поместный собор. Президент, а после первенствующий член Синода (он ничем не отличался по своим правам от других его членов) лишь символически представлял первого епископа. Тем самым произвольно истолковывалось значение 34-го Апостольского правила: «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавать его как главу, и ничего превышающего их власть не творить без его рассуждения: творить же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех. Ибо так будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух».

Церковный авторитет синодальным актам придавала подпись членов Синода — иерархов, а штампель «По указу Его Императорского Величества», подобно подписям «внешних епископов» — византийских императоров — под определениями Вселенских соборов, придавал синодальным указам статус государственных законов. В «Духовном регламенте» провозглашалось, что «Коллегиум правительственный под державным монархом есть и от монарха уставлено». Для членов Синода составлена была присяга (просуществовала до 1901 года): «Исповедую же с клятвою крайнего судию Духовной сей Коллегии быти самого Всероссийского монарха государя нашего всемилостивейшего» /1/. В государственных бумагах церковная власть стала именоваться «Ведомством Православного Исповедания», т. е. в государственно-правовом сознании утверждается протестантский принцип «территориализма» (главенство государя над всеми религиозными общинами подвластной ему территории).

В Своде основных государственных законов Российской империи (в редакции 1906 года) в главе 7 «О вере» содержатся следующие принципиальные положения:

«Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного Исповедания» (статья 62);

«Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правотверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле Император, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 (17910) именуется Главою Церкви» (статья 64) /2/.

Синод представлял собой высшую административную и судебную инстанцию Русской церкви. С согласия высочайшей власти императора Синоду принадлежало право открытия новых кафедр, избрания иерархов и поставления их на вдовствующие кафедры. Синод осуществлял верховное наблюдение за исполнением церковных законов всеми членами Церкви и за духовным просвещением народа. Синоду принадлежало право устанавливать новые праздники и обряды, канонизировать святых угодников. Синод издавал Священное Писание и богослужебные книги, а также подвергал верховной цензуре сочинения богословского, церковно-исторического и канонического содержания. Синод имел право ходатайствовать перед высочайшей властью о нуждах Русской православной церкви.

Как высшая церковная судебная власть, Синод являлся судом первой инстанции по обвинению епископов в антиканонических

деяниях; он также представлял собой и апелляционную инстанцию по делам, решавшимся в епархиальных судах. Синоду принадлежало право выносить окончательные решения по большей части бракоразводных дел, а также по делам о снятии сана с духовных лиц и об анафематствовании мирян.

Синод служил органом канонического общения Русской церкви с автокефальными православными церквями, со Вселенским православием. В домовый церковь первенствующего члена Синода за богослужением возносились имена восточных патриархов. Еще Синод являлся епархиальной властью для бывшей Патриаршей области, переименованной в Синодальную. Синод управлял ею через те же приказы, какие существовали и при патриархах, переименованные в дикастерию (в Москве) и тиунскую контору (в Петербурге). После открытия Московской и Петербургской епархий в 1742 году Синодальная область прекратила свое существование. В непосредственном ведении Синода от бывшей Синодальной области остались лишь Кремлевский Успенский собор и ставропигиальные монастыри.

В 1722 году указом императора учреждается должность синодального обер-прокурора, визировавшего все распоряжения Синода, действующего не только как орган высшей церковной власти, но и как правительственное учреждение, которое подобно Сенату или Кабинету министров имеет на то полномочия от императора. Первым обер-прокурором стал И.В. Болтин, занимавший эту должность с 1722 по 1725 год.

В Российской империи четко соблюдалась правопреемственность русского законодательства по отношению к византийской имперской традиции «церковный канон — государственный закон». По законам Российской империи самодержавный император — верховный правитель в государстве и Церкви, который как глава Церкви действует через Синод, а как глава государства — через Сенат, Государственный совет или Кабинет министров /3/.

Следует различать два основных материальных источника русского церковного права синодальной эпохи: государство и Церковь. Примеры «государственного о Церкви законодательства»: «Артикул воинский» (1715), «Духовный регламент» (1720), «Манифест о упразднении поместного землевладения церковных учреждений» (1764), «Устав благочиния, или полицейский» (1782), именной высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», данный Сенату (1905) /4/. Примеры «императорского церковного, в лице Святейшего Правительствующего Синода, законода-

тельства»: «Книга о должностях пресвитеров приходских» (1776), «Кормчая книга», «Книга правил, или Синтагма канонов — вторая часть Номоканона в 14 титулах» (1839), «Устав Духовных консисторий» (1883).

В круг обязанностей обер-прокурора входило: наблюдение за исполнением государственных законов по духовному ведомству и контроль за своевременным исполнением дел; просмотр протоколов Святейшего синода, прежде чем они будут приведены в исполнение; представление докладов Синода императору и объявление Синоду высочайших повелений; присутствие на заседании Государственного совета и Комитета министров по делам Православной церкви. Через обер-прокурора осуществлялись все сношения Синода с министрами и другими высшими светскими начальниками; к нему на предварительные заключения поступали все рассматриваемые в Сенате дела, которые касались церковной недвижимости; обер-прокурор являлся главным начальником для светских чиновников, состоявших на службе в духовном ведомстве.

Как государственный сановник, равный по своим правам министрам, обер-прокурор имел при себе заместителя — товарища обер-прокурора — и канцелярию, подобную департаментам при министерствах. Эта канцелярия была учреждена в 1839 году. Существовала еще и канцелярия Святейшего синода, но и она подчинялась обер-прокурору. В ней рассматривались и подготавливались дела, которые утверждались Синодом. Обер-прокурору были также подчинены секретари епархиальных духовных консисторий.

Состав Синода со времени его учреждения неоднократно подвергался основательным переменам. Уже при императрице Екатерине I (1725—1727 годы) он был в 1726 году разделен на два апартамента: духовный и экономический. Духовный апартамент, в ведении которого оставлены были исключительно духовные дела, состоял из первоприсутствующего и шести членов. Экономический апартамент ведал земельными владениями монастырей и епархиальных домов и состоял из чиновников. Синод перестал называться «Правительствующим» и стал «Духовным Синодом». Впоследствии восстановлено было его первоначальное название.

По штатам 1764 года в Синоде положено было состоять трем архиереям, двум архимандритам и одному протоиерею. По штатам, утвержденным в 1818 году, в Синоде присутствовали семь лиц, один из которых именовался «Первенствующим». При императоре

Николае I (1825—1855 годы) места архимандритов в Синоде заняли главный священник гвардии и гренадерских корпусов (он же духовник царя) и главный священник армии и флота. Впоследствии Синод приобрел исключительно архиерейский состав, что больше соответствовало церковным канонам. В него входили, как его постоянные члены, митрополиты Петербургский (обычно, но не всегда первенствующий), Киевский и Московский, зачастую и экзарх Грузии. Иногда членами Синода назначались другие архиереи, обычно в связи с их выдающимися заслугами. Например, членом Синода был митрополит Иосиф (Семашко), инициатор воссоединения униатов на Полоцком соборе 1839 года. Другие архиереи, которые вызывались в Синод (по его представлению) указами императора на неопределенный срок, именовались «присутствующими в Синоде».

В XVIII столетии Святейший синод возглавляли такие выдающиеся архипастыри, как митрополит Новгородский Димитрий (Сеченов) и митрополит Новгородский и Петербургский Гавриил (Петров), в XIX — митрополиты Новгородские и Петербургские — Михаил (Десницкий), Серафим (Глаголевский), Григорий (Постников), Исидор (Никольский) и митрополит Киевский Иоанникий (Руднев), в начале XX столетия — митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) и священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Петербургский, а потом Киевский. В состав Святейшего синода в качестве его членов в разное время входили такие крупные церковные деятели, как митрополиты Платон (Левшин), святитель Филарет (Дроздов), Филарет (Амфитеатров), святитель Иннокентий (Вениаминов), Макарий (Булгаков); для присутствия в Синоде на несколько лет вызывались архиепископы Никанор (Бровкович), Арсений (Стадницкий) (позже митрополит), святой Тихон и Сергей (впоследствии патриархи). В XX веке в Синод стали вызывать протопресвитеров, например святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Р.С. Русская религиозно-философская мысль отличается интуитивным чутьем «идеала». Созидание Святой Руси, по сути, есть земное самобытно-культурное воплощение воцерковленной человеческой личностью благотворной иерархичности Небесного Царства Пресвятой Троицы.

Будущее России, ее оптимальное национально-территориальное устройство немислимы без сохранения духовных основ исторической (соборно-монархической) государственности русского народа, а успешное решение «русского вопроса» неразрывно свя-

зано с творческим осмыслением и претворением в различных сферах (государственной, общественной, семейной) жизни двухтысячелетнего наследия православной христианской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Священник Алексей Николин. *Церковь и государство (история правовых отношений)*. — М.: изд-во Сретенского монастыря, 1997. — 430 с.

2. Казанский, П.Е. *Власть Всероссийского Императора / П.Е. Казанский*. — М.: Фонд ИВ, 2007. — 600 с.

3. Суворов, Н.С. *Учебник церковного права / Н.С. Суворов*. — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1908.— 348 с.

4. *Полное собрание законов Российской Империи*. — СПб., 1908. — Собрание 3; т. XXV; отделение 1; № 26125.

С.И. КОНСТАНТИНОВ

Екатеринбург

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА РОМАНОВА — ЦАРИЦА ПРУССИИ (о чем напомнила редкая монета)

Интересную загадку задает нам серебряная монета XVIII века. На лицевой стороне отчеканен профиль русской императрицы Елизаветы Петровны, а чтобы в этом не оставалось сомнений, по кругу сделана надпись: «Елизавета I Божьей милостью императрица и самодержица Всероссийская». Но вот вопрос: почему эта надпись сделана на латыни? Еще большая неожиданность подстерегает нас на обратной стороне: вместо обычного российского герба — двуглавого орла — изображен орел одноглавый.

Чтобы разобраться с загадками этой довольно редкой монеты, проще всего обратить внимание на отчеканенный на реверсе год ее выпуска — 1759-й, а затем заглянуть в учебник отечественной истории. В самом разгаре Семилетняя война, длившаяся с 1756 по 1763 год. Это была маленькая репетиция будущих мировых войн. С одной стороны сражались Россия, Австрия, Франция, Испания, Швеция и Саксония, с другой — Пруссия, Великобритания и Португалия. Ситуация стандартная: сталкиваются в основном взаимные колониальные претензии западных держав, а льется в основном кровь русского солдата.

Развитие событий также не блещет оригинальностью. Сначала торжествует прусский король Фридрих II, а дальше дела идут под девизом «Гром победы, раздавайся! Веселися, храбрый Росс». Первую крупную победу русские одержали в августе 1757 года при Гросс-Егерсдорфе (ныне Черняховск) благодаря кавалерии Петра Александровича Румянцева, тогда еще не фельдмаршала и не Задунайского. А в самом начале 1758 года конница того же генерала П.А. Румянцева совершила марш в Восточную Пруссию и 22 января захватила ее главный город — Кенигсберг. Войска входили в прусскую столицу торжественно. Очевидец этого события, будущий видный русский писатель и ученый, а тогда подпоручик Архангелогородского полка Андрей Тимофеевич Болотов, так описывает его в своих мемуарах: « Все улицы, окна и кровли домов усеяны были бесчисленным множеством народа. Стечение онаго было превеликое, ибо все жадни-

чали увидеть наши войска и самого командира; а как присо-вокуплялся к тому и звон колоколов во всем городе и игране на всех башнях и колокольнях в трубы и литавры, продолжавшиеся во все времена шествия, то все сие придавало этому еще более пышности и великолепия».

Русскому командованию были переданы ключи от города, а на следующий день началось приведение к присяге его жителей. В их числе принял присягу доцент Кенигсбергского университета, будущий родоначальник немецкой классической философии и почетный иностранный член Петербургской академии наук (1794) Иммануил Кант.

Восточная Пруссия формально вошла в состав Российской империи. И, конечно же, сразу возник вопрос: какие же деньги будут ходить на этой территории?

В начале 1759 года к генерал-губернатору Кенигсберга барону Н.А. Корфу обратился мастер монетного двора Б.Ф. Цайтман с докладом о пользе чеканки в Восточной Пруссии новой монеты. Она должна была вытеснить находившиеся в обращении монеты немецких княжеств, и в первую очередь Прусского королевства. Предложение было принято, и вскоре Российское правительство повелело чеканить серебряные монеты среднего и малого достоинства. Согласно этому указу, новые монеты должны были обращаться на одинаковых правах с прежними и иметь более высокое содержание серебра. Чтобы население легче признало новинку, решили выполнить монеты схожими с прусскими.

Вот как об этом пишет служивший тогда в военной канцелярии города уже поручик Андрей Болотов: «Узнав, что находился в Кенигсберге прежний монетный двор со всеми его орудиями и мастерами, собрали мы всех нужных к тому мастеров, отыскали монетного мастера, и мне было поручено от губернатора сделать для стемпеля рисунки, которые я и смастерил как умел. На всех сих деньгах изображен был с одной стороны грудной портрет императрицы, а с другой — прусский герб: одноглавый орел с надписью. Губернатор рисунками моими был доволен, и по оному были вырезаны стемпели, и мы стали делать деньги».

Штемпели для новой монеты по рисункам Болотова изготовил резчик королевского двора Вольф, а ее чеканку организовал мастер Цайтман. Первоначально в 1759 году Кенигсбергский монетный двор выпустил серебряные монеты в номиналах, соответствующих национальной монетной системе: 18, 6, 3, 2, 1 грош и 1 солид (или шиллинг). Последний получил свое название «солид» от золотой

византийской монеты, как, кстати, и мелкая французская монета су и итальянская сольди.

На лицевой стороне монет достоинством в 18, 6 и 3 гроша находился портрет Елизаветы с круговой латинской надписью, а на оборотной — прусский одноглавый орел, дата выпуска, указание номинала и надпись по-латыни: «Монета королевства Пруссии».

На монетах младшего номинала в 2 и 1 грош на лицевой стороне помещалось указание номинала по латыни — «2 (или 1) грош королевства Пруссии» — и даты чеканки. А на оборотной стороне находились российский герб — двуглавый орел — и надпись по-латыни: «Серебряная монета».

На лицевой стороне в 1 солид размещался вензель Елизаветы (ЕР — Елизавета Петровна), на оборотной — надпись по-латыни: «Солид королевства Пруссии» и дата выпуска.

Монеты быстро получили признание, хотя дело не обошлось без приключений. Мастер экономических диверсий Фридрих II через своих агентов стал распродавать в Восточной Пруссии фальшивые русско-пруссские низкопробные монеты, и в первую очередь 18 грошей. Однако гравер не точно скопировал надпись с лицевой стороны настоящих монет и вместо Russ вырезал Russiae. Эту ошибку тут же заметили, проверкой было установлено в подделках пониженное содержание серебра, и их перестали принимать к платежам.

Королевский монетный двор чеканил все эти монеты в 1760 и 1761 годах, однако их не хватало, а потому в начале января 1761 года сенатским указом по Красному монетному двору в Москве было предписано чеканить монеты в 6, 3, 2, 1 грош и солид.

Война, начавшаяся 18 августа 1756 года вторжением короля Фридриха II в Саксонию, между тем продолжалась. Удивительным образом для всех важнейших событий она выбрала последний летний месяц. В августе 1758 года произошла кровопролитная битва при Цорндорфе (ныне Сарбинов в Польше). Русские солдаты проявили в этом сражении необыкновенные мужество и стойкость. Все тот же Болотов писал: «Сам король ужаснулся, увидев, с какой непоколебимостью дралась наша пехота, и пруссаки сами в реляциях своих писали, что нас легче побивать, нежели принуждать к бегству, и что, простреливая человека насквозь, еще недостаточно к совершенному его низложению».

Еще через год, опять же в августе, произошла решающая битва Семилетней войны под Кунерсдорфом, деревней близ Франкфурта-на-Одере (Германия). Русский главнокомандующий

П.А. Салтыков, произведенный после этого побоища в фельдмаршалы, признавался: «Ежели мне еще такое сражение выиграть, то принуждено мне будет одному с посошком в руках несть известие о том в Петербург». В письме к другу детства и кабинет-министру Финк фон Финкенштейну король Фридрих II высказывает еще большее отчаяние: «Я несчастлив, что еще жив. Из армии в 48 тысяч человек у меня не остается и 3 тысяч. Когда я говорю все это, все бежит, и у меня уже нет более власти над этими людьми».

Пруссия стояла на грани поражения. Елизавета, получив известие о «преславной» победе, приказала отслужить торжественный молебен и палить в столице из пушек. М.В. Ломоносов в торжественной оде воспевал чудо-богатырей, стоящих теперь «с готовыми трубами перед Берлинскими воротами». Даже новоиспеченные российские подданные, пруссаки, украсили свои дома российскими имперскими эмблемами. Последнее обстоятельство так возмутило Фридриха II, что он после никогда не посещал Кенигсберга и вообще Восточную Пруссию.

В конце сентября 1760 года, в то время, когда основные силы Фридриха II были скованы австрийцами, русские полки устремились к Берлину. На 28 сентября был назначен его штурм, но город сдался. Кстати, ключ от Берлина был передан на вечное хранение в Казанский собор в Петербурге. Правда, через три дня русские войска покинули город, так как сильно оторвались от своих тылов. Война продолжалась.

Чтобы завершить историю с русско-прусскими монетами, необходимо упомянуть еще один эпизод. В начале марта 1761 года генерал-губернатором Восточной Пруссии был назначен генерал-аншеф Василий Иванович Суворов, сын которого — подполковник Казанского пехотного полка, будущий прославленный полководец, в описываемое время также успешно сражался при Кунерсдорфе, а затем участвовал в занятии Берлина в составе войск генерала З.Г. Чернышева.

В.И. Суворов, получив разрешение от императрицы, начал чеканку более крупной серебряной монеты в 1/3 и 1/6 талера. Уже в марте 1761 года их стал выпускать Королевский монетный двор, а с мая — Красный монетный в Москве. Лицевая сторона этих монет не отличалась от трехгрошовой — портрет Елизаветы с круговой надписью ее титула, а на оборотной стороне помещался прусский одноглавый орел с латинской надписью: «1/3 (или 1/6) императорского талера курант» (что значило: обращающегося внутри страны) и дата чеканки — 1761 год.

К началу 1762 года положение для Пруссии стало безнадежным. И вот, когда Фридрих II готов был отречься от престола, неожиданная смерть русской императрицы Елизаветы 25 декабря 1761 года спасла его от неминуемого разгрома. Венский двор и Версаль, конечно, были за победу над Фридрихом, но не за усиление России. Разногласия среди союзников и особенно воцарение Петра III резко изменили позицию России в войне. Голштейн-Готторпский герцог Карл-Петер Ульрих (Петр III) — внук Петра Великого (по матери) и внучатый племянник его бывшего противника, шведского короля Карла XII (по отцу) первые 14 лет своей жизни провел в Киле. Последующие 20 лет, проведенные в России, не изменили у него сложившегося в юности благоговейного отношения к Фридриху II. Новый император немедленно прекратил все военные действия и вернул все завоеванные территории. Более того, Петр III заключил с Фридрихом II союз, по которому русские войска должны были воевать теперь уже с бывшими союзниками.

Используя свои хорошие отношения с новым российским императором, прусский король через своих торговых представителей усиленно скупал в России и переплавлял компрометирующую его монету. По этой причине русско-пруссские монеты времен Семилетней войны встречаются довольно редко, особенно в хорошем состоянии. Большинство их уцелело только из-за того, что они оказались вделанными в различного рода женские украшения, брелки и т. п.

В ходе войны Россия была экономически истощена, но международный авторитет ее укрепился. Главным же итогом Семилетней войны стала победа Англии над Францией в борьбе за колонии и торговое первенство. Антинациональная внешняя политика Петра III, а также вспышки социального протеста подтолкнули гвардейцев на переворот в пользу Екатерины II. Новая государыня разорвала союз с Пруссией, но войны не возобновила. Вот о каких событиях может напомнить редкая монета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольденберг, Л. Орел, решка и немного истории / Л. Гольденберг // *Наука и жизнь*. — 1989. — № 10.
2. *История России. С конца XVIII до конца XIX века*. — М., 2001.
3. Спасский, И.Г. *Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк* / И.Г. Спасский. — Л., 1962.

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И АРХЕОЛОГИЯ (на примере Херсонеса-Херсона-Корсуни)

Интерес к истории Северного Причерноморья восходит к концу XVII века (А. Лызлов «Скифская история», 1692), но только завершение русско-турецкой войны (1768–1774) и подписание Кючук-Кайнарджийского мира создали возможность для научного изучения северо-причерноморских древностей.

Правда, до начала раскопок местоположение Херсонеса представлялось иным. Комментируя труды античных авторов, В.Н. Татищев писал, что «древние имели в виду полуостров (Крым), когда писали о Херсонесе», но они упоминали и другой Херсонес — «град гераклеотов», «град Страбонов» /1, 2/. Исходя из «обстоятельств положения», Херсонес, где был крещен князь Владимир, следует искать в устье Днепра, где «нынешний Кинбурн над Лиманом». Во время деятельности Г. Потемкина в Новороссийской губернии был составлен «Аккуратный план положения Ахтиярской гавани с лежащими при оной древними городами Ахтияром и Херсоном» (1772); он распорядился снять все «достойные примечания виды и старинные здания»; следовало «наилучшим образом показать древние развалины, сделать описание всех городов и крепостей». В 1779 году изготовлен «План древнего Херсона»; спустя некоторое время — «План развалин древнего Херсона» (1786), изготовленный для немецкого ученого К.И. Габлица (1752–1821), посетившего Крым с целью сбора сведений по истории региона: сочинение и неизданные планы были преподнесены Екатерине II во время путешествия ее по Тавриде. По поручению князя Потемкина с целью выбора места для сооружения порта (Севастополя) сначала военный инженер Бальдини (1783), затем капитан Берсенев осмотрели Херсонес и сняли план прилегающей к нему местности; подробнее об этом см. /3, 4/.

Столетием позднее начальный период изучения Северного Причерноморья оценивался следующим образом: «На землях Новороссии <...> преимущественно открывались неисчерпаемые еще и до сих пор разнообразные памятники древнего греческого искусства, но не удивительно, что они (в прежние времена, занятые татарами, они были недоступны для ученых) возбуждали после заво-

евания всеобщее любопытство и обращали на себя внимание историков и археологов и что классическая археология в России, найдя здесь богатый материал, зародилась собственно в нашем крае. <...> Охота к разысканиям увеличивалась с каждым годом /5, 6/.

«Открытие» древних городов Северного Причерноморья привело к хищническим раскопкам. Чтобы пресечь их, по настоянию академика Г.К.Э. Келлера (1765–1838) Александр I издал Высочайшее повеление (Указ от 10 марта 1806 года) об ограждении памятников старины от разрушения. В 1821 году поэт В.В. Капнист, побывавший в 1819 году в Крыму, направил обращение к министру народного просвещения А. Н. Голицыну, сообщая о варварском разрушении древних памятников. Ответом стала командировка Келлера и французского архитектора Э. Паскаля (1791–1861), которым предписывалось осмотреть древние сооружения. Келлеру принадлежит первая классификация памятников, среди них выделены те, что «с малыми издержками могут быть восстановлены». По возвращении из научной экспедиции в правительство была подана записка, где говорилось о необходимости охраны античных руин. Это стало сигналом для выделения средств на исследование столицы Боспорского царства Пантикапеи.

В первой половине XIX в. свидетельствами государственной политики в отношении памятников прошлого являются: Указ 1826 года, в котором император Николай I повелевал всем гражданским губернаторам доставлять сведения о достопамятных вещах; распоряжение того же года «О доставке сведений об остатках древних зданий в городах и воспрещении разрушать оные»; документ 1848 года под названием «О наблюдении за сохранением памятников древности», где отмечено, что дорожные и строительные комиссии — губернские и областные — должны «наблюдать за сохранением остатков древних замков, крепостей и других зданий древности; (зачинаться) о сохранении памятников и монументов».

Наконец, 2 февраля 1859 года создан специальный государственный орган — Императорская археологическая комиссия, в задачи которой входили: разыскание предметов древности, сбор сведений о них, ученая оценка открываемых сооружений. Местному начальству предписывалось извещать комиссию о всех находках «в недрах», монеты и другие вещи следовало доставлять в департамент (Указ 1841 года министра государственных имуществ). Рисунки с находок следовало пересылать в академию /7/. О непосредственном интересе Николая I к Херсонесу позднее писала графиня П.С. Уварова (1840–1924).

Для первого этапа большое значение имели описания юга Новороссии путешественниками и создание первых научных историко-географических экспедиций. В конце XVIII столетия посетил Крым академик П. Паллас (1741–1811), отметивший, что строительство Севастополя (Ах-Тияра) вызывает разрушение Херсонеса /8/. Спустя пять лет с «ученой целью» путешествовал по различным местностям Северного Причерноморья П.И. Сумароков (1760–1846), риторически восклицавший: «Сколько же вывезено из него колонн, карнизов, мрамора, когда появившийся Ахтияр (Севастополь. — **А.Р.**) пришел к нему в соседство. В нем всякое построение до последнего камня сооружено из материалов херсонесских» /9, 10/. Позднее появились путевые заметки А. Демидова /11/.

К 1827 году относится начало археологических исследований Херсонесского городища. Они были предприняты по поручению главного коменданта портов Черного моря адмирала А.С. Грейга (1775–1845). Адмирал отметил, что «для сохранения памятников на развалинах Херсонеса Таврического, я имел в виду соорудить небольшую изящной архитектуры церковь, со строительством при оной богадельни для 30-ти человек <...> которые имели бы надзор, как за храмом, так и за самими развалинами» /12/. В «Отношении Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга» говорится, что по долгу службы, часто бывая в Херсонесе, он вспоминает святого Владимира, но «с сожалением видел, что <...> развалины оного, оставаясь без всякого надзора, были беспреостанно истребляемы, и что со временем оные и вовсе могли исчезнуть так, что любопытный не нашел бы и знака существования города, некогда знаменитого». И в заключение сказано, что он предписал осуществлять надзор за памятниками Херсонеса. О деятельности Грейга см.: /13/.

В газете «Северная пчела» о начале раскопок сообщалось: «Николаев, 19 мая. Главный Командир Черноморского флота и портов вице-адмирал А.С. Грейг, желая содействовать мерам, предпринятым графом М.С. Воронцовым, по сохранению памятников древности, отыскиваемых на берегах Черного моря, предписал всем частям Морского ведомства о воспрещении частным людям разрывать древние курганы и развалины» /14/.

В 1887 году, посетив Херсонес, Уварова призвала Александра III «воскресить картину прошлого и представить Херсонес в тот момент, когда Его Величеству Государю императору Николаю Павловичу угодно было повелеть в 1852 г. графу А. С. Уварову <...> воздвигнуть из недр земли древнюю святыню». Далее она писала

о разрушении памятников французами во время оккупации Севастополя и отметила: то, что «судьба спасла от иноземцев, то должно погибнуть от рук тех, которые должны более других дорожить первыми христианскими древностями народа русского» /15/.

Итак, первый этап государственного внимания к Херсонесу, обусловленный прежде всего политическими интересами, следует завершить временем правления Николая I, при котором, как и при его предшественнике Александре I, северо-причерноморские центры античной эпохи, в том числе и Херсонес, стали объектами научных изысканий. Характер данных изысканий (монахами монастыря, расположенного на территории Херсонесского городища, и доверенными лицами Одесского общества любителей истории и древностей) неоднократно освещался /16/, поэтому вряд ли необходимо обращаться к данному сюжету еще раз. К тому же в документах отсутствуют свидетельства о непосредственном интересе императорской семьи к изысканиям в Херсонесе. Сведения о визитах императорской семьи с целью осмотра памятников и ее оценки открытий, о последствиях таких посещений относятся уже ко времени правления Александра III и Николая II, т. е. к периоду, когда в Херсонесе начались систематические раскопки благодаря «Записке графини Уваровой» к императору Александру III, которая цитировалась выше.

Второй этап позволяют воссоздать документы из архива Императорской археологической комиссии. В 1887 году председатель Московского археологического общества П.С. Уварова после посещения Херсонеса обратилась к императору Александру III с призывом «спасти Херсонес». Основные положения «Записки Уваровой»: история раскопок, значение открытий графа Уварова, современное состояние дел (хозяйничанье монастыря, расположенного на территории Херсонеса, отсутствие должного контроля за раскопками со стороны Одесского общества истории и древностей). Она напоминала, что император во время посещения Херсонеса в 1886 году мог сам видеть, как разрушаются памятники древнего города.

Уварова подчеркивала, что «святыня земли русской — город Корсунь или Херсон. Здесь на берегу Черного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение, отсюда свет христианства распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу; должна быть известна всей грамотной России; должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства, но не то мы видим на

самом деле; <...> запустение это увеличивается с каждым годом, поражает даже чужестранца и не может не служить укором всякому истинно русскому человеку!» Примечательны пометы императора на полях документа: «Верно», «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров», «Действительно, я был поражен этим безобразием!» /15/.

Призыв превратить Херсонес в «русскую Помпею» был услышан; итогом стало обсуждение «Записки Уваровой» в специальном комитете и начало систематических раскопок под контролем Императорской археологической комиссии (руководитель первых лет раскопок — византинист Н.П. Кондаков, помощник — банковский служащий К.(Н.)К. Косцюшко-Валюжинич).

Второй документ представляет интерес, поскольку в нем содержится не только оценка раскопок в Херсонесе, но и говорится о национальности и вероисповедании Косцюшко-Валюжинича (1846–1907), — это запись беседы председателя Императорской археологической комиссии А.А. Бобринского (1852–1927) и Николая II.

Предварительные замечания:

1. В 1890 году Косцюшко-Валюжинич поставил перед Археологической комиссией вопрос о необходимости создания музея для находок в Херсонесе /16/, а в 1891 году открылся Склад древностей, о котором писали, что он представляет «поучительную и интересную картину жизни той древней колонии, которой Россия обязана первыми лучами христианского света» /17/.

2. В 1890-е годы исследовались оборонительные стены; открыты пристроенные к ним с внешней стороны склепы первых веков нашей эры и ворота IV века до нашей эры.

3. В сентябре 1898 года Херсонес посетила императорская семья. Проявивший интерес к исследованиям фортификации Николай II увеличил после визита финансирование на 2000 рублей (всего в эти годы отпускалось 4000). Извещая Бобринского о посещении высочайших особ, Косцюшко-Валюжинич отметил, что, «со слов военного министра Куропаткина, Государь вынес хорошее впечатление о нашем Древнехранилище» /18/. Несколько днями позднее он сообщил, что император пробыл в Складе древностей 40 минут, а в древнехранилище монастыря — всего 10. Обращает он внимание Бобринского и на расспросы Николая II о некоторых находках.

В начале «Записи беседы» Бобринского говорится о «блестящих открытиях в Херсонесе», о том, что императору известно из газет о

блестящих открытиях в Херсонесе и что «добрейший Валюжинич» предсказал их. Бобринской уточняет: «Косцюшко-Валюжинич, через “С” и “Ц”», что он «вполне русский человек», но «что его попрекают» католическим вероисповеданием /19/. [На копии документа из личного архива Косцюшки-Валюжинича добавлено: «Так как не скрываю своей литовской национальности и римско-католического вероисповедования. К. Косцюшко-Валюжинич».]

Во время фактически всех визитов в Севастополь Николай II проявлял интерес к раскопкам в Херсонесе. Примером может служить описание визита в Херсонес в сентябре 1902 года. Сообщая в ИАК об этом, Косцюшко-Валюжинич отметил, что император обратил внимание на некоторые находки и что при осмотре недавно открытого храма он давал разъяснения императору, основываясь на мнении Н.П. Кондакова. Примечательны слова в конце документа: «при изучении наших древностей необходимо начинать с Херсонеса, как источника, откуда заимствованы нами христианство и культура» /20/.

Слова Косцюшко-Валюжинича объясняют внимание императорской семьи и «царственных особ» других государств к Херсонесу. Увидеть руины древнего города во второй половине XIX века стало возможным благодаря повелению Александра III и обращению к нему П.С. Уваровой с призывом «спасти Херсонес». Однако традиция экскурсий «царственных особ» в Херсонес не возникла бы без самоотверженного труда К.К. Косцюшко-Валюжинича, которого в день его похорон рабочий, участвовавший в раскопках, назвал в памятной книге «скромным тружеником науки».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татищев, В.Н. *История Российская* / В.Н. Татищев. — М., 1994. — Т. 1. — С. 163, 191, 282, 205.
2. Указ. соч. — М.; Л., 1964. — Т. 2. — С. 41–43, 206; прим. 194.
3. Тункина, М.В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.)* / М.В. Тункина. — СПб., 2002.
4. Романчук, А.И. *Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Монография: в 2 т.* / А.И. Романчук. — Тюмень, 2008. — Т. 1: *Античный полис*. — С. 14–26.
5. Дубровин, Н.Ф. *Присоединение Крыма к России* / Н.Ф. Дубровин. — СПб., 1885. — Т. 1. — С. 760–761.
6. Юргевич В.Н. *Об археологии в царствование императрицы Екатерины II* / В.Н. Юргевич // ЗООИД. — 1897. — Т. 20. *Протокол № 5*. — С. 23–29.

7. Смолин, В.Ф. Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России / В.Ф. Смолин // Известия ИАК. — Вып. 63. — С. 130–148.
8. Паллас, П. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. / П. Паллас // ЗООИД. — 1881. — Т. 12. — С. 93.
9. Сумароков, П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. / П.И. Сумароков. — М., 1800.
10. Сумароков, П.И. Досуги Крымского судьи / П.И. Сумароков. — СПб., 1803. — Ч. 1.
11. Демидов, А. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. / А. Демидов. — М., 1853.
12. Отношение адмирала А.С. Грейга обер-прокурору Синода П.С. Мещерскому № 2948 // НЗХТ. — Д. 1840. — Л. 10–12 (копия).
13. Крючков, Ю.С. Алексей Самуилович Грейг / Ю.С. Крючков. — М., 1984.
14. Северная пчела. — 1827. — № 71. — 14 июля (числится в газетном фонде ГПИБ под инв. № 9843-31; копия имеется в архиве Херсонесского заповедника).
15. Уварова П.С. — Александру III, 1887 // ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. — Д. 250. — Л. 1–2.
16. Косцюшко-Валюжинич К.К. — ИАК, 26.03.1890 // НЗХТ. — Д. 38. — Л. 33.
17. Бобринский А.А. Путевые заметки // ИИМК. Ф. ИАК, 25/1891. — Д. 22. — Л. 13.
18. Косцюшко-Валюжинич К.К. — ИАК, 26.08.1898 // НЗХТ. — Д. 40. — Л. 35.
19. Точная запись слов Государя Императора, которыми был осчастливлен Председатель ИАК Бобринский при представлении его в Гатчине 01.12.1899 г. // ИИМК. Ф. ИАК, 1/1891. — Д. 250. — Л. 16–17; копия // НЗХТ. — Д. 40. — Л. 126.
20. Косцюшко-Валюжинич К.К. — ИАК, 12.05.1902 // НЗХТ. — Д. 40. — Л. 226 об.

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ ПЕТРА III — ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ РЕЙЗЕР

Император Петр III правил страной всего полгода — с 25 декабря 1761 года по 28 июня 1762 года. На протяжении этого небольшого отрезка времени рядом с ним находился один из верных его флигель-адъютантов — Викентий Викентьевич Рейзер.

Отцом флигель-адъютанта был Винцент Рейзер (Райзер). Он родился в 1669 году в Висмаре, хотя имеются сведения, что родом был из Гамбурга /1/. Во время Северной войны (1700—1721) между Россией и Швецией его в 1710 году пригласили по рекомендации Петра I на русскую службу. В России Рейзера называли Викентием Степановичем.

В.С. Рейзер имел двух сыновей — Густава Ульриха (родился в 1719) и Винцента Людвига (родился в 1727), позднее их, как и отца, стали называть на русский манер: первого — Евстафий Викентьевич, второго — Викентий Викентьевич. Отец стремился дать им фундаментальное образование.

Первым из братьев получил университетское образование Густав Рейзер. В 1736 году его включили, не без участия отца, в число трех русских студентов, наряду с М.В. Ломоносовым и Д.И. Виноградовым, для отправки на учебу в Германию в Марбургский университет, где они и обучались в течение ряда лет /2/. После окончания учебы и возвращения в Россию Рейзер пошел по стопам своего отца, хотя глава канцелярии Петербургской академии наук И.Д. Шумахер и предлагал ему место профессора химии. Но на это место также претендовал Ломоносов, поэтому Густав Ульрих отказался от данного предложения /3/. Он стал прекрасным минералогом, имел горный чин обер-бергмейстера сибирских заводов при правлении Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Отец стремился и своему младшему сыну Винценту Людвигу дать прекрасное образование, поместив его 14 июля 1741 года в Сухопутный шляхетный кадетский корпус в Петербурге (первоначально он назывался Кадетским корпусом) /4/. Это учебное заведение было образовано по указу императрицы Анны Иоанновны от 29 июля 1731 года и предназначалось для дворян (шляхетства). Для учебы Кадетский корпус открылся только 17 февраля 1732 года. Он

размещался на Васильевском острове в бывшем дворце А.Д. Меншикова. Впоследствии Кадетский корпус превратился в настоящий центр дворянского просветительства. Г.А. Гуковский отмечал: «С самого начала своего существования корпус сделался дворянским университетом. Военная муштра, а вместе с нею и специальные военные знания отошли на второй план в системе образования, дававшегося корпусом. Наоборот, история, география, юридические науки, языки, затем фехтование, танцы — весь этот круг общеобразовательных и светских дисциплин и навыков выдвинулись вперед» /5/.

Винцент Рейзер поступил в Сухопутный корпус в тот момент, когда его главным директором был генералиссимус принц Антон Ульрих Брауншвейг-Беверн-Люнебургский, муж правительницы Анны Леопольдовны. Он руководил этим учебным заведением в течение нескольких месяцев — с 27 марта по 25 ноября 1741 года, когда дочь Петра I Елизавета Петровна совершила дворцовый переворот и Анна Леопольдовна со всем ее семейством была арестована. При новой императрице корпус возглавил генерал-фельдмаршал принц Людвиг Иоганн Вильгельм Гессен-Гомбургский. Руководил он Кадетским корпусом с 11 декабря 1741 года по 25 марта 1745 года. Так сложилось, что В.Л. Рейзер оканчивал военно-учебное заведение, когда его возглавлял уже третий директор корпуса — генерал-фельдцейхмейстер князь Василий Никитич Репнин, пробывший на этой должности с 26 августа 1745 года по 1 августа 1748 года /6/.

Произошло это уже 23 декабря 1747 года, когда Винценту Людвигу Рейзеру при выпуске из корпуса был пожалован первый обер-офицерский чин прапорщика /7/. За время учебы в корпусе, согласно выданному аттестату, Рейзер окончил изучать геометрию и фортификацию, историю и географию, гражданское и натуральное право, фехтование и танцы. Кроме того, он рисовал ландшафты красками в миниатюре, «разумел» французского автора, переводил с немецкого языка на французский, «разумел» и говорил по-русийски хорошо, переводил с немецкого на русский язык, сочинял немецкие письма, а также учился верховой езде /8/.

В.Л. Рейзер был выпущен из корпуса в армию. Вскоре на главе Сухопутного шляхетного кадетского корпуса стал наследник русского престола великий князь Петр Федорович, племянник императрицы Елизаветы Петровны. Он пребывал на посту главного директора с 12 февраля 1759 года по 14 марта 1762 года /9/. Петр Федорович стал оказывать знаки внимания тем обер-офицерам, которые зарекомендовали себя с положительной стороны

в ходе своей служебной деятельности. В их числе были барон К.К. Унгерн-Штернберг, С.В. Перфильев, М.П. Черторижской (Черторижский) и С.А. Порошин. Все они от великого князя были пожалованы в очередные чины /10/. Став императором, Петр Федорович сделал одного своего любимца, Унгерна, генерал-адъютантом, трех других — флигель-адъютантами.

25 декабря 1761 года скончалась императрица Елизавета Петровна. 28 декабря новый монарх произвел трех своих фаворитов в генерал-адъютанты с чинами и жалованьем действительных бригадиров.

Попасть в свиту Его Императорского Величества было не так просто. Монарх учитывал при этом различные критерии отбора, в том числе знание иностранных языков. Н.И. Панин, современник Петра III, в одной из бесед раскрыл причину любви императора к дворянам, знавшим в совершенстве иностранный язык, особенно немецкий: «Говорил он только по-немецки и хотел, чтобы все знали этот язык; по-русски он говорил редко и всегда дурно» /11/.

Для Винцента Рейзера, который успешно окончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус, иностранные языки не были проблемой. Тем не менее следует считать, что основными критериями отбора военных в свиту все же являлись их личная преданность и четкое исполнение распоряжений Петра Федоровича, а также образованность. Всем этим критериям Петра III отвечал Рейзер, войдя в состав императорской свиты в 1762 году.

В «Записках о Петре III» Якоба Штелина о государе говорится: «Каждое утро он вставал в семь часов и во время одевания отдавал генерал- и флигель-адъютантам свои повеления на целый день» /12/. В обязанности адъютантов входило дежурство при императоре во дворце или церемониях вне дворца; выполнение специальных поручений монарха, а также участие в каждодневных пирушках в обед и вечером. Поводом к пирушкам могли служить императорские пожалования его слугам новых чинов и должностей. Так, в «Дневнике» статского советника Мизере (это имя использовал все тот же Якоб Штелин), служившего при русском дворе, за 1 апреля 1762 года есть следующая запись: «Его величество не снимал халата. Вечером велел позвать к ужину. После ужина его велич. объявил меня библиотекарем при своем дворе и статским советником, приказал подать венгерского вина и пил за здоровье своего нового статского советника, что сделали по приказанию и по примеру его величества все присутствовавшие, а именно: гетман, гофмаршал Нарышкин, его брат Лев Александрович, генерал Мельгунов, гене-

рал-майор Ляпунов, генерал-адъютанты Гудович и Андрей Гаврил. Чернышев, адъютанты князь Барятинский и Рейзер» /13/.

Во время дворцового переворота 28 июня 1762 года Винцент Рейзер находился рядом с Петром III. Он сопровождал императора из Ораниенбаума в Петергоф, где 29 июня государь намеревался праздновать свое тезоименитство, а накануне здесь должен был состояться большой обед в Монплезире у императрицы. По прибытии в два часа дня в Петергоф монарх узнал, что Екатерина еще рано утром покинула дворец и уехала в Петербург, где произошел переворот в ее пользу. В три часа дня император отдал в последний раз свое специальное поручение для Рейзера. Об этом императорском поручении историк В.А. Бильбасов писал следующее: «Флигель-адъютант Рейзер был послан в Горелый Кабачок: он должен был отвезти туда семь голштинских рекрутов и оставить их там, на заставе. Приказав им никого не пропускать ни в Петербург, ни из Петербурга» /14/. Однако с этим заданием императора флигель-адъютант Рейзер и его помощники не справились — не доехав за версту до указанного кабачка, он и голштинские рекруты были арестованы офицерами Воронежского полка — сторонниками Екатерины. Арестованных привезли под караулом в Петербург, где в здании Сената Винцента Рейзера подвергли допросу. Петр III узнал об аресте Рейзера только в восемь часов вечера, что привело его в сильное раздражение. Так закончилась служба флигель-адъютанта Рейзера у императора Петра III.

24 июля 1762 года гетман Малороссии, генерал-адъютант императрицы К.Г. Разумовский направил в Военную коллегию письменное «Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имянное повеление», где говорилось, что флигель-адъютанта Рейзера следует направить в армию /15/. Так началась для Рейзера уже армейская карьера при Екатерине II. Во время первой русско-турецкой войны (1768—1774) он находился в действующей армии до августа 1771 года в чине бригадира, а затем в сентябре в чине генерал-майора. В 1775 году Екатерина II пожаловала Рейзеру орден Святой Анны, а 5 мая 1779 года новый чин — генерал-поручика. 2 мая 1797 года новый император Павел I пожаловал вдове В.В. Рейзера за службу умершего ее мужа в вечное и потомственное владение казенные земли в Малороссийской губернии с числом 532 мужских душ /16/.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Азбучный указатель имен русских деятелей для «Русского биографического словаря». В 2 частях. — М., 2003. — Ч. II. — С. 199;*

Поленов, Д. О присяге иноземцев, принятых в Русскую службу при Петре Великом / Д. Поленов // Русский архив. — 1869. — Кн. 2. — Стб. 1754.

2. Павлова, Г.Е. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) / Г.Е. Павлова, А.С. Федоров. — М., 1986. — С. 73, 76.

3. Ломоносов, М.В. Избранная проза / М.В. Ломоносов. — М., 1980. — С. 62.

4. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 314. Оп. 1. Д. 444. Л. 54 об.

5. Гуковский, Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х — 1760-х годов / Г.А. Гуковский. — М.; Л., 1936. — С. 18.

6. Висковатов, А.В. Краткая история Первого Кадетского корпуса / А.В. Висковатов. — СПб., 1832. — С. 76.

7. РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Д. 444. Л. 54 об.

8. Имянной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе штаб-овер-офицерам и кадетам с показанием кто из оных, с какими достоинствами, в какие чины выпущены и в каких чинах ныне. — СПб., 1761. — Ч. 1. — С. 265.

9. Висковатов, А.В. Указ. соч. С. 77.

10. Ведьмин, О.П. Печальная карьера вундеркинда / О.П. Ведьмин // Родина. — 2009. — № 2. — С. 107.

11. Ассербург, А.Ф. Записка о воцарении Екатерины Второй / А.Ф. Ассербург // Русский архив. — 1879. — Кн. 1. — С. 364.

12. Штелин, Я.Я. Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском / Я.Я. Штелин // ЧОИДР. — 1866. — Кн. IV. — Отд. V. — С. 97.

13. Мизере. Дневник статского советника // Екатерина. Путь к власти. — М., 2003. — С. 59.

14. Бильбасов, В.А. История Екатерины Второй / В.А. Бильбасов // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. — М., 1998. С. — 102.

15. Писаренко, К.А. Тайны дворцовых переворотов / К.А. Писаренко. — М., 2009. — С. 293.

16. Сенатский архив. — СПб., 1888. — Т. 1. — С. 220.

А.П. ЯРКОВ

Тюмень

ПРОСТРАНСТВО И ОСОБЕННОСТИ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СТРАНЫ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

Династия Гольштейн-Готторп-Романовых до Екатерины II находилась в достаточно сложных отношениях с иноверцами. Решающим гарантом имперской идеи, которая обеспечивала интеграцию, становилось не только самодержавно-византийское православие, но и инославие, отражавшее мировоззренческие ориентиры масс населения в составляющих ислама, архаичных верований, буддизма, католицизма, протестантизма, иудаизма. Государственная религиозная политика складывалась противоречиво: доктринальная непримиримость вызывала у православных иерархов желание «подтолкнуть» правителей к жестким мерам против иноверцев, с другой стороны — личный вероисповедный опыт правящей династии (немало ее представителей являлись бывшими иностранцами и иноверцами, воспитанными на европейских ценностях и идеях Просвещения), внешнеполитическая ситуация, а также практическая необходимость в балансе интересов диктовали сохранение прав других, даже если эти общности находились на ином этапе развития.

В то время положение иноверцев изменилось к лучшему: в мире стремительно распространялись идеи Просвещения и либерализма, а Россия стала «актором» политических и социальных процессов не только на евроазиатском, но и на американском континенте — на Аляске. В азиатской части страны по-прежнему бытовало множество верований, но доминирующими по числу приверженцев оставались христианство и ислам. Сохранение паритета интересов государств, где исповедовались эти религии, признавалось за рубежом, в Санкт-Петербурге и в крае: «Это была наиболее оправданная политика в условиях резкого увеличения “иностранческого” населения в связи с расширением границ империи» /1/. Перемены в государственной политике выразились в большом количестве законодательных актов и предписаний, однако азиат-

фото М.В. Махленко

*Ведущий объединенной секции д-р ист. наук, проф. А.П. Ярков
и участник чтений Р.М. Верхоланцева*

ская глубинка, занятая проблемами выживания в экстремальной среде, не сразу оценила нововведения.

Осознав пагубность притеснения неправославных и старообрядцев, бывшая лютеранка, принявшая православие, Екатерина II постаралась дать законное обоснование религиозной терпимости. Однако позиционируя себя сторонницей либеральных идей, она защищала внутреннюю политику в присоединенных территориях и в своем «Антидоте» выступила критиком книги Ш. д'Отероша о Сибири. Освоение края, по мнению только что вступившей на престол императрицы, произошло «благодаря любознательности» русских, и жизни коренного населения ничто не угрожало /2/.

Осознание плачевных для интересов государства последствий деятельности Казанской новокрещенской конторы, основанной по именному указу Анны Иоанновны, привело к появлению манифеста от 17 марта 1775 года «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портою Оттоманскою» и грамоты от 1783 года, выданной по случаю присоединения Крыма. В стране появилась основа для становления политики веротерпимости как условия сосуществования различных идеологических воззрений по принципу «общая польза для всех при ограничении преимуществ немногих». Объявленный императрицей

курс положил конец прежнему угнетению неправославного населения: снизился «накал» миссионерства, было запрещено уничтожение нехристианских святынь, татарское и бухарское купечество получило право торговли по всей империи, а некоторые муллы получили статус «указных».

Идейными противниками императрицы были не только ортодоксы или европейские путешественники в лице д'Отероша. Образованный россиянин эпохи Просвещения, как правило, немногим отличался от европейца и, самостоятельно изучая чужой край через личные (языковые) контакты, также понимал, что коренные жители с их ментальностью и иерархией ценностей неотделимы от природных условий региона. Подобно многим европейцам-билингвам, русский, сохраняя ощущение самодостаточности, осмыслял параметры неизвестного региона — географию, историю, социокультурное пространство, традиции и быт населения посредством понятий европейского Просвещения. Семантика «новых» образов часто расходилась с прежними ориентирами по причинам культурно-религиозных и социально-политических различий, а также вследствие шаблонных концепций исторического развития. Для заметок европейски образованных россиян характерны ценностные ориентиры и библейская образность, не всегда понятные сибиряку, для кого родной регион вовсе не являлся «краем света», который необходимо «открыть».

Характерно, что в «I-e Carte de l'Asie» через всю территорию Российской империи вплоть до Тихого океана, включая Монголию, Дальний Восток и т. д., начертано «Empire Russe». Однако значительную часть ее территории занимает вторая надпись более крупными буквами — «Grande Tartarie», и это обстоятельство свидетельствует о том, что в Европе понимали сложный этноконфессиональный состав азиатской части страны.

Метаморфозы политических институтов Российского государства во многом связаны с осознанием особенностей этого пространства, которое требовалось сохранить и расширить. В этих целях нужно было использовать «внутренний потенциал» — элиту неправославного населения края — несмотря на все к ней внимание, ее ранее не допускали к системе духовного и административного управления. Стремясь приобрести на освоенных и присоединяемых территориях союзников среди авторитетных и более грамотных, а не только зажиточных мусульман, власти отнесли служителей исламского культа к «мусульманскому духовенству» и в 1755 году предоставили им существенные льготы. Восстание под

идеологическим руководством имама Батырши (А. Галиева) показало, что время репрессий по отношению к приверженцам ислама прошло, а символический капитал — авторитет избранных духовных лидеров — по-прежнему ценится очень высоко.

На Урале и Ямале, в Югре и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке количество приверженцев ислама было мизерным, там доминировали православные славяне и аборигенное население. На Алтае, как и в губернских городах, имелась существенная прослойка католиков и протестантов, которые занимали важные административные посты, влияли на этноконфессиональную политику и активно участвовали в диалоге культур. Маловероятно, что они ощущали себя на «краю света»: горизонт представлений расширялся по мере проникновения в уклад жизни и особенности мышления коренных жителей, хотя нормы и ценности этой группы населения оставались для них чужими.

Центральная власть отдавала себе отчет в сложности управления огромным регионом, население которого не осознавало до конца принадлежность к Российскому государству и руководствовалось не непонятными государственными законами, а обычным правом /3/ и шариатом. Были выработаны два принципа интеграции: христианизация нерусского населения края и создание системы управления в виде инородческой автономии.

Власти сохраняли приоритет РПЦ, обеспечивавшей идеологическую прочность государства и стабильность православного населения, и контролировали соотношение православных и иноверцев в городах, а также характер их расселения /4/. Необходимо было сократить размах народных выступлений и поставить под контроль все группы, обладавшие реальным влиянием. Инородцам предложили принять участие в работе Комиссии для написания нового Уложения, а в «Наказе» к началу ее работы Екатерина II подчеркнула приоритет православия и значимость миссионерства: «И нет подлинного иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православною нашею верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно было всех наших овец паки привести к истинному верных стаду». Императрица продекларировала гуманистические идеи, созвучные высказываниям деятелей Просвещения: «В том великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их разных вер». Депутаты должны были выражать интересы своих соплеменников, что в действительности не всегда удавалось /5/.

Государство обязано поддерживать стремления субъекта права только до тех пор, пока они не препятствуют законам, а также стремлениям и нравственным установкам других. В связи с этим О.Н. Бортникова (Науменко) полагает значимым, что «... некоторые законы вообще не могли распространяться на Сибирь из-за специфики ее населения», а местные власти понимали бесполезность привлечения коренного населения к ответственности по Соборному уложению или законодательству Петра I /6/. Это связано с тем, что в XVIII веке во «весь рост встал вопрос» о принципах юридических взаимоотношений власти и неправославных, особенно в местах их компактного проживания.

Необходимо осознать, что проявление частной воли будет ничтожным, если оно остается на стадии целеполагания и не приводит к продолжению и волеизъявлению, т. е. обращению права изъяслять желание в реальную для человека и социума пользу. В рассматриваемый период времени представительные органы Российского государства уже убедились, что законотворческая деятельность должна быть основана на нормах, понятных обществу.

Постепенно в стране признали право на другую веру. Администрации на местах предписывали сочетать интересы государства с веротерпимостью: ислам был признан законной религией значительной части тюркоязычного населения и получил статус «терпимой религии», ибо 17 июня 1773 года был принят Указ «О терпимости всех вероисповеданий», провозгласивший, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходяствуя Его Святой воле, и всем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ее Величества всегда любовь и согласие царствовали» /7/.

Систематизируя знания о правовом положении коренного населения края с учетом устройства внутреннего управления, составители одного из сборников документов выделили период с 1720-х годов по 1821 год. По их мнению, именно в это время объективные факторы потребовали взаимодействия общероссийских и местных общественных институтов без практики одностороннего навязывания средневекового русского феодального права и политико-административных порядков. Этот этап был ознаменован установлением правовых принципов во взаимоотношениях государства и его подданных, хотя характеризуется также активной политикой в сфере духовно-идеологического влияния, направленной на конфессиональную гомогенизацию населения /8/.

Существует периодизация, которая четко иллюстрирует трансформацию отношений государства к духовным потребностям подданных-мусульман:

- 1744–1756 годы — период «воинствующей христианизации» и двусмысленной юридической трактовки указов;
- 1756–1764 годы — «переходный период», когда в рамках действующего норматива мусульманам было разрешено общественное богослужение после выселения новокрещеных из городов. Происходила самоизоляция религиозных властей «от разбирательства конфликтных дел, возбужденных новокрещеными в поликонфессиональных селениях», но, с другой стороны, завершила свою деятельность «Контора новокрещенских дел»;
- 1764–1773 годы — постепенное прекращение широкомасштабной миссионерской деятельности и передача функции вышеуказанной конторы епархиям;
- 1773–1789 годы — в период от Указа о веротерпимости до Указа о создании ОМДС система взаимоотношений прошла эволюцию от гарантирования религиозных прав до юридического признания сотрудничества с исламскими институтами, которые были поставлены на службу государству;
- 1789–1821 годы — до появления серии указов, регламентирующих жизнь населения азиатской части страны /9/.

Таким образом, на фоне долговременной идеологической конфронтации православия и ислама формировалась «нормативная статика», обеспечившая взаимоотношения двух миров. Это происходило в рамках естественной динамики поведения индивида и социума, поскольку обеспечение меры их взаимной ответственности предполагало определение стандартов (камертона) норм права. Появились лимиты поведения власти — не фиксированные, а реально проявлявшиеся, с которыми по определенным правилам стало соотноситься поведение индивида. Для большей части социума оно встраивалось в систему законодательно (нормативно) зафиксированных стандартов.

Религия в тот период действовала как сложная неравновесная и открытая система, уверенно эволюционировавшая от беспорядка к порядку, от неустойчивости к равновесию, от непредсказуемости к логике. Как следствие, в начале XIX века в регионе на практике начали воплощаться некоторые требования толерантности: еще не существовало принципа свободного исповедания каждым человеком или общественной группой нравственных, социально-политических и мировоззренческих предпочтений, еще присутствовали

преференции для своих, но уже проявлялось допустимое (иногда снисходительное) отношение к выбору других. Еще не возникло массовой потребности в понимании сути воззрений, нравов, привычек, чувств и способов действий других, которые отличны от своих, но часть общества уже была готова к диалогу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горбунова, С.В. *Причины имперской политики «исламизации» казахов (последняя треть XVIII – первая пол. XIX в.)* / С.В. Горбунова // *История идей и история общества: мат-лы II Всерос. науч. конф.* – Нижневартовск, 2004.
2. *Антидот (противоядие); Полемическое сочинение государыни Екатерины Второй, «Осмнадцатый век»: ист. сб., изд. Петром Бартеневым.* – М., 1969. – Кн. 4. – С. 246, 257, 280.
3. Ковалышкина, Е.П. *Российская государственная власть и «инородческий вопрос» в Сибири* / Е.П. Ковалышкина // *Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири.* – Томск, 1992.
4. Ключева, В.П. *Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблема взаимодействия* / В.П. Ключева // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* – 2004. – Вып. 5. – С. 134.
5. Тишкин, С.Ф. *Инородцы Приволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии* / С.Ф. Тишкин. – Казань, 1922. – С. 55.
6. Бортникова О.Н. *Правовые акты «просвещенного абсолютизма» в Сибири* / О.Н. Бортникова // *Прошлое Западной Сибири: дискуссионные проблемы, итоги, перспективы изучения: мат-лы науч. конф., посв. 125-летию со дня рождения С.В. Бахрушина* / отв. ред. Я.Г. Солодкин. – Нижневартовск, 2007. – С. 63.
7. *ПСЗ РИ.* – СПб., 1830. – Т. XIX, № 13996. – С. 775–776.
8. *Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX в.): сб. правовых актов и докум. / ред.-сост. А.Ю. Конев.* – Тюмень, 1999. – С. 14–15.
9. Загидуллин, И.К. *Исламские институты в Российской империи: мечети в европейской части России и Сибири* / И.К. Загидуллин. – Казань, 2007. – С. 64.

Г.В. ЮРОВА
Новоуральск

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА, ПОСВЯЩЕННЫЕ РОМАНОВЫМ НА УРАЛЕ

Предыдущий 2012 год был особенно богат на круглые даты масштабных, определяющих судьбу Отечества событий: 200 лет Бородинской битве и победе русского народа в Отечественной войне 1812 года, 400 лет изгнанию польско-литовских и шведских интервентов и 340 лет со дня рождения первого императора и реформатора России — Петра I. И хотя в нашей истории, безусловно, все даты судьбоносные, но участники этих драматических событий непосредственно связаны с основой нашего государства — династией Романовых, 400-летие которой наполняет особым смыслом празднование Царских дней в текущем году.

Уралу со времен его освоения русскими на долгие столетия выпало стать «опорным краем державы», снабжавшим людскими, техническими и интеллектуальными ресурсами главные социально-политические и военные артерии страны. Много отголосков тех событий оставило след на Уральской земле. Наибольший интерес, по мнению автора, представляют те памятники и памятные места, которые хранят память о царственных особах дома Романовых, в разное время и в силу разных обстоятельств побывавших на Урале.

Мемориальное наследие, связанное с династией Романовых, действительно, огромно и разнообразно. Его можно условно поделить на две группы. Первая — памятники, созданные во славу монархов (столбы Европа-Азия, бюсты, научные премии), вторая — памятники, посвященные скорбным событиям, связывающим Романовых и Урал.

Михаил Никитич Романов

Московский боярин Михаил Никитич Романов, брат патриарха Филарета и дядя первого царя из рода Романовых — Михаила Федоровича, представлялся царствующему тогда Борису Годунову, его родственнику, опасным политическим конкурентом, за что и был отправлен в ссылку в июне 1601 года в село Нырб Чердынского уезда. Спустя год он мученически скончался. О невинноубиенном узнике в Нырбе сохранилось несколько памятников: часовня,

Выступление Г.В. Юровой на заседании секции «Романовы и Урал»

где он был заключен, гробница в зимнем соборе, памятная доска с записанной на ней историей заключения боярина, яма, в которой он был замучен голодом и, вероятно, удушен. Кандалы, которыми он был прикован к месту своей мученической кончины, хранятся в Чердынском краеведческом музее.

Петр I

Памятник основателю горного дела на Урале императору Петру I, установленный в Екатеринбурге, в настоящее время находится на территории Исторического сквера во внутреннем дворе Музея истории архитектуры и промышленной техники Урала. Есть сведения, что бюст Петра первоначально находился на месте современного памятника П.П. Бажову на верхнем бьефе плотины реки Исеть и был разрушен после революции. Современный памятник выполнен скульптором Г. Чехомовым в 1992 году. Еще одно напоминание о Петре Великом в Екатеринбурге — небольшой барельеф в районе стадиона «Динамо» с надписью «300 лет Российскому флоту».

По повелению Петра I в 1701 году был основан город-завод Невьянск, который он передал во владение Никите Демидову. 19 июля 2002 года в Невьянске рядом со знаменитой Невьянской башней был открыт памятник «Петр I и Никита Демидов» (автор

Константин Грюнберг). Памятник создан при финансовой поддержке некоммерческой организации «Благотворительный фонд наследия Демидова». Памятник имеет вес восемь тонн и высоту пять метров, отлит из чугуна в ОАО «Уралмашзавод». Другая скульптура, изображающая Никиту Демидова и императора Петра I, установлена в 1994 году на территории Невьянского механического завода. Это первый в России памятник основателям уральской промышленности.

Екатерина I

Бюст императрицы Екатерины I, в честь которой получил свое название Екатеринбург, до Февральской революции стоял на берегу городского пруда рядом с бюстом Петра I и был утрачен в 1917 году. Память о нем сохранилась лишь на фотографиях. Сейчас на этом постаменте установлен бюст Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Екатерина II

3 февраля 1775 года в Ирбите был установлен бронзовый памятник императрице Екатерине II Великой, впоследствии утраченный. В 2006 году памятник был восстановлен к 375-летию города. Бронзовый четырехметровый монумент стоит на четырехметровом гранитном пьедестале. Императрица в левой руке держит грамоту города Ирбита, а в правой — скипетр, символ самодержавной власти. На пьедестале высечен текст указа о даровании Ирбиту статуса города.

Александр I

Александр I Благословенный вписал, пожалуй, одну из самых светлых страниц в историю Урала и положил начало царским визитам своих наследников. Так, через 13 лет его уральский путь повторит его племянник — цесаревич Александр, в 1845 году — его зять М. Богарнэ, князь Лихтенбергский и Романовский. В 1860—1870 годах побывают на Урале сыновья Александра II — великие князья Владимир и Алексей, чуть позднее — великие князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович, в 1918 году под конвоем сюда прибыла семья последнего российского императора Николая II.

Среди многочисленных визитов членов дома Романовых на Урал приезд Александра I в 1824 году стоит особняком. По сути, на тот момент это был единственный «действующий» император, посетивший «далекую Украину». Государь пробыл в Екатеринбурге

три дня, оставив в дар горожанам множественные памятные дары. Так, при посещении Нижне-Исетского железоделательного завода он собственноручно отлил несколько ядер, выковал два гвоздя и топор, и эти вещи незамедлительно были определены в заводскую контору «на сохранение в потомство». В доме городского головы Я.М. Рязанова прошли переговоры, касающиеся екатеринбургского старообрядческого общества. Благодаря императору был установлен крест на каменной старообрядческой Никольской церкви, шарташские скиты получили крупное денежное вспомоществование. Хозяевам дома Александр I подарил перстень и украшенный бриллиантами фермуар. На Верх-Исетском заводе государь выковал небольшой гвоздь.

В память об этом визите горожанам остались Александровский проспект (улица Декабристов) и мост через реку Исеть (построенный в 1889—1890 годах по проекту архитектора С.С. Козлова взамен деревянного, сооруженного в 1824 году), по которому проезжал императорский кортеж и который отныне стал называться Царским мостом. Сейчас этот объект имеет статус историко-архитектурного памятника федерального значения.

Отметим, что в Нижнем Тагиле в память об историческом приезде императора также назвали улицу — Александровская. Эта главная улица раньше была Нагорной, а ныне называется проспектом Ленина.

Также в 1824 году Александр I приезжал в Пермь. В память о визите остались ротонда в бывшем Загородом саду и больница, отремонтированная к визиту (позже ее назвали Александровской).

В том же году еще за несколько месяцев до приезда императора на Урал, недалеко от города Миасс были найдены россыпи золота и заложен золотоносный прииск, названный Царево-Александровским в честь императора Александра I Благословенного, победителя Наполеона. Кайло и лопата, которыми на руднике император накопал рудоносной породы, были отправлены на сохранение в музей Златоустовского завода. На прииске же соорудили памятник-пирамиду. Со временем он стал обрушаться, и в 1850 году на Златоустовском заводе отлили чугунный памятник, представлявший собой сложное архитектурно-скульптурное произведение в классическом римском стиле общей высотой 11 метров, имевшее сильное сходство с Александрийским столпом в Санкт-Петербурге. В 1924 году памятник был разрушен, а в 1997 году на этом месте установлена глыба мрамора в виде четырехугольной призмы высотой два метра.

Александр II

В поселке Верх-Нейвинском на нынешней площади Жертв революции перед зданием поселкового совета стоит скульптура, некогда представлявшая собой бюст царя Александра II на постаменте, по бокам украшенном гербами Российской империи, о чем сохранились архивные сведения и фотографии. 1 мая 1917 года бюст и гербы были сняты, но с приходом белочехов в сентябре 1918 года при церковном служении вновь установлены на место. После освобождения Верх-Нейвинска Красной армией от Колчака 24 июня 1919 года бюст царя был снят снова, и ныне это место представляет собой памятник событиям революционного прошлого нашей страны.

В Екатеринбурге на бывшей Кафедральной площади, которую ранее называли Торговой, а потом Центральной (ныне это площадь 1905 года), напротив Богоявленского кафедрального собора был воздвигнут памятник царю-освободителю Александру II. «Он был поставлен 5 октября 1906 года на высоком парадном постаменте из уральского мрамора, статуя вылита из чугуна на Кусинском заводе по модели профессора М.П. Попова. Высота статуи — 4,5 аршина, а высота с постаментом — 13 аршин. Государь изображен во весь рост в генеральской форме, с непокрытой головой, держащим в правой руке свиток со словами “19 февраля 1861 года”, а левой опирающимся на тумбу», — так описали памятник в одном из краеведческих изданий предреволюционного времени.

Когда рядом с Кафедральным собором встал памятник императору, идея самодержавия и православия получила в ансамбле площади законченное выражение. Когда же самодержавие было упразднено, а православие отвергнуто, площадь переименовали в память революции 1905 года. Памятник же царю, которого, хоть он и вошел в историю как освободитель крестьян, в результате пяти покушений все-таки убили революционеры, весной 1917 года был свергнут с пьедестала. Позднее на этом постаменте поочередно сменялись памятник Свободе, бюст Карла Маркса и памятник Человеку освобожденному труда.

В настоящее время в рамках реконструкции дореволюционного культурного наследия Среднего Урала в мастерской известного уральского кузнеца А. Лысякова изготовлен бюст Александра II.

Александровская сопка — еще одно место, связанное с памятью об Александре II. Будущий царь во время путешествия по Уралу поднимался сюда, обозревая панораму Златоуста.

Рядом с Александровской сопкой, близ станции Уржумка в 1837 году в честь Александра II был установлен первый на Урале столб «Европа-Азия». Тогда 19-летний наследник престола великий князь Александр Николаевич по совету отца, императора Николая I, совершил путешествие по России в сопровождении поэта и действительного статского советника В.А. Жуковского, других лиц. Посетили они именно это место на бывшем Сибирском тракте (теперь Московское шоссе). На пограничном памятнике была высечена надпись «Память посещения этого места Их Императорскими Величествами Государем наследником Цесаревичем и Великим Князем Александром Николаевичем в 1837 году и герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1845 году» (правда, дата посещения этого места герцогом в настоящее время смущает краеведов и дает основания предполагать, что столб возвели не в 1837, а в 1846 году).

Знак установили горные власти после причисления горы Березовой к единой уральской водораздельной линии. Он представлял собой острую четырехгранную деревянную пирамиду с надписями: «Европа» и «Азия». В 1873 году деревянный столб заменили на обелиск из мрамора, установленный на каменный постамент. На вершине пирамиды был укреплен золоченый двуглавый орел. Реконструкцию обелиска приурочили к проезду через перевал представителя императорской фамилии — возвращавшегося из кругосветного путешествия великого князя Алексея Александровича. После Октябрьской революции обелиск, как символ царской власти, был разрушен. В 1926 году на его месте возвели новый, но уже без орла, и не мраморный, а облицованный гранитом. В 2008 году на месте старого памятника открыт новый обелиск, и сейчас в окрестностях самого первого обелиска стоят целых два столба.

Другой памятный случай связан уже с именем Елизаветы Федоровны Романовой, великой княгини, старшей сестры российской царицы. Она приезжала на Урал летом 1914-го, совершая духовное паломничество. И вот 13 июля на пути в Белогорский Свято-Николаевский монастырь она приняла участие в организованном в ее честь освящении памятника Александру II. Бюст был воздвигнут на средства общества в центре Бымовского завода Осинского уезда в память 50-летия освобождения крестьян.

Александр III

В Перми сохранилась мемориальная доска в знак счастливого избавления государя Александра III в железнодорожной ката-

строфе у станции Борки. На доске, висевшей до революции на стене Богородицкой церковно-приходской школы, удалось расчистить надпись: «Будущим поколениям Богородицкой школы в память события 17 октября 1888 года». В Пермской области были также установлены многочисленные бюсты императора: в Ашапском заводе (ныне демонстрируется в Ординском краеведческом музее), в Югокамском заводе (здесь бюст восстановлен в 2006 году на прежнем фундаменте, сохранившемся до наших дней).

Великий князь Михаил Николаевич Романов

Михаил Николаевич побывал на Урале в 1887 году. В начале XX века в Перми вдоль нынешней улицы Тихой располагалось военное кладбище, называвшееся в память о высочайшем визите Михайловским. В годы Первой мировой войны здесь хоронили русских воинов, умерших от ран в пермских лазаретах (несколько надгробий еще сохранилось).

13 июня 1887 года в присутствии великого князя Михаила Николаевича и его восьмилетнего сына Сергея (ему суждено будет погибнуть во время Гражданской войны в алапаевской шахте) было освящено новое здание Мариинской женской гимназии.

В том же году великий князь посетил Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, проходившую в Екатеринбурге. Он оказывал августейшее покровительство выставке, а после и Уральскому обществу любителей естествознания (УОЛЕ) вплоть до своей кончины в 1909 году. Тогда же уральцы увековечили память этого Романова — учредили Михайловскую премию за успехи в изучении Уральского края, а в музее УОЛЕ открыли зал его имени.

Великая княгиня Елизавета Федоровна

Как сообщало информационное агентство Екатеринбургской епархии, 13 июля 2009 года в Екатеринбурге установлена памятная доска на доме № 19 по проспекту Ленина (ранее — Главный проспект), изготовленная по эскизам сестер Ново-Тихвинского монастыря. Установка памятной доски была приурочена к Царским дням.

В этом доме в 1918 году располагалась гостиница, так называемые «Атамановские номера». Здесь жили во время своего короткого пребывания в Екатеринбурге члены императорского дома Романовых: великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, князя Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович (троюродные братья Николая II), князь Владимир Павлович Палей (внук Александра II),

сестра Марфо-Мариинской обители Варвара Яковлева и Федор Михайлович Ремез (секретарь Сергея Михайловича).

В Алапаевске Романовы содержались в заключении в здании Напольной школы на северной окраине города, куда прибыли из Екатеринбурга 20 мая 1918 года. Сейчас на сохранившемся здании по улице Ленина, 77, установлена мемориальная доска. Воссоздана мемориальная комната с открывшейся постоянной экспозицией, посвященной жизни и подвигам святой великой княгини Елизаветы. Здесь собраны копии различных документов и фотографии. Самый ценный экспонат — Евангелие, подписанное преподобномученицей. Елизавета Федоровна держала его в руках во время своего заточения. Сохранилась также церковь Святой Екатерины, в которой Елизавета Федоровна молилась в последние дни. В Свято-Троицком соборе, в нескольких кварталах от Напольной школы, узники молились каждое воскресенье. Здесь сохранился склеп — место, где хранились тела убиенных перед отправкой из Алапаевска в Китай, а затем — на Святую землю.

На месте мученической кончины князей и княгини Романовых у Старой шахты под Алапаевском поставлен деревянный крест, рядом воздвигнута часовня святой Елизаветы.

Еще одно памятное место в Екатеринбурге — деревянная часовня святой Елизаветы и инокини Варвары, построенная в 1992 году вблизи места расстрела царской семьи, рядом с домом Ипатьева. Она входит в комплекс церкви во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших (Храма-на-Крови), и представляет собой восьмерик и примыкающий к нему прямоугольный объем с двускатной крышей.

Николай II и члены его семьи

Перед поездкой в Белогорскую святыню Елизавета Федоровна посетила Успенский женский первоклассный монастырь в Перми. Здесь была открыта часовня в память 300-летия дома Романовых.

В Екатеринбурге 30 апреля 2003 года на месте передачи царской семьи в руки представителей Уралсовета по адресу: Восточная, 24, был установлен памятный знак, посвященный последнему российскому императору.

В 40 километрах от Екатеринбурга в селе Кашино освящен храм в память цесаревича Алексея.

В здании Горного университета установлен иконостас с иконой Николая II, вуз мечтает о возвращении ему имени последнего русского императора.

фото Евгения Тамплон

*Памятник царской семье
у Храма-на-Крови,
авторы К. Грюнберг и А. Мазяев*

фото Евгения Тамплон

*Памятник детям императора
Николая II на Ганиной Яме,
автор И. Акимов*

На территории монастыря Ганина Яма установлены памятники святым страстотерпцам Николаю II и императрице Александре Федоровне. В ноябре 2011 года здесь открылся мемориал детям последнего российского императора. Бронзовый памятник высотой три метра представляет собой пятифигурную композицию — четыре великие княжны Ольга, Мария, Татьяна, Анастасия и с ними цесаревич Алексей. Около обвалившейся шахты, в которой в 1918 году около суток находились тела Романовых, возведен четырехметровый деревянный Поклонный крест¹.

Главным мемориалом царской семьи, безусловно, является Храм-на-Крови (полное название: Храм-на-Крови во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших) в Екатеринбурге — один из крупнейших православных храмов России и место паломничества. Он был построен в 2000–2003 годах на месте, где в ночь с 16 на 17 июля 1918 года были расстреляны последний россий-

¹ От редколлегии: 16 июля 1999 г. на участке Старой Коптяковской дороги в районе так называемого Поросенкова лога, на месте сокрытия останков императора Николая II, его семьи и приближенных лиц, расстрелянных 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге, по инициативе фонда «Обретение» и при поддержке Администрации Свердловской области был открыт «Мемориал Романовых». Земля мемориала содержит частицы праха членов царской семьи и верных им лиц.

ский император Николай Александрович Романов и его семья. Освящение храма состоялось 16 июля 2003 года.

Храм представляет собой пятикупольное сооружение высотой 60 метров и общей площадью 3000 квадратных метров. Архитектура сооружения выдержана в русско-византийском стиле. В таком стиле строилось большинство церквей в период царствования Николая II. По замыслу архитекторов он должен символизировать связь времен, возрождение православной традиции. В комплекс входят два храма: нижний и верхний. В ансамбль храма включен памятник царской семье — эта семифигурная композиция представляет трагический момент спуска Николая II и его семьи в подвал Ипатьевского дома на расстрел. По замыслу авторов, скульптора К.В. Грюнберга и архитектора А.Г. Мазаева, памятник встречается на пути каждого входящего в храм и невольно напоминает о произошедших здесь событиях.

Перед часовней святой Елизаветы и инокини Варвары на земле лежит большой мраморный камень с надписью, гласящей о том, что в ночь на 17 июля 1918 года здесь были убиты члены царской династии Романовых.

Обширные материалы Государственного архива Свердловской области, краеведческого музея, картинной галереи, Музея истории Екатеринбурга, памятные места города и окрестностей, частные коллекции являют собой огромное мемориальное наследие Романовых и показывают роль царственных особ в судьбе России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладкова, И.М. Белый дом из красного кирпича / И.М. Гладкова // Урал. — 2000. — № 11. — С. 202–207.*
2. *Демидовские гнезда: Культурно-исторические очерки / Колл. авт. — Екатеринбург: Сократ, 2001. — 304 с.: ил.*
3. *Екатеринбург: рекорды и достижения / Колл. авт. — Екатеринбург: Столица Урала, 2011. — 120 с.: ил.*
4. *Екатеринбург: Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — 728 с.: ил.*
5. *Коньшин, Ю.А. Кузницы уральского железа: культ.-ист. очерки / Ю.А. Коньшин, В.А. Сутырин, А.В. Рычков. — Екатеринбург: Сократ, 2007. — 376 с.: ил.*
6. *Корепанов, Н.С. Город посредине России: культ.-ист. очерки / Н.С. Корепанов. — Екатеринбург: Сократ, 2005. — 368 с.: ил.*
7. *Кулешова, С. Неожиданный Екатеринбург: путеводитель / С. Кулешова. — Екатеринбург: Азимут, 2009. — 112 с.: ил.*

8. Лукьянин, В. Прогулки по Екатеринбургу / В. Лукьянин, М. Никулина. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. — 176 с.: ил.
9. Макурин, А. Памятные места Екатеринбурга в телефонокартии / А. Макурин // Урал. следопыт. — 2006. — № 11. — С. 15–17.
10. Никаноров, Д. Памятник царю и... III Интернационалу / Д. Никаноров // НГГ. — 2005. — № 37 (14 сент.). — С. 9.
11. Печуркина, Р. Да будет храм в душах наших! / Р. Печуркина // Родина. — 2003. — № 9. — С. 1–5.
12. Савенко, Е. Южный Урал. Хребет Уреньга. Александровская сопка / Е. Савенко // Урал. следопыт. — 2001. — № 6. — 3-я с. обл.
13. Смирных, А.И. Уездные столицы: культ.-ист. очерки / А.И. Смирных / Колл. авт. — Екатеринбург: Сократ, 2002. — 368 с.: ил.
14. Трусов, В. Правда о пограничном обелиске: первый каменный столб на границе Европы и Азии установлен в 1846 г. / В. Трусов // Урал. следопыт. — 2003. — № 3. — С. 4–7.
15. Чагин, Г. Священные оковы: Михаил Никитич Романов и ныробские святыни / Г. Чагин // Родина. — 2001. — № 11. — С. 135–136.
16. Яловенко, А. Памятник императору и «ответное» золото Миасса / А. Яловенко // Урал. следопыт. — 2006. — № 9. — С. 78–83.

РОМАНОВЫ В ИСТОРИИ НЕВЬЯНСКА

История Невьянска, если ее соотносить со всеми правителями России из рода Романовых, в первую очередь ассоциируется с именем императора Петра I. Его роль в создании на Урале Невьянского завода, наряду с Каменским положившего начало крупному промышленному производству в крае, сложно переоценить.

Историк В.О. Ключевский неслучайно назвал Урал «открытием Петра». «Повсюду извлекались из недр земных <...> сокровища, — отмечал Ключевский, — повсюду слышен был стук молотов и топоров, отовсюду текли туда ученые и <...> мастера с книгами, инструментами и машинами» /1/.

В конце XVII века по воле Петра I была разработана государственная программа промышленного развития Урала. Ее автором и ответственным за реализацию стал глава Сибирского приказа Андрей Андреевич Виниус. Программа предусматривала поиски и разработку местных месторождений, строительство заводов и развитие заводской инфраструктуры. Ее конечной целью намечалось полное обеспечение потребностей государства в металле и вооружении, чтобы «всякого железа, крупного и мелкого оружия <...> всегда в довольстве было» /2/.

Реализация принятой программы с успехом решила важнейшие задачи петровского времени, заложив фундамент военно-промышленного комплекса страны.

Именно в рамках этой государственной программы было задумано и осуществлено строительство Невьянского завода. Я сейчас не буду подробно касаться истории его строительства (этой теме посвящено множество книг и публикаций в СМИ), отмечу лишь основные вехи его создания.

В 1696 году Сибирский приказ возложил на верхотурского воеводу Дмитрия Протасьева поиски железной руды в крае. В начале 1697 года рудознатцы обнаружили месторождение бурого железняка на берегу реки Невья (Нейва). Найденная руда получила отличные отзывы московских и тульских специалистов. «Железо в деле так призрядно, что лутче добротой и мягкостью быть не возможно <...> оно лутчи лучского [лучше лучшего] железа и некоторых свейских [шведских]», — отмечал тульский кузнец Никита Антиюфеев (Демидов) /3/.

В результате осенью 1698 года Петр I «указал <...> в тех местах, где пристойнее и к железным рудам ближе <...> завод завести» /4/.

В марте 1700 года на место стройки прибыли первые мастера из Подмосковья, затем на строительство определили рабочих людей из Верхотурья и других мест, началось сооружение плотины, заводских фабрик, а 15 декабря 1701 года на заводе получили первый чугун. Эта дата и считается началом истории Невьянска.

Таким образом, Невьянск, основанный в петровскую эпоху и по прямому указанию царя, является одним из российских городов, обязанных своим появлением лично Петру I.

Весной 2009 года в Свердловской области состоялись мероприятия в рамках общероссийской программы «Путь Петра Великого». Подобные мероприятия прошли и в Невьянске. Так, 22 апреля в Невьянском государственном историко-архитектурном музее состоялся круглый стол на тему «Историко-культурное наследие Невьянска», в котором приняли участие невянянские краеведы, преподаватели и учащиеся. С докладами и сообщениями выступили сотрудники музея и учащиеся местных учебных заведений /5/.

О вкладе Петра I в создание Невьянского завода напоминают два памятника.

Один из них — монумент «Петр I и Никита Демидов» — находится на территории бывшего механического завода возле здания заводоуправления. Памятник изготовлен по инициативе заводского руководства и на средства предприятия.

Памятник установлен 15 декабря 1994 года. Его торжественное открытие состоялось 27 июля 1997 года, во время посещения Невьянска генеральным секретарем ЮНЕСКО Патриком Галло. Автор памятника — невянянский скульптор, преподаватель художественной школы Алексей Ефремович Надтока /6/.

Фигуры Петра I и Демидова выкованы из медных листов. Внутри фигуры полые, что облегчает их вес и давление на монумент. Металлический постамент, на котором установлены фигуры императора и тульского кузнеца, с внешней стороны оформлен огромными валунами, что создает иллюзию горного склона. Фигуры изображены в динамике: Никита Демидов одной рукой придерживает развевающийся на ветру кафтан, а второй указывает царю на лежащие вокруг природные богатства. Петр I в треуголке и с тростью в руках стоит напротив Демидова, внимательно слушая рассказ кузнеца.

Открытие памятника основателям Невьянска знаменовало новое отношение руководителей механического завода (бывшего

фото Евгений Татлюн

*Монумент
«Петр I и Никита Демидов»,
автор А. Надтока*

фото Евгений Татлюн

*Памятник Петру I
и Никите Демидову,
авторы К. Грюнберг и А. Мазаев*

демидовского) к памятникам старины, находящимся на территории предприятия, повысило интерес к местной истории. И хотя специалисты отмечают некоторые анатомические погрешности в изображении фигур, для нас, невянцев, памятник ценен и важен. Это первый в России памятник Никите Демидову (тульский памятник открыт через два года).

К сожалению, памятник находится на территории режимного предприятия и недоступен для большинства туристов, приезжающих в Невьянск. (С 1994 года, когда он был установлен, и до 2003 года Невьянская башня тоже находилась на заводской территории, и экскурсия на башню начиналась как раз возле памятника.)

Отчасти по причине недоступности памятника для всеобщего обозрения, отчасти в рамках подготовки к 300-летию Невьянска в историческом центре возле наклонной башни был установлен еще один памятник Петру I и Никите Демидову.

Причем первоначально скульптор рядом с фигурой императора хотел установить фигуру Акинфия Демидова, сына Никиты, — он жил в Невьянском заводе и непосредственно руководил строительством других демидовских предприятий. Но после консультаций с екатеринбургскими историками фигура Акинфия была заменена на фигуру Никиты. (В память о первоначальном замысле в

руках у Никиты осталась карта Урала с изображением «ведомства Акинфия Демидова»).

Памятник изготовлен из чугуна на Уралмашзаводе. Вес монумента восемь тонн. Авторы: скульптор К. Грюнберг (автор «Черного тюльпана» в Екатеринбурге) и архитектор А. Мазаев.

При работе над памятником основателям Невьянска скульптор прислушивался к мнению широкой общественности. В фойе Невьянского музея несколько месяцев были выставлены гипсовые макеты памятника (два варианта), и невянцы, а также приезжающие в город туристы могли выбрать более понравившийся вариант и оставить запись в специальной книге. Впоследствии скульптор дорабатывал памятник с учетом этих мнений.

Торжественное открытие памятника Петру I и Никите Демидову состоялось в июле 2002 года в присутствии губернатора Свердловской области Э.Э. Росселя, председателя областного правительства А.П. Воробьева и других почетных гостей.

В отличие от Петра I, который на Урале не бывал, Невьянский завод проездом посетил наследник престола Александр Николаевич. Произошло это 27 мая (8 июня по новому стилю) 1837 года. Будущий император Александр II в сопровождении своего воспитателя Василия Жуковского и свиты совершал путешествие по России.

Маршрут поездки цесаревича составил собственноручно император Николай I. Он же сформулировал и главную цель для наследника: «Узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным» /7/.

В течение всей поездки Жуковский вел дневник, записывая свои путевые впечатления. Одна из записей посвящена пребыванию в Невьянке: «27 мая, четверг. Пребывание в Екатеринбурге <...> Поездка в Тагиль на тарантасах <...> Дорога сначала неживописная и дикая. Потом виды прекрасные: вид на Урал и рощи частые. Невьяновский завод. Старинный дом Демидова. Колокольня около древней церкви и двор. Здесь пили чай» /8/.

Невянскому заводу (в дневнике записанному как Невьяновский) Жуковский посвятил всего несколько строчек. Поэт упоминает демидовский дом и наклонную башню (назвав ее колокольней), под сенью которой путешественники устроили чаепитие. Иных документов о пребывании в Невьянке наследника престола пока не обнаружено.

Другие правители России из династии Романовых в Невьянке не бывали. Сохранились сведения о посещении нашего города чле-

нами императорского дома. Так, днем 13 июня 1887 года Невьянск посетили императорские высочества великие князья Михаил Николаевич и Сергей Михайлович. Направляясь по железной дороге в Екатеринбург, они сделали остановку на станции Невьянск, «выходили на перрон и отвечали на приветствия народа» /9/.

Подводя итоги, хочу отметить, что из всех представителей династии Романовых именно Петр I сыграл огромную роль в создании и развитии Невьянского завода. Во многом благодаря покровительству царя тульский кузнец Никита Демидов сумел заложить основы будущей «демидовской империи» на Урале.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ключевский, В.О. *Лекции по русской истории* / В.О. Ключевский. — М., 1958.
2. Гаврилов, Д.В. *Горнозаводской Урал. XVII–XX вв.* / Д.В. Гаврилов. — Екатеринбург, 2005.
3. Кафенгауз, Б.Б. *История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.* / Б.Б. Кафенгауз. — М.; Л., 1949.
4. Там же.
5. Архив ГБУК СО НГИИМ.
6. А.Е. Надтока является также автором многих скульптурных композиций на территории Невьянского городского округа. Им изготовлены памятник «Павшим за советскую Родину», стела к 50-летию Октября, композиция из гипсовых фигур «В подвалах Демидова» на наклонной башне и многое другое. Памятник Петру и Никите Демидову стал последней работой мастера. А.Е. Надтока скончался осенью 1997 года.
7. Курочкин, Ю. *Уральские находки* / Ю. Курочкин. — Свердловск, 1982.
8. Там же.
9. *Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1888 год.* — Пермь, 1888.

И.С. ОГОНОВСКАЯ

Екатеринбург

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ПРАВИТЕЛИ ДОМА РОМАНОВЫХ ГЛАЗАМИ АВТОРОВ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ XIX–XXI ВЕКОВ

Российский президент, чиновники Министерства образования РФ и ученые-историки в последнее время озадачены проблемой единого учебника истории и обсуждают возможные новые подходы к его структуре и содержанию. Вместе с тем избежать сложившихся стереотипов в подаче исторического материала достаточно сложно. К примеру, провозглашенный в 1990-е годы цивилизационный подход в рассмотрении исторических процессов до сих пор неконкурентен по отношению к марксистской схеме общественно-экономических формаций.

Что касается персоналий, то в современных учебниках по-прежнему доминирует проверенная временем концепция Н.М. Карамзина, согласно которой главную роль в истории играют самодержцы — князья, цари, императоры. В знаменитой «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» историк писал, что самодержавие «есть палладиум России, целость его необходима для ее счастья» и напутствовал доброго монарха в лице Александра I: «Государь! История не упрекнет тебя злом, которое прежде тебя существовало <...>, но ты будешь ответствовать богу, совести и потомству за всякое вредное следствие твоих собственных уставов» /1/.

Знакомство с учебными изданиями XIX–XXI веков показывает, что персоналии российских правителей занимают в них одно из самых значимых мест. Предметом нашего рассмотрения являются первый и последний представители дома Романовых, история которого началась 21 февраля 1613 года и закончилась 2 марта 1917 года.

В отношении первого представителя царственного дома — Михаила Федоровича — авторы школьных учебников различных столетий единодушны: молодость царя позволяла его ближайшим родственникам управлять государством. Вместе с тем можно увидеть и различные акценты в характеристиках. Авторы XIX века подчеркивали прежде всего человеческие черты первого самодержца. Так, Д.И. Иловайский (1875) писал: «Опытный в делах

политических, Филарет скоро приобрел решительное влияние на управление государством <...> и до самой смерти своей <...> оставался полным руководителем Михаила, отличающегося мягкостью характера и великою сыновнею преданности» /2/. Подчеркивая эти же сыновние качества, И.И. Белляринов (1896) очень трогательно описывал встречу Михаила с вернувшимся из польского плена отцом: «Михаил Федорович поклонился отцу в ноги, Филарет сделал то же самое, и оба долгое время не могли говорить от слез» /3/. С.Е. Рождественский (1896) отмечал, что после состоявшегося Земского собора народ на Красной площади единодушно поддержал избранного на царство Михаила Романова. Он же делал вывод о том, что во времена Михаила Федоровича «между престолом и народом установилось полное доверие, и народ не шадил ничего для пользы общей» /4/.

В учебниках советского времени акцент был смещен в сторону классовых ценностей, поэтому авторы учебника под редакцией Л.В. Шестакова (1955) писали, что избранный царь щедрой рукой раздавал поместья и большое жалованье помещикам, потому что «защищал интересы избравших его помещиков» /5/. Л.П. Бущик (1960) делал акцент на том, что на Земском соборе 1613 года, избравшем царя, не были представлены крепостные крестьяне и что «новый царь был слишком молод, чтобы управлять самостоятельно». Поэтому «именем царя первые годы правила его мать, а затем его отец, который под именем Филарета был избран патриархом» /6/. М.В. Нечкина и П.С. Лейбенгруб (1975) акцентировали внимание на расчетливых боярах, которые хотели укрепить свое положение при молодом и неопытном царе: «Выберем Мишу Романова, он молод и разумом не дошел» /7/.

В учебных изданиях 2000-х годов более развернуто представлены аргументы в пользу избрания на престол представителя боярского рода Романовых. Так, Е.В. Пчелов (2002), как и Нечкина, приводит боярский аргумент о молодости царя, однако акцентирует внимание школьников на родстве Михаила Романова с Федором Ивановичем, последним царем из династии Рюриковичей; обращает внимание на поддержку царя со стороны российского казачества, которое верило в то, что «царь Федор передал престол отцу Михаила — Федору Никитичу, но трон узурпировал Годунов» /8/. В одном из последних учебных изданий авторов И.Л. Андреева и И.Н. Данилевского (2010) приводится еще один аргумент казаков, поддержавших молодого Романова: пребывание Филарета, отца будущего царя, в тушинском лагере было гарантией казакам от преследований новых властей.

Эти же авторы очень образно описывают и страх молодого царя, который «залился слезами», и его матери, которая боялась: «скольким царям за эти годы целовали крест и скольких сводили с трона, насильно постригали в монахи, убивали...» /9/.

Что касается личностных качеств Михаила Романова, то авторы учебников 2000-х годов достаточно близки в своих оценках авторам XIX века. Так, Пчелов пишет: «Царь, как свидетельствовали современники, был кротким и крови нежелательным, добр, тих, смирен, всех любил, всех миловал и щедрил. Спокойный, уравновешенный характер государя резко отличался от характеров его неугомонных предшественников, а доброта и искреннее внимание к человеку располагали к нему уставших от бесконечных неурядиц людей» /10/. Историк А.Н. Боханов, известный своими монархическими взглядами, и его соавтор А.Н. Сахаров (2005) дают еще более развернутую характеристику первому Романову, подчеркивая и особенности его правления: «Михаил Романов был молод и неопытен. Про него говорили, что он был благоверен, зело кроток же и милостив. Но расчеты бояр на то, что юным царем легко будет управлять, не оправдались. Вокруг Михаила сразу же сплотилась сильная группа сторонников <...> Правительство нового царя проводило осторожную и мудрую политику умиротворения страны. Не было ни одной опалы. Все сохранили свои былые позиции, земли и чины, многие были пожалованы землями и чинами» /11/.

Набор фактов, касающихся внутренней и внешней политики первого представителя дома Романовых, во всех учебных изданиях примерно одинаков: частый созыв Земских соборов в первые годы правления, введение дополнительных налогов для пополнения государственной казны, создание Немецкой слободы, заключение Столбовского мира, Деулинского перемирия и т. д. В целом же комплексная характеристика Михаила Романова, данная различными авторами учебников в XIX–XXI веках, может быть сформулирована в следующем виде: молодой царь, имевший положительные личностные качества (кроткий нрав, уважение и любовь к членам своей семьи), был избран на престол благодаря боярам, казакам, посадским людям, получил трон в тяжелые для России годы, несамостоятельно управлял страной, однако добился определенных результатов: окончания войн с Польшей и Швецией, восстановления экономики страны после Смутного времени, усиления системы местного управления.

Последним царем из династии Романовых стал Николай II, единственный из всех представителей рода, добровольно отрек-

шийся от престола. Как ни удивительно, но между ним и его далеким прауродителем Михаилом Романовым много общего. Так, в учебнике А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной (1995) в переходные 1990-е годы представлен образ Николая II как мученика, который родился в день святого Иова Многострадального «и потому считал себя обреченным на неудачи и мучения». Далее авторы пишут: «Император был красив, прекрасно сложен, но, окруженный высококорослыми родственниками, чувствовал психологическую ущербность из-за своего небольшого роста (1 м 70 см) <...> Поскольку Николай никогда не излагал своих взглядов в виде идей и концепций, его считали слабым правителем, находившимся под влиянием сначала матери, а потом жены <...> Близко знавшие Николая считали, что если бы он родился в обыкновенной среде, то прожил бы жизнь, полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими» /12/.

Уже упомянутый нами историк Боханов (2005) писал о Николае II следующее: «Император прекрасно знал русскую историю, чтит деяния своих царственных предков, особо почитал царя Алексея Михайловича и отца — императора Александра III <...> Николай II искренне желал блага своей стране. Любовь к ней он пронес через всю жизнь <...> Последний российский монарх был примерный муж и отец. Свой брак он расценивал как великое счастье <...> В повседневной жизни, в своих привычках и наклонностях царь был человеком простым и бесхитростным. Его отличали неприхотливость в одежде и еде, полное безразличие к роскоши и комфорту <...> Николай Александрович был хорошо образованным человеком <...> прекрасно владел немецким, французским и английским языками, грамотно писал по-русски, рисовал, неплохо играл на фортепиано и скрипке» /13/.

Конечно, обозначенные характеристики коренным образом отличаются от тех, которые были даны императору в советское время. К примеру, А.М. Панкратова и ее соавторы (1962) характеризуют Николая II так: «...Он был воспитан махровым реакционером Победоносцевым <...> Умственно недалекий и ничтожный, этот «император всероссийский» имел неограниченную власть. Он был слабovolен, мстителен и жесток. Он требовал подавления революционного движения беспощадными расстрелами и казнями <...> продолжал реакционную политику своего отца» /14/. Даже в начале 1990-х годов в учебниках истории сохранялись подобные оценки царя. Так, И.А. Федосов (1992) писал: «По отзывам людей, хорошо знавших царя, это был человек среднего ума, посредственного

образования, небольшой силы воли, тяготившийся государственными делами. В первые годы своего правления царь находился под сильным влиянием своей матери и великих князей, а затем жены Александры Федоровны — женщины недалекой, мистически настроенной, истеричной...» /15/.

Что касается политики Николая II, то в советских учебниках подчеркивался ее реакционный характер в отношении русского народа, угнетенных народов на окраинах России (Финляндии, Польши, Кавказа, Средней Азии) /16/. И.Б. Берхин и И.А. Федосов (1976) отмечали, что «Николай II, как и предшествующие цари, проводил антинародную политику в интересах помещиков и буржуазии. Правительство беспощадно подавляло рабочее и крестьянское движение, не останавливалось перед применением оружия против участников стачек и демонстраций, разжигало национальную рознь, усиливало колониальный гнет. Недовольных царский суд отправлял в тюрьму, на каторгу, в ссылку» /17/. Интересно, что эта фраза один в один повторялась спустя 10 лет в учебнике Ю.И. Кораблева, Ю.С. Кукшкина и др. /18/. Здесь уместно добавить, что и историк досоветского периода С.Ф. Платонов (1917) считал, что «резко выраженное охранительное направление власти было в столь явном несоответствии с вопиющими нуждами населения и настроениями интеллигенции, что неизбежно было возникновение оппозиционных и революционных движений» /19/.

Впервые отличные от советских взгляды на жизнь и деятельность последнего российского императора появились в так называемых переходных учебниках начала 1990-х годов. Л.Н. Жарова и И.А. Мишина в обращении к учителям и школьникам писали, что признают «право классового подхода на существование», но отдают «приоритет общечеловеческим ценностям при анализе исторических событий» /20/. На страницах своей книги они стремились показать различные стороны личности и деятельности Николая II. Взойдя на престол, император поделился с одним генералом своими мыслями по поводу предстоящего царствования: «Получили мы с вами наследство в виде уродливого, криво выросшего дома, и вот выпала на нас тяжелая работа — перестроить это здание или скорее флигель его, для чего, очевидно, нужно решить вопрос: не рухнет ли он (флигель) при перестройке». Авторы учебника констатируют, что опасение «как бы не рухнуло...» прошло лейтмотивом через все царствование Николая II и было его главной заботой /21/.

П.Н. Зырянов (1994) писал тогда, что «Николай II был столь же консервативен, как и Александр III, хотя и не унаследовал от

отца сильного и твердого характера» и что «ошиблись те, кто с воцарением молодого императора связывал надежды на поворот во внутренней политике в сторону давно назревших проблем». Одновременно с этим автор почти на страницу текста давал личностную характеристику царя: «...Николай II не был создан для государственных дел, хотя относился к ним добросовестно. Он был создан для семьи, домашнего уюта. Только кругом семьи ограничивались его привязанности, только жене и детям дарил он любовь и тепло. Окружающий мир казался ему враждебным. С его стороны он всегда ожидал посягательства на самого себя, своих близких, их покой и мир <...> Люди, впервые беседовавшие с Николаем, говорили о его мягкости и обходительности. Но это было поверхностное впечатление. Всех, кому доводилось долго с ним общаться, постигало разочарование. В его душе было как бы две стороны — теплая и холодная. Теплая была всегда обращена к семье, холодная — к миру» /22/.

Если в советских учебниках отсутствовало упоминание о добровольном отречении царя от престола, подчеркивался факт «свержения самодержавия» и замалчивались июльские события 1918 года, то в учебниках 1990-х годов школьникам впервые сообщалось о факте отречения императора и расстреле семьи Николая II в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. В одних изданиях последнее событие просто фиксировалось /23/, в других — сопровождалось нравственной оценкой данного деяния большевиков. Так, Данилов и Косулина назвали уничтожение царской семьи «одной из зловещих страниц “красного террора”», «кровавой трагедией» /24/.

Современные авторы пытаются дать более взвешенную оценку деятельности императора. Боханов считает, что консерватизм политических воззрений «отнюдь не означал, что монарх выступал противником всяческих новаций и преобразований. Император не мог не видеть, что самые различные области жизни страны требовали преобразований, и всячески способствовал этому. В то же время он был уверен, что неперменным условием существования Российского государства является сохранение самодержавия» /25/. Если Боханов, как и Карамзин, принимает самодержавие как неперменное условие существования Российского государства, то А.А. Левандовский и его коллеги (2011) с долей осуждения пишут о том, что Николай II «пытался следовать реакционному курсу своего отца», и это «ярче всего проявилось в защите им существующего строя», отрицательной реакции на робкие надежды либералов «на привлечение общественных деятелей к управлению государством»,

создании «новой общероссийской сети органов политического сыска» /26/. А.А. Данилов, А.В. Филиппов и их соавторы отмечают, что главный конфликт «между императором и общественностью состоял именно в том, что жизнь требовала реформ и модернизации высшей власти, а Николай II стремился сохранить все в неизменном виде». Эти же авторы впервые информируют школьников о замысле государственного переворота с целью замены Николая II на российском престоле более подходящей фигурой, инициатором чего являлся А.И. Гучков /27/.

Трагизм положения Николая II в момент отречения от престола хорошо показан в учебнике А.Ф. Киселева, в котором приводится запись из дневника императора от 2 марта 1917 года: «Кругом измена, и трусость, и обман». Далее автор делает вывод о том, что «в трудную для страны минуту Николай II в горьком одиночестве должен был решать вопрос о судьбе трона. События, связанные с отречением царя, продемонстрировали гнилость власти. Высший генералитет в условиях войны отказался от присяги, что было равносильно предательству. Широкие народные массы отречение царя встретили равнодушно. Ликовали либералы и социалисты» /28/.

Анализируя причины столь трагичного завершения истории династии, Л.Н. Алексашкина и ее соавторы обращают внимание на то, что Российская империя являлась «патерналистским государством», поскольку большая часть народа воспринимала самодержавие как власть, данную Богом и обладающую абсолютным характером, поэтому «не требовала политических преобразований и в своих устремлениях не шла дальше мирского и волостного самоуправления, имеющего вековые традиции». Заложником этой ситуации стал Николай II, который «не решался переступить те законы, которые были приняты до его правления», старался действовать по закону, однако по логике патернализма в критических ситуациях должен был «жертвовать законом в угоду справедливости». Чтобы поступить подобным образом, «правитель должен обладать определенными чертами характера: непреклонной волей, жесткостью, склонностью к демонстративным поступкам. Николай II, боявшийся подозрений в деспотизме, избрал своеобразную тактику тихого, но упорного сопротивления всему тому, что, как ему казалось, мешало придерживаться традиции. Поэтому он воспринимался многими как человек слабохарактерный» /29/. В целом же авторы учебника, ссылаясь на мнение историка В.П. Булдакова, делают выводы: беда Николая II заключалась в том, что в рамках патерналистской системы он должен был выполнять целый ряд

условий (создавать впечатление мудрого правителя, заботящегося о всеобщем благе; уметь избегать ответственности за те или иные неудачи, наказывая за них других виновных; победить внешнего врага; каяться и скорбеть вместе с народом после трагических событий, в частности речь идет о Ходынской трагедии), но не сумел выполнить эти условия /30/.

Все вышеобозначенные позиции позволяют дать обобщенную характеристику Николаю II: получил престол в раннем возрасте (26 лет), был хорошим семьянином, но достаточно слабым политиком, приверженным традиции самодержавия и не готовым к модернизации существующей политической системы, находился под влиянием ближайшего окружения, царствовал 23 года и поставил точку в истории дома Романовых. Сравнивая последнего российского императора с родоначальником династии Романовых, можно отметить, что тот и другой получили престол в относительно молодом возрасте, тому и другому выпала нелегкая доля править страной в тяжелое переломное время, за спиной обоих царей стояли близкие родственники, влиявшие на принятие решений. Но если между Михаилом Романовым и народом «установилось полное доверие», то между Николаем II и его подданными такие отношения не сложились. И если Михаилу Романову потомки не предъявляют счет за проводимую им политику, то Николай II до настоящего времени воспринимается как виновник войн и революций в России, а также, возвращаясь к словам Карамзина, несет ответственность перед богом, совестью и потомством «за<...> вредное следствие<...> собственных уставов». Есть еще один важный момент: Михаил Романов боялся быть убитым, взойдя на престол, а Николай II был убит вместе с членами своей семьи в июле 1918 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карамзин, Н.М. *О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях* / Н.М. Карамзин // *Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней: учеб. пос. / сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина.* — М.: Л.В. Рожников, 2000. — С. 244, 245.

2. Иловайский, Д. *Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста* / Д. Иловайский // *Учебники дореволюционной России по истории / сост. Т.В. Естеферова.* — М.: Просвещение, 1993. — С. 278.

3. Белярминов, И. *Элементарный курс всеобщей и русской истории* / И. Белярминов // *Учебники дореволюционной России по истории...* — С. 126.

4. Рождественский, С.Е. *Отечественная история в связи со всеобщей (средней и новой): курс сред. учеб. заведений / С.Е. Рождественский / сост. и авт. предисл. А.И. Уткин. — М.: Просвещение; Учебная литература, 1998. — С. 247, 248.*
5. *История СССР. Краткий курс: учеб. для 4 кл. / под ред. проф. Л.В. Шестакова. — М.: Учпедгиз, 1955.*
6. Бущик, Л.П. *История СССР: учеб. для 8 кл. 3-е изд. / Л.П. Бущик / под ред. акад. А.М. Панкратовой. — М.: Учпедгиз, 1960. — Ч. 1. — С. 155.*
7. Нечкина, М.В. *История СССР: учеб. для 7 кл. Изд. 10-е / М.В. Нечкина, П.С. Лейбенгруб. — М.: Просвещение, 1975. — С. 136.*
8. Пчелов, Е.В. *История России XVII—XVIII века: учеб. для 7 кл. основной школы / Е.В. Пчелов. — М.: Русское слово, 2002. — С. 35–36.*
9. Андреев, И.Л. *История России с конца XVI по XVIII век: 7 кл.: учеб. для общеобраз. учреждений. 4-е изд., стер. / И.Л. Андреев, И.Н. Данилевский. — М.: Мнемозина, 2010. — С. 32, 33.*
10. Пчелов, Е.В. *Указ. соч. — С. 41.*
11. Сахаров, А.Н. *История России. XVII—XIX века: учеб. для 10 кл. общеобраз. учеб. заведений. 3-е изд. / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов. — М.: Русское слово — РС, 2005. — С. 35.*
12. Данилов, А.А. *История России. XX век: учеб. для 9 кл. общеобраз. учреждений / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. — М.: Просвещение, 1995. — С. 19.*
13. Боханов, А.Н. *История России. XIX век: учеб. для 8 кл. общеобраз. учеб. заведений. 5-е изд. / А.Н. Боханов. — М.: Русское слово — РС, 2005. — С. 235, 236–237.*
14. Панкратова, А.М. *История СССР для 9 кл. сред. шк. Изд. 21-е / А.М. Панкратова и др. / под ред. А.М. Панкратовой. — М.: Учпедгиз, 1962. — С. 280–281.*
15. Федосов, И.А. *История СССР: учеб. для 9 кл. сред. шк. 6-е изд., дораб. / И.А. Федосов. — М.: Просвещение, 1992. — С. 190.*
16. Панкратова, А.М. *Указ. соч. — С. 281.*
17. Берхин, И.Б. *История СССР: учеб. для 9 кл. / И.Б. Берхин, И.А. Федосов / под ред. М.П. Кима. — М.: Просвещение, 1976. — С. 19.*
18. Кораблев, Ю.И. *История СССР: учеб. для 9 кл. сред. шк. 2-е изд. / Ю.И. Кораблев и др. / под ред. Ю.С. Кушкина. — М.: Просвещение, 1988. — С. 17.*
19. Платонов, С.Ф. *Учебник русской истории для средней школы. Курс систематический / С.Ф. Платонов. — М.: Звено, 1994. — С. 387.*
20. Жарова, Л.Н. *История Отечества, 1900–1940 гг.: учеб. кн. для ст. классов сред. учеб. заведений / Л.Н. Жарова, И.А. Мишина. — М.: Просвещение, 1992. — С. 5.*

21. Там же. — С. 23.
22. Зырянов, П.Н. *История России. XIX век: учеб. кн. для 9 кл. сред. шк. / П.Н. Зырянов / под ред. А.Н. Сахарова.* — М.: Просвещение, 1994. — С. 187, 188.
23. Жарова, Л.Н. *Указ. соч.* — С. 129.
24. Данилов, А.А. *Указ. соч.* — С. 119.
25. Боханов, А.Н. *Указ. соч.* — С. 237.
26. Левандовский, А.А. *История России. XX — начало XXI века. II кл.: учеб. для общеобраз. учреждений: базовый уровень. 6-е изд. / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко / под ред. С.П. Карпова.* — М.: Просвещение, 2012. С. — 14, 15.
27. *История России. 1900–1945 гг. II кл.: учеб. для общеобраз. учреждений / А.А. Данилов, А.С. Барсенков, М.М. Горинов и др. / под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова.* — М.: Просвещение, 2009. — С. 15–16, 107.
28. Киселев, А.Ф. *История России. XX — начало XXI века. II кл. Базовый уровень: учеб. для общеобраз. учреждений / А.Ф. Киселев, В.П. Попов.* — М.: Дрофа, 2007. — С. 51, 52.
29. Алексашкина, Л.Н. *История России и мир в XX — начале XXI века. II кл.: учеб. для общеобраз. учреждений / Л.Н. Косулина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. 4-е изд.* — М.: Просвещение, 2008. — С. 51.
30. Там же. — С. 51–52.

В.В. МИТРОФАНОВ

Нижевартовск

С.Ф. ПЛАТОНОВ КАК ГЕНЕАЛОГ РОДА РОМАНОВЫХ

В юбилейный год 400-летия избрания Михаила из рода Романовых на царство, что явилось, по сути, началом завершения Смуты, уместно отметить роль выдающегося русского историка С.Ф. Платонова в изучении царской династии. Заметим, что задолго до появления его исследований о ярких представителях второй династии в России /1, 2, 3/ он, еще будучи молодым исследователем, активно писал, в том числе и по заданию Ученого комитета Министерства народного просвещения, отзывы /4/, рецензии на исторические исследования /5, 6/, научно-популярную литературу, учебники и хрестоматии, предназначенные для различных типов учебных заведений. Именно эти материалы стали активно вовлекаться в последние годы в исследовательское пространство, что позволяет выделить в творчестве Платонова новые, ранее не отмечавшиеся направления его исследовательского интереса. Подобного типа работы позволяют проследить создание творческой лаборатории ученого, определить путь его формирования как рецензента. А многочисленные, в большей части неопубликованные, порой черновые наброски отзывов и рецензий являются важнейшей частью творческого наследия выдающегося ученого. Если первая рецензия Платонова была опубликована еще в 1883 году в октябрьской книжке «Журнала Министерства народного просвещения» /7/, то в последующие годы он написал их несколько десятков.

В преддверии юбилейных торжеств, посвященных 300-летию династии, Платонов пишет новые исследования о первых Романовых на российском престоле, сразу же привлекая внимание научной общественности и позднее переизданные /8, 9/. Именно в эти годы выходят крупные его исследования о ярких представителях древнейшего боярского рода, ставшего царским. Так, в 1913 году выходит книга (авторы — Платонов и его ученики П.Г. Васенко и Е.Ф. Тураева-Церетели), посвященная трехвековому юбилею царствующего дома /10/. Сразу же после выхода книги была опубликована небольшая рецензия, подписанная В. Р-вь (так подписывался Василий Егорович Рудаков). В ней Платонов назван

«вдохновителем и руководителем этого труда», а среди достоинств работы отмечено использование «строго проверенного материала», который изложен «живым, литературным языком» /11/. Такая манера написания, действительно, была присуща Платонову, придававшему большое значение не только литературной форме, но и подбору достоверных источников.

На экстренном заседании Совета Санкт-Петербургского университета было принято решение о торжественном заседании по случаю юбилея августейшей династии, на котором Платонов выступит с речью «Об обстоятельствах и значении избрания Михаила Федоровича Романова на царство» /12, 13/.

Представители династии Романовых были в центре исследовательского интереса ученого на протяжении, по сути, всей творческой деятельности Платонова. Примечательно, что и в последнее десятилетие своей жизни исследователь вновь обращается к характеристике ряда царствующих особ, в частности Петра Великого /14/, — монография о нем стала последним крупным трудом историка на завершающем этапе его научного творчества. На страницах «Романовских чтений» уже были опубликованы материалы, где приводятся оценки и выводы Платонова в отношении отдельных представителей династии Романовых /15, 16/.

Современные исследователи все чаще обращаются к генеалогии как особой исторической науке /17, 18, 19/. Например, М.Е. Бычкова приходит к мнению, что «если в XVI в. основной целью родословной было показать древность службы рода московским князьям», то в XVII веке «показывают новый уровень знаний и новое отношение к истории» /20/.

Проблема генеалогии известного дворянского рода, давшего целый ряд видных деятелей России, в том числе членов Боярской думы, руководителей ряда приказов, воевод, церковных деятелей, наконец, давшей России новую династию, была уже предметом краткого изучения /21/.

Архивные же материалы позволяют обратиться к названной теме более детально. В личном архивном фонде ученого хранятся десятки рукописных рецензий и отзывов, в том числе и на книгу Н. Ясковского и рукопись под названием «Таблица дома Романовых», подготовленную Мамонтовым. Рецензия написана Платоновым 14 июля 1889 года, а отзыв датирован 2 апреля 1893 года.

Обнаруженное нами письмо Платонова к Г.А. Эзову /22/ дает возможность восстановить некоторые обстоятельства появления рецензии /23/. Обращение министерского чиновника к Платонову

позволяет заключить, что в нем видели, прежде всего, авторитетного исследователя, знатока проблемы. Уже находясь в отпуске в глубокой российской провинции, к тому же оторванный от библиотек и не имея под рукой необходимых пособий, Платонов, хотя и с задержкой, составил обстоятельный «отчет» на присланный материал, привлекая в качестве источника родословные книги.

Содержание текста рецензии позволяет утверждать, что Платонов, как представляется, оправдал ожидания. Его добросовестное отношение к поручению вылилось во внушительную по размерам рецензию, где он не только разбирает книгу, выявляя ее плюсы, которых, кстати, немного, но и недостатки. По рецензии можно судить о собственных разысканиях Платонова малоизвестных фактов о предках императора Александра III /24/, основанных на источниковедческом материале. Озаглавлена рецензия так: «Отчет о таблицах Ник. Ясковского». Рецензент отмечает, что автор имел цель «привести в известность всех тех лиц, которых следует считать прямыми предками императорской фамилии нашей». Используемый Ясковским ретроспективный метод для составления родословных таблиц, где собраны сведения о предках по женской и мужской линии, приводит автора к накоплению «тысяч имен», чем он «осложняет свой труд до последней степени», и тот «разросся в целый родословный атлас и потерял всякую наглядность» /25/.

Важно замечание о том, что «обычай заключать браки с иностранными особами» в России установился в царской семье «со времен Петра Великого» /26/. До этого русские государи, в том числе первые цари из династии Романовых, брали жен из боярской среды /27/. Иностранные принцессы привозили с собой свои хорошо составленные и обширные родословные, которые в полной мере использовались Ясковским. Между прочим, у него, отмечает рецензент, «оказался хороший материал для того, чтобы восстановить мужские поколения рода Романовых».

Недостатком работы называется то, что, «вводя в свои родословные таблицы только прямых предков ныне царствующего государя императора, г. Ясковский опускает прочие. У него нет, например, императора Петра Второго, императрицы Анны, императора Иоанна Антоновича, нет известного боярина XVII в. Никиты Ивановича Романова, дяди царя Алексея Михайловича, нет братьев патриарха Филарета Никитича Романова, известных «своей трагической судьбой Никитичей», предания о которой до сих пор живут в народе по местам их ссылок. Эти предки государя

императора, хотя и не прямые, по крови стоят ближе, чем германские, например, предки XV в. и более древних веков, а их историческая известность в России гораздо распространеннее» /28/. Исходя из этого, Платонов предлагает свою таблицу рода, пошедшего от Федора Кошки, чьи представители носили последовательно фамилии Кошкиных, Захарьиных, Романовых.

Отзыв по генеалогическому древу Романовых, составленному Мамонтовым, небольшой, всего на одном листе, исписанном с двух сторон, и был предназначен для сообщения в Ученом комитете и автору.

Публикуемые материалы свидетельствуют о характерных чертах работы Платонова по составлению генеалогических таблиц. Это, прежде всего, краткость, простота, доходчивость, наглядность, причем предпочтение отдается отечественным источникам, которые автор считал более достоверными.

Просмотр каталогов Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки показал отсутствие изданий названных авторов, на чьи рукописи были составлены рецензия и отзыв Платоновым. Следовательно, критическое мнение рецензента закрыло путь к их публикации. Сам же ученый предстает в новом малоизвестном качестве заинтересованного генеалога, что является важным дополнением к его творческой биографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Платонов, С.Ф. *Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики) / С.Ф. Платонов // Россия от смуты до нашего времени: Исторический сб. — М., 1912. — Т. 1. — С. 58—114.*

2. Платонов, С.Ф. *Вопрос об избрании М.Ф. Романова в русской исторической литературе / С.Ф. Платонов // Журнал Министерства народного просвещения. — 1913. — № 2, отд. 2. — С. 177—190.*

3. Платонов, С.Ф. *Государи дома Романовых. 1613—1913. Жизнеописание царствовавших государей и очерки их царствований / С.Ф. Платонов. — М., 1913. — С. 62—69.*

4. Митрофанов, В.В. *Отзыв С.Ф. Платонова о книге по истории Казани / В.В. Митрофанов // Социально-экономические проблемы регионального развития в условиях глобализации: док-ды и сообщ. регион. науч.-практ. конф. (Нижегородск. 16 мая 2007 г.) / отв. ред. В.В. Митрофанов. — Нижегородск., 2008. — С. 169—173.*

5. Мамонтова, М.А. *С.Ф. Платонов как рецензент / В.В. Митрофанов // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. — СПб., 2011. — С. 314—325.*

6. Митрофанов, В.В. *Историографический обзор литературы как один из подходов к написанию отзывов и рецензий С.Ф. Платонова / В.В. Митрофанов // Традиции и инновации в решении социально-экономических проблем: Материалы международной научно-практической конференции 14 мая 2010 г., г. Нижневартковск. — 2010. — С. 148–151.*

7. Платонов, С.Ф. Рец.: А.П. Барсуков. *Род Шереметевых*. Кн. 1, 2, 3. СПб., 1881–1883 / С.Ф. Платонов // ЖМНП. — 1883. — № 10. — С. 355–371.

8. Платонов, С.Ф. *Царь Алексей Михайлович (Опыт характеристики) / С.Ф. Платонов // Россия от смуты до нашего времени: Исторический сб. — М., 1912. — Т. 1. — С. 58–114; (Переизд.: Государяи дома Романовых 1613–1913. Жизнеописания царствовавших государей и очерки их царствований. — М., 1913. — С. 62–69).*

9. Платонов, С.Ф. *Вопрос об избрании М.Ф. Романова в русской исторической литературе / С.Ф. Платонов // ЖМНП. — 1913. — № 2, отд. 2. — С. 177–190; (Переизд.: СПб., 1913. С. 16).*

10. Васенко, П.Г. *Начало династии Романовых. Исторические очерки. С двенадцатью портретами и рисунками / П.Г. Васенко, С.Ф. Платонов, Е.Ф. Тураева-Церетели. — СПб., 1913. — С. 248.*

11. *Исторический вестник. — СПб. — 1913. — № 6. — С. 1048.*

12. *Протоколы Совета Санкт-Петербургского университета за 1913 год. — СПб., 1915. — С. 3.*

13. Митрофанов, В.В. *О привлечении С.Ф. Платонова к мероприятиям по празднованию 300-летия дома Романовых / В.В. Митрофанов // Двенадцатые Романовские чтения. — Екатеринбург, 2010. — С. 123–130.*

14. Платонов, С.Ф. *Петр Великий: Личность и деятельность / С.Ф. Платонов. — Л., 1926.*

15. Митрофанов, В.В. С.Ф. Платонов и представители дома Романовых / В.В. Митрофанов // *Девятые Романовские чтения, посвященные 25-летию обнаружения останков царской семьи (19–20 июля 2004 г.). — Екатеринбург, 2005. — С. 55–57.*

16. Митрофанов, В.В. *Император Павел I в оценках С.Ф. Платонова / В.В. Митрофанов // Одиннадцатые Романовские чтения. — Екатеринбург, 2009. — С. 84–87.*

17. Извеков, И.Н. *Генеалогия в школьном образовании современной России (опыт Великого Новгорода) / И.Н. Извеков // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: мат-лы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006. — М., 2006. — С. 216–217.*

18. Ильичева, М.Н. Материалы провинциального фамильного архива в генеалогическом исследовании / М.Н. Ильичева // Там же. — С. 218—221.

19. Катин-Ярцев, М.Ю. Некоторые источники для выявления фамилий в дворянской генеалогии / М.Ю. Катин-Ярцев // Там же. — С. 230—232 и др.

20. Бычкова, М.Е. Место генеалогии в формировании сознания в России в XVI—XVII вв. / М.Е. Бычкова // Вспомогательные исторические дисциплины... — С. 167.

21. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов — исследователь генеалогии дворянского рода Романовых / В.В. Митрофанов // История дворянства в России: Мат-лы 55-й Всерос. заоч. науч. конф. / под ред. С.Н. Полторака. — СПб.: Нестор, 2009. — С. 54—57.

22. Эзов Герасим Артемьевич (1835—1905) — писатель, член совета Министерства народного просвещения. Образование получил в Лазаревском институте восточных языков. За сочинение «Внутренний быт древней Армении» присвоена степень магистра армяно-персидской словесности. Служил в министерствах внутренних дел и народного просвещения. Выступал своего рода связующим звеном между высшими учебными заведениями Петербурга и Москвы с учебными заведениями Армении и армянских колоний за рубежом. Вершиной трудов Эзова считается сборник «Сношения Петра Великого с армянским народом: Документы, извлеченные из Московскаго главного и Санкт-Петербуржскаго архивов Министерства иностранных дел, Австрийскаго придворного и Государственного архива, Королевско-Баварскаго тайнаго государственного архива и других учреждений», вышедший в типографии Императорской академии наук (СПб., 1898).

23. «Имею честь представить Вам присланные мне Вами «Таблицы Ясковского» и мой отчет о них, составленный по Вашему поручению. Покорнейше прошу извинить меня в том, что, быть может, я слишком замедлил составление этого поручения. Произошло это потому, что, живя в деревне, я не скоро мог собрать необходимые для работы пособия. Не имея возможности, в скором времени быть в Санкт-Петербурге, я решаюсь переслать Вам свой отчет по почте <...> над тем и в этом не заслужил Вашего порицания. Прошу Вас принять уверения в полном моем к Вам почтении. Подпись. 20.07.1889 г. Боровичи Новгородская губ.» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1947. Л. 1).

24. Как известно, замечательный курс «Лекций по русской истории» С.Ф. Платонов доводит до начала царствования Александра III, о котором говорит всего в одном абзаце, характеризуя его правление кратко, но в то же время емко как «охранительное и реакционное»

(Платонов, С.Ф. *Лекции по русской истории. В 2-х т. / С.Ф. Платонов. — М., 1994. — Т. 2. — С. 319*). По всей видимости этот период был интересен ученому, о чем свидетельствует и краткое письмо неустановленному Николаю Егоровичу, датированное 1909 годом: «Вам угодно было оказать мне честь обратиться ко мне с тем, чтобы узнать мое мнение по поводу предпринимаемого Вами труда “Очерки законодательной деятельности в царствование императора Александра III (1810—1894)”. Ознакомившись с общим планом и характером задуманной Вами работы и при этом из некоторых сообщенных Вами справок я вынес определенное впечатление, которое производит выданный план. Представляя собой систематическое по документальному материалу изложение правительственной деятельности царя Александра III, Ваш труд изложен объективно практически точно. Он годен не только для годовичных исторических справок, но и для общего знакомства с ходом нашей государственной жизни в данное время. Так как до настоящего времени мы имели, насколько я знаю, только популярные книжки (А.К. Коро и А.Д. Попова) об Александре III, то Ваш обзор будет первой попыткой систематического документального освещения эпохи, поэтому лично я могу лишь пожелать скорейшего написания труда». Подпись. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1985. Л. 1).

25. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1 Ч. 1. Д. 1364. Л. 4.

26. Например, наследник российской короны, сын Петра Великого Алексей был женат на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестре Елизаветы, супруги императора Карла VI. Анна, дочь Петра, стала женой племянника шведского короля Карла XII, герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского. Анна Иоанновна — будущая российская императрица, вторая дочь царя Ивана V (брата и соправителя царя Петра I), была выдана замуж Петром в 1710 году за герцога Курляндского Фридриха Вильгельма.

27. Например, Михаил был женат на княжне Марии Владимировне Долгорукой из древнего рода потомков черниговских князей — Рюриковичей. Вторая жена Евдокия Лукьяновна Стрешнева — дочь мелкопоместного мещовского дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева и княжны Анны Волконской, дочери князя Константина Романовича Волконского.

28. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1364. Л. 6.

Н.И. НАЧАПКИН, М.Н. НАЧАПКИН

Екатеринбург

МИР ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОМАНОВЫХ — ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I И ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА — В ПЕРЕПИСКЕ 1838–1839 ГОДОВ

Семейная переписка представителей дома Романовых представляет собой уникальный материал для историков. Она позволяет понять, как строились отношения в семье, на основе каких ценностей велось воспитание детей, и в особенности наследников престола. В 2008 году под редакцией Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко в издательстве «РОССПЭН» вышла интересная книга «Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838–1839». Во время путешествия цесаревича в Европу отец и сын переписывались в течение 14 месяцев. Ими было написано 96 писем. Помимо сведений о посещении государств, городов, исторических достопримечательностей, верфей, arsenалов, музеев, о встречах с королями и королевами, принцами и другими представителями знати, переписка содержит обсуждение вопросов внешней и внутренней политики России.

Для историков также особенно важно, что эти письма воссоздают повседневную жизнь императора и его наследника. Мир семьи Николая I был основан на любви, взаимном доверии и уважении, на общих интересах, твердых нравственных началах и православной вере. В переписке обсуждались довольно интимные вопросы, касающиеся взаимоотношений наследника с фрейлиной Ольгой Калиновской, сватовства цесаревича к принцессе Марии Гессен-Дармштадтской, отношений сына с королевой Великобритании Викторией. Такие вопросы не подлежали огласке и составляли семейные тайны дома Романовых.

Император Николай I предстает в переписке с сыном заботливым и любящим отцом. Однако эти качества не исключали требовательности и даже резкости в том случае, если сын нарушал намеченный отцом план путешествия. Европейское путешествие Александра Николаевича явилось продолжением путешествия по России, предпринятого в 1837 году. Это, по мнению царя, «свидание с Россией» имело большое значение для подготовки наследника к престолу. Познакомив его с особенностями родной страны,

царь пожелал, чтобы сын продолжил свое образование. Вопрос о взаимоотношениях России с Западом стоял в то время не менее остро, чем сейчас. Встреча двух миров, их сходство и отличие, отразившиеся в семейной переписке, — интересный сюжет для исследователя.

2 мая 1838 года, перед началом путешествия, Николай I подготовил наследнику подробную инструкцию: «Прошлый 1837-й год ознаменовался для тебя важным событием, любезный Саша. Ты познакомился с Россией, и Бог благословил твое путешествие... Ныне настало время другого, не менее важного дела. Ты покажешься в Свет чужеземный, с той же отчасти целию, т. е. узнать и запастись впечатлениями, но уже богатый знакомством с родимой стороной; и видимое будешь беспристрастно сравнивать без всякого предубеждения. Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может. Мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость!»/1/.

Император рекомендовал наследнику следующее поведение за границей: скромность, приветливость без притворства, открытость, учтивость. Все это поможет расположить людей, сделать их доброжелательными. Цесаревичу рекомендовалось проявлять полное уважение к церковным обрядам, быть ласковым с военными, оказывая им «<...> должное уважение предпочтительно пред прочими» /2/.

Среди других важных уроков дипломатии, преподанных Николаем I, были советы Александру Николаевичу относительно политических оценок и правления государей: «Будь везде почтителен к государям <...>ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостью к хозяевам <...> Не позволяй себе никаких политических суждений, избегай сих разговоров и вообще слушай — рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда — всегда по совести» /3/. Император также советовал наследнику помогать за границей неумиющим русским.

Путешествие началось в конце мая 1838 года. Цесаревич со своей свитой и наставником В.А. Жуковским прибыл в Данию. 5 июня он отправил отцу свое первое письмо: «Вот уже неделя, милый бесценный Папа, что мы вместе сюда приехали <...>тяжело было мне с Тобою расставаться <...> на такое продолжительное время, где мне одному придется странствовать по белому свету,

но я смотрю на это путешествие, как на долг, и прошу Бога, чтобы он помог мне совершить этот долг так, как Ты этого пожелаешь, и потом бы нас всех благополучно домой, где мне пора приняться за настоящую службу. Все желание мое состоит в том, чтобы я мог быть полезным Тебе, милый Папа, надеюсь на Всевышнего, что ОН мне и в этом поможет» /4/.

Александр Николаевич подробно информирует отца обо всех деталях своего путешествия. Он рассказывает о посещении дворцов, старинных замков, университетов, музеев. Маршрут цесаревича пролегал по Дании, Швеции, Пруссии, Баварии, Гессен-Дармштадту, Австрии, итальянским государствам, Голландии и Великобритании.

Как известно, все Романовы отличались пристрастием к военному делу. Николай I проявлял неустанную заботу о состоянии войск, их выучке, улучшении условий жизни в казармах. Поэтому его интересовала боеспособность зарубежных армий. Сын, как мог, удовлетворял любопытство отца. Везде он принимал парады, внимательно наблюдал за выучкой войск. Так, после посещения Швеции написал: «Я видел там Упландский полк в 2-батальонном составе и 1-й егерской ротой, мы только прошли по фронту; народ видный и довольно хорошо стоит под ружьем» /5/. При посещении Австрийской империи был устроен смотр Венского гарнизона. Александр прислал отцу развернутое описание парада: «Войска стояли в четырех линиях развернутым фронтом и были весьма чисто выровнены. Подробности их состава ты увидишь, милый Папа, из прилагаемого строевого рапорта. Всего было: батальонов 10, эскадронов 8 и орудий 24. Церемониальным маршем проходили: пехота поротно — весьма хорошо, артиллерия 1\2 батареи (3 орудия) и кавалерия под командою молодца твоего Лихтенштейна по 1\2 эскадрона шагом — изрядно, у офицеров славные лошади» /6/.

Известно, что Николай I коллекционировал миниатюрных оловянных солдатиков. В каждом государстве Александр покупал отцу наборы солдатиков в подарок. Кроме того, по письмам известно, что он посылал Николаю I различные картины и рисунки с изображением военной формы.

Из путешествий по Европе наиболее запомнились цесаревичу два исторических места. Одно из них было напрямую связано с историей династии Романовых. 5 апреля 1839 года, находясь в Голландии, где правила королева Анна Павловна, сестра Николая I и тетя Александра, он отправился по реке Лей к Саардаму. Во время

Великого посольства царь Петр I под именем урядника Петра Михайлова работал на верфях и жил в очень скромном домике. Александр вместе с наставником Жуковским отдал дань уважения великому предку: «Мы пошли пешком к хижине Петра Великого, где великая княгиня Анна Павловна по русскому обычаю, как хозяйка, вручила мне хлеб-соль. Устройство этого домика Тебе известно, милый Папа, теперь для сохранения его сделали род каменного чехла. Мы пили Твое здоровье, милый бесценный Папа, и нашего Флота, которого основатель жил в этой хижине простым корабельным работником и которого память драгоценна для всякого русского сердца! Зато нельзя выразить какое особенно чувство благоговения возрождается в каждом при виде сего скромного домика. Мы все хором пели “Спаси, Господи” и “Боже, Царя храни!” и прокричали Тебе, милый, бесценный Папа, наше русское “Ура!” все единодушно от глубины сердца» /7/.

Следует особо отметить, что одной из главных целей поездки было, по мнению Николая I, воспитание в характере Александра Николаевича патриотизма, глубокой религиозности, чувства долга, ответственности, сильной воли. Путешествие должно было доказать преимущества русских консервативных национальных начал над началами иностранными. Запад представлялся Николаю I источником революций, мятежей, социальной нестабильности. В противоположность ему Россия, верная своим царям, своей православной вере, представляла собой островок стабильности.

При посещении Швеции в июне 1838 года Александр Николаевич стал свидетелем беспорядков в Стокгольме, устроенных жителями после осуждения журналиста Крузенстольпа, призывавшего в своих статьях к ограничению власти короля и правительства. Александр так охарактеризовал эти беспорядки: «...8 числа в 11 часу вечера, толпы людей, вероятно до 500 человек, <...> подкупленных журналистами-канальями, начали собираться у дворца и кричать “Ура!” Крузенстольпе и говорить “Долой Бернадота”» /8/. Беспорядки кончились тем, что эскадрон конной гвардии разогнал их. Александр в письме к отцу одобрил действия властей, отмечая, что спуску этим негодям давать было нельзя.

Другим запомнившимся цесаревичу Александру историческим местом стала Помпея, хотя он увидел в Италии и достопримечательности Милана, Турина, Венеции, Флоренции и Рима. Цесаревич, проявлявший интерес к истории, сам участвовал в раскопках: «Погода была очень теплая и приятная, по дороге было видно много пепла, остатки последнего извержения Везувия, теперь

только дымящиеся... Мы обошли там все части города, доселе открытые, и при нас даже продолжали работу и вырыли несколько мраморных вещей. Дома почти все на один лад <...> живопись на стенах и мозаики полов, в некоторых местах удивительно хорошо сохранились... Мы даже позавтракали в древних публичных банях, одно строение со сводом и которое, следовательно, сохранилось крытое. Вообще с особенным чувством ходили по этим древним улицам, по той же мостовой, где за несколько тысяч лет римляне ходили и где все так живо осталось, что все думаешь встретить живую фигуру в тоге» /9/.

Письма Николая I наследнику были посвящены различным темам: здоровью членов большой семьи, погоде, вопросам внешней и внутренней политики России, парадом и смотрам, строительству кораблей и укреплений Кронштадта. Он обращался к Александру, используя семейное прозвище «Милый Мурфыч». Одной из важных тем переписки было состояние войска. Император по праву гордился своей армией. 1 июля 1838 года он писал Александру о своем посещении Варшавы и военном параде: «Последние дни моего пребывания в Варшаве много я занимался войсками и был всеми и во всем отменно доволен, так что сей корпус считаю ныне из лучших в армии. Усердие и твердое знание превыше похвал. Из кавалерии твой полк решительно лучший, шегольской полк и офицеры молодцы» /10/.

Александру Николаевичу была приятна похвала отца: «Благодарю Тебя, милый бесценный Папа, за два письма Твоих, не могу выразить Тебе, какое они принесли мне удовольствие, они придали мне новых сил. Первое из них из Варшавы получил я еще в Копенгагене 11 июля; мы все радовались, узнав, что Ты в Варшаве войсками был так доволен, шефу гусарского в особенности приятно, что его полку отдаешь 1-й номер» /11/.

Другой актуальной темой их переписки являлось восстановление Зимнего дворца, пострадавшего от страшного пожара 1837 года. Из-за того что в старом дворце перекрытия были деревянные, пожар нанес колоссальный ущерб, уничтожив историческое убранство. Николай I принял решение восстановить дворец с использованием в качестве межэтажных перекрытий чугунных балок.

Царь регулярно информировал наследника об этапах восстановления Зимнего дворца. Так, в письме от 14 октября 1838 года он писал: «Обращусь к восстановлению Зимнего дворца. Я приехал от Салтыкова подъезда и прошел прежде всего на самый верх в свои комнаты; все своды, потолки и каменные своды готовы <...>

Оттуда по черной лестнице на чердак, где такая же славная галерея под железными стропилами, прекрасная. Стоит полюбоваться... Везде потолки кончают, и грунт под фальшивый мрамор на месте. <...> Твоя большая зала отделяется в своде, угловая зала кончена в своде <...> Надо все это видеть, чтоб этому можно было поверить, и все с изяществом <...> Потом сошел я во двор, куда велел собрать всех рабочих, их было 7 тысяч, и благодарил их успехом сим, не обижая никого; в особенности обязаны мы Клейнмихелю, которого неусыпная ревность и деятельность умели превозмочь все препятствия» /12/.

Император Николай I был активным, деятельным человеком. В других письмах сыну он сообщал о посещении Адмиралтейской верфи, где наблюдал за строительством 120-пушечного корабля «Россия», о том, что лично поднялся на строящийся Исаакиевский собор. Император искренне по-хозяйски радовался благоустройству Кронштадта, гордился им: «Прошел сперва к новому форту <...> Оттуда проехал вдоль укреплений к новому гранитному водоводу, потом по северной части мимо стен и казарм; затем в одну отлично вновь отделанную; потом в пристройки гошпиталя и в самый гошпиталь, который, и в особенности его церковь, похожи на дворец, т. е. прелесть... Наконец, подле моей квартиры осматривал прекрасные новые казармы учебного экипажа, прекрасные» /13/.

Николай I сообщает культурные новости Петербурга, рассказывает о балах. Так, в письме от 18 февраля 1839 года он сообщает о праздновании масленицы: «Сейчас только кончился обыкновенный сумасшедший день — заключение масленицы; я просто умирался... Ну уж был денек вчера! Папа твой затаскался, заплясался до немочи, и сегодня ноги болят... Насилу доплелся до конца» /14/.

Еще одна тема переписки — matrimonialные дела. Александра отправили за границу искать себе невесту. До поездки у него была связь с одной из фрейлин — Ольгой Калиновской. Царь требовал от наследника отказаться от связи с этой женщиной, увещивал, взывал к чувству долга. В ходе поездки Александр Николаевич познакомился с принцессой Марией из Гессен-Дармштадта, которая позднее станет его женой.

Тема России, ее благополучия была одной из самых главных в переписке с наследником. В письме от 15 октября 1838 года Николай I писал сыну: «Продолжай крепиться духом и телом; молись усердно Богу; не забывай наших разговоров, имей постоянно пред глазами цель своего существования; помни и люби Россию, и все тебе будет

легко, и Бог верно тебя благословит» /15/. Переписка свидетельствует о тесной духовной близости между Николаем I и его сыном цесаревичем Александром Николаевичем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838-1839 / под ред. д-ра ист. наук, проф. Л.Г. Захаровой, д-ра ист. наук, проф. С.В. Мироненко. — М.: РОССПЭН, 2008. — С. 31.*

2. *Там же.* — С. 31.

3. *Там же.* — С. 31–32.

4. *Там же.* — С. 33.

5. *Там же.* — С. 38.

6. *Там же.* — С. 319.

7. *Там же.* — С. 385.

8. *Там же.* — С. 37.

9. *Там же.* — С. 267.

10. *Там же.* — С. 53.

11. *Там же.* — С. 54.

12. *Там же.* — С. 130–131.

13. *Там же.* — С. 133.

14. *Там же.* — С. 307.

15. *Там же.* — С. 134.

РОМАНОВЫ И ВОПРОС О ДИНАСТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Рубеж XIX–XX веков стал переломным моментом в мировоззрении современников. Перевороты в умах произошли задолго до 1917 года. Не стали исключением и представители Российского императорского дома. Если в течение всего XIX века династическое единство, в том числе единство во взглядах, в целом сохранялось, то в конце столетия неуклонно нарастают внутренние противоречия. В царствование же Николая II прежнее единство правящей династии постепенно сменяется чередой серьезных внутренних конфликтов. Историк Ю.Б. Соловьев не без серьезных оснований, хотя и сгущая краски, характеризует ситуацию в императорской фамилии после воцарения последнего монарха как «склоки, раздоры и взаимное подсиживание» /1/.

Первым серьезным «звонком» стали события в Москве во время коронации императора в мае 1896 года. В возникновении произошедшей на Ходынском поле давке сыновья великого князя Михаила Николаевича (Николай, Георгий, Александр и Сергей) обвинили своего двоюродного брата, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, и потребовали его отставки. Против них единым фронтом выступили родные братья генерал-губернатора — Владимир, Алексей и Павел Александровичи /2/. Позицию Михайловичей, к удивлению многих, поддержал великий князь Константин Константинович, старинный близкий друг Сергея Александровича. «Я его люблю, и мне больно за него, что я не могу не примкнуть к порицаниям Михайловичей. Я разделяю их мнение вопреки взглядам дядей Государя», — отметил Константин Константинович в дневнике /3/.

Ходынское происшествие стало причиной для серьезного охлаждения в отношениях друзей, если не сказать ссоры. Со временем острота проблемы прошла, но прежняя открытость и доверительность уже никогда не была восстановлена. Другие представители императорского дома выступали в этой ситуации против Михайловичей, которые оказались в изоляции от большинства членов семьи: «Своими попытками свалить вину на одного человека, да

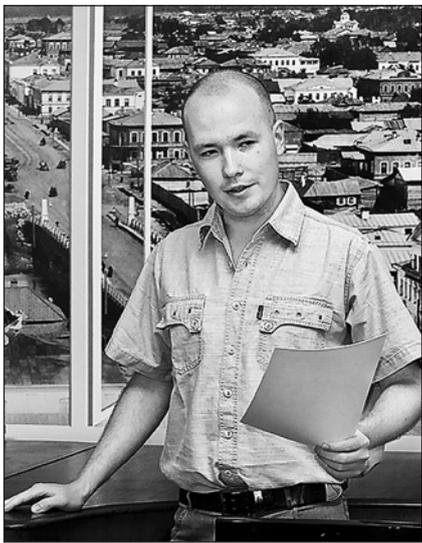

фото М.В. Михненко

*Выступление
канд. ист. наук Д.М. Софьиной
на заседании объединенной секции*

еще своего же родственника, мои кузены, по существу, поставили под удар все семейство. Причем именно тогда, когда было необходимо единство», — вспоминала сестра Николая II, великая княгиня Ольга Александровна /4/.

Видимо, не без влияния этого скандала Николай II в начале 1897 года писал своему дяде, великому князю Владимиру Александровичу, о необходимости сохранять фамильное единство: «Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету твоего Деда (императора Николая I. — Д. С.)» /5/.

Однако династическое единство уже нарушалось.

Сам Николай II проявлял династическую солидарность и стремился всячески ее поддерживать. Он лично мог как угодно относиться к тому или иному члену семьи, порой критиковать его в беседе с родственниками, но это не должно было выходить за пределы царствующего дома. Император не позволял себе подвергать критике представителя династии в беседе с «неавгустейшим» поданным, тем более критике публичной. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов вспоминал: «Меня и многих других не раз удивляло большое доверие царя, которое он иногда проявлял. Казалось, этому не было границ. Но как только вопрос касался лиц царской фамилии, грань давала себя чувствовать, словно государь опасался деятельность этого лица подвергнуть критике постороннего» /6/.

Чем ближе к Первой мировой войне, тем больше усиливались противоречия внутри семьи. Смерть Г.Е. Распутина «окончательно перепутала все взаимные отношения между самыми близкими к Николаю II членами Императорского дома» /7/. В связи с участием великого князя Дмитрия Павловича в убийстве легендарного «старца» и моральной поддержкой, которую ему оказали другие августейшие особы /8/, внутридинастические противоречия достигли апогея. Дмитрий Павлович был отправлен императором

в действующую армию на Персидский фронт. 16 представителей династии обратились к монарху с беспрецедентным коллективным обращением в защиту Дмитрия Павловича, прося смягчить «наказание». Ответ Николая II был категоричен: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, т. к. не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне» /9/.

На фоне этого события возникали разговоры о дворцовом перевороте /10/. В январе 1917 года князь Сергей Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, пасынок великого князя Николая Николаевича-младшего, даже «зондировал» на этот счет, хотя и безуспешно, почву у полковника В.И. Павленкова, временно исправлявшего должность начальника запасных батальонов и войсковой охраны Петрограда /11/. В нелояльности по отношению к императору подозревали жену великого князя Николая Николаевича-младшего и мать герцога Сергея Георгиевича, великую княгиню Анастасию Николаевну. По мнению товарища министра народного просвещения барона М.А. Таубе, она надеялась в случае переворота, к идее которого относилась, по-видимому, сочувственно, увидеть на престоле своего супруга (под именем «Николая III») /12/.

Напротив, старший брат Сергея Георгиевича и пасынок Анастасии Николаевны, князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, проявлял абсолютную лояльность монарху. Незадолго до революционных событий, 4 февраля 1917 года, он просил Николая II, чтобы тот потребовал вторичной присяги ему всей императорской фамилии, на что император не согласился: «Напрасно Сандро так беспокоится о пустяках! Я не могу обижать мою семью, требуя от них [вторичной] присяги!» /13/. В истории России только однажды монарх потребовал вторичной присяги. В марте 1801 года, накануне своей гибели, император Павел I заставил вторично присягнуть своих старших сыновей, цесаревичей Александра и Константина.

Противниками возникновения «великокняжеской оппозиции» считались в семье и другие родственники. Так, великая княгиня Елизавета Маврикиевна передавала содержание разговоров с родственниками императрице Александре Федоровне /14/. А отсутствовавший в декабре 1916 года в Петрограде великий князь Дмитрий Константинович, по мнению его племянника, не только сам не подписал бы коллективное обращение к императору в защиту Дмитрия Павловича, но и не позволил бы сделать это сестре, королеве эллинов Ольге, и племянникам /15/.

«Разброд и шатание» внутри императорского дома многими его членами рассматривались как крайне отрицательное явление и предвестник будущей катастрофы. Соответственно возникало понимание необходимости преодоления возникающих в царствующем доме центробежных сил. На рубеже 1916—1917 годов усиливаются разговоры о династической солидарности. Даже «возмутитель спокойствия» великий князь Николай Михайлович, считавшийся крайним либералом, говорил в конце декабря 1916 года «о необходимости в грядущих тяжелых событиях забыть семейные распри и быть всем солидарными» /16/, а великий князь Андрей Владимирович 4 января 1917 года записал в дневнике: «Не без цели хотят всю семью перессорить, а главное поссорить с Государем. Это очень серьезно и нам надо принять меры, чтобы Государь знал нас, и как мы ему преданы» /17/. Много призывов к солидарности исходило от великого князя Павла Александровича.

Предпринимала шаги навстречу и царская чета. Как вспоминал министр внутренних дел А.Д. Протопопов: «Под конец, в феврале [1917 года], б[ывшим] царем и б[ывшей] царицей было решено встать на путь компромиссных мер с возвращением к обычной жизни князей, посланных как в войска, так и в свои деревни. Эта политика, предложенная мною, встретила поддержку и вел[икого] кн[язя] Михаила Александровича; б[ывшая] царица тоже на нее согласилась» /18/. Александра Федоровна, даже зная о негативном к ней отношении со стороны многих членов династии, решила выступить «ходатаем за прощение великих князей, сосланных в деревню» /19/. Во имя единства династии императрица жертвовала своим самолюбием. Но для восстановления семейного согласия времени уже не оставалось, и Февральскую революцию Романовы встретили как никогда расколотыми и разобщенными. Нарушение единства царствующего дома стало словно бы предвестником грядущего распада всей российской социальной и государственной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соловьев, Ю.Б. *Самодержавие и дворянство в конце XIX в.* / Ю.Б. Соловьев. — Л., 1973. — С. 132—133.
2. *Воспоминания великого князя Александра Михайловича.* — М., 2001. — С. 167—168; Богданович, А.В. *Три последних самодержца: дневник* / А.В. Богданович. — М., 1990. — С. 212.
3. Романов, К.К. *Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма* / К.К. Романов. — М., 1998. — С. 233.

4. Воррес, Й. *Последняя Великая Княгиня* / Й. Воррес // Ден Л. *Подлинная Царица; Воррес Й. Последняя Великая Княгиня.* — СПб.; М., 2003. — С. 245.
5. ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 619. Л. 62.
6. Сухомлинов, В.А. *Воспоминания. Мемуары* / В.А. Сухомлинов. — Минск, 2005. — С. 425.
7. Таубе, М.А. «Зарницы»: воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / М.А. Таубе. — М., 2007. — С. 205.
8. Показания С.П. Белецкого, 20 июля 1917 г. // *Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства.* — Л., 1925. — Т. IV. — С. 482; Мельгунов, С.П. *Легенда о сепаратном мире. Канун революции* / С.П. Мельгунов. — М., 2006. — С. 456; Боханов, А.Н. *Святая Царица* / А.Н. Боханов. — М., 2006. — С. 116; Васильев, А.Т. *Охрана: Русская секретная полиция* / А.Т. Васильев // «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений. — М., 2004. — Т. 2. — С. 445; Юсупов, Ф. *Мемуары* / Ф. Юсупов. — М., [2004]. — С. 229–230.
9. Романов, А.В. *Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917)* / А.В. Романов. — М., 2008. — С. 218.
10. Юсупов, Ф. *Указ. соч.* С. 220; Шаховской, В.Н., кн. «*Sic transit gloria mundi*» (Так проходит мирская слава), 1893–1917 гг. / В.Н. Шаховской. — Париж, 1952. — С. 191; Аврех, А.Я. *Царизм накануне свержения* / А.Я. Аврех. — М., 1989. — С. 51.
11. Шавельский, Г., *протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота* / Г. Шавельский. — М., 1996. — Т. 1. — С. 27.
12. Таубе, М.А. *Указ. соч.* — С. 199. Также см.: Шаховской, В.Н., кн. *Указ. соч.* — С. 117.
13. Фрейлина *Ее Величества: «Дневник» и воспоминания* Анны Вырубовой. — М., 1991. — С. 195; Куликов, С.В. *Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917)* / С.В. Куликов. — Рязань, 2004. — С. 371.
14. Романов, А.В. *Указ. соч.* — С. 217.
15. Гавриил Константинович, вел. кн. *В Мраморном дворце: мемуары.* — М., 2001. — С. 295.
16. Романов, А.В. *Указ. соч.* — С. 216–217.
17. Там же. — С. 224.
18. Показания А.Д. Протопопова, 10 июля 1917 г. // *Падение царского режима.* — Т. IV. — С. 24–25.
19. Там же. — С. 26.

Е.В. РОБУСТОВА

Москва

ОБЩЕЕ БЛАГО ИЛИ МОНАРШЕЕ ДОСТОИНСТВО? Решение судьбы реформатора М.М. Сперанского императором Александром I в условиях военной угрозы 1812 года

Имя выдающегося государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского неотделимо от истории монархического правления нашей страной в первые десятилетия XIX века. Среди преобразователей царской России, близко стоявших у трона, М.М. Сперанский справедливо считается звездой первой величины. Его административный гений в разное время и в разной мере был востребован тремя российскими самодержцами — Павлом Петровичем, Александром Павловичем и Николаем Павловичем Романовыми.

Взятый на чиновную службу из выпускников семинарии при Павле I, он в правление Александра I вырастает в «чиновника огромного масштаба», быстро достигнув самой вершины бюрократической пирамиды и сделавшись ключевой фигурой в администрации и дипломатии Российской империи периода 1807—1811 годов. В эти годы, по утверждению государственного деятеля александровской эпохи Г.А. Розенкампа, «законодательство и управление Россией находилось в руках Сперанского» /1/. При Николае I он больше не реформатор и не преобразователь, а снова исполнитель, но результаты его трудов по-прежнему впечатляют — систематизация российского законодательства в фундаментальном издании Свода законов Российской империи.

По степени эффективности работу Сперанского приравнивали к деятельности целых министерств. Тем удивительней, что в жизни Сперанского было время, когда он несколько лет вообще находился не у дел, причем именно тогда, когда каждый россиянин по мере сил был призван служить Отечеству, — в период противостояния с Наполеоном.

Государственное служение Сперанского неожиданно прервалось 17 марта 1812 года, когда его в один день отстранили от службы и выслали из столицы без предъявления официальных объявле-

ний. Сперанский пробыл в ссылке четыре с половиной года. Это было чрезвычайно трудное для России время Отечественной войны и заграничных походов, послевоенного восстановления страны. Понимая, кого теряет с отстранением Сперанского, царь несмотря ни на что долгое время оставлял его не у дел. Период изоляции окончился для него лишь в 1816 году — назначением гражданским губернатором провинциального поволжского города.

Причины опалы Сперанского до сих пор не прояснены до конца. «Тщетно искать какие-либо прямые сведения в архивах» /2/, — выражал уверенность один из его первых биографов А.Э. Нольде. Император оставался непроницаем и не распространялся об этом событии в своих беседах с приближенными, а расспрашивать его, конечно, никто не смел. Таинственность такого необычного по форме удаления от дел второго лица государства породила огромное количество слухов и предположений. Современные исследователи, по сути, повторяют сложившиеся в то время версии. Наиболее популярная из них на передний план выдвигает интригу придворной камарильи как следствие активного противодействия реформам со стороны консервативного дворянства, опасавшегося в результате нововведений утратить свое привилегированное положение в обществе. Эти опасения были обусловлены, в частности, тем, что с 1809 года, согласно разработанному Сперанским «Уставу о службе гражданской», обязательным условием производства в чины стало наличие соответствующего образования (уездное училище, губернское училище, университет). Кроме того, прекращалась практика получения должностей, что называется, «с колыбели» отпрысками знатнейших фамилий — потомственное дворянство присваивалось отныне при наличии фундаментального университетского образования. «Естественно, аристократия была возмущена и затаила злобу против выскочки-поповича, посягнувшего на вековые родовые привилегии» /3/.

В надежде на то, что с его дискредитацией будут пересмотрены также и начинания Сперанского, его противники составили настоящий заговор, сделав все возможное, чтобы император сам захотел удалить от себя своего фаворита, нашел в его действиях опасную подоплеку. Путем интриги Сперанский был скомпрометирован перед Александром I, которому внушили, что его все-таки «визирь» захватывает себе слишком много полномочий и, не будучи самодержцем по титулу, становится самодержцем по своему фактическому положению, поскольку «все дела стремится привлечь в одни руки» и уже сосредоточил у себя непомерную

власть, оттесняя в тень верховного правителя; к тому же проникнут либеральными настроениями и не таит скептического отношения к личным качествам государя, куда выше оценивая гений своего кумира Наполеона. Доносчики неоднократно извещали императора, что статс-секретарь позволяет себе дерзкие отзывы о его августейшей особе, во всеуслышание заявляя, что он «слишком слаб, чтобы управлять», и т. п. В итоге происки многочисленных врагов Сперанского достигли цели. «Джентльмен на троне», Александр Благословенный не стал жертвовать самолюбием, пожертвовав своей «правой рукой», как он называл Сперанского.

По устоявшемуся мнению, российский самодержец долгое время «упорно не хотел верить в измену ближайшего советника, "друга", доверенного "мудреца", не хотел ничего видеть, терпел и не принимал против Сперанского никаких репрессивных мер» /4/, отреагировав на многочисленные доносы только тогда, когда его убедили, что уязвлено его личное монаршее достоинство. Однако, по нашему мнению, все не так просто, и, возможно, сам император являлся главным заинтересованным лицом в поисках благовидного предлога для удаления Сперанского. Это было связано с желанием Александра Павловича вернуть государственную политику «на круги своя» — в лоно абсолютной просвещенной монархии, незаметно отойти от либерального курса реформ, некогда порученных Сперанскому, поскольку император давно «отрекся от политики, проводимой через Сперанского» /5/, как того требовал правящий класс. «Инерция неограниченной власти оказалась столь крепка, что гениальные начинания русского реформатора оказались лишь легким толчком, не одолевшим внутреннего сопротивления» /6/.

Многочисленные враги Сперанского встретили отставку «государева визиря» «с ликованием». Однако далеко не все представители образованного русского общества были проникнуты недобрыми чувствами. Они невольно задавались вопросом: а не поступил ли Александр Романов по молодости лет опрометчиво, ведь на внешнеполитическом горизонте отчетливо просматривалась война и разбрасываться людьми при всем богатстве «человеческого материала» было расточительно?

Но именно военная угроза и обусловила отстранение Сперанского. «Во время войны люди всегда склонны подозревать измену и предательство при малейшем к тому поводе, а в деле Сперанского их нетрудно было найти» /7/. Даже сейчас многочисленные современные авторы продолжают отстаивать версию государственной измены Сперанского, настолько убедительно в

свое время выглядели доказательства его шпионажа в пользу наполеоновской Франции. Причем сам Александр I неоднократно говорил о нелепости подобных подозрений в адрес госсекретаря, указывая, что он виноват не перед государством, а перед ним лично.

Хотя тяжесть вины Сперанского тем самым умалется ненамного, и отнюдь не потому, что государь и государство неразделимы, но, прежде всего, в виду христианских и общечеловеческих ценностей, требующих беречь репутацию ближнего, не судить его. Известно, что «острослов вольтерьянского закала» Сперанский нередко позволял себе самые саркастические отзывы о своем покровителе, и, несмотря на то что все они были, по существу, уместны, однако в глазах многих выглядели показателем низости любимца царя. «Неужели в эти минуты ни сердце, ни совесть твоя не говорили, чем ты обязан своему Государю и благодетелю, не по заслугам, а по милости возведшему тебя на степень великости. Неужели признание, благодарность к доверенности великодушного монарха не сказали тебе нимало в его пользу и славу?» /8/ — справедливо, по нашему мнению, в «Памфлете на графа М. М. Сперанского» писал Г. Ермолов.

Можно найти подтверждения тому, что нелицеприятные замечания в адрес монарха действительно исходили из уст и из-под пера Сперанского. Авторы отмечают его опрометчивое «легкомысленное поведение» и «коварство его врагов», которые «старались не скатываться до примитивной, голой клеветы в отношении реформатора, избегали делать на него целиком лживые доносы», то есть в каждом их навете обязательно присутствовало и нечто действительно имевшее место, нечто правдивое /9/.

В любом случае поведение Сперанского вызывает недоумение: «...словосочетание "легкомысленное поведение" или "неосторожен" никак не подходит к осторожному мудрому "шахматисту" высокой степени и звучит как полнейший абсурд» /10/. Исходя из подобных рассуждений, некоторые современные авторы делают вывод, что известные высказывания в адрес императора со стороны второго лица в государстве нельзя считать простой «оплошностью». По резкому замечанию Р. Ключника, отстаивающего версию масонского заговора против Александра I, франкофил Сперанский «фактически запустил уже проверенную на опыте во Франции стандартную масонскую технологию-программу свержения монархии». Эта «программа» предполагала «очернение монарха, его унижение, <...> вызов к нему отрицательных эмоций: презрения, неуважения, уничижения и т. п. — уничтожающих легитимность, поддержку окружающих,

народа и оправдывающих, облегчающих его свержение». Таким образом, как доказывает упомянутый автор, «странная» тотальная критика императора была неслучайна и преследовала свою цель — дискредитацию власти через обесценивание личности императора /11/.

Серьезных доказательств указанной версии нет. Очевидно лишь то, что Сперанский не был приверженцем абсолютизма. «Восхождение и падение Сперанского стали результатом переломного времени, когда для России открывались новые пути развития в период кризиса феодальных монархий в Европе после Французской революции и наполеоновских войн» /12/.

Сперанский хотел видеть Россию европейской страной, и благодаря ему многое из буржуазных нововведений Наполеона было воспринято в России. Однако при всех своих симпатиях к Бонапарту и его системе управления он оставался патриотом и раньше многих осознал неизбежность военного столкновения с ним, о чем свидетельствуют его официальные записки царю. В одной из них «О вероятности войны с Францией после Тильзитского мира» он призывал вести противостояние с мнимым союзником, укрепляя не только военные, но и экономические позиции через умножение запасов и накопление денежных средств.

В ситуации рекордного дефицита госбюджета, возникшего из-за невыгодной для России экономической конъюнктуры вследствие континентальной блокады, Сперанский, с опорой на идеи Адама Смита, выступил со смелой программой спасения страны от финансовой катастрофы. В частности, были введены новые таможенные тарифы, по которым разрешалось продавать английские товары, доставленные в Россию на судах, пришедших под нейтральным флагом, а французские товары, в свою очередь, облагались солидной пошлиной, что позволяло хитроумно обходить ограничения континентальной блокады. Тем самым Сперанский переиграл Наполеона, который стал воспринимать его как своего личного противника, по достоинству оценив его выдающиеся умственные способности еще во время секретной дипломатической встречи с российским императором в Эрфурте, когда в шутку предложил Александру I «променять этого человека на какое-нибудь завоеванное королевство», а Сперанскому преподнес в подарок свою усыпанную бриллиантами табакерку.

Однако не только «корсиканец», но и соотечественники не испытывали из-за инициатив Сперанского добрых чувств к нему. Многие меры, предложенные Сперанским для поддержания казны, такие как новые налоги, оказались непопулярны, но они

были неизбежны и соответствовали общенациональным интересам в преддверии большой войны. Руководствуясь предложениями Сперанского, император установил жесткий контроль над государственными расходами на началах отчетности и проверки финансового состояния государственных учреждений, тем самым усложнив жизнь многим крупным казнокрадам.

Как госсекретарь, Сперанский сделал все возможное для того, чтобы Россия вступила в войну с Наполеоном во всеоружии. Между тем после отстранения его от дел в обществе господствовала уверенность в том, что он «французский агент», и, по воспоминаниям современников, в ссылке появление его на улице нередко сопровождалось озлобленными криками толпы: «Изменник!».

Время все расставило по своим местам, «и Сперанский навсегда остался в русском общественном сознании тем, кем признан был еще при жизни — самым выдающимся государственным умом в истории России» /13/.

Он с готовностью воспринял курс на преобразования, которым повел поначалу страну император Александр I. «Ознакомившись с реформаторской деятельностью М. М. Сперанского, с его законами и законопроектами в области государственного устройства, с его взглядами на политические и гражданские права, можно сделать следующие выводы: вся деятельность этого реформатора была направлена на то, чтобы повысить статус России в Европе, поднять ее на один уровень с западноевропейскими государствами, улучшить не только политическое, но и экономическое положение страны» /14/. Император поспешил расстаться с ним, и свою великую победу над Бонапартом Россия одержала тогда, когда Сперанский был лишен возможности служить своей стране. Но она не смогла бы выстоять без той эффективной подготовительной работы, которую при деятельном участии Сперанского осуществлял созданный им государственный аппарат, и эта победа сохраняет его имя в героической истории Отечественной войны 1812 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Минаева, Н.В. М.М. Сперанский в воспоминаниях современников / Н.В. Минаева. — М.: Собрание, 2009. — С. 28.

2. Нольде, А.Э. М.М. Сперанский: биография / А.Э. Нольде. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — С. 120.

3. «И потомство отдаст ему справедливость...». Михаил Михайлович Сперанский: взгляд из XXI века / [редкол.: Н.В. Юдина и др.] — Владимир: Транзит-ИКС, 2012. — С. 73.

4. Ключник, Р. *От Петра I до катастрофы 1917 г. Массонские заговоры: декабристов, Сперанского, против Павла, против А. Пушкина / Р. Ключник.* — СПб.: СПб СРП «Павел» ВОГ, 2008. — С. 286.
5. Нольде, А.Э. *Указ. соч.* — С. 119.
6. Минаева, Н.В. *Указ. соч.* — С. 10.
7. Нольде, А.Э. *Указ. соч.* — С. 119–120.
8. Минаева, Н.В. *Указ. соч.* — С. 109.
9. Томсинов, В.А. *Светило российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского.* Изд. 5-е, обновл. и доп. / В.А. Томсинов. — М.: Зерцало-М, 2013. — С. 166.
10. Ключник, Р. *Указ. соч.* — С. 282.
11. Там же. — С. 283–284.
12. Минаева, Н.В. *Указ. соч.* — С. 11.
13. Томсинов, В.А. *Указ. соч.* — С. 7.
14. Чельшкихина, Н.В. *М.М. Сперанский как реформатор / Н.В. Чельшкихина // Первые чтения, посвященные памяти М.М. Сперанского. К 225-летию со дня рождения: мат-лы конф.* — Владимир, 1999. — С. 31.

Р.М. ВЕРХОЛАНЦЕВА

Пермь

КАЗАНСКИЙ СОБОР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: НЕКОТОРЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ЖИЗНИ ПРИДВОРНОГО ХРАМА ДОМА РОМАНОВЫХ

Казанский кафедральный собор, стоящий на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, своим главным (западным) входом обращен в сторону другого, более раннего по времени своего создания архитектурно-исторического памятника — Строгановского дворца (построен в 1756 году, автор — Ф. Растрелли).

Собор был воздвигнут в 1811 году на том месте, где с 1737 года находился главный храм северной столицы Российской империи — церковь Рождества Богородицы, которая с момента своего возникновения являлась придворной церковью дома Романовых и где постоянно хранилась общенациональная святыня России — высокочтимый список иконы Казанской Божьей Матери.

К концу XVIII века церковь обветшала, и появилась необходимость в ее замене. Так случилось, что соседство этого храма со Строгановским дворцом, а точнее с очередным его владельцем — бароном (позже графом Римской, а затем и Российской империй) А.С. Строгановым, решающим образом предопределило и главную идею, и архитектурное воплощение вновь воздвигаемого храма-преемника.

Замысел поставить именно на этом месте храм зародился у Строганова уже примерно в 1750-х годах. Тогда, будучи еще совсем молодым человеком, барон, наследник огромных пермских владений, путешествовал по Западной Европе и впервые увидел в Риме самый грандиозный храм христианского мира — собор святого Петра.

Своим замыслом — воспроизвести в столице Российской империи собор, подобный собору святого Петра в Риме, «силами только русских мастеров и только из русских материалов, как произведение до конца национальное», — спустя многие годы граф Строганов смог-таки увлечь сначала императора Павла I, а затем поддержать интерес к строительству у его сына Александра I.

Смог, поскольку прежде всего сама эпоха диктовала свои приоритеты.

Выступление Р.М. Верхованцевой на итоговом заседании

Да, именно тогда, когда Европу начали сотрясать наполеоновские вторжения (вследствие чего государство Российское было поставлено перед необходимостью осознания своего и только своего места в неустойчивом геополитическом общеевропейском пространстве), когда рушились европейские троны и монархии, когда захватнические аппетиты Бонапарта всколыхнули патриотические настроения в российском обществе, подобный храм-символ становится востребованным на самом высоком государственном уровне.

Актуальность создания в столице Российской империи в такие времена именно храма во имя Казанской Божьей Матери была очевидна: исторически сложилось так, что царственные особы из дома Романовых традиционно почитали в образе Казанской свою покровительницу и всегда относились к этой иконе как к своей семейной святыне.

Выбор же в качестве образца для подражания собора святого Петра в Риме можно рассматривать как своеобразный вызов всему католическому миру. Казанский собор должен был порождать в душе русского человека гордость за веру, за императора, за империю.

По приказу Павла I приостанавливается строительство Исаакиевского собора и внимание переключается на возведение Казанского.

В 1799 году был объявлен конкурс на его проект. В конкурсе принимали участие знаменитые архитекторы Жан Тома де Томон, Пьетро Гонзаго, Чарльз Камерон.

Первоначально Павел утвердил проект Камерона, но затем неожиданно изменил свое решение, и 14 ноября 1800 года утвердил проект, исполненный 40-летним архитектором Андреем Никифоровичем Ворониным.

Выбор был предопределен влиянием графа Строганова. Он преподнес императору не только свою идею собора, но и предложил своего архитектора.

Андрей Воронихин — уроженец села Новое Усолье Пермской губернии, бывший строгановский крепостной, талант которого расцвел благодаря деятельному вниманию со стороны его патрона.

Казанский собор стал вершиной творчества этого гениального русского архитектора.

Следует подчеркнуть: Воронихин представил план собора в виде латинского креста, тогда как остальные архитекторы предложили центрические композиции, отталкиваясь главным образом от идеи Пантеона в Риме.

Проект Воронихина, в отличие от проектов с центрической композицией, предусматривал главный вход в собор со стороны Строгановского дворца. Тем самым между дворцом и собором устанавливалась архитектурно-пространственная связь. Смысловое единство стало бы совсем очевидным, если бы была возведена присутствующая на генеральном плане вторая подковообразная колоннада собора.

Стройку предполагалось завершить быстро, чтобы освятить храм к столетию Петербурга, то есть в 1803 году. В январе 1801 года на начало строительства было ассигновано 200 000 рублей.

Однако в марте 1801 года Павел I был убит, и, если бы не выданные в январе деньги, стройка могла вообще остановиться. Александр I не был ею увлечен и в 1802 году предложил отложить проект на год.

Строганов использовал весь свой авторитет, чтобы убедить императора продолжить строительство и выделять по 300 000—400 000 в год, что могло обеспечить завершение работ за семь лет.

Строганов посвятил возведению собора (называл его «моя церковь») последние 10 лет своей жизни. Не обладая необходимыми денежными средствами для создания столь грандиозного сооружения (хотя и являлся главным меценатом, жертвовавшим на строительство храма огромные суммы, иногда перебивавшие казенные

Казанский собор, начало XX в.

поставки двора), он приложил все усилия для организации работ и придал стройке статус главного городского дела.

Граф возглавил специальную комиссию по сооружению собора, которая собиралась два-три раза в неделю и часто именно в Строгановском дворце. Ради успеха дела он становится президентом Академии художеств. Под его началом оказались каменоломни, Петергофская и Екатеринбургская гранильные, а также бронзовые фабрики.

Оригинальность поставленных задач потребовала неординарных решений и со стороны архитектора. В частности, предметом особых забот Воронихина был купол собора. Архитектор решил поставить его на столбы минимального сечения, а также первым в истории мирового строительства разработал и применил металлическую стропильную конструкцию в 17,1 метра /1/.

Новшеством стало также использование не арочных, а прямоугольных перекрытий проездов к собору. Чтобы доказать надежность этого решения, Воронихин заказал для испытаний крупномасштабную модель в $\frac{1}{3}$ натуральной величины /1/.

Воронихину пришлось решать не только архитектурные и конструкторские вопросы, но и проблемы заготовки и транспортировки гранитных монолитов.

Надо отметить, что внешнее убранство храма (а это один из первых памятников русской архитектуры классицизма, в котором фасады обильно украшены сюжетными рельефами и статуями), а также интерьер Казанского собора (отбор произведений живописи, их месторасположение, размеры) продуманы непосредственно самим Воронихиным.

15 сентября 1811 года состоялось торжественное освящение Казанского собора. Граф Строганов вручил Александру I ключи от храма. Тогда же Казанскую икону Божьей Матери обнесли крестным ходом вокруг собора и поместили в резной иконостас.

Через две недели после освящения собора умер Строганов, так и не успев осуществить свое намерение соорудить родовую усыпальницу (что было бы справедливо) и даже не оставив самой скромной надписи о своем титаническом труде.

Спустя девять месяцев после освящения собора в июне 1812 года наполеоновские войска вторглись в пределы Российской империи. Готовясь к отбытию на фронт, главнокомандующий русской армией князь М.И. Кутузов молился (и сколько еще «молодых генералов своих судеб», будущих героев войны 1812 года, молились вместе с ним) в Казанском соборе перед чудотворной иконой за спасение России.

25 декабря 1812 года, в праздник Рождества Христова, в Казанском соборе перед Казанской иконой Богородицы отслужили первый благодарственный молебен «За избавления России от нашествия галлов и с ними двенадцати языков».

И стоял под сводами этого храма тогда еще 16-летний великий князь Николай (будущий император Николай I) с завязанным в галстук серебряным рублем, который он выиграл у своей сестры Анны. Они поспорили в самом начале войны: Николай утверждал, что неприятель будет изгнан с территории России к январю 1813 года и спор досрочно выиграл /2/.

Также в 1812 году Кутузов передал в дар Казанскому собору 40 пудов серебра, отбитого казаками М.И. Платова у французов, награбивших ценности в русских церквях. Впоследствии оно было использовано для киота Казанской иконы Божьей Матери и нового иконостаса.

Вскоре Казанскому собору суждено было стать своеобразным памятником (самым первым в России!) в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 года и усыпальницей (честь великая!) одного из славнейших российских полководцев — князя Голенищева-Кутузова Смоленского.

Когда 11 июля 1813 года из прусского города Бунцлау, где скончался Кутузов, в Петербург прибыла колесница с гробом, встречавшие выпрягли шестерку лошадей и сами везли катафалк через весь город от Нарвских ворот до Казанского собора.

Гроб установили в соборе на пышном высоком катафалке, сооруженном по проекту Воронихина. Два дня петербуржцы прощались с прахом Кутузова. Его похоронили в склепе в северном приделе Казанского собора.

В 1814 году могила Кутузова была ограждена низкой решеткой из темной бронзы с позолоченными венками. Над могилой мемориальная доска из красного мрамора. Над доской — икона, которая находилась у гроба Кутузова перед его преданием земле. Над иконой — картина Ф.Я. Алексеева, изображающая крестный ход на Красной площади в 1612 году в честь освобождения Москвы от польских интервентов.

Глубоко символично, что оформление захоронения Кутузова — последнее, что успел сделать архитектор Воронихин в воздвигнутом им Казанском соборе.

21 февраля 1814 года внезапно в расцвете творческих сил величайший зодчий своего времени уходит из жизни.

А его собор полнится трофеями войны с наполеоновской Францией: 107 французских знамен и штандартов, ключи от восьми крепостей и 17 городов, взятых русскими войсками, жезл маршала Даву, захваченный в сражении 5 ноября 1812 года /3/. Знамена закреплялись в специальных кронштейнах, для ключей были изготовлены бронзовые позолоченные доски с наименованием городов.

Все спит кругом; одни лампы

Во мраке храма золотят

Столпов гранитные громады

И их знамен нависший ряд ...

Под ними спит <...>

<...>

Маститый страж страны державной,

Смиритель всех ее врагов,

Сей остальной из стаи славной

Екатерининских орлов.

Эти строки в 1831 году написаны А.С. Пушкиным.

В 1914 году большинство знамен и ключей было передано в Российский исторический музей. У могилы Кутузова в наше время хранятся шесть трофейных знамен и 26 ключей в шести связках.

В 1818 году Александр I подписал рескрипт об установке монументов М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли перед Казанским собором.

25 декабря 1837 года в день 25-летия изгнания наполеоновских войск из пределов России после молебна под орудийные салюты были открыты бронзовые памятники полководцам работы Б.И. Орловского. В честь этого события состоялся парад войск Санкт-Петербургского гарнизона.

Так было завершено создание архитектурного ансамбля Казанского собора на Невском проспекте.

До создания Исаакиевского собора Казанский был самым большим православным храмом Петербурга и играл главенствующую роль в духовной жизни столицы. После освящения в 1858 году кафедрального Исаакиевского собора за Казанским остается важнейшее его значение в качестве придворного храма царствующего дома Романовых.

Все сколько-нибудь важные события в царственной семье отмечали в Казанском соборе богослужениями. Здесь венчали всех членов царской семьи. Торжественно праздновались «Царские дни» 21 февраля (дата выбора на царство первого из династии Романовых — Михаила). Особенно пышно было отмечено 300-летие дома Романовых. С Петропавловской крепости гремел пушечный салют, звонили колокола, вокруг собрались тысячи и тысячи горожан.

Волею судеб еще одна связующая нить пермской земли с Романовыми: особые молебны, «Царские дни», венчания — все это происходило под сводами Казанского собора, созданного гением нашего земляка, «сыном величавых Камы и Урала» А.Н. Ворониным и трудами владельца огромных территорий пермской земли, меценатом и патриотом графом А.С. Строгановым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кузнецов, С.О. Казанский собор / С.О. Кузнецов // *Наше наследие*. — 2001. — № 59—60.

2. Труайя, А. Николай I / А. Труайя, — М., 2003.

3. Санкт-Петербургская епархия. Казанский кафедральный собор. — СПб, 2000.

С.В. ГОЛИКОВА

Екатеринбург

**ВИЗИТ ЦАРЯ ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА:
воспоминания академика
Николая Ивановича Кокшарова
о посещении Александром I
Березовского завода**

В 1990-е годы наблюдался повышенный интерес к посещению Урала августейшими особами, и данная тема, особенно в части, касающейся Александра I, довольно неплохо представлена в литературе. Однако для большинства источников данных о первых лицах государства характерна официальная, если не сказать официозная подача материала. Среди их авторов, как правило, отсутствуют те, кто был лишен права на публичные высказывания: представители народных масс, даже средних слоев населения, женщины, дети. О «высоких материях» (а сакральная фигура правящего монарха, несомненно, принадлежала к таковым) следовало выражаться соответствующим высоким стилем, не обращая внимания на фон, второй план, штрихи, подробности, детали.

В силу этого особую ценность приобретают неформальные свидетельства о пребывании царя на Урале. К их числу принадлежат воспоминания академика Николая Ивановича Кокшарова, наблюдавшего приезд Александра I маленьким мальчиком. В отличие от официальных источников или воспоминаний лиц из царской свиты текст Кокшарова предоставляет возможность рассмотреть приезд царя в новом ракурсе — показать, каким его увидел ребенок. Для историков воспоминания детей отражают весьма важные пласты исторической памяти, поскольку анализ заключенной в них информации «показывает обществу несколько с иной стороны, нежели его характеризуют источники о взрослых» /1/.

Отец Николая Ивановича, Иван Константинович Кокшаров, в 1822 году был назначен управляющим Березовскими золотыми промыслами, и детство будущего светила науки, родившегося в 1818 году, прошло в Березовском заводе. Впоследствии он стал известным геологом и минералогом, профессором и директором Горного института, ординарным академиком Российской академии наук, директором Русского минералогического общества

и существующего при нем музея. В блеске мировой славы, обремененный многочисленными чинами и должностями, уже в преклонном возрасте Николай Иванович нашел время лично описать свою богатую событиями жизнь и начал с первого, что помнил, — с Березовского завода.

«Из происшествий этой эпохи, — отмечал мемуарист, — произвел на меня глубокое впечатление приезд императора Александра I в 1825 году» /2/. В том году единственный раз Березовское месторождение посетил действующий глава государства. Промыслы, как место обнаружения первого русского золота, становятся общепризнанной достопримечательностью с начала своего существования. В XVIII веке они стали объектом обязательного посещения немногочисленных тогда еще путешественников (в этом с ними может сравниться разве что Екатеринбург, который с момента возникновения являлся Меккой для интересующихся горнозаводским делом). После зарубежных ученых-путешественников и отечественных академиков настал черед принимать на промыслах высоких особ и открылся он приездом государя.

Необходимо отметить, что обозрения мест добычи золота стали отдельной целью вояжа Александра I. Богатые миасские золотоносные россыпи специально были обозначены в листе его путешествия. Старейшие же Березовские промыслы оказались на пути только благодаря близости к горной столице Урала — Екатеринбургу. Однако Березовский явился единственным пунктом его вояжа, где о золотодобыче можно было узнать все сразу. Тем более что царь приехал в оптимальное время — предприятие могло показать товар лицом: к добыче рудного золота добавилась разработка золотоносных россыпей. Новое направление уже могло похвастаться успехами первого десятилетия.

О подготовке к визиту важного гостя и его встрече Н.И. Кокшаров рассказывал то, что сумел запомнить в детские годы, в том числе свои эмоции и реакции в связи с небывалым событием.

Сопровождавшие и свита Александра I не имели возможности наблюдать за подготовкой к его встрече, а Николай Иванович, будучи управительским сыном, описал суету и хлопоты «принимающей стороны». Именно с предыстории визита он начинает свой рассказ: «Отец мой вернулся однажды из города весьма озабоченный и сообщил моей матери, что государь проездом через Екатеринбург посетит Березовские золотые промыслы; затем он призвал к себе многих из своих подчиненных и сделал некоторые

предварительные распоряжения. Я помню, как все в доме у нас зашевелилось, заговорило... Мы, дети, также толковали по-своему о государе и очень радовались, что увидим русского царя, о котором, впрочем, имели самое неопределенное понятие. — “Ведь это, бабушка, земной бог!” — говорила мне няня.

Все дни до приезда государя на заводе и окрестных рудниках происходила лихорадочная деятельность: везде починали, чистили, красили, словом, делали все возможное, чтобы перед владыкою Руси не ударить лицом в грязь. Немало было разговоров о том, где принять его величество, и, наконец, решили один из заводских домов превратить во дворец. Отец очень хлопотал об его устройстве, мебелировке и проч., бабушка по этому случаю вытащила из своих сундуков старинный саксонский фарфор и серебро. Предполагалось, что государь спустится в рудники, и поэтому отец на одном из них, вместо обыкновенных рудничных “стремянок”, устроил удобную лестницу.

Наконец, желанный день настал; отец и все его подчиненные были в полной парадной форме на своих местах. Нас, детей, поставили в шеренгу перед домом бабушки, где государь должен был проехать в Пышминский завод, расположенный в семи верстах от Березовска. “Государь едет! Государь едет!” — раздалось со всех сторон, и дружное “ура!” пронеслось по всему пути. Мы стояли с замиранием сердца и при виде приближающихся экипажей сняли фуражки и низко поклонились. Велико было тогда мое удивление, когда я увидел государя, сидящего рядом в коляске с каким-то генералом, не в золоте и серебре, как мы предполагали, а просто в серой военной шинели и фуражке. Государь позавтракал в приготовленном для него доме и, напившись чаю, уехал обратно в Екатеринбург» /3/.

Воспоминания Кокшарова интересны тем, что позволяют раскрыть проблему гуманизации царской власти к началу XIX века и такую ее составляющую, как взаимоотношение этой власти с «маленьким» человеком. В этом плане путешествие Александра I по России выглядит совершенно экстраординарным явлением — недосягаемая для простых смертных фигура помазанника Божия вдруг оказалась среди своих подданных, приблизилась к ним настолько, что можно было воочию увидеть, как царь присутствует на богослужении, инспектирует госпиталь, в конце концов, в поте лица добывает золотоносный песок. Такое, вполне свойственное обычному человеку, поведение августейшей особы оказало большое влияние на восприятие властителя России.

«Рассказам не было конца», — завершает Кокшаров повествование о визите. Рассказывали, конечно, об обозрении Александром I промыслов. Его величество два раза спускали в шахты на девять с половиной и 12 сажень вглубь, провели по выработкам, даже дали помахать кайлой; целый час он наблюдал работу толчеи и промывален. На Мариинском прииске, показывая разработку уже россыпного золота, для него инсценировали обычный трюк — обнаружение самородка. Подбросить «камушек» самому императору не позволяли приличия — сценку разыграли «копщики» в нескольких метрах от него. Обработанный монарх наградил рудокопов и управляющего прииском /4/.

Проявление обычных человеческих чувств еще больше привлекало к победителю Наполеона взоры простых людей. Петр I тоже не чурался тяжелой и грязной работы, предпочитая многое делать сам, однако у этого «работника на троне» был крутой нрав, многие воспринимали его как деспота и тирана, а уральские простолюдины еще и в качестве антихриста. Его царственный потомок, напротив, «был весел и совершенно всем им виденным доволен». «Все находили Александра I очень красивым и восхищались его благодушным, милостивым обращением...», — вспоминал Кокшаров. Настрой взрослых передался младшему поколению. «<...>И мы, дети, по своему полюбили его<...>», — сообщал мемуарист. И далее заметил: «<...>Когда было получено известие о смерти государя в Таганроге и отец объявил об этом несчастье моей матери, то я залился горькими слезами» /5/.

Увидев первый раз «живого» царя, жители окраин империи стремились сохранить память об этом. Следы его пребывания практически сразу же превращались в «места памяти». Визит сопровождался настоящим мемориальным бумом. На Царево-Александровском прииске около Миасса, где августейший гость пожелал поработать «берг-гауером», «<...>из числа добытых государем императором песков 20 фунт., а равно инструменты кайла и лопата, как незабвенные памятники трудов великого монарха», были отправлены в главную контору Златоустовских заводов «для хранения в музее». Место, «где его императорское величество изволил работать», горные офицеры сочли необходимым отметить — соорудили здесь на свои средства скромный памятник: «небольшую каменную пирамиду с двухглавым на вершине ее орлом» /6/.

После пребывания Александра I на Березовских промыслах появилась новая топонимика. Здание, в котором царь напился чаю, стали называть «дворцом». Отец же мемуариста в шутку прозвал

близлежащую к нему территорию, по аналогии с северной столицей, «Дворцовой набережной». По этому поводу Кокшаров счел нужным в воспоминаниях пояснить: «<...>так как здесь ряд домов начинался домом, где останавливался император Александр I во время своего путешествия по Уралу». Он же рассказывал, что инструменты, которыми работал государь в руднике, также были превращены в реликвию: их поставили в раму и сдали на хранение в заводскую контору /7/.

Приезд монарха запомнился не только образованной публике, но произвел неизгладимое впечатление и на простолюдинов. Проникновение сюжетов царского посещения в коллективную память населения Урала проявилось через пять лет во время пребывания в крае Александра фон Гумбольдта. Наблюдая со стороны местного горного начальства почтительное и уважительное отношение к знаменитости, народ не желал верить, что приезжий славен научными трудами, а считал его важной персоной, возможно с примесью «голубой крови». «О Гумбольдте, — сообщает И.А. Шмаков, — долго и много рассказывали жители посещенных им заводов; им казалось непонятным то внимание и почести, с которыми встречали и провожали его уральские власти; все хотели видеть в нем не только ученого путешественника, но непременно и высокую особу, принца Гумболтова»/8/.

Парадоксальным образом эта близость фигуры ученого к сильным мира сего проявилась и в судьбе Николая Ивановича Кокшарова. Издатели его мемуаров специально подчеркивали эту сторону его жизни и видели ценность его записок в том, что этот «скромный труженик науки» был знаком со многими знатными и венценосными особами не только в России, но и за границей. Предваряя текст воспоминаний, они писали: «Н[иколай] И[ванович] остается таким же скромным тружеником науки, требовательным к себе и снисходительным к другим, каким был и тридцать лет тому назад, но едва ли на долю кого-либо из русских ученых выпало столько почестей». Редакция «Русской старины» убедительно и настоятельно просила академика «не ставить себе цель написать воспоминания именно ученого», понимая, что «горение научной мысли» не будет воспринято отечественной публикой /9/. Она просила Николая Ивановича сосредоточиться на описании его влиятельных знакомых. Велика вероятность того, что детское восприятие Александра I было осмыслено им из опыта ведения дел с могущественными людьми. Хорошая осведомленность о высоких сферах, конечно же, повышает точность и достоверность его воспоминаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Безрогов, В.Г. *Виды коллективной памяти в автобиографиях / В.Г. Безрогов // Сотворение истории. Человек. Память. Текст.* — Казань, 2001. — С.44–45.
2. *Воспоминания Николая Ивановича Кокшарова, 1818–1859 гг. // Русская старина.* — 1890. — № 3. — С. 612.
3. Там же. — С. 612–613.
4. *Нестеров, А.Г. Посещение Березовских золотых приисков представителями Императорской Фамилии / А.Г. Нестеров // Из истории уральского золота. К 250-летию открытия золота на Урале и основания города Березовского.* — Екатеринбург, 1995. — С.50–52.
5. *Воспоминания...* — С. 613.
6. *Извлечение из записки ст[атского] сов[етника] Чупина о поездке Императора Александра I на Урал в 1824 году // Горный журнал.* — 1878. — Т. 1. — С. 26.
7. *Воспоминания...* — С. 607.
8. *Шмаков И.А. Гумбольдт на Урале в 1829 г. / И.А. Шмаков // Горный журнал.* — 1890. — № 1. — С. 225.
9. *Воспоминания...* — С. 605.

А.А. ВАЛИТОВ

Тобольск

300-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ДОМА РОМАНОВЫХ В РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

«Ни один из предшествовавших юбилеев не возбуждал столько разнообразных чаяний и упований, как 300-летний юбилей царствования Дома Романовых, — упований, которые в большинстве остались неосуществленными» /1/. Символично, что этот юбилей пришелся на последний мирный год Российской империи.

Юбилей стал всенародным. Повсюду ощущался патриотический подъем. 300-летие дома Романовых не воспринималось в обществе только как праздник правящей династии и ее ближнего окружения. Этот юбилей осознавался как исключительно важная веха в истории страны, для которой последние 300 лет стали особым периодом становления государственности.

Подготовка к юбилею продолжалась несколько лет, и особенно интенсивно начиная с 1911 года. Для координации празднеств были организованы специальные комитеты и комиссии, в частности Комитет по устройству празднования 300-летия со дня воцарения дома Романовых под председательством А.Г. Булыгина и Романовская комиссия Государственной думы. По всей России действовали местные комитеты под председательством губернаторов.

В праздновании юбилея в 1913 году выделяют три значительных этапа — торжества в Петербурге в феврале, «паломничество» Николая II с семьей по историческим местам романовской династии в волжские города в мае, пребывание в Москве в конце мая /2/.

Население Тобольской губернии принимало участие в подготовке и в самих праздничных мероприятиях. Так, накануне празднований крупные города Тобольской губернии выбрали специальную депутацию, которая представляла регион на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых. В состав депутации вошли городские головы: Тобольска — С.М. Трусов, Кургана — Ф.Ф. Шветов и Тюмени — П.И. Никольский /3/. 10 февраля 1913 года в Санкт-Петербург выехала депутация для участия в торжествах и поздравлениях. Тобольская депутация повезла с собою для поднесения государю икону Абалакской Божьей Матери, для чего был

устроен сбор пожертвований по всей губернии /4/. Кроме выше-названных лиц на юбилей дома Романовых поехал представитель мусульманского населения Т.С. Айтмухаметов.

Праздничные события начались в Тобольской губернии с 17 февраля: в Народной аудитории Тобольска был поставлен юбилейный спектакль в честь 300-летия дома Романовых по пьесе Бельского «Жизнь за царя», а в заключение устроен маскарад с двумя призами.

Для предотвращения беспорядков и пьяного разгула Городская дума Тобольска в ознаменование 300-летия дома Романовых в четверг 21 февраля запретила торговлю в течение всего дня /5/.

Министерство народного просвещения подготовило специальный циркуляр, в котором четко определило сценарий празднования 300-летия дома Романовых учебными заведениями. Этого циркуляра и придерживались местные власти при организации и проведении торжественных мероприятий /6/.

Порядок празднования в Тобольске был идентичен министерскому циркуляру.

«I. 20 февраля, накануне празднования, во всех церквях города Тобольска после часов совершаются панихиды по родителям первого Царя Михаила Федоровича и всем в Бозе почившим Царям и Императорам из ныне благополучно царствующего Дома Романовых. Учащиеся в начальных школах и городских училищах присутствуют на панихиде в приходских храмах по указанию учебного начальства; учащиеся прочих учебных заведений слушают панихиду в своих домовых храмах или актовых залах. В кафедральном соборе панихида после 11¹/₂ часов утра. В Соборе к указанному времени съезжаются начальствующие и должностные лица всех ведомств, для коих форма одежды обыкновенная, кроме того на панихиду в Кафедральный Собор прибывают представители Городской Думы, от учащихся по назначению губернского начальства и сестры общины милосердия.

II. 20 февраля вечером во всех церквях города Тобольска совершаются всенощные бдения. Начало всенощного бдения в Кафедральном Соборе в 6 часов вечера.

III. В день празднования, 21 февраля, во всех приходских церквях совершаются Божественные Литургии, начало коих 7 часов утра и после чтения Высочайшего манифеста, благодарственные молебствия; по окончании молебствия из всех церквей следуют крестные ходы, которые прибывают в Кафедральный собор к 10 часам утра — началу литургии.

По окончании богослужений в церквях совершается целодневный церковный звон.

IV. 21 февраля в 6 часов вечера в аудитории Народного Дома состоится торжественный публичный акт по особой программе с участием средних учебных заведений г. Тобольска. На акте этом одним из преподавателей губернской гимназии будет прочитан соответствующий чувствуемому событию доклад; соединенным хором и учащимися средних учебных заведений будет исполнено чтение и пение соответствующих произведений, относящихся к чувствуемому событию. По открытии заседания председателем, народный гимн исполняется всенародным пением с оркестром воспитанников семинарии.

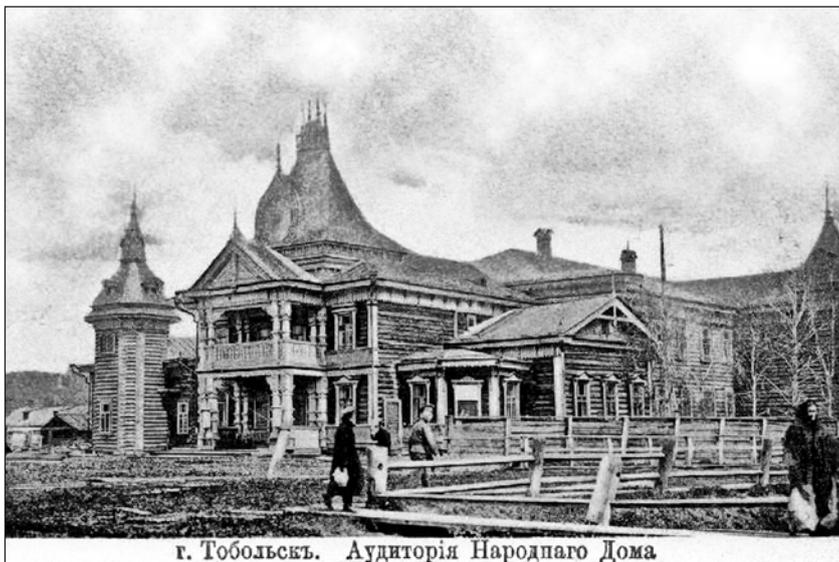
На акт приглашаются начальствующие и должностные лица всех ведомств, гласные Городской Думы, Градское духовенство, обыватели города и представители местной печати. Ввиду ограниченности помещения, вход по билетам.

V. По окончании торжественного публичного акта, в главном фойе Народного Дома — танцевальный вечер для учащихся.

VI. 22 февраля в Аудитории Народного Дома утренний бесплатный спектакль для народа, такой же спектакль 23 февраля для учащихся низших классов средних учебных заведений и начальных школ. До начала спектакля каждый раз делается сообщение о царствовании Дома Романовых, а по окончании производится раздача соответствующих брошюр и картин.

VII. Домовладельцы и обыватели города Тобольска приглашаются с утра 21 февраля украсить свои дома флагами, а вечером иллюминировать. Равным образом должны быть украшены и иллюминированы здания всех правительственных и общественных учреждений» /7/.

В четверг 21 февраля, в день празднования 300-летия дома Романовых, в Тобольске начались торжества по особо выработанной программе. С утра город украсился флагами, в приходских церквях были отслужены ранние обеды, прочитан Высочайший манифест, отслужены молебны, а затем к 10 часам со всех церквей двинулись крестные ходы к собору, куда накануне была привезена Абалакская икона Божьей Матери. На соборной площади собралась огромная масса народу, которая за теснотой собора не могла в него попасть. На площади состоялся парад местного гарнизона. На парад впервые прибыли в военном строе и воспитанники Тобольской гимназии. Начальник гарнизона подполковник Н. Пантюхин обратился с речью сначала к участникам парада, а затем к воспитанникам гим-

г. Тобольскъ. Аудиторія Народнаго Дома

Тобольск. Фотокартина начала XX в.

назии с приветственным словом по поводу предстоящего им впоследствии вступления в ряды армии.

Вечером в Народной аудитории состоялся торжественный акт, который открыл тобольский губернатор А.А. Станкевич. Акт состоял из трех отделений. В первом сначала трижды был исполнен народный гимн всеми ученическими хорами и присутствующими, затем преподаватель гимназии А.Я. Вялых прочел исторический очерк царствования дома Романовых, в заключение хоры всех учебных заведений исполнили кантату М.А. Гольтисона «Слава Дому Романовых». Во втором и третьем отделениях пели хоры духовной семинарии, епархиального училища и гимназии. Четыре ученика гимназии в костюмах прочли стихотворение К.Ф. Рыльева «Подвиг Сусанина». Как отмечали участники празднования, было очень много номеров с декламацией, из них наиболее яркими в исполнении ученика семинарии Лизунова — «Смерть Гермогена», гимназиста IV класса Городкова — «В Ипатьевском монастыре», ученицы VIII класса М. Городковой — «Основание Петербурга», Рожко — «Кто он», ученицы первого класса Зубковой — «Иван Сусанин», ученика II класса Богушевича — «Московский Кремль». Прекрасно спел соединенный хор архиерейских певчих, семинарии и женского епархиального училища «Сбылось, сбылось Москвы желанье» и

«Славься». Очень понравился публике хор женского епархиального училища «Боже, люби Царя»; недурно спел также хор гимназистов «Славу», музыка А.И. Краснотовского.

В конце вечера были танцы, а в фойе аудитории ученица III класса женской гимназии Густылева хорошо спела арию Вани из оперы «Жизнь за царя». В целом вечер получился очень многолюдным и нарядным — мужчины в парадной форме, дамы в светлых платьях.

В пятницу 22 февраля прошли вечера в женской гимназии и общественном собрании, в субботу 23 февраля — в мужской гимназии. Для народа были устроены утренние спектакли. В приходских училищах, например в Андреевском, состоялись литературно-вокальные утренники /8/.

По похожему сценарию проходили торжества и в Тюмени. С раннего утра 21 февраля Тюмень украсилась флагами, у многих домов были выставлены транспаранты, фасад городской управы убрали гирляндами из хвои.

В Знаменской церкви при громадном стечении народа после литургии собрались все причты местных церквей и с иконами направились на забитую народом Царскую площадь, где отслужили благодарственный молебен. Во всех приходских церквях после литургии отслужили молебны о здравии царя и царской семьи. Такие же молебны отслужили в местных костеле, мечети и синагоге.

В женской гимназии, где собрались и ученики реального училища, состоялся торжественный акт, во время которого был прочитан Высочайший манифест и исполнен народный гимн.

На вокзале, в полиции и других правительственных учреждениях отслужили молебны. В местном отделении Государственного банка после совершенного молебна был устроен праздничный завтрак, послана телеграмма с выражением верноподданнических чувств государю императору.

Вечером город был роскошно иллюминирован. Обыватели отмечали, что такой иллюминации еще никто в Тюмени не помнил /9/.

Тюменским полицейским управлением были получены следующие сообщения о праздновании 300-летнего юбилея дома Романовых в Тюменском уезде: 20 февраля во всех церквях в уезде отслужены панихиды по бывшим царям дома Романовых, а 21 числа — торжественные молебствия с крестными ходами.

«В с. Фоминском общественные здания были украшены флагами и гирляндами из зелени. Вечером в училище состоялось чте-

ние с участием хора учеников. Училище было иллюминировано, волостным сходом постановлено приобрести и поставить в волостном правлении икону Спаса. В Велижанской волости, в волостном правлении собравшимися запасными нижними чинами был исполнен гимн, состоялось чтение. В Богандинской волости также было чтение. В Сазоновской волости в волостном правлении был прочитан очерк важнейших событий в России за последние 300 лет» /10/.

Самые отдаленные уголки губернии участвовали в праздновании. В селе Обдорском 21 февраля в Петро-Павловской церкви настоятель Обдорской духовной миссии игумен Иннокентий отслужил праздничную литургию с «провозглашением многолетия царствующему Дому» /11/. По селу в этот день прошел крестный ход с хоругвями и иконами, закончившийся в Народном доме, где был отслужен краткий молебен. В Народном доме Попечительства о народной трезвости показали новые живые картины «Смерть Сусанина», а вечером шла пьеса «Костромские леса» Колевого. Вход в этот день был бесплатным. Зарегистрировано рекордное количество посетителей — 1254 человека.

Большая роль в проведении праздника в Обдорске принадлежала русским монахам, которые сумели создать для всех обывателей приятное и полезное зрелище. По сообщению властей, в этот день не было отмечено ни одного пьяного, все вели себя достойно. Единственным недостатком праздника стала теснота помещения, не рассчитанного на такое количество людей.

Города Тобольской губернии были основательно украшены к празднику. 21, 22 и 23 февраля по вечерам ежедневно зажигалась блестящая иллюминация.

Современники отмечают, что «Тобольск был во многих местах очень красиво иллюминирован, особенно выделялась городская управа, казенный винный склад и здание губернского управления, где горел громадный транспарант, устроенный казенной палатой». В Тюмени «особенно роскошно были иллюминированы дома по Царской и Садовой улице. Пальма первенства в этом отношении, безусловно, принадлежит Поземельно-Устроительной партии (дом Брюханова). На балконе, украшенном коврами, зеленью, электрическими лампочками, горели красивые транспаранты, в окнах были выставлены инициалы всех Царей и Цариц; очень изящный вензель горел на балконе дома Шадриных, роскошно был декорирован зеленью и лампочками фасад городской думы; недурные были вензеля на здании полиции и балконе Приказчицкого клуба.

Дома на Садовой улице, если не отличались изяществом, зато горели массой огней. Тысячные толпы гуляли по улице, смотрели небывалую в Тюмени иллюминацию» /12/.

В силу Высочайшего манифеста по губернии провели частичную амнистию. Так, в Тобольске были выпущены из арестантских отделений 62 человека, из тюремного замка — 17, из городской полиции — пять человек. Из Курганской тюрьмы освободили 119 человек (всего в ней содержалось 400), из арестного дома — 25 человек. Амнистированные уже отбыли 2/3 наложенного срока наказания, выпустили и всех арестованных в административном порядке /13/. В Тюмени из местной тюрьмы освободили свыше 70 взрослых и более 10 детей /14/.

Газета «Приишимье» сообщала, что крестьяне с нетерпением ожидали 21 февраля, когда, по их мнению, будут даны им великие милости, как то: сложение недоимок, прощение возвратных ссуд, уменьшение окладов земельной подати и т. д. Поскольку же взыскание податей шло на деле усиленным темпом, то среди крестьян создалось убеждение, что местное начальство спешит сорвать с мужика недоимки, дабы их не прикрыл манифест /15/.

20 сентября в доме губернатора прошло агрономическое совещание по случаю присуждения премии в память 300-летнего царствования дома Романовых за образцовое ведение сельского хозяйства. Вместе с денежной премией были выданы особые дипломы /16/.

Таким образом, празднование 300-летнего юбилея правящего дома Романовых проводилось широко и с размахом не только в сердце империи Санкт-Петербурге и центральных губерниях, но и на периферии, в отдаленных уголках страны (через год, в связи с началом Первой мировой войны, такое вряд ли стало бы возможным). Более того, как свидетельствуют многочисленные источники, мероприятия проходили действительно при активном участии народа, общества. Хотя надо признать, что инициатива проведения всевозможных торжеств исходила все-таки сверху. Однако это не помешало достойно отметить в 1913 году по всей России столь знаменательное событие.

Не прошло оно мимо и Тобольской губернии. По всему региону — от северных широт до южных границ — приводились в порядок населенные пункты (украшались здания, убирались улицы), состоялись спектакли, маскарады и балльные вечера, совершались молебны, бдения, литургии, крестные ходы и т. д. В Санкт-Петербург на главные общеимперские торжества были посланы две деле-

гации от губернии и епархии с весьма символичным подарком — списком Абалакской иконы Божьей Матери.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Русская школа*. — 1913. — № 3. — С. 92.
2. *Россия в начале XX века / под ред. акад. А.Н. Яковлева*. — М.: *Новый хронограф*, 2002. — С. 560.
3. *Городская хроника // Сибирский листок (СЛ)*. — 1913. — № 8. — С.2.
4. *Там же*. — № 11. — С. 2.
5. *Там же*. — № 21. — С. 3.
6. *Городская хроника // Сибирская торговая газета (далее СТГ)*. — 1913. — № 9. — С. 2.
7. *Городская хроника // СЛ*. — 1913. — № 22. — С. 1.
8. *Там же*. — № 24. — С.1.
9. *Городская хроника // СТГ*. — 1913. — № 44. — С. 3.
10. *Там же*. — № 48. — С. 3.
11. *Корреспонденция // Там же*. — № 59. — С. 3.
12. *Городская хроника // Там же*. — № 45. — С. 3.
13. *Городская хроника // СЛ*. — 1913. — № 26. — С. 2–3.
14. *Городская хроника // СТГ*. — 1913. — № 43. — С. 3.
15. *Там же*. — № 55. — С. 2.
16. *Городская хроника // СЛ*. — 1913. — № 112. — С. 3.

Л.А. БАРАНЕНКО

Москва

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: РЕФОРМЫ И РЕФОРМАТОРЫ

Высочайшим манифестом от 21 февраля 1913 года император Николай II учредил специальную награду — крест «За труды по сельскому хозяйству». Введением этой награды император хотел отметить заслуги перед Россией лиц, причастных к земледелию, невзирая на их сословие и социальный статус. Этот статут знака являлся характерной чертой эпохи — XX век подталкивал Россию к демократии. В манифесте провозглашалось: «Неизмеримы и несчетны заслуги перед Россией десятков миллионов ее пахарей, терпением и трудом коих благоустраивается земледельческий промысел и умножаются основные источники народного богатства» /1/.

Крест имел две степени и прилагающуюся к нему медаль, которая считается третьим классом знака.

Первая степень знака представляет собой покрытый темно-зеленой эмалью золотой крест по форме Георгиевского креста. На него наложен венок, внутри которого стоит с мечом в лапе грифон — символ семьи Романовых.

Вторая степень знака — серебряная медаль — представляет собой зеленый крест, наложенный на серебряную медаль с надписью на обороте: «21 февраля 1913 года “За труды по сельскому хозяйству”».

«Представление к нему (награждению) должно проходить через все инстанции Главного управления землеустройства и земледелия, поэтому до войны вряд ли успели провести даже несколько награждений, в войну авторы трудов в большинстве отправились в окопы <...> Были вручены один экземпляр медали и два или три знака второй степени <...>, а первой степенью никого не успели наградить <...>» /2, 3/.

В Москве в нумизматической коллекции Государственного исторического музея представлены этот знак и другие знаки отличия за крестьянский труд на земле. Данная сельскохозяйственная фалеристика Российской империи, представленная в ГИМе, отражает тот высокий уровень развития аграрной отрасли, которая создавала престиж страны во всем мире.

Предлагаемая работа содержит материал, отражающий проведение крупномасштабной аграрной реформы, призванной дать

следующий импульс процессу перехода российской деревни к организации современного сельскохозяйственного производства на основе превращения крестьян в реальных собственников своей земли. Эта была задача грандиозная, но трудновыполнимая даже для такой неординарной личности, как П.А. Столыпин, и осуществленная поэтому при его жизни лишь частично.

О том, что Россия до революции была крупнейшим экспортером зерновых и кормила своим хлебом Европу, общеизвестно. Ее называли житницей Европы. В России хлеба имелось на треть больше, чем в самых крупных сельскохозяйственных странах мира — Аргентине, Канаде, США, вместе взятых.

Сельское хозяйство как фундамент экономики соиздавалось, укреплялось и расширялось для здорового и рационального развития всех производительных сил страны. Государство не только не могло не прийти на помощь сельскому хозяйству таможенным, кредитным и другим покровительством, но именно из земледелия все усиливающимися темпами черпало средства для удовлетворения своих нужд и развития промышленности.

Российская империя уже тогда находилась в обстановке глобальных экономических процессов, влияние которых из года в год только усиливалось. Если бы государство не стало помогать крестьянам, не стало бы и страны. Государь Николай II, как хозяин земли Русской, понимал это. Он исходил из того, что все и всегда начинается с «хлеба насущного». «Нужды крестьянские близки сердцу нашему и не могут быть оставлены без внимания», — подчеркивал Николай II (Манифест от 3 ноября 1905 года «Об улучшении благосостояния и облегчения положения крестьянского населения»).

Вместе с тем известно «историческое» клише на предмет того, что Россия была тогда дремучей, отсталой, нищенской страной...

Феноменальный рост российской промышленности и сельского хозяйства за полтора десятилетия перед войной, особенно после 1906 года, теперь назвали бы «чудом». Об этом свидетельствуют независимые источники того периода.

В 1914 году в Париже вышла книга Эдмона Тэри «Россия в 1914 г. Экономический обзор». Французский ученый приводит убедительные данные об экономическом состоянии России и делает вывод: «К середине текущего столетия Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях».

Что до земельной реформы 1906 года, то до сих пор в исторической науке публицистический взгляд преобладает над строго науч-

ным /4/. Обсуждение Указа от 9 ноября 1906 года в Государственном совете как важный момент истории остается малоисследованным. В задачу данной работы не входит освещение дискуссионных вопросов, касающихся оценок аграрной реформы, начатой еще в ходе революции 1905—1907 годов правительством Столыпина. Между тем обращение к тому давнему обсуждению позволяет существенно скорректировать представление о борьбе вокруг реформы. «Общественность» не была монолитной и единой в своих оценках указа. Свежая память о крепостном праве становилась психологическим препятствием для перехода на новые формы хозяйствования и для помещиков, и для крестьян. Конечно, отмечалось и его «крупное государственное значение», он признавался «своевременной и необходимой мерой».

Говоря об аграрных преобразованиях, следует подчеркнуть, что государство и общество впервые повернулись лицом к деревне, оказывая ей финансовую и агрокультурную помощь.

Надо отметить, что земельная реформа 1906 года выявила множество недостатков в 45-летнем опыте общинного землепользования. Разнообразии противоречивых факторов, усугубляемое значительным ростом населения империи, в том числе сельского, побудило царское правительство дополнить Великую реформу 1861 года введением новой организации сельского хозяйства, которая создала бы в России частную собственность на землю в том виде, в каком она существует у всех больших аграрных наций Европы и Америки.

Император Николай II Указом от 30 мая 1905 года создал особый Совет по укреплению крестьянского землевладения. Цель состояла в том, чтобы облегчить для крестьян приобретение в личное владение тех участков, которые составляли их наделы. На первом заседании Совета отмечалось: «Обеспечить каждому крестьянину частное владение участками, закрепленными за ним миром, при одновременном объединении этих участков в единое хозяйство, и способствовать оному в приобретении земель, не относящихся к наделу. Создать на местах учреждения по обеспечению техническими средствами, специально ответственные за размежевание, за развитее и совершенствование сельскохозяйственных орудий и за практический инструктаж сельского населения, затрагиваемого реформой».

Среди мер первостепенной важности наиболее значительной была отмена Манифестом от 3 ноября 1905 года выкупных платежей за те наделы, которые крестьяне получили в 1861 году, хотя это

и сокращало государственный доход приблизительно на 80 миллионов рублей. Указом от 4 марта 1906 года были созданы губернские и уездные землеустроительные комиссии, ответственные за подготовку деталей реформы и за решение всех частных трудностей, которые могли возникнуть при ее проведении в различных районах империи. Комиссии действовали во всех уездах, где требовались работы по землеустройству. К январю 1912 года они существовали в 452 уездах, входящих в 47 из 50 губерний европейской части России.

Одновременно с организацией землеустроительных комиссий были введены другие меры, позволявшие крестьянам улучшать обработку земли и покупать землю сверх наделов. В течение многих лет с этой целью работал созданный еще в 1882 году Крестьянский банк, предоставляя крестьянам льготные ссуды для покупки земель у частных лиц. В дальнейшем функции банка были расширены и улучшены в пользу крестьян, имея в виду общие условия займов и ссуд.

Но не следует думать, что благодаря этим установлениям, закрепленным Указом от 9 ноября 1906 года и Законом от 14 июня 1910 года, крестьянин, ставший частным владельцем, мог как угодно распоряжаться приобретенной таким образом землей. Он мог продать землю только другому крестьянину, заложить ее только Крестьянскому банку и в этом случае был обязан полностью использовать ранее полученную ссуду на покупку новых или на улучшение уже принадлежащих ему земель.

Наконец, во избежание риска скупки земель спекулянтами Законом от 14 июня 1910 года установлено, что никто не может приобрести слишком большое количество земли и что одна семья имеет право на приобретение максимально 30 крестьянских участков.

Впрочем, российское правительство не удовлетворялось лишь одним облегчением превращения общинной собственности в единоличную, оно также предоставляло крестьянам материальную поддержку и содействовало повышению сельскохозяйственной культуры, формируя кадры агрономов, инструктирующих крестьян и помогающих им в улучшении обработки земли.

Государственная помощь проявлялась также в создании образцовых хозяйств, распространившихся теперь по всем губерниям, машинных депо и складов усовершенствованных земледельческих орудий, в улучшении качества скота и т. п. И, как результат, процесс выздоровления, прогресс в сельском производстве стал проявляться на всех уровнях, от самого большого хозяйства до самого маленького.

Например, импорт сельскохозяйственных машин и инструментов, который не превышал в 1906 году 20,7 миллиона рублей, достиг в 1911 году 57 миллионов рублей, и в то же время отечественное производство тех же самых машин и инструментов более чем утроилось между 1906 и 1911 годами, составив в последнем 61,5 миллиона рублей. В 1909 году сельскохозяйственных кооперативов, занимавшихся сбытом продукции, поставкой необходимых промышленных товаров, а также распространением сельскохозяйственных машин, насчитывалось около сотни, а в течение трех лет их было создано 703.

Правительство принимало конкретные меры по поощрению русского сельскохозяйственного машиностроения. С одной стороны, проводились мероприятия по удешевлению производства в России сложных сельскохозяйственных машин (локомотивов, керосиновых и нефтяных двигателей, молотилок, жней-сноповязок, жаток-самосбросок), а с другой — ставилась задача затруднить привоз сельскохозяйственных машин из-за границы. Локомотивы, выпускаемые на Мальцовских заводах (эти предприятия дали первые русские рельсы, первые русские паровики, установленные на Тульском оружейном заводе и в Санкт-Петербургском «Арсенале», первый винтовой двигатель для корвета «Воин»), не уступали не только германским, но и английским машинам.

Ситуация стала меняться: был взят курс на удешевление стоимости производства на наших заводах, поощрение постройки новых предприятий в России, установление премий за изготовление на русских заводах сельскохозяйственных орудий, облегчение пользования кредитом как при производстве, так и при торговле, то есть льготным кредитом. Осуществлялась льготная продажа машин российского происхождения с рассрочкой от трех до семи лет. Устраивались в широком масштабе выставки, конкурсы и испытания машин русского производства с назначением высоких денежных премий. В 1910 году в Омске прошла первая в Западной Сибири сельскохозяйственная и технико-промышленная выставка.

«Именно начиная с аграрной реформы 1906 г. сельскохозяйственный кредит развился в заметных размерах (это кредитные общества, ссудные кассы, местные кассы, земские кассы). Народный кредит был хорошо организован и доступен громадной массе населения» /5/. Как позже отметит последний министр финансов России П.Л. Барк: «За последние восемь лет с 1906 по 1914 гг. развитие народного кредита было поистине исключительным, даже просто сказочным».

Ход кредитных операций показал, какую выгоду может представить строительство специально оборудованных зернохранилищ с элеваторами, и правительство, заручившись поддержкой Государственного банка, а также заинтересованных министерств и ведомств, решило немедленно приступить к постройке в Самарской и Воронежской губерниях 13 зернохранилищ совокупной ссыпной емкостью 10,5 миллиона пудов (пуд равен 16,38 килограмма), что составило 1 720 000 центнеров. Помимо этих 13 зернохранилищ, построенных государством, правление Государственного банка приняло решение об открытии в течение четырех следующих лет 71 нового зернохранилища общей емкостью 48,3 миллиона пудов, или около 8 миллионов центнеров в следующих районах: в Заволжье — 23, в Саратове — 26, в Воронеже и Тамбове — 17, возле Симбирска и Пензы — 5.

Необходимо сказать, что сельское хозяйство для государя составляло предмет особого внимания. Императорское правительство понимало, что Русской земле надо было прокормить народ. Прирост сельского населения составлял 21%. Рост населения в целом по России и динамика роста возрастали. 50 губерний европейской части России давали, естественно, наибольший численный прирост населения в течение последующего десятилетия, но наибольший пропорциональный прирост населения приходился на Сибирь, где со времени русско-японской войны наблюдался значительный миграционный прилив. Таким же образом дело обстояло с Кавказом и особенно со Средней Азией.

Вот данные о росте численности населения Российской империи (человек):

1901 год — 137 462 000;

1911 год — 167 003 000;

1912 год — 171 060 000;

1913 год — 179 000 000.

Население увеличивалось повсеместно, а две переписи (1897 и 1911 годов) показывают, как и благодаря чему оно выросло.

Российская империя с ее главным богатством — народом — демонстрировала высокую рождаемость. Вот почему так заметно выросли потребности внутреннего рынка. Серьезно подвинулось личное потребление продуктов питания, что свидетельствовало о том, что уровень жизни трудовых сословий повышается день ото дня. Население потребляет самые разнообразные хлопчатые и льняные ткани, потребность в них растет благодаря росту населения и народного благосостояния. В Туркестане, окончательно при-

соединенном к Российской империи в 1881 году, культура хлопчатника удается на славу. Там строятся оросительные системы, идет прокладка новых железнодорожных линий, и роль туркестанского хлопка в национальном потреблении возрастает.

Вопросы повышения урожайности возделываемых культур, рационального земледелия, распространения сельскохозяйственных знаний, популяризации прогрессивных методов агротехники правительство держало на контроле. Была разработана система обучения и подготовки кадров для сельского хозяйства.

В доказательство этого достаточно указать суммы, отпущенные в 1907 и 1913 годах учебным сельскохозяйственным учреждениям на землеустройство и сельскохозяйственное производство, на поощрение промыслов.

*Кредиты, означенные в бюджете Министерства уделов
на 1907 и 1913 бюджетные годы (в миллионах франков)*

	1907 г.	1913 г.
Учебные сельскохозяйственные учреждения	5201	14 175
Землеустройство и организация производства	14 585	119 757
Поощрение промыслового хозяйства	481	5864
Итого:	20 267	139 796

Эти цифры настолько характерны и показательны для аграрной политики русского правительства, что их излишне комментировать.

Непредвзятое рассмотрение официальных статистических данных, представленных министром сельского хозяйства А.В. Кривошеиным, показывает, что за 10 лет значительный прогресс урожайности был достигнут по всем культурам. Среднегодовая продукция пшеницы в России возросла от 117 547 000 до 161 702 000 центнеров за период, прошедший между пятилетиями 1898–1902 и 1908–1912 годов, что показывает увеличение на 44 155 000 центнеров, или 37,5%. Средний экспорт пшеницы возрос за этот же период на 77,1%.

*Производство сельскохозяйственной продукции
в течение последних предвоенных лет (в миллионах центнеров)*

	1898—1902 годы	1908—1912 годы
Пшеница	117,5	161,7
Рожь	209,9	215,0
Ячмень	57,4	93,7
Овес	111,2	134,5
Кукуруза	11,9	17,2
Картофель	250,0	329,1
Сахарная свекла	74,5	105,8

Излишне говорить, что ни один из европейских народов не достигал подобных результатов, к тому же увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции было достигнуто без содействия дорогостоящей иностранной рабочей силы, как это имело место тогда в Аргентине, Бразилии, Соединенных Штатах, Канаде.

Эти успехи позволили России значительно расширить экспорт и сбалансировать его путем вывоза излишних продуктов питания. В том периоде необходимо выделить 10 губерний, крупнейших производителей зерновых в порядке их значимости: Херсон, территория Войска Донского, Екатеринослав, Самара, Бессарабия, Полтава, Таврида, Киев, Подолье, Тамбов. Они возглавляли производство пшеницы.

Особо стоит остановиться на развитии мукомольной промышленности. Она в России являлась одной из древнейших и важнейших отраслей. Достаточно указать, что не было ни одного села и деревни без одной или двух мельниц; до 2/3 двухмиллиардного урожая ржи и пшеницы перемалывалось на этих мельницах. Кроме общих экономических причин, обусловивших рост и оживление данной отрасли, к этому времени относится и переход от жерновой к вальцовой системе перемола, давшей толчок развитию крупного капиталистического мукомолья. Интересно, что еще в первой четверти XIX века русский изобретатель Миллер придумал мукомоль-

ные вальцы, которые через 50 лет произвели переворот в мукомольном производстве и были принесены в Россию как иностранное усовершенствование. Вскоре после этого появляются в России и первые паровые мельницы.

Главными центрами мукомольной промышленности являлись города: Нижний Новгород с его окрестностями, Саратов, Самара и далее по линиям железных дорог, Рыбинск, Сызрань, Казань, Царицын, Ярославль, Кострома, Тверь. Здесь сложилась крупная и солидная своими капиталами хлебная торговля. Здесь находились крупнейшие в России и в Европе паровые мельницы Башкирова и Бугрова. «Торговый дом Емельяна Башкирова с сыновьями» постоянно наращивал количественные и качественные показатели хлебной торговли на европейском рынке. Николай Александрович Бугров наряду с М.Е. Башкировым еще в 1897 году открыл для русских мукомолов лондонский рынок. После Нижегородской выставки 1896 года «Товарищество паровых механических мельниц Н.А. Бугрова» получило право изображения российского герба на рекламе и упаковках. Кроме того, правительство поручило поставлять хлеб для всей Русской армии.

К началу Первой мировой войны торговый дом «А.Н. Первушин и К^о» был одной из наиболее преуспевающих мукомольных фирм Урала и Сибири. В Сибири муку в основном сбывали в Иркутской губернии, Забайкалье и Приамурском крае. Самыми восточными пунктами сбыта были Сретенск, Якутск, станция Маньчжурия, южными — Андижан, Самарканд и Скобелев (ныне город Фергана).

На крупных самарских паровых мельницах, работавших на продажу, перерабатывалась главным образом пшеница в крупчатку, а в селениях на водяных и ветрянках — преимущественно рожь.

Главными потребителями самарских крупных мельниц являлись сама Самара, Верхнее и Нижнее Поволжье, Сибирь и местности по линиям железных дорог — Самаро-Златоустовской, Сибирской и Оренбург-Ташкентской, довольно большое количество самарской муки шло через Рыбинск к портам Балтийского моря и далее преимущественно в Великобританию.

В 1903–1907 годах мука пшеничная из России шла в Великобританию, Германию, Голландию, Грецию, Египет, Китай, Норвегию. Мука ржаная поставлялась в Великобританию, Германию, Норвегию; отруби — в Австро-Венгрию, Великобританию, Германию, Голландию, Данию, Швецию. Ситуация стала осложняться с

выходом на европейский рынок США и стран Латинской Америки. Под видом германской муки в Финляндию шла преимущественно американская мука на германских судах /6/.

Сырьевой и аграрный сектора экономики во внешнеторговом балансе Российской империи в начале XX века занимали ведущее место.

«Экспорт отечественного зерна, коровьего масла, птицепродуктов, кожи, меха на престижных в Европе Лондонском и Ливерпульском рынках исчислялся суммой от 300 тыс. до 4,5 млн фунтов стерлингов по разным видам товаров. Однако товары аграрных отраслей экономики, реализуемые на внешних рынках, не всегда приносили ожидаемый доход; здесь были налицо невыгодные для русских биржевых комитетов условия торговли по сравнению с другими государствами. Значительные убытки несли российские товаропроизводители на международном рынке в результате спекуляции иностранными фирмами рожью, пшеницей, ячменем, овсом, русским маслом, подсолнечником и льном.

Германия ввозила в Соединенное Королевство громадное количество пищевых продуктов, которые проследовали сюда из России транзитом через Германию. Некоторые российские биржевики зачастую отдавали предпочтение иностранным посредникам. Посредничество было невыгодно экспортерам российских сельхозпродуктов. Русским маслом на европейских рынках торговали датские, германские, английские фирмы. Имелись случаи подделки масла, наносившие серьезный ущерб авторитету российских поставщиков» /7/.

Экспорт живого скота, мяса и солонины из России возрастал с каждым днем. Официальная статистика отмечала рост числа свиней. Прогресс в результатах приписывался тому, что на корм свиньям стали употреблять отходы широко распространившегося молочного производства, а также отрубей и жмыхов, в избытке накапливающихся при возросшем производстве зерновых и масличных культур. К тому же российская солонина начинала все выше цениться за границей; а бекон, абсолютно неизвестный в России до 1907 года, изготавливался сейчас крупными предприятиями в больших количествах.

Для поддержания породистости скота выписывался молодняк из северных губерний, причем особой популярностью пользовалась холмогорская порода коров. Количество крупного рогатого скота достигло к 1914 году 300 000 голов (в годы Первой мировой войны резко сократилось).

Высокий уровень развития сельского хозяйства в Российской империи достигался за счет опытных работ сельскохозяйственных учреждений как основы развития земледелия и животноводства.

Наибольшее число опытных учреждений было открыто в северо-восточных губерниях — Вятской и Пермской. Открыто и три казенных опытных учреждения: Кавказская шелководственная станция, Сакарский питомник американских лоз, Караязское хлопковое опытное поле. Они преследовали практические задачи — заготовку посадочного материала и семян, а также вели научную деятельность.

Подробные сведения о сельскохозяйственных опытных учреждениях России впервые были собраны Департаментом земледелия летом 1910 года. Сведения поступили от 130 учреждений. О характере их деятельности можно судить по анкете 1910 года. /8/. Алфавитный перечень статей, помещенных в каждом томе с указанием фамилий авторов, говорит о том, что этот богатый и разнообразный материал предоставлен лучшими специалистами по сельскому хозяйству Российской империи.

Сельское хозяйство Российской империи демонстрировало на международном уровне высокое качество продуктов, что явилось итогом совместных усилий правительства и сельхозпроизводителей. 13 августа 1910 года Департамент земледелия принял план помощи молочной отрасли. Казна оказывала финансовую поддержку маслодельным предприятиям, совершенствовался санитарно-ветеринарный надзор за состоянием животных и качеством молока. Закупка иностранных животных, как явствует из докладов уездных управ, себя не оправдала ни по стоимости, ни по результатам практического использования. Вопросам качества молока, масла, сыра и других молочных продуктов уделялось большое внимание. Еще ранее, 12 мая 1909 года, Совет министров Российской империи учредил Комитет по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов.

В круг деятельности комитета входили: установление признаков нормы пищевых продуктов, обращающихся в России, всестороннее изучение и раскрытие способов фальсификации, разработка практических мер борьбы с нею, организация чтений, съездов, выставок, устройство лабораторий, издание книг и журналов. Осуществлялось постоянное представительство России в Международном конгрессе и организациях по борьбе с фальсификацией (в сентябре 1908 года в Женеве проходил 1-й Международный конгресс по борьбе с фальсификацией пищевых продуктов).

Что касается русского молочного производства, то в нем, как в зеркале, отражался тот искренний энтузиазм, с которым в середине XIX века люди, подобные Николаю Васильевичу Верещагину, отцу русского молочного производства; братьям Бландовым Николаю Ивановичу, Владимиру Ивановичу и другим, пускались в совершенно новое для них дело, не сулившее им порой никаких выгод, но удовлетворявшее их высокое право быть полезным своему Отечеству. Особую роль они сыграли в развитии маслодельной отрасли и сыроварения в России. Бландовскую простоквашу взяли на вооружение многие знаменитые врачи для лечения ряда заболеваний. Эти простоквашы также использовали для детского питания с целью предотвращения рахита, экзем и других заболеваний.

Венцом торгово-производственной деятельности Бландовых можно по праву считать золотую медаль Всемирной выставки в Париже в 1899 году и Гран-при за превосходное качество многих видов продукции на такой же выставке в 1900 году.

Совет министров разработал программу улучшения природных условий как способ борьбы с неурожаями (мелиоративные меры), рассматривал вопрос об орошении многих территорий, в том числе Голодной степи, и программу гидротехнических проектов (проект шлюзования порогов Днепра, технические проекты по очистке питьевой воды).

Таким образом, последствия всех мер, в том числе и «опытного русского дела» по сельскому хозяйству, дополнили Великую реформу 1861 года и обеспечили успех.

Государство почти полностью уничтожило подпольную перегонку спирта на всей территории империи и обеспечило качество поставляемого для потребления спирта, осуществляя с санитарной точки зрения наиболее практичный и эффективный контроль. И, возможно, как результат существования монополии, в России отмечался, по сравнению с другими европейскими странами, самый низкий уровень потребления алкоголя. В 1911 году на каждого жителя России приходилось в среднем потребление 2,76 литра чистого спирта, а на каждого европейца — 4,04 литра.

Конечно, монополия на спирт не уничтожила пьянство в России. Вместе с тем посещение немногих мест империи, в особенности во время торжественного путешествия по Волге от Нижнего Новгорода до Ярославля или в пределах Владимирской губернии, привели государя к заключению о том, что Россия «полна раскрытыми крестьянскими избами и являет признаки беспорной нищеты». Эти картины убедили императора в том, что корень зла

кроется в народном пьянстве, и из этого убеждения последовал вывод как о невозможности строить обогащение казны на народном пороке, так и о необходимости принять решительные меры к борьбе с ним.

Известно, что во время случайной беседы с А.С. Ермоловым, членом Государственного совета (1905–1916), когда последний упомянул о «диких» выступлениях графа Витте в Совете по поводу пьянства в России, государь, не обинуясь, ответил, что «он отлично понимает всю цену этого выступления и не менее ясно дает себе отчет в том, что никакие крики “караул” не помогут народному горю, а что нужно народ учить, помогать ему богатеть и развивать в нем самом трудовые инстинкты и стремление к накоплению ДОСТАТКА» /9/.

Великую реформу 1906 года планировалось завершить через 15–20 лет, но уже начало ее осуществления немедленно вызвало во всех уголках империи надежду на лучшее будущее и, следовательно, активность и желание трудиться, к чему крестьяне, связанные с общиной, постепенно теряли охоту. В России происходили масштабные мероприятия по освоению Сибири и Дальнего Востока. В 1906–1913 годах более 3 миллионов крепких крестьян, получив крупные ссуды, переселились на Восток, укрепляя тем самым русские начала на окраинах России.

Реформистский курс реализовывался в экстремальных условиях, в весьма непростой как внутривнутриполитической, так и международной ситуации, когда правительству П.А. Столыпина приходилось преодолевать разноуровневые трудности и препятствия. В стране сохранялась социальная и политическая напряженность, обусловленная борьбой между консервативно-охранительной и либерально-буржуазной тенденциями во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни. Пришлось сталкиваться с ростом недовольства оппозиции в Государственной думе и Государственном совете.

Несмотря на это, в 1909 году наметилась устойчивая тенденция к росту деловой активности, переросшая в подъем вплоть до начала Первой мировой войны.

Сама аграрная реформа послужила импульсом, не только внеся свой вклад в пробуждение сельского населения, но и дав толчок развитию отечественной промышленности. Последняя, как отрасль национальной экономики, не достигла исключительных результатов, подобно аграрному производству, но определенно продемонстрировала очень значительный прогресс. Она создавалась

в виде крупных заводов, на что обращали внимание европейские промышленники.

Таким образом, аграрная реформа 1906 года, так же как и различные либеральные мероприятия, проведенные в ту же эпоху под влиянием внешнеполитических и революционных событий, позволили России не только сгладить материальный ущерб от трех «черных лет» (1904–1906), но и подготовить рациональное использование тех огромных богатств, которые имелись в стране.

Современники отмечали тогда, «что еще 10 лет мира и дружной работы правительства, и Россия будет неузнаваема. Но уже и теперь ясно всякому, если только он не слепой от рождения, как быстро справилась страна с последствиями войны (1904–1905 гг.) и революции (1905 г.) и какими гигантскими шагами идет она вперед.

Как бурно развивается жизнь в русских поселках при сколько-нибудь значительных железнодорожных центрах!

Каким ключом бьет в Сибири жизнь, как богатеет край и как перерождается там все, что переселяется с коренной русской земельной тесноты» /10/.

Правительство заботилось о просвещении народа. 8 августа 1906 года Совет министров Российской империи принял решение о введении в стране всеобщего начального образования.

А вот данные, характеризующие благополучие населения России перед Первой мировой войной. Вклады населения в государственных сберегательных кассах, составлявшие в 1894 году 330,3 миллиона рублей, в 1914 году возросли до 1207 миллионов рублей. И это не считая 7 миллионов рублей в виде сбережений в частных банках и прочих форм накоплений, акций, ценных бумаг, золота и драгоценностей, которыми обладали представители самых разных кругов населения. Золотой запас России, насчитывавший в 1892 году, незадолго до вступления Николая на царство, 642 миллиона золотых рублей, к 1914 году увеличился до 1615 миллионов.

Известен факт: министр финансов П.Л. Барк во время войны в 1916 году обратился к царю с предложением ввиду тревожного времени устроить перевод значительных личных средств императора и его семьи за границу; государь, смотря прямо на него своими ясными глазами, спросил: «А вы, Петр Львович, переводите свои деньги за границу?». — «Я не имею морального права это делать». На что государь ответил: «А я, как Хозяин Земли Русской, тем более сделать этого не могу, и не хочу, и не сделаю». Все свое Николай II оставил в России.

Нельзя сказать, что правительство каким-то особым образом руководило экономикой и любой ценой добивалось высоких показателей. Государственный контроль, орган, в чьи обязанности входило наблюдение за правильностью и законностью поступления государственных доходов и производства расходов, свидетельствовал о превышении доходов над расходами. В 1910 году в России отмечался 100-летний юбилей Государственного контроля.

Успехам способствовало то, что инициативным, предприимчивым людям просто особо не мешали. Общая сумма налогов на одного жителя в России была более чем в два раза меньше, чем в Германии, Австрии или Франции, и в четыре раза меньше, чем в Великобритании. При этом в 1912 году превышение доходов над расходами в государственном бюджете составило 335 миллионов золотых рублей.

Однако эти успехи никого не радовали — за границей завидовали, а на родине их просто не замечали. «Прогрессивно мыслящие люди» того времени без конца твердили про «невыносимый гнет»... Эта вечная жажда перемен отворила государственные двери...

Реформы, проводимые в Российской империи, в том числе аграрные преобразования, могли быть более успешными при условии их продолжения. Крест «За труды по сельскому хозяйству», учрежденный 100 лет назад императором Николаем II, занимает особое место в наградной системе Российской империи.

Сегодня, когда идет процесс усиления государственности Российской Федерации, когда возрождаются традиции России, Указ об учреждении специальной медали для награждения работников сельского хозяйства, подписанный 10 марта 2004 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, явился важным событием в современной России.

Новая медаль стала именоваться, как и прежде, — «За труды по сельскому хозяйству».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Правительственный вестник. 1913. № 43. С. 1.*
2. *Можейко, И.В. Полн. собр. соч. Историческая серия / И.В. Можейко. — М.: Хронос, 1998. — Т. 5. Награды. — С. 252–260.*
3. *Скляров, А.Г. Награды выставок. Российская Империя. СССР. Российская Федерация / А.Г. Скляров. — М., 2004. — С. 3–7.*
4. *Бородин, А.П. Государственный Совет и Указ 9 ноября 1906 г. (Из истории аграрной реформы П.А. Столыпина) / А.П. Бородин // Отечественная история. — 1994. — № 2; Ананьич, Б.В. С.Ю. Витте и*

П.А. Столыпин — российские реформаторы XX столетия. Опыт сравнительной характеристики / Б.В. Ананьич // Звезда. — 1995. — № 6; Дякин, В.С. Деньги для сельского хозяйства 1892–1914 гг.: Аграрный кредит в экономической политике царизма / В.С. Дякин. — СПб., 1997. — С. 232–345.

5. Коковцов, В.Н. Из моего прошлого: воспоминания. В 2 кн. / В.Н. Коковцов. — М.: Наука, 1992. — Кн. 2. — С. 235.

6. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. — СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1912. — С. 741–752.

7. Королева, Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации русской деревни (1907–1914 гг.) / Н.Т. Королева. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 168–177.

8. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства... — Т. 12. — С. 1163–1166.

9. Коковцов, В.Н. Указ. соч. — С. 234.

10. Коковцов, В.Н. Указ. соч. — С. 450–452.

ЛИТЕРАТУРА

Особые журналы Совета Министров Российской Империи: 1906–1917 гг. / М.: РОССПЭН, 2000–2002.

Рогатко, С.А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России / С.А. Рогатко. — М.: Пищепромиздат, 1999.

Столыпин, П.А. Биохроника / П.А. Столыпин. — М.: РОССПЭН, 2006.

Тэри, Эдмон. Россия в 1914 г.: Экономический обзор. Перевод Н. Круглого. / Э. Тэри. — Paris: YMCA-PRESS, 1986.

Д.Н. КАТАРИН
Екатеринбург

С.Ю. ВИТТЕ И РЕФОРМЫ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1889–1903 ГОДАХ

В конце XIX – начале XX веков Российская империя приняла очередную попытку раннеиндустриальной модернизации. Это было вызвано требованиями реформирования экономических, политических, социальных и других отношений внутри страны, необходимостью создания неограниченного рынка наемного труда, ростом национального самосознания и политических интересов, эрозией традиционного мировоззрения, достижениями в научно-технической сфере и другими причинами.

Модернизация непременно должна была затронуть все экономические, политические и другие сферы жизни русского общества, в том числе и отечественные железнодорожные пути сообщения, роль которых в России в эпоху перехода от традиционного общества к индустриальному заметно возрастала. Они ускоряли процессы экономического развития, оживляли функционирование промышленности, сами являлись потребителями промышленной продукции, повышали производственные мощности отечественных предприятий, особенно металлургической и лесной промышленности. Строительство и эксплуатация железных дорог предоставляли работу и хлеб десяткам тысяч оторванных от земли крестьян, повышали мобильность социума, побуждали к активной экономической деятельности провинциальные районы, устанавливали и упрочивали хозяйственные связи между отдельными регионами государства.

В эпоху императора Александра III принципиальная политика по усилению роли государства в области железнодорожного транспорта оставалась неизменной. Воззрения Александра III на сущность реструктуризации железнодорожной отрасли суммировались в формуле: «Верховное руководство в железнодорожном деле должно принадлежать исключительно правительству» /1/. К числу основных правительственных мероприятий, способствовавших нормализации деятельности железных дорог в России в указанный период, относились проведение тарифной реформы (тарифный вопрос являлся наиболее актуальным в экономической жизни России), расширение государственной железнодорожной сети на

основе выкупа частных железных дорог в собственность казны и строительство новых железнодорожных линий за счет государства.

Большая заслуга в разрешении проблемы тарифной политики принадлежит С.Ю. Витте. Он предложил учредить при Министерстве финансов Департамент железнодорожных дел и передать в его ведение все вопросы установления тарифов и взаиморасчеты железных дорог и государства. Его предложения были рассмотрены особым совещанием с участием министра путей сообщения Г.Е. Паукера и членов Государственного совета. 8 марта 1889 года император Александр III одобрил закон о тарифной реформе и назначил Витте директором Департамента железнодорожных дел. Все руководство тарифным делом сосредоточилось в Министерстве финансов, при котором были созданы специальные учреждения: Совет по тарифным делам, Тарифный комитет и Департамент железнодорожных дел /2/.

Тогда же в качестве основополагающего направления тарифной платы Витте выдвинул следующие идеи: единство тарифной формулы, необходимость дифференцированного исчисления провозных плат в зависимости от расстояний пробега грузов (снижение тарифных ставок на дальние расстояния); целесообразность распределения рынков между районами с целью предоставления каждому району выхода к портам для сбыта своей продукции /3/.

В 1889 году при первом общем пересмотре правительством хлебных тарифов провоз экспортного хлеба был удешевлен на 1,5 миллиона рублей; средняя ставка установлена в 1/57 копейки с пуда за версту, по этой цене перевозилось 68,5% экспортируемого хлеба. А в 1893 году Министерство финансов во время пересмотра тарифов 1889 года приняло — в целях ограждения интересов помещичьих хозяйств Центральной России от конкуренции хлеботорговых окраин — двойственную систему хлебных тарифов для вывозных и внутренних сообщений. Они были построены с таким расчетом, чтобы за центральным земледелием закрепить внутренние потребительские рынки, а хлеб из отдаленных районов интенсивнее направлять на международный рынок /4/. В целом новые провозной таможенный тариф, хлебные и другие дифференцированные тарифы ставили стоимость провоза грузов в обратной пропорции к поперстному расстоянию их следования, то есть тарифные ставки на провоз продукции понижались с увеличением расстояния.

В 1890 году Витте ввел в России поясной пассажирский тариф, позаимствовав его идею у австрийцев (другое его название — австро-венгерский пассажирский тариф); по сути, он повторял

фото М.В. Махленко

*Выступление Д.Н. Катарина
на заседании объединенной секции*

товарный дифференцированный тариф. Реформа привела к успеху: количество перевезенных пассажиров возросло с 55 632 в 1894 году до 10 570 000 в 1900 году, выручка — с 57 255 до 88 327 000 рублей, а валовый доход на версту пути — на 2159 рублей, или 15% /5/, то есть реформа не только не привела к убыткам, а, наоборот, принесла прибыль! И хотя в целом пассажирские перевозки оставались убыточными, но убытки русских железных дорог были меньше убытков зарубежных дорог. Так, в 1896 году на 1 пассажиро-версту при самых низких тарифах приходилось убытков: в России — 0,21 копейки, в Германии — 0,33, во Франции — 0,34, в Австро-Венгрии — 0,48 копейки /6/. Новый тариф позволил активнее привлекать пассажиров к пользованию вагонами II класса, сделать доступными дальние поездки (стоимость билета для пассажиров, отправлявшихся на расстояние свыше 3000 верст, понижалась вдвое!), снизить злоупотребления и поднять доходы дорог с пассажирских перевозок.

Изменились и правила перевозки скота, принятые в обновленном виде в 1892 году. Отныне расчет количества скота в вагонах производился не по весу, а по количеству голов. Именно тогда на вагонах появилась надпись, обозначающая их вместимость: «40 человек или 8 лошадей» /7/. Это позволило избежать злоупотреблений, облегчило расчет необходимого количества вагонов и стоимости перевозки живого скота. Поштучный расчет позволил комфортно размещать скот и до минимума снизить его транспортный травматизм.

Для развития инициативы железнодорожников и мелкого торгового предпринимательства законом от 14 июня 1888 года правительство разрешило железнодорожной администрации широко развивать ссудно-складочно-комиссионную деятельность. Казенным и частным железным дорогам было предоставлено право

выдачи денежных ссуд и авансов, ассигнуемых для этих целей из Государственного банка (а позднее и из коммерческих банков) под залог перевозимых по ним хлебных грузов. Разрешалось устраивать особые зернохранилища (элеваторы) для хранения экспортируемого хлеба на срок до шести месяцев за плату не свыше 1/3 копейки за пуд в месяц. Позднее, в 1890-е годы, по инициативе Витте эти правила неоднократно пересматривались, уточнялись и дополнялись /8/.

В 1890-х годах Витте в 1,6 раза увеличил доходы казны (с 1 168 800 000 рублей в 1892 году до 1 857 200 000 рублей в 1899 году) без взвинчивания налогов. Особое внимание уделялось публичной финансовой отчетности. Демонстрация финансового благополучия способствовала расширению кредита. Миллиарды рублей были привлечены в хозяйство страны в форме внутренних и внешних займов, а также иностранных инвестиций, что позволяло и впредь финансировать промышленный подъем, а также значительно расширять государственные ассигнования на хозяйственные и военные нужды. Так, бюджеты министерств финансов и путей сообщения возросли с 1892 по 1899 год почти втрое, а доля их в государственных расходах — с 17 до 29% /9/.

По воспоминаниям самого Витте: «Дефицит, который был в железнодорожном деле и который простирался до 48 млн руб., в течение того времени, когда я был директором Департамента железнодорожных дел, а потом министром путей сообщения и министром финансов, был совсем уничтожен» /10/.

Достижениям и успехам Витте во многом способствовали нестандартные приемы, к которым он прибегал в своей деятельности. Как вспоминал чиновник канцелярии Совета министров П.П. Менделеев, «более выдающегося по своим природным способностям человека среди русских государственных деятелей я не встречал. Широка кругозора, практическая сметка, своеобразный, не укладывающийся в общие рамки ход мышления, быстрое схватывание самой сущности вопроса, способность найти в нем такие стороны, которые остались до того никем не замеченными. Продуманность большей части принимаемых решений. Упорная настойчивость и смелость в проведении их в жизнь. Исключительная трудоспособность, неудержимое стремление к творческой, созидательной работе в самом широком масштабе. Неисчерпаемый родник новых мыслей, планов, предложений. Готовность отказаться от тех из них, нецелесообразность или неисполнимость которых ему будет доказана. Чуткое внима-

ние к чужим мнениям, ко всему, что покажется ему интересным у других» /11/.

На общем фоне несовершенной и плохо управляемой бюрократической машины Министерство финансов выгодно отличалось более компетентным составом, осведомленностью, связями с деловыми кругами. Здесь Витте, как и в Департаменте железнодорожных дел, добивался права комплектовать личный состав не по сословно-чиновничьему принципу, а по знаниям и опыту практической работы, что ему в значительной степени удавалось. Секрет успехов незнатного дворянина Витте заключался также в его богатой одаренности, помноженной на блестящее образование, исключительную работоспособность и неукротимую энергию /12/.

Экономический подъем 1990-х годов был непосредственно связан со вторым в истории России громадным подъемом железнодорожного строительства. При этом основной упор государство делало на постройку железных дорог в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. За период с 1893 по 1900 год включительно было выстроено 20 500 верст новых железных дорог, а железнодорожная сеть России увеличилась на 70%, в том числе казной — 9500 верст, или 45% от всего прироста железнодорожной сети /13/. К концу 1899 года в Европейской России действовало 41 515 верст дорог, в Сибири, на русском Дальнем Востоке и в Средней Азии — 7409 верст, в Финляндии — 2508 верст /14/.

За 1890—1900 годы на железнодорожное строительство и реконструкцию железнодорожного хозяйства было израсходовано 2,5 миллиарда рублей. Общая сумма капиталовложений в железнодорожную сеть страны к 1900 году достигла 4,8 миллиарда рублей, из них около 3,4 миллиарда рублей (70%) приходилось на государственные железные дороги /15/.

Строительство железных дорог ускорило объединение экономических районов. К началу XX столетия в стране образовалось несколько крупных транспортных узлов: Петербургский, Московский, Прибалтийский, Западный (Польский), Южный (Харьковский), Юго-Западный, Кавказский и Уральский, связавших сложившиеся к тому времени экономические районы России /16/.

Вместе с тем необходимо отметить следующее: с конца 1880-х годов вплоть до 1917 года руководство железнодорожным делом было расчленено между тремя ведомствами: Министерством путей сообщения, Министерством финансов и Государственным контролем. В Министерстве финансов рассматривались важней-

шие экономические вопросы — тарифы, финансирование и сметы строительства новых дорог. Государственный контроль осуществлял финансовый контроль, проверял железнодорожную отчетность, подводил баланс доходов и расходов на казенной железнодорожной сети. В ведении Министерства путей сообщения (МПС) находились технико-эксплуатационная и хозяйственная сферы железнодорожного дела; также в нем было сосредоточено и все административное управление казенной железнодорожной сетью. До 1899 года все железнодорожное строительство было подчинено руководству и надзору трех органов в системе МПС: Управлению казенных железных дорог (строительство казенных железных дорог), Департаменту железных дорог (надзор за частным железнодорожным строительством) и Управлению по сооружению Сибирской железной дороги /17/.

Слабым местом в управлении казенной железнодорожной сетью было отсутствие правильной организации коммерческо-эксплуатационной деятельности железных дорог.

В 1892 году, после назначения министром путей сообщения, Витте провел реформу местного административного управления: местная железнодорожная инспекция была упразднена, функции инспекторов возложены на управляющих частными железными дорогами и начальников казенных линий, а на центральную инспекцию — наблюдение за исправным состоянием железных дорог и строгим выполнением железнодорожного законодательства /18/.

В 1899 году было утверждено новое положение об учреждении Министерства путей сообщения, согласно которому ликвидировались Департамент железных дорог и институт инспекции железных дорог. Во вновь созданном Управлении железных дорог сосредотачивалось все руководство технической и хозяйственной эксплуатацией железных дорог. Контроль за железнодорожным строительством должно было осуществлять Управление по надзору за сооружением железных дорог /19/.

Таким образом, период 1889—1903 годов смело можно назвать «эпохой Витте», строившего экономику при активном содействии развитию железнодорожного транспорта. Успешная реформаторская деятельность С.Ю. Витте способствовала тому, что железные дороги наращивали свои транспортные мощности, расширяли способности для увеличения провоза пассажиров, товаров, грузов и, таким образом, предоставляли все больше возможностей для развития экономики Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кислинский, К.А. *Наша железнодорожная политика по документам Комитета министров* / К.А. Кислинский. — СПб., 1902. — Т. 1. — С. 3.
2. Соловьева, А.М. *Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в.* / А.М. Соловьева. — М., 1975. — С. 164.
3. Китанина, Т.М. *Тарифная реформа на железнодорожном транспорте* / Т.М. Китанина, Н.К. Фигуровская // Витте С.Ю. *Собр. соч. и док. м-лов. В 5 т.* — М., 2006. — Т. 1. *Пути сообщения и экономическое развитие России*, кн. 2, ч. 2. — С. 16.
4. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 166–167.
5. Мигулин, П.П. *Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы (1893–1902)* / П.П. Мигулин. — Харьков, 1903. — С. 339.
6. Там же. — С. 334–335.
7. Августынюк, А. *Стальные магистрали. История и организация железнодорожного транспорта* / А. Августынюк. — Л., 1951. — С. 109.
8. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 168–169.
9. Игнатъев, А.В. *Витте — дипломат* / А.В. Игнатъев. — М., 1989. — С. 79.
10. Витте, С.Ю. *Избранные воспоминания. 1849–1911* / С.Ю. Витте. — М., 1991. — С. 169.
11. Ананьич, Б.В., Ганелин Р.Ш. *Сергей Юльевич Витте и его время* / Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин. — СПб., 1999. — С. 133.
12. Там же. — С. 109.
13. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 251.
14. *Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России с приложением карт и графических изображений.* — СПб., 1900. — С. 4.
15. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 251.
16. Бескровный, Л.Г. *Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала* / Л.Г. Бескровный. — М., 1986. — С. 114.
17. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 262.
18. Фролов, А.Н. *Тарифы и собственная стоимость железнодорожных перевозок* / А.Н. Фролов. — СПб., 1908. — С. 124.
19. Соловьева, А.М. *Указ. соч.* — С. 263.

П.И. КОСТОГРЫЗОВ

Екатеринбург

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1906 ГОДУ: УРОКИ НЕУДАВШЕЙСЯ РЕФОРМЫ

Реформа, проводимая в критический момент жизни страны, может быть спасительной, а может и ускорить наступление катастрофы. В начале XX века Россия переживала глубокий кризис, обернувшийся в конечном счете крупнейшей в ее истории катастрофой. В разгар политической смуты верховной властью было проведено серьезное преобразование государственного строя. Историки до сих пор не пришли к единой оценке значения этой реформы и той роли, которую она сыграла в развитии дальнейших событий по самому драматичному сценарию. Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо выяснить, какие задачи ставились в ходе преобразований и были ли они решены.

То, что государственная система Российской империи в начале XX века нуждалась в реформировании, было очевидно всем. Система эта явно не соответствовала задачам, стоявшим перед стремительно модернизирующейся страной. Ее коренным недостатком являлась тотальная бюрократизация. По сути, никаких других механизмов управления, кроме бюрократических, на общегосударственном и губернском уровнях не существовало (на уровне городов, волостей и уездов действовало выборное самоуправление). К этой основной проблеме в конечном счете сводились все частные проблемы, которые призвана была решить реформа.

Конкретные цели реформы были сформулированы в нескольких высочайших указах и манифестах. Первый из них, Высочайший указ от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», в числе прочих задач называл: а) «принять действительные меры к охранению полной силы закона, — важнейшей в Самодержавном Государстве опоры Престола, — дабы ненарушимое и одинаковое для всех исполнение его почиталось первейшею обязанностью всех подчиненных Нам властей и мест, неисполнение же ее неизбежно влекло законную за всякое произвольное действие ответственность»; б) «предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведовании различными сторонами местного благо-

устройства»; в) «пересмотреть изданные во времена беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка исключительные законоположения, применение коих сопряжено с значительным расширением усмотрения административных властей» /1/.

Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г. добавлял к этому: г) «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы»; д) «чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей» /2/.

Можно констатировать, что верховная власть правильно понимала суть проблемы и выбрала вполне адекватные пути ее решения. Стержнем программы реформирования государственного строя стала идея деbüroкратизации управления. Были намечены три линии, по которым должен идти этот процесс: укрепление законности; постановка административных органов (читай: бюрократии) под действенный контроль; создание институтов народного представительства на всероссийском уровне и расширение прав местного самоуправления.

Законность, провозглашаемая в качестве принципа, по крайней мере со времен Екатерины II, в начале XX века по-прежнему оставалась слабым местом русской государственно-политической системы. Министрам предоставлялись весьма широкие дискреционные полномочия, позволявшие им на практике действовать вопреки писаным законам «в обстоятельствах чрезвычайных». Чиновники более низкого ранга, хотя формально и были связаны нормами права, но на деле привлечь их к ответственности за правонарушение можно было только с дозволения их начальства. Кроме того, с 1881 года действовало «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», вводившее в целом ряде местностей состояние усиленной или чрезвычайной охраны, «сопряженное с значительным расширением усмотрения административных властей». Все это создавало широчайшие возможности для чиновничьего произвола, чем российская бюрократия активно пользовалась, и далеко не всегда в интересах государства /3/.

Система контроля за деятельностью административных органов существовала (прежде всего в лице созданной еще Петром I прокуратуры), но не была достаточно эффективной, в первую

очередь потому, что сама являлась частью чиновно-бюрократического аппарата. Для того чтобы такой контроль стал действенным, его следовало осуществлять извне этой структуры. И наиболее естественным решением было поручить его осуществление выборным органам народного представительства, которые предстояло создать.

Эти органы призваны были выполнить еще одну важную задачу — установить непосредственное взаимодействие народа и верховной власти, разрушив пресловутое «бюрократическое средостение» между ними, подвергавшееся суровой критике со стороны русских политических мыслителей как консервативного, так и либерального направления, начиная со славянофилов. «Единение Царя и народа», провозглашенное одним из устоев политической и идеологической системы империи еще министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, обречено было оставаться лишь пропагандистским штампом до тех пор, пока народ вынужденно безмолвствовал, не имея полноценного представительства.

На проведение реформы и в первую очередь на ход работ по законодательному оформлению обновленного государственного строя оказали значительное влияние революционные события 1905 года. С одной стороны, они ускорили введение давно назревших преобразований, с другой — привели к таким кодификационным ошибкам, которые не только исказили первоначальный план реформ, но и стали едва ли не фатальными для Российской империи.

Венцом реформы стало издание 23 апреля 1906 года новой редакции основных законов Российской империи. Она несла в себе столь непримиримые противоречия, что юридическая наука и политическая практика не смогли выработать единого подхода к интерпретации самих основ обновленного государственного строя. В отечественном государствоведении сформировалось два направления в толковании «первой российской конституции»: одно определяло форму правления Российской империи как конституционную монархию, другое — как неограниченную. В результате Россия просуществовала последние 11 лет до катастрофы 1917 года с «двоящейся конституцией»: одна часть общества считала, что живет при ограниченной монархии, и в соответствии с этим оценивала действия главы государства, например, воспринимая Высочайший манифест 3 июня 1907 года как государственный переворот; другая продолжала жить при неограниченном самодержавии. Ситуация, наверно, уникальная в истории конституционного права.

Одним из самых последовательных критиков «конституции 1906 года» был известный публицист консервативного направления, теоретик монархической государственности Л.А. Тихомиров. В целом ряде статей он подробнейшим образом проанализировал все несообразности новой редакции основных законов.

Главную причину ее внутренней противоречивости Тихомиров видел в стремлении кодификаторов «к ограничению Царской власти, а вместе с тем невозможности сделать это явно и открыто, заменив уничтоженную Царскую власть какой-либо другой, равносильной для потребностей государства» /4/. Как результат, оказывается невозможным согласовать без натяжек ряд важнейших статей, определяющих полномочия императора и его взаимоотношения с законодательными палатами. Так, статья 4 гласит: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть <...>» /5/. В то же время статьи 7, 86 и 87 существенно ограничивают полномочия императора в законодательной сфере, а статья 11 устанавливает весьма узкие пределы его действиям в порядке верховного управления /6/.

Таким образом, проводится юридически и логически бессмысленная операция — попытка ограничить верховную власть, результатом чего, по мнению Тихомирова, стала фактически ее ликвидация. «Верховная власть по ее существу у Императора отнята», но никакого другого ее носителя обновленные основные законы не создали. «Верховной власти, таким образом, совсем не оказывается, а если так, то нет и государства, и если определять юридически смысл конституции 1906 года, то приходится сказать: она постановила Основным законом, что Россия есть не государство, а нация, находящаяся и обязанная находиться в состоянии анархии» /7/.

Если сам текст основных законов давал простор для взаимоисключающих толкований, то ситуация с текущим законодательством осложнялась так называемым чрезвычайно-указным порядком, или «законодательством по 87-й статье». Целый ряд важнейших политических мероприятий (в том числе столыпинская аграрная реформа, введение земства в западных губерниях и др.) проводился правительством «по 87-й статье», то есть не нормальным законодательным порядком, предписанным основными законами, а путем указов, имеющих временный характер и издаваемых в период думских «каникул», впоследствии таким же образом пролонгируемых.

В случаях, когда Государственная дума или Государственный совет не давали согласия на правительственный законопроект, Совет министров инициировал перед императором прекращение

занятий Думы и представлял законопроект непосредственно на подпись государю. Такой «эрзац-закон» должен был вноситься на одобрение законодательных палат в течение двух месяцев после возобновления работы Думы. Как правило, одобрения добиться вновь не удавалось и объявлялся новый перерыв в заседаниях Думы, чтобы продлить действие указа тем же порядком.

Таким образом, вместо укрепления законности реформа привела к расшатыванию «основы законов», размыванию самого понятия закона. Страна вынуждена была жить по временным правилам, что лишало правовую систему одного из важнейших ее свойств — стабильности. «Мы, в сущности, уже и сами не знаем, что у нас есть закон и что не закон», — писал Тихомиров /8/.

Вторая задача — установление над администрацией эффективного контроля — также не была решена. Средства контроля, предоставленные Государственной думе, оказались весьма ограниченными: право думского запроса распространялось лишь на некоторых высших должностных лиц и касалось только случаев наличия в их действиях признаков прямого нарушения закона. Но даже и в этих случаях привлечь к ответственности министра, не давшего удовлетворительного ответа на запрос, Дума не могла. Местные представительные органы — земства и городские думы — вообще никаких контрольных полномочий не получили, и бюрократия на местах продолжала контролировать саму себя, как и в дореформенное время.

Что касается третьей задачи — создания народного представительства, то, казалось бы, таким органом стала Государственная дума. Но насколько адекватно она в действительности представляла интересы и чаяния народа? Можно полностью согласиться со словами Тихомирова: «Вся ценность народного представительства зависит от того, насколько оно проводит в государственную жизнь мысль чисто народную и попечение о нуждах действительно народных» /9/.

Надо признать, что Государственная дума в том виде, как она была конституирована основными законами Российской империи в редакции 23 апреля 1906 года, с этой задачей справлялась крайне плохо. Либеральные и социалистические партии использовали думскую трибуну фактически для революционной пропаганды, блокируя законотворческую работу. Только после роспуска первых двух дум и изменения избирательного закона удалось ввести деятельность представительного органа в конструктивное русло. Однако недостатком новой системы выборов стало то, что самые

многочисленные классы населения — крестьяне и рабочие — не получили адекватного представительства.

Итак, приходится констатировать, что ни одна из поставленных задач в ходе реформы государственного строя России 1904—1907 годов не была решена. Не была достигнута и ее генеральная цель — модернизация государственного аппарата за счет его решительной деbüroкратизации. Напротив, высшая бюрократия империи сумела направить вектор реформы в выгодное для себя русло, фактически саботировав «предначертания», данные царем в высочайших указах и манифестах.

Неудача реформы, в свою очередь, вызвала дальнейшую дестабилизацию политической жизни, расшатывание основ правовой системы и правосознания населения, способствовала углублению кризиса российской государственности, став в конечном счете одним из факторов, приведших к ее краху.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. — Т. XXIV. — С. 1196—1198.
2. Там же. — Т. XXV. — Отделение 1. — С. 754—755.
3. Кравец, И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века / И.А. Кравец. — М., 2000. — С. 41—42.
4. Тихомиров, Л.А. О недостатках конституции 1906 года / Л.А. Тихомиров // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. — М., 1999. — С. 144.
5. Свод Законов Российской Империи. — СПб., 1912. — Кн. 1. — Т. 1. — Ч. 1.
6. Там же.
7. Тихомиров, Л.А. Указ. соч. — С. 155.
8. Там же. — С. 144.
9. Тихомиров, Л.А. Два типа народного представительства / Л.А. Тихомиров // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии... — С. 193.

М.Н. НАЧАПКИН
Екатеринбург

РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА
Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков,
В.В. Шульгин, Н.Е. Марков
О ЛИЧНОСТИ НИКОЛАЯ II
И ПРИЧИНАХ СВЕРЖЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

После свержения монархии в России прошло уже 96 лет. Все это время не утихают научные споры о причинах Февральской революции, поведении во время нее Николая II, роли либеральных и социалистических партий в свержении самодержавия. Почему царя не удалось свергнуть в ходе Первой русской революции 1905—1907 годов, а во время Февральской 1917 года революции это стало возможным? За объяснениями, на наш взгляд, полезно обратиться к воспоминаниям непосредственных участников и очевидцев этих событий — русских консервативных мыслителей.

Основные темы дневниковых записей Льва Александровича Тихомирова (1852—1923): политическое и социально-экономическое положение России во время войны, размышления о причинах военного поражения, состоянии верховной государственной власти, работе правительства, деятельности различных политических партий и политических сил, изменении общественных умонастроений. Вину правительства Тихомиров видел в плохом снабжении населения предметами первой необходимости: «Губернаторы воспрещают вывоз и провоз. Никто ничего не может продать, никто ничего не может купить, нечем кормить людей, нечем кормить лошадей, а сено, овес, хлеб — гниют и пожираются крысами. Это какие-то неисправимые глупцы, не способные понять — где нужна власть, и что она не должна вмешаться» /1/.

Лев Александрович внимательно следил за политическими событиями. Его интересовало положение в доме Романовых. Отмечая утрату авторитета и влияния Николаем II, он выделял необычайную популярность в народе великого князя Николая Николаевича

К концу жизни Тихомиров глубоко разочаровался в окружающей его действительности. Он понял, что его монархические идеалы оказались никому не нужны. Свои горести он изливает 12 апреля

на страницах дневника: «Весь век я жил, имея цели и ставя их себе, и думал, будто был я для чего-то нужен на свете... Прежде я даже воображал, будто я что-то “сделал”, написал... Оказывается, что это все нуль, иллюзия, нечто ни на что не нужное и даже никому неизвестное» /2/.

Одной из важных тем дневника являлось осмысление положения русских войск. Тихомиров внимательно следил за всеми изменениями линии фронта. В апреле 1915 года он писал о военных действиях в Прибалтике и среди недостатков русской армии выделял отсутствие плана военных действий и инициативы, слабость и бесланность командного состава.

Судьба России живо интересовала Тихомирова. Он постоянно следил за ней, думал о ней. При этом признавал, что понять политическую эволюцию России ему очень трудно: «В ней идут процессы сложные, неясные. Партийные люди их оценивают по своей мерке. Я же умом и сердцем стою вне партий, и меня лишь привлекает мысль о всенародной сущности» /3/.

Какие же вопросы современной жизни России волновали Льва Александровича в 1915 году? Он перечисляет их в дневнике: «Жива ли в народе религиозная вера? Живет ли в его сердце царский принцип? Каковы чувства междусословные? Развивается ли принцип народного представительства? В каком направлении складывается идея справедливости, права, долга?» /4/. На все эти вопросы в народе он видит противоречивые ответы.

Тихомиров старался спрогнозировать итоги войны. Ее исход, по его мнению, будет зависеть от единства общества. Так, Германия действует вся как один человек, а Россия разрознена и в ней каждый себе на уме. Тихомиров сетовал на то, что в России не было центра всенародного единения. Хотя Николая II люди жалели и хотели ему помочь, «но мысль о нем, как о человеке способном помочь России, — кажется, почти исчезла. Его слабость представляется, быть может, даже в преувеличенном виде» /5/.

Кроме того, Тихомиров поддался царившей в то время в стране шпиономании: «А мы, т. е. Россия, вдобавок переполнены немцами в правительственных сферах, в армии, во всех функциях страны. Кто из этих немцев не изменник, если не явный, то в глубине души?» /6/.

Среди других причин, делающих победу России в мировой войне почти невозможной: отсутствие ощутимой помощи со стороны союзников артиллерией и снарядами, упадок духа перед немцами в различных слоях общества, отсутствие военных гениев

среди генералов, духовный разлад между властью и народом. Особенно его тревожило исчезновение авторитета царской власти: «Против его личности никто, кажется, искренне ничего не имеет. Но как правитель, как Царь, — его авторитет исчез. В 1612 г. тяжкая война привела к воскресению Монархии; здесь, по-видимому, война приведет к падению Самодержавия» /7/.

Тихомиров сомневался в победе России и из-за подрывающей силу власти деятельности кадетов: «Мы — погибли. Наша гибель — не в одних ошибках правительства, а еще больше во внутренней разложенности русского так называемого образованного общества... Теперь в передовых (т. е. «кадетских») слоях идет безумная политическая спекуляция в целях упразднить Самодержавие и добиться либеральной конституции с ответственным министерством» /8/. Деятельность кадетов подрывала власть, а значит, и оборону страны. Критикуя Николая II за неспособность противостоять разрушению страны, Тихомиров считал, что ему нужно отказаться от престола и назначить регентом великого князя Николая Николаевича.

Беспокойство Тихомирова за судьбу страны и безопасность семьи усиливается в 1916 году. 26 февраля он пишет, что не верит в победу России и прогнозирует неизбежность внутреннего разгрома в форме пугачевщины. В заметках за 1916 год Тихомиров подробно пишет о шпиономании, толпах беженцев, падении солдатской дисциплины, упадке духа и деморализации, возросших внешних долга государства. Без военных успехов, делает он вывод, спасение России невозможно. Однако их не было: «Ох, плохо, если у нас не будет военных успехов! Без них власть, столь слабая, не посмеет встать на ноги и всех привести в порядок. Паршивые эти наши союзники. Только вяжут нам руки, а толку из них ни малейшего. О Господи, дай помощь! Идем на дно» /9/.

Кроме того, пессимистический прогноз о будущем России был связан у Тихомирова с низким качеством правящего класса: «Весь наш верхний класс, дворянский и промышленный, — ловкий на всякое хищничество — лишен идеи, самосознания, идеологов» /10/.

Январские страницы дневника за 1917 год полны критики как Государственной думы с ее либералами и социалистами, беспощадно эксплуатирующими тяжелое политическое и экономическое положение страны, разжигающими страсти у населения, так и отсутствия у Николая II твердой политики. Тихомирова не устраивали непрерывные переходы от «уступок» к «нажимам». Кроме того, частая смена министров не могла не привести к анархии.

27 февраля 1917 года, комментируя продолжавшиеся беспорядки в Петрограде, он пишет: «Безумное Правительство, но и безумная Государственная дума тоже хороша. В такое время начинать междоусобную войну!» /11/. Лев Александрович с горечью отмечал, что династия Романовых сгнила до корня и что ему суждено своими глазами увидеть конец старой России.

Другого консерватора, журналиста газеты «Новое время» Михаила Осиповича Меньшикова (1859–1918), не устраивало то, что после 1905 года Россия стала копировать парламентский путь западных стран, путь партийной демократии: «<...> вся государственность наша и культура до религии включительно, теряют неудержимо свою национальность. Иностранное и инородческое во всем начинает подменять собою коренное русское, самобытное» /12/.

Дореволюционная Россия была охарактеризована Меньшиковым как страна больная, гибнущая. Неизбежность краха всей дореволюционной государственности была вызвана повальной безграмотностью крестьянства, повальным пьянством всех сословий и слепым рабством их перед властью, коррупцией, деревянным равнодушием генералов и адмиралов к интересам государства.

Для Меньшикова его судьба как человека и журналиста была неразрывно связана с Россией. Он чувствовал и свою ответственность за все разрушительное, что произошло: «Разве ты не знал лично министров, растерянных, равнодушных, цепляющихся за свой пост при явной неспособности наладить дело? Разве ты не пережил этих политических убийств? Разве не убедился в жалком бессилии общества, интеллигенции, бутафорского, нечестно и глупо подобранного парламента? Разве ты не убедился в низости и безверии церковной иерархии и в глупости царя?.. И если, видя всю эту внутреннюю гниль и возмущаясь ею, ты не бежал из гнилого омута, стало быть, тем самым, ты признал неразрывность твою с ним... Вот оценка твоей родины и тебя вместе с ней» /13/.

Затрагивалась в дневнике и тема крушения монархии. При чтении складывается впечатление, что самодержавие было для Меньшикова отжившей формой правления: «Крушение Российской Империи. Оно было тысячу раз предсказано и, наконец, совершилось. Плохо связанная, она распалась подобно всем империям, не исключая Римской... Судорога мировой войны, осложненной, по-видимому, мировой революцией, показывает, что старая государственность отходит...» /14/.

Для Михаила Осиповича было ясно, что все эти революционные потрясения и поражения в войне связаны с характерными

особенностями самого народа. Русский народ сочетает в себе крайности: с одной стороны, бесконечное терпение, с другой — склонность с жестоким, беспощадным, ничем не ограниченным бунтам: «Наша русская драма в том, что в жизни идет вечная борьба между храмом и публичным домом; между молитвой и похабной песнью, между матерью и распутной девкой» /15/.

Происшедшие в 1917 году революции являлись для Меншикова глубоким подтверждением многолетнего процесса деградации общества. Немаловажное значение имело и то, что народные массы были одурманены алкоголем: «Бунт народный есть буйство алкоголиков, не имеющих чем опохмелиться» /16/.

Личность отрешенного императора Николая II не вызвала у Меншикова положительной оценки: «Боже, до чего я был прав, чувствуя задолго до войны глубоко возмущенное и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан, идущий в узком фарватере и передающий неверный курс на штурвал. Роковой человек!» /17/. Он критиковал Николая II за слабоволие, измену монархии.

Свое отношение к последнему императору Меншиков более обстоятельно объясняет в дневниковой записи от 23 июня 1918 года: «Встревоженное настроение. В “Молве” настойчивые слухи об убийстве Николая II <...> Жаль несчастного царя — он пал жертвой двойной бездарности — и собственной, и своего народа. Будь он или народ, или еще оба вместе поумнее, не было бы никакой трагедии... Николай читал мою статью “Кто кому изменил?” В ней я доказывал, что не мы, монархисты, изменили ему, а он нам. Можно ли быть верным взаимному обязательству, которое разорвано одной стороной? Можно ли признавать царя и наследника, которые при первом намеке на свержение сами отказываются от престола? Точно престол — кресло в опере, которое можно передать желающим. Престол есть главный пост государственный... Тот, кто с таким малодушием отказался от власти, конечно, не достоин ее. Я действительно верил в русскую монархию, пока оставалась хоть слабая надежда на ее подъем. Но как верить в машину, сброшенную под откос и совершенно изломанную?» /18/.

Хотя Меншиков и осуждал Николая II за измену принципам самодержавия, за успешное и без сопротивления отречение от престола, он с большим сочувствием отнесся к сообщениям о гибели царя и его семьи в Екатеринбурге. Так, 24 июня 1918 года он записал в дневнике: «Неужели Николай II убит? Глубинам сове-

сти народной, если остались какие-нибудь глубины, будет нелегко пережить это кровь... Впрочем, кто его знает, — может быть, по нынешней психологии народной, чего доброго, еще гордиться будут, бахваляться!» /19/.

Его поражала чрезмерная жестокость этих людей. Об этом Меньшиков писал на страницах своего дневника: «Николай II расстрелян... Тяжелая тоска на сердце. Зачем эта кровь? Кому она нужна?.. Почему же даже Персия предоставила свергнутому шаху уехать, а у нас непременно лишили свободы и, наконец, жизни монарха, которому когда-то присягали?.. Без суда, без следствия, по приговору какой-то кучки людей, которых никто не знает... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимые, глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения... Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры “Человека не на месте” я не знаю» /20/.

Для Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) революция и падение монархии были связаны, прежде всего, с поражением во время войны: «Война явно проигрывалась неспособным царским правительством и высшим командованием, а разруха в промышленности и на транспорте все более усиливалась» /21/. Оказавшись в 1944 году в СССР, он говорил на допросах, что, возможно, «<...> члены царской фамилии, и в первую очередь императрица, замешаны в измене» /22/.

Серьезный урон авторитету династии нанесли слухи о том, что министров назначает не царь, а Распутин, являвшийся к тому же сторонником заключения сепаратного мира с Германией. Нежелание Николая II идти навстречу требованиям «Прогрессивного блока» о назначении министров с согласия Государственной думы привело, по мнению Шульгина, к длительному конфликту между Думой и верховной властью. Своей неправильной кадровой политикой, выразившейся в «министерской чехарде», «<...> царь достаточно скомпрометировал себя, и для того, чтобы спасти монархию, надо передать престол новому царю» /23/. В протоколе допросов от 15 января 1945 года он хотел представить отречение Николая II как постепенно созревшее желание самого царя: «Военное поражение, повлекшее за собой резкий экономический упадок страны, и назревший правительственный кризис вызвали у царя стремление к отречению от престола» /24/.

В своих воспоминаниях, протоколах допросов Шульгин явно с симпатией характеризовал цели «Прогрессивного блока», ни

слова не говорил о заговоре политиков и военных против царя. Думаю, что в словах Шульгина о якобы желании самого Николая II отречься от престола мало правды. Нельзя верить Шульгину и в другом его высказывании о стремлении любыми средствами сохранить монархию. Получив царский манифест о передаче власти Михаилу Александровичу, он прекрасно понимал, что в условиях страны, охваченной революцией, реализовать его невозможно.

Для Николая Евгеньевича Маркова (1866—1945), лидера Союза русского народа, Февральская революция стала возможной в силу нескольких причин: предательства либерально настроенной бюрократии и военных, составивших вместе с партиями «Прогрессивного блока» заговор против царя; слабости и легковерия Николая II, позволившего себя обмануть и подписавшего гибельный для страны Манифест от 17 октября 1905 года: «Так или иначе, правительственная бюрократия в большинстве своем стала на сторону государственной думы, значит, на сторону конституции и постепенного разрушения самодержавия» /25/.

Марков утверждал, что конституция и планомерная предательская деятельность либерального большинства Государственной думы погубили Российскую империю. Либеральное окружение государя (Витте, Коковцов) враждебно относилось к Союзу русского народа, и эта народная монархическая партия очутилась в положении партии «антиправительственной». Бюрократия разъединила царя с верным ему народом. Беда Николая II состояла в том, что он «<...> не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии организаций народной самообороны» /26/.

Во время Первой русской революции противники самодержавия действовали явно и открыто. Открытость их нападения на Россию вызвала тогда противодействие со стороны всех патриотических сил. После роспуска второй Государственной думы в 1907 году наступил 10-летний конституционный период, в ходе которого была подготовлена Февральская революция. Действовавшие в Государственной думе масоны (А.И. Гучков и др.), используя тяготы Первой мировой войны, искусно сеяли в войсках недовольство, подрывали авторитет Николая II. Марков писал: «<...> преступная жажда власти руководила этим беспринципным стадом ослепленных честолюбцев и изменников монархии» /27/.

На основании изученных материалов можно сделать вывод о том, что в представлениях консерваторов начала XX века Николай II не был той сильной, волевой личностью, с помощью которой можно было бы преодолеть обрушившиеся на Россию испытания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А.В. Репников. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. — С. 48.*
2. *Там же. — С. 54–55.*
3. *Там же. — С. 72.*
4. *Там же. — С. 72.*
5. *Там же. — С. 72.*
6. *Там же. — С. 72.*
7. *Там же. — С. 86.*
8. *Там же. — С. 106.*
9. *Там же. — С. 98.*
10. *Там же. — С. 211.*
11. *Там же. — С. 343.*
12. *Меньшиков, М.О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи / М.О. Меньшиков. — СПб.: Русская симфония, 2007. — С. 139.*
13. *Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв.). — М.: студия «Тритэ»; Российский архив, 1993. — Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. — С. 19.*
14. *Там же. — С. 18.*
15. *Там же. — С. 139.*
16. *Там же. — С. 35.*
17. *Там же. — С. 138–139.*
18. *Там же. — С. 152.*
19. *Там же. — С. 153.*
20. *Там же. — С. 169.*
21. *Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова. — М.: Книжница. Русский путь, 2010. — С. 258.*
22. *Там же. — С. 257.*
23. *Там же. — С. 202.*
24. *Репников, А.В. «...Как ярый враг большевиков» (из следственного дела В.В. Шульгина) / А.В. Репников, В.С. Христофоров // Россия XXI. — 2007. — № 5, сент.-окт. — С. 161.*
25. *Марков, Н.Е. Войны темных сил: Статьи. 1901–1937 / Н.Е. Марков. — М.: Москва, 2008. — С. 151.*
26. *Там же. — С. 148.*
27. *Там же. — С. 177.*

Л.А. ДАШКЕВИЧ
Екатеринбург

ПОМОЩЬ РОМАНОВСКОГО КОМИТЕТА ДЛЯ ПРИЗРЕНИЯ СИРОТ СЕЛЬСКОГО СОСТОЯНИЯ ПРИЮТАМ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния был создан высочайшим указом от 21 февраля 1913 года «в ознаменование трехсотлетия со дня всенародного избрания на царство первого государя из Дома Романовых». Комитет находился под высочайшим покровительством императора Николая II. Председатель и члены комитета были назначены государем 2 марта 1914 года, закон об организации утвержден 19 апреля 1914 года. Руководство Романовским комитетом было возложено на Анатолия Николаевича Куломзина, видного государственного и общественного деятеля того времени. Он состоял членом Государственного совета, а кроме того, был еще и известным историком, автором нескольких книг по экономической истории России.

В комитет вошли 49 человек, представители государственного чиновничества, аристократии и крупного купечества. Среди них — М.М. Алексеенко, В.М. Андреевский, Ф.Н. Безак, Э.П. Беннигсен, В.А. Бобринский, А.Г. Булыгин, Г.Г. Витте, В.М. Волконский, С.А. Гербель, В.И. Герье, С.Е. Крыжановский, А.А. Куломзин, А.А. Меллер-Закомельский, В.В. Мусин-Пушкин, А.А. Пиллар-фон-Пильхау, Я.Н. Ростовцев, Н.Ф. Сухомлинов, Ф.А. Уваров, А.П. Урусов, Н.А. Хомяков, С.Д. Шереметев, Я.Е. Эрдели и другие.

Первоначально комитет предназначался для помощи бедным сельским детям без различия их национальностей, состояний и вероисповеданий, «а равно для объединения правительственной, общественной и частной деятельности в этом направлении». Позже благотворители стали участвовать также «в призрении некоторых категорий несчастных, как то глухонемых, слепых, душевнобольных и идиотов, ныне остающихся без помощи». Пособия выдавались не лицам, а организациям — земствам, сельским обществам, братствам, церковно-приходским обществам, попечительствам.

Вступление России в Первую мировую войну расширило границы благотворительной деятельности организации. Романовский

фото А. Г. Зубов

*Выступление
д-ра ист. наук Л.А. Дашкевич
на выездном заседании в Алапаевске*

дрил 63 приюта, в сельской местности — 380. В приютах с сельским укладом жизни, подведомственных комитету, призревалося 13 322 питомца, в городских — 4402 /1/.

Не остались без помощи Романовского комитета и уральские приюты. Самые крупные средства он перевел Оренбургскому губернскому попечительству детских приютов. С 1894 года Оренбургский губернский приют принимал только девочек. Места для размещения мальчиков в приютском здании не хватало, и в городе они могли рассчитывать только на поддержку частных благотворителей. После начала Первой мировой войны попечители обратили внимание на бедственное положение сирот-мальчиков, особенно тех, кто лишился родителей во время военных действий, и, обсудив ситуацию, решили начать строительство нового здания. За помощью губернское попечительство обратилось в Романовский комитет. Ходатайство не осталось без ответа. Комитет выделил на возведение нового дома приюта для мальчиков 20 000 рублей, на его оборудование — 11 250 рублей. Помимо того, губернское попечительство смогло собрать еще 30 000 рублей в виде благотворительных пожертвований. Строительство нового дома было закончено в 1915 году. Часть вакансий для размещения в нем выделили детям беженцев и погибших воинов.

комитет вошел в Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, и стал выделять помощь не только сельским, но и городским учреждениям, если в них находились сельские сироты и дети воинов. В 1914 году ассигнования Романовского комитета на благотворительные цели составили 500 000 рублей, из них 300 000 комитет получил от Верховного совета по призрению, 5000 — непосредственно от императора. Впоследствии общая сумма ассигнований комитета выросла до 2 миллионов рублей. К январю 1916 года в городах страны комитет учре-

В 1915 году в Оренбургском приюте содержались 48 мальчиков и 49 девочек. Попечительница приюта Н.И. Ледер добилась выделения дополнительного финансирования для приюта из средств губернского земства (3000 рублей) и Оренбургского губернского комитета Всероссийского земского союза (9250 рублей). Помимо того, были собраны частные пожертвования (до 10 000 рублей), что позволило создать надежную основу для дальнейшего существования детского заведения. Надо заметить, что во многом оно снабжало себя самостоятельно. При приюте были открыты столярная, слесарная, переплетная, сапожная, чулочная и трикотажная мастерские, а также столовая с кухней для обучения девочек кулинарному мастерству /2/.

В Пермской губернии Романовский комитет помогал сельским приютам. В годы войны количество их воспитанников существенно увеличилось за счет детей погибших воинов. Наиболее крупное пособие среди детских заведений губернии выделили в 1915 году Белоярскому сельскому приюту (1600 рублей). Это заведение было первым и, пожалуй, самым известным в России сельским детским заведением. Долгое время им руководил Петр Михайлович Ерогин, земский начальник одного из участков Шадринского уезда, выступивший с инициативой создания в стране учреждений помощи сельским сиротам. В 1898 году, учитывая заслуги П.М. Ерогина в поддержке сельских сирот, Главное попечительство детских приютов прикомандировало его для работы в своем ведомстве. Он разрабатывал проект нормального устава сельских приютов для всей России. Белоярский приют, основанный Ерогиным в 1894 году, неоднократно получал поддержку центральных ведомств. Его деятельность освещалась на страницах журнала «Вестник благотворительности».

Финансирование Белоярского сельского приюта осуществлялось в основном на деньги крестьян Шадринского уезда. По призыву земского начальника они согласились ежегодно вносить на содержание заведения по 3 копейки с души, что составляло около 400 рублей в год. К финансированию приюта присоединилось и уездное земство. На собранные деньги был построен и оборудован необходимым инвентарем дом. Дети получали здесь начальное образование и навыки почти всех крестьянских ремесел: мальчики обучались сапожному, переплетному и шорному делу, прядению ниток, плетению циновок, корзин, шляп, девочки — кройке, шитью, ткацкому и белошвейному ремеслу, ведению домашнего хозяйства /3/.

В 1896 году деятельность приюта была поддержана Министерством земледелия и государственных имуществ. По докладу министра приюту выделили 46 десятин земли и материалы для строительства летнего домика. В октябре 1897 года в арендное пользование приют получил еще 157 десятин земли /4/. В 1902 году Белоярское сельское попечительство выстроило для приюта отдельную кузницу и здание учебной мастерской, в которых наладили обучение детей кузнечному и столярному делу /5/. Целью приюта было не только обучение детей определенным приемам ремесла и сельского хозяйства, но и передача им новых знаний и технологий. Для ткацких работ сельское попечительство приобрело самопрядильные и ткацкие самолетные станки новой модификации, для молотьбы — конную молотилку, для провеивания — усовершенствованную веялку «Бостонка». Белоярский приют имел свой семенной банк /6/.

Романовский комитет выделил денежную помощь и некоторым другим сельским приютам Пермской губернии, однако, ее размеры не были значительными. В 1914—1915 годах удовлетворялись ходатайства о помощи попечительств: Катайского сельского (640 рублей), Осинского уездного (730 рублей), Юго-Осинского сельского (735 рублей), Кудымкорского сельского (130 рублей), Чердынского уездного (900 рублей) /7/.

В Вятской губернии наибольшую поддержку Романовского комитета получило Глазовское уездное попечительство: в 1915 году 3125 рублей на нужды Озоно-Чепецкого приюта. В то же время помощь Бобинскому сельскому попечительству составила лишь 525 рублей, Вятскому уездному попечительству на нужды Ржано-Поломского сельского приюта — 775 рублей/8/. Объяснялось это, как и в случае с Белоярским приютом, активной позицией самого попечительства, руководившего приютом.

В центре хорошо знали и не раз отмечали работу Озоно-Чепецкого приюта. Детское заведение приняло первых воспитанников 11 марта 1907 года. По инициативе председателя уездного съезда земских начальников, руководителя Глазовского уездного попечительства Н.И. Барановского попечители решили посвятить создающееся детское заведение рождению цесаревича Алексея Николаевича, чем привлекли внимание благотворителей. Торжественные события в жизни императорской семьи традиционно сопровождалась в России всплеском активности жертвователей. Взносы в поддержку Озоно-Чепецкого сельского приюта поступали из разных городов Вятской губернии. Так, в 1909 году

супруга вятского губернатора Анна Евграфовна Горчакова пожертвовала в пользу приюта 468 рублей 64 копейки, вятский и слободской епископ Филарет передал 800 рублей, собранные духовенством Елабужского, Вятского и Орловского уездов. Пополнялся бюджет детского заведения и за счет продажи приютских изделий. Для этого был установлен киоск на станции Чепец.

Местность, которую благотворители избрали для размещения приюта, была одним из самых живописных уголков Вятской губернии. Руководитель попечительства, посетивший приют, так описывал окружающую его природу: «Среди необозримого казенного леса, при почтовом тракте, открылась поляна, носившая название царской, может быть, потому, что в летнее время поляна эта пестрела цветущими розами и другими ягодными и травянистыми растениями. Поляна эта с окружающим ее лесом, в общем площадью в пять десятин, по высочайшему повелению, следовавшему 6 июня 1905 г., и была отведена под устройство приюта. На право открытия приюта последовало высочайшее повеление 5 мая 1906 г.» /9/.

Здание приюта было рассчитано на 25 человек, однако заведение приняло гораздо больше детей. В Глазовском уезде, пострадавшем в 1904 году от страшного неурожая, оказалось очень много сирот и бесприютных детей. Попечительство было буквально завалено просьбами с мест о помощи, а крестьяне, приходившие к благотворителям, иной раз просто оставляли детей в канцелярии. Не имея возможности принять всех нуждавшихся, руководители попечительства решились «втиснуть в приют сверх нормы еще 15 питомцев», хотя и этой уступкой не удовлетворили даже десятой части полученных ходатайств.

СOLIDНУЮ помощь создававшемуся детскому заведению оказали Глазовское городское общество и местное земство. Город выделил сельскому приюту ежегодное пособие в 50 рублей, уездное земство — в 200 рублей. Помимо этого, по решению уездного земского собрания здесь была учреждена стипендия «имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». Губернское земство вступило в число почетных членов попечительства с уплатой ежегодного взноса в 100 рублей. На земские средства в приюте была оборудована мастерская, где стали обучаться не только воспитанники детского заведения, но и приходящие ребята.

В 1909 году в качестве почетных членов уездного попечительства состояли 11 человек. Среди них были не только богатые вятские купцы (Козьма Игнатьевич Лаптев, Василий Александрович

Тимофеев), но и представители губернского чиновничества, местного и столичного духовенства, в том числе духовник императорской семьи протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев. Благотворители создали при приюте три сиротских стипендии — «имени Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны», «имени Княгини Анны Евграфовны Горчаковой, супруги Вятского губернатора», «имени генерал-адъютанта Михаила Дмитриевича Скобелева».

Таким образом, можно признать, что Романовский комитет, находившийся под непосредственным покровительством императора Николая II, стал одним из элементов социальной поддержки на Урале. Он оказал посильную финансовую помощь детским заведениям, особенно тем, которые работали с новой для России категорией нуждающихся — детьми, лишившимися родителей во время военных действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Керзум А.П. Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния [электронный ресурс] // <http://www.encspb.ru/article.php?kod=2806469070>.

2. Отчет по ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством, за 1914 и 1915 годы. — СПб., 1916. — С. 24, 86.

3. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством, за 1898 год. — СПб., 1900. — С. 53.

4. Там же. — С. 54.

5. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством, за 1902 год. — СПб., 1904. — С. 80.

6. Алферова, Е.Ю. Призрение сирот в дореволюционный период / Е.Ю. Алферова // *Население России и СССР: новые источники и методы исследования: Сб. науч. ст.* — Екатеринбург, 1993. — С. 76.

7. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством, за 1914 и 1915 годы. — СПб., 1916. — С. 85.

8. Там же. — С. 81.

9. Отчет Вятского губернского попечительства о находящихся в его заведовании детских приютах за 1909 год. — Вятка, 1906. — С. 80.

А.М. КРУЧИНИН, Н.А. КРУЧИНИНА

Екатеринбург

БРИТАНСКИЙ КОНСУЛ Т.Х. ПРЕСТОН О СУДЬБЕ СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

Вот уже два десятилетия в России идет интенсивное изучение обстоятельств гибели семьи Романовых от рук большевиков летом 1918 года. В научный оборот постоянно вводятся новые материалы: документы, воспоминания современников и археологические данные, которые проливают свет на различные стороны этого трагического события. Одним из его современников, оставивших свидетельства о гибели семьи Романовых, был консул Великобритании в Екатеринбурге Томас Хилдебранд Престон.

Т.Х. Престон родился 2 июня 1886 года в Эппинг Форесте (графство Эссекс). Его предки были выходцами из графства Суффолк, вошедшими в XIV веке, во время правления короля Эдуарда III, в состав местной знати. С 1640 года они владели поместьем Бистон Сент-Лоренс в графстве Норфолк. Джейкоб Престон был одним из четырех доверенных лиц, которые прислуживали королю Карлу I в заключении, и получил на память об этом королевский перстень с изумрудом. В 1815 году Престоны получили титул баронета Соединенного Королевства. Отец Томаса Хилдебранда был младшим сыном 2-го баронета и служил лейтенантом в Гордонском хайлендском полку.

Родители Т.Х. Престона отдали сына в привилегированную Вестминстерскую школу в Лондоне. Его интерес к России и русскому языку сформировался в юношеском возрасте, когда по приглашению родственника по матери, служившего британским консулом в черноморском городе Батуми, он работал в консульстве и побывал во многих местах Закавказья. В 1907 году Престон вернулся в Великобританию и поступил в Кембриджский университет, где стал изучать филологию и современные европейские языки. После окончания университета он принял предложение отправиться на работу в золотоплатиновой отрасли на Урал и в Сибирь.

В апреле 1913 года Престон, уже находясь в России, был назначен вице-консулом Великобритании в Екатеринбурге, а в 1916-м стал консулом и занимал эту должность до июля 1919 года, то есть до эвакуации «белого» Екатеринбурга. Вернувшись в 1921 году в Великобританию, продолжал работать на дипломатическом

поприще. С 1930 по 1941 год был поверенным в делах в Литве, а в 1941—1948 годах — советником британского посольства в Каире. После выхода в отставку жил в Лондоне. В 1963 году после смерти двоюродного брата унаследовал семейный титул, став 6-м бароном. Всю жизнь увлекался музыкой, был лично знаком со многими композиторами и сам написал музыку к балету «Гном-гренадер», шедшему в Лондоне в 1935 году. Скончался сэр Томас Престон в 1976 году. В 1950 году издательство «Джон Марри» в Лондоне выпустило книгу мемуаров Т.Х. Престона, названную им «На сцене» и посвященную его дипломатической службе.

Главу своих мемуаров под названием «Конец Николая Романова» Престон посвятил обстоятельствам пребывания царской семьи в Екатеринбурге и ее гибели. Глава начинается с того момента, как уполномоченный ВЦИКа комиссар В.В. Яковлев привез Николая Александровича, Александру Федоровну и их дочь Марию с несколькими слугами в Екатеринбург и как большевистские комиссары, члены Уральского областного совета, принимали привезенных и переправляли их в дом Ипатьева. Престон был лично знаком почти со всеми комиссарами, сыгравшими ведущую роль в последующих трагических событиях: А.Г. Белобородовым, Ф.И. Голошекиным, Ф.Ф. Сыромолотовым, Г.И. Сафаровым, П.Л. Войковым и С.Е. Чуцкаевым.

Описывая обстоятельства прибытия Романовых из Тобольска в Екатеринбург, Престон останавливается на встречах с их приближенными — баронессой С.К. Буксгевден, Ч.С. Гиббсом и П. Жильяром, которых екатеринбургские большевики сразу же после приезда 23 мая удалили от царской семьи. Баронесса и учителя Гиббс и Жильяр часто приходили в британское консульство и обсуждали с Престоном возможные способы спасения семьи. Естественно, консул осознал, что при наличии в городе большого красноармейского гарнизона и слежке чекистов попытка побега была бы сопряжена со смертельной опасностью для царской семьи. Теперь мы хорошо знаем, как большевики искали повод для убийства и, не найдя его, были вынуждены сами придумывать провокацию с письмами от заговорщиков-офицеров. В этих обстоятельствах усилия Престона в деле помощи царской семье ограничивались представлением протестов Уральскому областному совету от себя лично и в качестве дуайена от имени всего дипломатического корпуса.

Далее Престон описывает дом инженера Н.Н. Ипатьева, пребывание в нем Романовых и постепенно подводит читателя к обстоятельствам их убийства большевиками в ночь на 17 июля

1918 года. Нужно отметить, что все это британский консул излагает в основном по книге следователя Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», которая была впервые издана в 1925 году и достаточно хорошо известна за границами Советской России. Престон работал над своими воспоминаниями спустя 30 лет после событий 1918 года и писал их по памяти. В своей книге он часто путает даты и события Гражданской войны в России, но в главе, посвященной убийству царской семьи, называет их точно, так как пользуется работами Соколова, генерала М.К. Дитерихса и Жильяра, учившего цесаревича французскому языку.

Сам Престон не мог знать больше того, что было известно екатеринбуржцам, жившим в те дни в городе, и больше, чем удалось выяснить белому следствию. Но все-таки факты, приведенные в его воспоминаниях, позволяют уточнить некоторые детали событий лета 1918 года, о которых все еще продолжают спорить исследователи романовской темы. Так, он рассказывает, как смог бросить быстрый взгляд из окна на бывшего императора, когда машины, везущие Николая Александровича, Александру Федоровну и Марию, проезжали мимо консульства. Поскольку британское консульство располагалось в доме № 35 по Вознесенскому проспекту, напротив дома Общественного собрания, то становится ясно, что маршрут автомобильного кортежа со станции Екатеринбург-III проходил по Покровскому проспекту (ныне улица Малышева) с поворотом на Вознесенский проспект (ныне улица К. Либкнехта).

Далее видно, что британский консул пытался хоть как-то облегчить жизнь царской семьи, неоднократно заявляя дипломатические протесты членам президиума Уральского областного совета Белобородову и Чуцкаеву, которые заверяли Престопа, что о Романовых хорошо заботятся и их жизни ничто не угрожает. Призывая в свидетели Жильяра, консул рассказывает, как ему пришлось выдерживать борьбу с комиссарами, причем последние даже высказывали в его адрес угрозы.

Также консул приводит ценные сведения об обстоятельствах убийства. Поскольку только четыре здания отделяли дом Ипатьева от особняка британского консульства, то обитатели последнего в ночь на 17 июля могли видеть, что около дома установлены пулеметы, а усиленные караулы никого к нему не пропускали.

Престон присутствовал на митинге в Оперном театре, где Голощекин и Сафаров заявили об убийстве бывшего императора Николая II. По словам консула, на митинге проявлялось мало энтузиазма как в поддержку, так и в осуждение последнего импе-

ратора. Свидетельство Престона совершенно противоречит словам большевиков о том, что сообщение о расстреле было встречено бурным выражением восторга. Молчание публики, присутствовавшей на митинге, объяснялось, по мнению Престона, двумя причинами: во-первых, люди жили под властью террора и не могли высказывать мнение, противоположное большевистскому, а во-вторых, действовала лживая большевистская пропаганда, извращавшая отношение царской семьи к старцу Распутину.

Услышав официальное подтверждение слухов об убийстве бывшего императора Николая II, Престон поспешил на екатеринбургский телеграф, откуда послал телеграмму министру иностранных дел Великобритании, но тут же консула пригласили на встречу с Голощекиным. Комиссар показал консулу его же телеграмму с исправленным текстом: «палач Николай был казнен по законному приказу народного совета». Разговор получился острым, и консул понял, что ни эта, ни другие его телеграммы не попадали по назначению. Видимо, правительство и король Великобритании имели другие источники информации о происходивших в России событиях, так как сведения об убийстве они получили достаточно быстро.

После возвращения Престона в Великобританию в феврале 1921 года король Георг V принял бывшего консула в Екатеринбурге и заслушал доклад о его работе в России. Согласно строгим правилам, пересказывать свой разговор с королем Престон не имел права, не вдавался он в подробности и 30 лет спустя, когда писал свои воспоминания.

В целом, вполне очевидно, что мемуары Престона ориентированы на западного читателя: они передают лишь общую канву пребывания Романовых в Екатеринбурге, разбавлены некоторыми живописными эпизодами, в основном связанными с жестокостями большевиков, и подчеркивают благородную роль англичанина, пытавшегося даже в совершенно безнадежных обстоятельствах как-то повлиять на ситуацию.

В.В. СЕМЯЧКОВА

Екатеринбург

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАМСКИХ КРУЖКОВ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Л. Пушкарева, описывая историю всероссийского женского движения в XIX – начале XX века, отмечает, что общественные организации, созданные женщинами, появились лишь после Первой русской революции 1905 года — на так называемом «этапе зрелости» /1/. Как отмечает О.С. Поршнева, женские благотворительные организации Пермской губернии отличались тем, что руководство ими осуществляли сами женщины /2/. К их числу относились и дамские комитеты при местных комитетах Российского общества Красного Креста и органах местного самоуправления. В годы Первой мировой войны они сыграли особую роль в деле оказания помощи военнослужащим и членам их семей. Это было связано с тем, что вдовствующая императрица Мария Федоровна уделяла большое внимание земским и городским союзам, которые с началом войны возглавили помощь больным и раненым воинам.

Наше внимание будет уделено изучению деятельности одной из таких организаций — «дамских кружков», которые занимались сбором пожертвований для отправки на фронт. В данном сообщении освещена деятельность дамских кружков Екатеринбургa, Кунгура и Камышлова.

Одним из самых активных и крупных дамских кружков Пермской губернии был Екатеринбургский, образованный в первые месяцы после начала войны. Его основу составляли жены и дочери уральских предпринимателей: Салея Агафурова, Лидия Беленькова, Мария Беренова, Екатерина Бурдакова, Елизавета Жирякова, Александра, Вера, Екатерина, Лидия, Мария и Ольга Злоказовы, Елизавета Ларичева, Евгения Макарова, Александра Перушина и другие. Меньшую часть — педагоги (Анастасия Беренова и Анна Климшина), жены чиновников и врачей (Вера Арнольдова, Александра Падучева, Лидия Рупинская).

Фактически кружок открылся 5 октября, и уже 19–26 октября 1914 года его участницы организовали «Неделю белья». Помимо белья было пожертвовано 66 золотых и серебряных вещей, разыгранных в лотерею, выручка от которой также пошла на изготов-

ление белья. После этой разовой акции дамы сформировали постоянно действующий кружок с целью отправки подарков в действующую армию.

Председателем кружка стала Лидия Никифоровна Злоказова, ее заместителями — Парасковья Никифоровна Маркова и Александра Ивановна Падучева. Всего с октября 1914 по апрель 1916 года в дамском кружке состояло 64 женщины. За указанный период времени дамы организовали проведение различных благотворительных мероприятий с целью сбора средств и вещей для русской армии. Это и лотереи, и очередные «Недели белья», а также «Патриотические вечера», кружечные сборы «На сапоги солдатам», благотворительные спектакли и киносеансы /4/.

Выручки от них поступило немало — всего 16 947 рублей 36 копеек, а кроме того, добровольных взносов членов самого кружка — 2493 рубля, денежных пожертвований от разных лиц и фирм — 7003 рубля 37 копеек (всего деньгами — 26 443 рубля 73 копейки). При этом расходы составили 26 102 рубля 14 копеек, из которых на материал для белья воинам и припасы для подарков солдатам израсходовано 19 006 рублей 69 копеек, на сопровождение и упаковку — 1441 рубль 93 копейки, на противогазные повязки — 600 рублей. Помимо денежных средств поступали и разнообразные вещи — сахар, табак, теплые жилеты, сухари, белье и другое (по предварительным подсчетам, на сумму около 30 000 рублей). Кроили и шили белье сами члены кружка и приглашенные швеи в предоставленном помещении.

За период с октября 1914 по апрель 1916 года в Галицию и на Кавказский фронт было отправлено семь вагонов такого рода помощи. Среди грузов — одежда (в том числе 7322 пары кальсон, 5654 пары портянок, 8256 рубашек, носки, теплые жилеты); 628 пар сапог; 2289 полотенец и простынь; 10 332 кисета; а также «до 17 тысяч противогазных повязок». Высылали на фронт и продовольствие, в том числе крендели (374 пуда), сахар, чай, спички. Часть подарков была приурочена к Святой Пасхе (отправка куличей) и Рождеству /5/.

Среди членов Екатеринбургского дамского кружка интересна судьба товарища председателя Александры Ивановны Падучевой (в девичестве Баландиной), супруги врача Владимира Александровича Падучева. Точная дата ее рождения неизвестна, а скончалась она в 1937 году. Александра Ивановна в меру своих возможностей занималась до 1917 года благотворительной деятельностью в качестве члена правления Общества помощи недостаточным

ученицам женской гимназии и действительного члена Общества попечительства о начальном образовании в Екатеринбурге /6/.

Среди уездных дамских комитетов можно особо выделить также деятельность дамского кружка при Кунгурской городской управе, организованного купеческой женой З.П. Ковалевой. В данную организацию входили коллективы Елизаветинской рукодельной школы и Кунгурской женской гимназии. Учащиеся и педагоги шили белье для раненых. 15 марта 1915 года в Кунгур пришла телеграмма из Комитета склада ее величества государыни императрицы Александры Федоровны с выражением благодарности Ковалевой за сделанные пожертвования в пользу воинов — 22 места с разными вещами. Также пожертвования совершили учащиеся кунгурских начальных училищ — два ящика и тюк с разными вещами для воинов, за что также получили благодарность от императрицы /7/.

Дамский комитет был создан и в другом уездном городе — Камышловле, члены которого — учительницы, жены служащих, врачей и купцов — ухаживали за ранеными в госпитале, устраивали для них спектакли с участием детей. По их инициативе в банке был открыт специальный счет для перевода денег на нужды фронтовиков и их семей /8/.

Стоит отметить, что Ирбитский дамский комитет в 1915 году получил немало средств по случаю 40-летия посещения Зайнетдином Агафуровым Ирбитской ярмарки. По подписке была собрана немалая сумма, к которой юбиляр добавил собственные пожертвования, а затем раздал их различным благотворительным организациям: 200 рублей — на устройство лазарета и изготовление белья для солдат, 100 рублей — Ирбитскому дамскому комитету на изготовление белья для солдат, а также по 100 рублей Ирбитскому попечительству о бедных (на содержание убежища), Ирбитскому медресе (на обувь и одежду для учащихся). Крымскому татарскому полку (на подарки) и т. д. /9/

Но были и общественные организации, чья активная деятельность зачастую ограничивалась только военным периодом. Они были созданы специально для оказания социальной помощи военнослужащим и членам их семей; нередко главную роль в них играли женщины. Будучи первоначально неправительственными и вневедомственными, данные организации из-за малых объемов финансирования закрывались или становились под крыло членов императорской фамилии. Зачастую такие организации имели центральные отделения в столице Санкт-Петербурге или в Москве с филиалами в крупных городах империи.

В Екатеринбурге было образовано Ведомство помощи больным и раненым, где обязанности казначея выполнял Александр Александрович Ардашев. Для нужд ведомства Ардашев, известный юрист, директор отделения тюремного комитета, двоюродный брат В.И. Ульянова-Ленина, предоставил даже часть помещения своей конторы, которая занимала солидную часть здания доходного дома, где екатеринбургские дамы — жены адвокатов, судей, нотариусов — шили солдатское белье, кисеты, наполняли их табаком и чаем, формировали посылки и отправляли их по железной дороге на фронт /10/.

26 сентября 1914 года был образован Екатеринбургский комитет судебного ведомства для оказания помощи больным и раненым воинам. Председателем стала Надежда Александровна Бурменская, ее заместителем — Александра Алексеевна Гилькова, а обязанности казначея и здесь выполнял вышеупомянутый Александр Александрович Ардашев. Комитет состоял из 88 членов — представителей магистратуры, нотариата, адвокатуры, а также прокуроров Екатеринбургского уезда; в том числе 12 человек входили в правление.

Практиковались бесплатное шитье нижнего белья из безвозмездно предоставленного жертвователями полотна и открытие за свой счет коек в госпиталях и больницах, а также сбор и передача в госпитали перевязочных материалов и лекарств (ответственный А.А. Ардашев).

Фирма Ижболдина предоставляла материалы и бесплатныхкройщиков, а Салея Султановна Агафурова пожертвовала 135 кисетов с табаком, чаем и спичками.

Документально подтверждена активная деятельность комитета до 23 января 1917 года /11/.

В Екатеринбурге также возникли городской попечительный комитет, Екатеринбургский уездный комитет, Екатеринбургская уездная комиссия комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, комитет Уральского горного управления, комитет судебного ведомства, отдел Главного комитета при ведомстве путей сообщения по оказанию помощи пострадавшим от военных действий. Все эти организации занимались оказанием помощи солдатским семьям, раненым и больным воинам.

Для присмотра за детьми, в том числе военнотружущих, дамским комитетом Екатеринбургского Златоустовского церковно-приходского попечительства были созданы дневные ясли.

Комитет действовал при Особом попечительном совете для оказания помощи семьям воинов и беженцев, проживающим в

пределах прихода при Златоустовской церкви в г. Екатеринбурге. В ясли принимались дети в возрасте от одного месяца до семи лет, при средней посещаемости 500 в месяц. Дамский комитет занимался также заготовкой и отправкой подарков воинам. За неполных два года на подарки воинам поступило 2839 рублей 61 копейка, на содержание приюта-яслей — 1019 рублей 44 копейки. Вся полученная сумма была израсходована по указанным статьям в полном объеме /12/.

Женщины не только занимались подготовкой и оказанием социальной помощи, но и участвовали в митингах. Например, в сентябре 1916 года в Екатеринбурге произошло выступление женщин-солдаток против местных властей с требованием своевременной выдачи пособий. Они собрались у здания городской управы и, угрожая ее разгромом, потребовали удовлетворения своих требований.

Среди рабочих усиливались настроения в пользу погромов базаров и лавок с целью снижения цен. Особенно возрастает социальная активность с конца 1916 — начала 1917 годов из-за того, что коммерческие перевозки практически прекратились /13/.

В целом же, как показывает изучение конкретно-исторического материала, женщины стали играть большую роль в деле оказания социальной помощи военнослужащим и членам их семей в качестве и организаторов сбора пожертвований, и медицинского персонала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкарева, Н.Л. «Дерзкие и беспокойные» («Женская история» России 1801—1905 гг.: формы социальной активности) / Н.Л. Пушкарева // Отечественная история. — 2002. — № 6. — С. 62.

2. Поршнева, О.С. Обеспечение общественных интересов на локальном уровне: Урал в годы Первой мировой войны / О.С. Поршнева // Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX — начала XX вв.: социальный аспект. — Екатеринбург, 2011. — С. 318.

3. Указ. соч. — С. 327—330.

4. Благотворительность на Урале / ред.-сост. Ю.А. Дорохов. — Екатеринбург, 2001. — С. 119.

5. Казакова-Анкаримова, Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX — начало XX в.) / Е.Ю. Казакова-Анкаримова. — Екатеринбург, 2008. — С. 113—114.

6. Агеев, С.С. Рязановы — купцы екатеринбургские / С.С. Агеев, В.П. Микитюк. — Екатеринбург, 1998. — С. 153.

7. Елтышева, Л.Ю. Кунгур в годы I мировой войны / Л.Ю. Елтышева // *Восьмые Татищевские чтения: доклады и сообщения* / под ред. В.В. Запария и С.П. Постникова. — Екатеринбург, 2010. — С. 204–205.

8. Сидорова, И.В. Благотворительность в Камышловском уезде / И.В. Сидорова // *Великая Победа. Память и забота: м-лы студ. науч.-практ. конф., посв. 60-летию Победы в Великой Отечественной войне* / отв. ред. И.Е. Левченко. — Екатеринбург, 2005. — С. 55.

9. Благотворительность на Урале. Парадоксы времен / ред.-сост. А.М. Лушников. — Екатеринбург, 2003. — С. 71.

10. Gladkova, I.M. Екатеринбург: тайны и другие невыдуманные истории / И.М. Gladkova. — Екатеринбург, 2007. — С. 39.

11. ГАСО. Ф.528. Правление Екатеринбургского комитета судебного ведомства для оказания помощи больным и раненым воинам. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1–92.

12. Гавриленко, К.М. Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. 1915–1916 гг. / К.М. Гавриленко. — Екатеринбург, 1916. — С. 46, 50–51.

13. Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). — Екатеринбург, 1998. — С. 31.

И.С. ТОМИЛОВ

Тобольск

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ГЛАЗАМИ ТОБОЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА (по воспоминаниям протоиерея Димитрия Смирнова)¹

21 февраля (6 марта) 1913 года ознаменовалось важнейшим событием в истории имперской России — 300-летием правящего дома Романовых. Празднования проходили по всей стране — в Москве, Ярославле, Нижнем Новгороде, Ростове (Ярославская губерния) и многих других городах и губерниях. Первоочередное значение при этом отводилось столице — Санкт-Петербургу.

Если говорить в целом о юбилейной кампании, то ее миссия, по мнению историка К.Н. Цимбаева, заключалась в том, чтобы показать народу путь к лучшему будущему через веру в Бога, царя и Отечество, напомнить в нынешнее смутное время, как была преодолена прежняя Смута. Но строжайшие меры полицейского контроля, когда толпа наполовину состояла из агентов охраны, а допуск даже на массовые мероприятия происходил только по приглашительным билетам, привели к тому, что значительная часть населения в торжествах не участвовала или участвовала лишь формально.

Неспособность организаторов осознать необходимость внутреннего, идеологического наполнения юбилейных празднеств привела к тому, что даже участвовавшие в них не воспринимали призывов властей оказать поддержку трону /1/. Так, лидер московских кадетов Н.И. Астров писал: «Общее впечатление и заключение таково: энтузиазма, подъема, оживления, даже интереса — никакого...» /2/. Один из членов императорской фамилии, наблюдавший торжества 1913 года, вспоминал: «Я вынес впечатление, что юбилей Дома Романовых прошел без особого подъема <...> Конечно, в театре приглашенная публика кричала “ура”, оркестр играл гимн, но настроения не было. Все было по-казенному, не чувствовалось, что вся Россия единодушно празднует юбилей своей династии» /3/.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы молодых ученых и аспирантов ТКНС УрО РАН № М-Г-13-1.

В этом грандиозном событии довелось поучаствовать представителю от Тобольской епархии, соответственно представлявшей все православное население губернии. В январе 1913 года по приглашению тобольского губернатора А.А. Станкевича в Архиерейском доме в присутствии епископа Тобольского и Сибирского Алексия состоялось собрание представителей всех ведомств и учреждений Тобольска для обсуждения вопроса о праздновании 21 февраля в Тобольской губернии юбилея 300-летия царствования на Руси дома Романовых и привлечении к участию в нем всех слоев населения. На этом собрании епископом было предложено поднести от православного населения Тобольской епархии государю императору в юбилейный праздник Абалакскую икону Божьей Матери /4/. Все собравшиеся единогласно согласились с предложением архипастыря, а протоиерея Д. Смирнова избрали представителем от епархии для поднесения иконы.

Всего же на юбилейных мероприятиях Тобольскую губернию представляла депутация из девяти человек: тобольский городской голова (глава), почетный гражданин С.М. Трусов; городские головы Тюмени П.И. Никольский и Кургана Ф.Ф. Шветов, Упоровский волостной старшина Снигирев (от крестьянства), купцы Соколов и Дунаев (от Курганского биржевого комитета), почетный бухгалтер Т. Айтмухамметов (от мусульман), Тоболтуринский волостной старшина К. Халлилов, протоиерей Д. Смирнов /5/.

Решено было заказать икону размером 12 на 10 вершков, в серебряной художественно исполненной ризе, с золотыми венцами на изображении Божьей Матери и Спасителя со вставками из сибирских камней. Для исполнения заказа избрали солидную московскую фирму «П.И. Оловянишникова Сыновья» и стоимость заказа определили в 1000 рублей. По условиям заказа икону после изготовления в Москве должны были доставить в Петербург к 15 февраля в магазин той же фирмы. А утром 6 февраля Д. Смирнов отправился из Тобольска и 12-го прибыл в столицу /6/.

Фирма аккуратно в назначенный день прислала икону в Петербург. Поля и фон иконы «были покрыты серебряною вызолоченною ризою матового цвета, венцы на Спасителе и Божией Матери золотые, свех венца у Богоматери корона мелкой ажурной работы, и в остриях этой короны пять вставок из различных сибирских камней, такая же вставки меньшаго размера и на венцах» /7/. Задняя часть иконы была обтянута темной парчой, подделанной под старинную. Прикреплена серебряная вызолоченная дощечка с надписью: «Его Императорскому Величеству Боговенчанному

Самодержцу Всероссийскому Николаю II в день трехсотлетия Царствования Дома Романовых в благословение от Тобольской церкви». Икона помещалась в складне, обтянутом внутри шелковой материей красного цвета. С иконы, по желанию ректора семинарии, было сделано несколько фотоснимков: шесть — самой иконы и шесть — иконы в складне.

Почти в девять часов утра 21 февраля священник отправился в Казанский собор, чтобы заранее устроиться в нем. На улицах Санкт-Петербурга в это время было необычное движение «веселой, празднично настроенной толпы, устремляющейся к центру праздника — Казанскому собору и Невскому проспекту, по которому будет следовать Царский кортеж из Зимнего дворца в Казанский собор, чтобы хотя мельком увидеть своего Царя. Двигались далее войска с музыкою и располагались на местах назначения вдоль Невского проспекта, образуя шпалеры по пути следования Государя. Шли крестные ходы под звон колоколов. По Невскому проспекту движение трамвая и автомобилей было прекращено с утра. Извозчики и экипажи допускались только те, которые имели особенные разрешительные на проезд к Казанскому собору билеты, выданные из канцелярии градоначальника лицам, имеющим право на вход в него вместе с входными билетами. Эти билеты были прикреплены у них на шапках».

В начале 10 часа Д. Смирнов подъехал к Казанскому собору, предъявил билет и вошел в храм через западный вход с Казанской улицы. В соборе народу было еще немного. Теперь весь вопрос заключался в том, где удобнее стать, чтобы по возможности видеть все и всех. Некоторые протоиереи и священники, а также члены депутатий, включая и протоиерея Смирнова, пошли в алтарь-левого придела собора и здесь получили разрешение ключаря стать на солее этого придела, который находился вблизи главного южного входа в собор с Невского проспекта. Здесь, стоя на возвышенности, можно было видеть большую часть собора и находящихся в нем, а близость главного входа давала возможность видеть императора и его семью, великих князей и княгинь, высших чиновников империи, также входивших в собор этим входом. Место было настолько выгодно, что ключарь не однажды во время литургии приходил и удалял с солеи других, тайком пробирающихся сюда лиц /8/.

Около 10 часов прибыли в собор митрополит Санкт-Петербургский и обер-прокурор Священного синода В.К. Саблер. По встрече и облачении митрополита началось чтение часов, во время которого прибыли крестные ходы с иконами Иисуса Христа из

домика Петра Великого и Почаевской иконы Божьей Матери. Затем началось служение божественной литургии, которую совершали четыре митрополита: Санкт-Петербургский, Киевский, Сербский и Триполийский при участии шести протоиереев, двух протодиаконов — Исаакиевского и Казанского соборов — и архи-диакона Невской лавры. В это время на правом клиросе пела придворная капелла, на левом — объединенные хоры митрополита и Казанского собора.

Не обошлось и без некоторых проблем. «В начале литургии, а особенно во время чтения часов, в соборе было даже несколько шумно от множества прибывающих депутаций, устанавливающих на местах и при этом естественно разговаривающих. Но затем, когда значительное большинство прибыло в собор, стало на свои места, и когда церемониймейстеры Двора вступили в свою роль, указывая вновь прибывающим места в соборе, шум этот несколько затих и прекратился» /9/. Во время литургии через главный вход в собор постепенно прибывали высшие сановники империи, иностранные послы и великие князья и княгини. Из высших особ к самому началу литургии прибыли великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Иоанн Константинович.

Не забывает очевидец и любоваться открывшейся ему картиной. «К концу литургии Казанский собор представлял собою величественное зрелище: в нем собрались представители всей обширной Российской Империи и представители государств почти всего мира. Вот у самой соеи главного придела с правой стороны виднеются нам золотые кресла, приготовленные для Государынь и обозначающие Царское место, далее — стоят Великие Князья и Княгини, придворные дамы, иностранные послы, высшие сановники империи: первые и вторые чины Двора, министры, члены Государственного Совета, Сенаторы, Председатель Государственной Думы г. Родзянко, члены Государственной Думы, с левой стороны в передней части собора до самого южного входа в собор представители военного мира, а дальше со середины храма до западного входа в него виднелось целое море голов представителей всех сословий из всех концов России. Золотое шитье, блеск нарядов, разнообразие мундиров поражали и ослепляли нас, провинциалов, не видавших подобных собраний» /10/.

Наконец, певчие запели «Господи! Силою Твоею возвеселится Царь», что возвещало о прибытии царя. С улицы слышались восторженные крики «ура», приветствовавшие монарха и его семью, приближавшихся к собору. Высшее духовенство во

главе с Антиохийским патриархом Григорием вышло к входу в собор навстречу императору. Николай II шел с императрицами Александрой Федоровной и Марией Федоровной, за ними высокий казак нес наследника Алексея Николаевича, и шли четыре великие княжны, дочери государя. Патриарх поднес царю святой крест для целования, митрополит Санкт-Петербургский Владимир окропил его святой водой и приветствовал краткой речью. Затем правитель и его семья, предшествуемые высшим духовенством, вошли в собор, их приветствовали почтительными поклонами те из собравшихся, мимо которых они проходили. Затем царственное семейство стало с правой стороны у соеи главного придела /11/.

Протоиакон после встречи императора еще перед молебном начал чтение Высочайшего манифеста, в котором монарх вспоминал заслуги перед дорогой Родиной за прошедшие 300 лет «всех сынов России от высших сословий и кончая пахарями». Затем был совершен обычный в таком деле молебен иерархами Русской церкви во главе с патриархом Антиохийским и представителями столичного духовенства, стоявшими только с левой стороны в два ряда. «Начальный возглас молебна по-гречески произносил патриарх Антиохийский, он же читал евангелие по-арабски, а затем митрополит Санкт-Петербургский по-славянски; молитву коленопреклоненную на 21-е февраля 1913 года читал также митрополит Санкт-Петербургский». Надо ли говорить, что в это время все присутствующие в соборе вместе с императором присоединились к меропрятию.

После окончания молебна государь со своим семейством приложился к святому кресту, затем к главной святыне собора — Казанской иконе Божьей Матери и к принесенным святыням — образу Спасителя из домика Петра Великого и Почаевской иконе Божьей Матери. Потом все направились к выходу из собора /12/.

У находившихся в храме святынь возникла сильная давка и теснота, находившиеся сзади люди с трудом пробивались к ним. Между тем у выхода из собора образовалась своеобразная пробка — отправился крестный ход с Почаевской иконой Божьей Матери, который сопровождали приехавшие с Волыни члены монархических организаций со своими знаменами и стягами.

В билетах, которые выдали участникам празднования для входа в Зимний дворец 22 февраля, значилось, что съезд на аудиенцию у императора назначен до 10 часов утра. Поэтому около половины 10 часа утра 22 февраля Димитрий Смирнов был уже на Иорданском подъезде Зимнего дворца, взяв с собой в футляре икону. «На пло-

шадках лестницы на второй этаж стояли придворные лакеи, а у дверей парные часовые. Народу было уже много; все размещались в Николаевском зале и аванзале. Духовенство приглашали проходить в зал и располагаться там с левой стороны» /13/.

С иконой в подарок императору был только один тобольский протоиерей, поэтому она вызвала неподдельный интерес: многие подходили и расспрашивали, что это за икона, почему на ней изображения святых Николая Чудотворца и Марии Магдалины, от кого подносится икона, сколько стоит и т. д. /14/

До царственного приема оставалось еще время, которое Д. Смирнов незаметно провел в беседе с другими священнослужителями. Вскоре «явились церемониймейстеры и начали по списку проверять и устанавливать депутации. Я был вписан в очередь после депутации от С.-Петербургской единоверческой церкви. Было разъяснено, что каждый, подходя к Государю, должен делать Ему поклон, ничего не говоря, затем подходить к Государыне Императрице Марии Феодоровне (Государыни Александры Феодоровны в этот день не было на приеме), поклониться Ей, поцеловать руку и выходить в портретную галерею». Наконец, открылись двери в соседний концертный зал, где стояли император и вдовствующая императрица Мария Федоровна, несколько сзади их на кресле сидел наследник цесаревич, стояли дочери царя, их окружали высшие сановники империи и свита. «Началось принесение поздравлений. Депутации непрерывною цепью двигались в концертную залу. Каждый, подходя к Государю, останавливался и делал Ему почтительный поклон, а церемониймейстер по списку громко называл чин, звание или должность, имя, отчество и фамилию подходившего, Государь также отвечал поклоном, затем каждый шел к Государыне Императрице Марии Феодоровне и поступил так, как было указано ранее» /15/.

При приближении очереди тобольского протоиерея он «ощущал необыкновенное радостное душевное настроение от счастья, а вместе некоторое смущение, волнение». Церемониймейстер докладывает: «Кафедральный протоиерей Смирнов из Тобольска с Абалакской иконой Божией Матери от православного населения Тобольской епархии.

— Освящена икона? — спрашивает Государь.

— Освящена, Ваше Императорское Величество, — отвечаю я» /16/.

Затем глава империи перекрестился, поцеловал икону и еще раз спросил, от кого она. Получив разъяснение, он обратился к протоиерею Димитрию Смирнову со следующими словами: «Передайте

всем Мою сердечную благодарность». Поклонившись, представитель Тобольской епархии передал икону человеку из свиты императора, затем поклонился императрице Марии Федоровне, поцеловал ее руку и направился в портретную галерею. Здесь все депутаты получали приглашение в одну из зал дворца на завтрак, которым «радушный хозяин земли Русской» угощал своих подданных, приносивших ему поздравления. «Длинные во всю залу накрытые столы были уставлены самыми разнообразными и изысканными закусками, бутылками с виноградными винами, вазами с фруктами и живыми цветами, которые тут же и разбирали себе на память закусывавшие. Предлагался кофе, чай. В виду масленицы для духовенства было устроено особое отделение стола, где все закуски были рыбные» /17/.

У самого выхода из Николаевского зала расположился один из придворных чинов с ящиком, в котором находилось множество атласных коробочек. Каждому выходящему он вручал одну из таких коробочек, разъясняя, что в ней находится юбилейный жетон, жалуемый государем императором на память всем, приносившим ему поздравления. Жетон должен носиться на правой стороне груди выше всех других значков и может передаваться в потомство. Выйдя из дворца, Смирнов тут же послал телеграмму архиепископу Тобольскому и Сибирскому Алексию с сообщением о только что произошедшем событии /18/.

«В заключение мне хочется поделиться тем впечатлением, которое произвело на меня, хотя и малое, участие в происходивших в Петербурге празднествах 300-летия Царствования Дома Романовых 21 и 22 февраля 1913 года.

Часы и минуты, проведенные мною в Казанском соборе и Зимнем Дворце, будут самыми светлыми и отрадными в жизни и не изглядятся из сердца до конца моей, хотя — может быть — и недолгой жизни. Они подняли мой дух, оживили начинавшую уже несколько ослабевать веру в то, с чем сроднился с самых юных лет, что считал святынею своего сердца, что считал для себя с самых первых моментов сознательной жизни неопровержимою аксиомою, и воспламенили потухавший под грудами всякого житейского пепла и золы огонь любви к своей родине, к своему отечеству, к своему Царю и Его Семейству» /19/.

Как видим, в описании празднования 300-летнего юбилея дома Романовых тобольский священнослужитель выражает, с одной стороны, сугубо субъективное мнение, а с другой — чувства и точку зрения всего духовенства Тобольской губернии в силу его

сословно-корпоративной структуры и отношения к правящей династии. На протяжении этих трех веков РПЦ в крае являлась ревностным проводником абсолютной монархии, продвигавшим через миссии и христианские каноны идеи централизации Сибири под властью российских правителей. В свою очередь царские власти всячески содействовали работе церкви, обеспечивая ее по мере возможности всем необходимым. Этот тесный симбиоз в тобольском крае просуществовал без малого 300 лет — от возникновения Сибирской епархии в 1620 году до падения монархии в России в 1917 году.

Кроме того, местная администрация, являясь официальным и полномочным представителем центра и наделенная властью, была, естественно, тесно связана и с местным духовенством, Тобольской епархией. Это подтверждает тот факт, что в Санкт-Петербург на главные общеимперские торжества от губернии и епархии послали единую делегацию с весьма ценным подарком — списком Абалакской иконы Божьей Матери в дорогом убранстве.

Таким образом, празднование любого события непременно начиналось с религиозной части, переходя со временем в официально-торжественную, а затем в массово-народную. Хотя надо признать, что инициатива всевозможных торжеств исходила, тем не менее, сверху. Конечно, все это делалось с помпой и шиком — жителям и властям страны хотелось достойно отметить три века правления династии. Поэтому в источниках содержится довольно много хвалебных и пафосных фраз, порой доходящих до раболепства. Вряд ли кто-то мог предположить, что до окончания правления «всеми обожаемой венценосной семьи» остается всего лишь четыре с половиной года и что конец этот будет столь кровавым.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цимбаев, К.Н. *Православная Церковь и государственные юбилеи Императорской России / К.Н. Цимбаев // Отечественная история. — 2005. — № 6. — С. 49.*

2. Розенталь, И.С. *Массовые представления о власти: Москва, начало XX в. / И.С. Розенталь // Армагеддон. Актуальные проблемы истории, философии, культурологии. — М., 1999. — Кн. 4. — С. 81.*

3. Гавриил Константинович, вел. кн. *В мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. — Нью-Йорк, 1955. — С. 94.*

4. Смирнов Димитрий, протоиерей. *Моя поездка на Романовские празднества в Санкт-Петербург. — Тобольск, 1913. — С. 4.*

5. *Последний подарок для царя // Тобольская правда [сайт]. URL: http://tobolka.ru/index.php?option=com_content&view=article*

&id=117:2013-01-10-14-23- 52&catid=75:-400---&Itemid=92 (дата обращения: 20.05.2013).

6. *Смирнов Димитрий, протоиерей. Указ. соч. – С. 3.*

7. *Там же. – С. 7.*

8. *Там же. – С. 6*

9. *Там же. – С. 7.*

10. *Там же. – С. 7.*

11. *Там же. – С. 8.*

12. *Там же. – С. 10.*

13. *Там же. – С. 10.*

14. *Там же. – С. 11.*

15. *Там же. – С. 11.*

16. *Там же. – С. 11.*

17. *Там же. – С. 13.*

18. *Там же. – С. 13.*

19. *Там же. – С. 13–14.*

И.А. ЧЕРКАСОВ
Красноярск

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В корпусе источников по истории Первой мировой войны значительную роль играют документы, созданные представителями дома Романовых, в том числе дневники императора Николая II, императрицы Марии Федоровны и великого князя Андрея Владимировича, переписка императора, императриц и великих князей. Особое место занимают воспоминания великого князя Александра Михайловича — редкий пример мемуаристики, происходящей из дома Романовых.

Великий князь Александр Михайлович (1866—1933) находился в самом сердце генеалогических хитросплетений императорского дома. Он был внуком Николая I и сыном великого князя Михаила Николаевича (наместника Кавказа, потом председателя Государственного совета). Будучи близким другом своего двоюродного племянника Николая Александровича (будущего Николая II) еще в бытность того цесаревичем, он женился на его сестре — великой княжне Ксении Александровне. Дочь великокняжеской четы Ирина стала женой Ф.Ф. Юсупова, одного из участников убийства Г.Е. Распутина.

Получив суровое домашнее воспитание в военном духе, Александр Михайлович служил во флоте, возглавлял Главное управление торгового мореплавания и портов (1902—1905), достиг чина адмирала (1915). Великий князь стоял у истоков русской авиации, был шефом императорского военно-воздушного флота, во время Первой мировой войны — полевым генерал-инспектором военно-воздушного флота. С 1919 года — в эмиграции.

Воспоминания Александра Михайловича вышли сначала на английском языке (в двух книгах), затем первая книга была издана в 1933 году на русском языке в Париже, а впервые в России — в 1991 году.

Мемуары активно используются исследователями благодаря обилию ярких характеристик членов дома Романовых и других деятелей российской истории, близости автора к последнему импе-

ратору. Воспоминания анализировались в качестве исторического источника Д.М. Софьиным, который рассмотрел обе их книги в сопоставлении с другими примерами литературного наследия великого князя /1/. Авторы, писавшие о «Книге воспоминаний», часто указывали на обилие фактических ошибок мемуариста, что, однако, не принижало в их глазах ценности этого произведения /2/.

Цель настоящей статьи — раскрыть некоторые особенности «Книги воспоминаний» Александра Михайловича как источника по истории Первой мировой войны.

«Книга воспоминаний» является своеобразным ответом императорского дома на многочисленную бульварную литературу, появившуюся после Февраля и смаковавшую всевозможные «тайны дома Романовых», «тайны Царскосельского дворца». Несмотря на заявление мемуариста «Я написал эту книгу, не преследуя никаких политических целей и никаких общественных задач» /3/, он преследовал ряд целей, среди которых можно назвать восстановление чести императорского дома в целом, различных великокняжеских ветвей, самого мемуариста и его царственного двоюродного племянника. Автор раскрывает систему сложных взаимоотношений внутри императорского дома и старается показать ограниченность перспектив его представителей в выборе рода занятий, предопределенность для великих князей военной карьеры, а следовательно, их значимой роли в руководстве вооруженными силами Российской империи, на что часто жаловались современники.

Как и многих мемуаристов, великого князя мучает вопрос о причинах гибели монархии в России. Причины эти он ищет в связи с Первой мировой войной, поэтому война является своего рода стержнем «Книги воспоминаний». Александр Михайлович вновь и вновь на протяжении своего повествования стремится дать объяснения тому или иному аспекту проблематики, возникшей в связи с войной.

Его воспоминания в качестве источника по истории Первой мировой войны интересны в нескольких аспектах:

- анализ причин и установление виновников войны;
- оценка перемен в Верховном командовании в 1915 году;
- оценка военного потенциала России накануне Февраля;
- рассказ о службе мемуариста в годы войны.

Великий князь осуждает русско-французский союз, настаивая на том, что полезнее для русских интересов была бы ориентация на Германию при отказе от поддержки балканских славян. Говоря о провокационной политике Б. Дизраэли в балканском вопросе

накануне русско-турецкой войны 1877–1878 годов, Александр Михайлович категорично заявляет: «<...> нет оправдания <...> русской дипломатии, которая вместо того, чтобы нейтрализовать шаг Дизраэли русско-германским союзом, стала способствовать бессмысленному, даже фатальному сближению с Францией и Великобританией» /4/.

Вспоминая 1914 год, мемуарист пишет: «Пятнадцать миллионов мирных русских крестьян должны были оставить в 1914 г. домашний очаг, потому что Александр II и Александр III считали необходимым защищать балканских славян от притязаний Австрии. Вступительные слова Манифеста, изданного Царем в день объявления войны, свидетельствовали о послушном сыне, распятом на кресте своей собственной лояльности. Самая могущественная Империя перестанет быть таковой, когда сентиментальная верность традициям прошлого отклоняет ее от победоносного шествия вперед» /5/.

Стараясь понять причины войны, великий князь сформулировал три постулата, в истинности которых не сомневался. Во-первых, коренной причиной конфликта он считал соперничество Великобритании и Германии за преобладание на море и общее стремление к войне ее сторонников в странах обоих блоков. В этой ситуации повод мог быть любым. Второй постулат заключался в признании того, что Николай II сделал все, что мог, для предотвращения войны, в чем не встретил поддержки «в лице своих ближайших военных сподвижников — военного министра и начальника Генерального штаба» /6/. В-третьих, непосредственную вину за начало войны Александр Михайлович возлагает на Великобританию за ее бездействие: «До полуночи 31 июля британское правительство могло бы предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно и определенно заявило о своем твердом намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Асквитом или сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров». Кроме того, великий князь полагает, что аналогичный эффект оказало бы присоединение США к Антанте еще до войны /7/.

Александр Михайлович категорично, но без развернутой аргументации оправдывает своего брата Сергея, чье имя обществу называла в числе виновников катастрофической нехватки снарядов на фронте: «В качестве генерал-инспектора артиллерии он сделал все, что было в его силах, для того, чтобы, в предвидении неизбежной войны с Германией, воздействовать на тяжелое на

подъем русское правительство в вопросе перевооружения нашей артиллерии. Его советов никто не слушал, но впоследствии на него указывали в оппозиционных кругах Государственной думы как на “человека, ответственного за нашу неподготовленность”. Если Сергей Михайлович и был в чем виноват, по мнению его брата, так это в том, что не настоял на своей позиции и не смог передать императору свой критический взгляд на вещи /8/. Напротив, главноуправляющий артиллерией предупреждал об активной работе австрийских военных заводов незадолго до войны /9/.

По поводу перемен в Верховном командовании мемуарист писал: «В начале войны Царь не хотел вверить Верховное командование русской армией дяде Николаше, прекрасно сознавая, что его военный дилетантизм быстро поблекнет перед военным гением Людендорфа и Макензена. Стремительное отступление русских войск летом 1915 года, которым мы были обязаны ошибкам Верховного командования, требовало немедленной перемены в Ставке, так как необходимо было возможно скорее восстановить пошатнувшееся доверие пятнадцати миллионов русских солдат» /10/.

Интересно следующее свидетельство Александра Михайловича: «Николай II старался вызвать великого князя Николая Николаевича на добровольный отказ от Верховного командования, но его намеки и учтивость не были поняты. Тогда 23 августа 1915 года Царь подписал приказ об отставке великого князя и о принятии на себя Верховного командования русской армией» /11/. Не скрывая своей «клановой» неприязни к Николаю Николаевичу, мемуарист сдержанно отзывается о нем: «Как все военные, привыкшие иметь дело с строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта» /12/.

Опровергая обвинения Николая II в желании войны и в тщеславии (при смене Николая Николаевича), мемуарист опровергает и распространённые слухи о германофильстве Александры Федоровны /13/: «Я утверждаю самым категорическим образом, что она в смысле пламенной любви к России стояла неизмеримо выше всех ее современников. Воспитанная своим отцом герцогом Гессен-Дармштадтским в ненависти к Вильгельму II, Александра Федоровна, после России, более всего восхищалась Англией. Для меня, для моих родных и для тех, кто часто встречался с Императрицей, один намек на ее немецкие симпатии казался смешным и чудовищным. Наши попытки найти источники этих

нелепых обвинений приводили нас к Государственной Думе. Когда же думских распространителей этих клевет пробовали пристыдить, они валили все на Распутина: “Если Императрица такая убежденная патриотка, как может она терпеть присутствие этого пьяного мужика, которого можно открыто видеть в обществе немецких шпионов и германофилов?”» Этот аргумент был неотразим» /14/.

В конце 1916 года великий князь оценивал перспективы России в войне как благоприятные на фронте и крайне неблагоприятные в тылу. «С наступлением лета 1916 года бодрый дух, царивший на нашем теперь хорошо снабженном всем необходимым фронте, был разительным контрастом с настроениями тыла. Армия мечтала о победе над врагом и усматривала осуществление своих стремлений в молниеносном наступлении армий генерала Брусилова. Политиканы же мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск» /15/. Вину за такое положение Александр Михайлович возлагал в том числе и на правительство: «Как это ни странно, но мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию. Никто другой революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьезен для внутренних беспорядков. Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение» /16/.

Александр Михайлович мало места уделяет в своих воспоминаниях собственной военной деятельности, только тезисно сообщает о своей работе по развитию российской авиации, хотя, несомненно, гордится своим вкладом в эту сферу деятельности: «Если о нашей боеспособности можно было судить по развитию наших воздушных сил, то дела наши на фронте обстояли блестяще. Сотни самолетов, управляемые искусными офицерами-летчиками и вооруженные пулеметами новейшего образца, ожидали только приказа, чтобы вылететь в бой <...> Два с половиной года тому назад я начал свою работу в салон-вагоне, в котором помещалась и моя канцелярия, и наши боевые силы. Теперь — целый ряд авиационных школ работал полным ходом, и три новых авиационных завода ежедневно вырабатывали самолеты в дополнение к тем, которые нами беспрепятственно получались из Англии и Франции» /17/.

Согласно мемуаристу, его работа над военной авиацией в годы войны началась по инициативе Николая Николаевича, который

предложил своему двоюродному брату оставить должность помощника командующего 4-й армией барона Зальца. «Я отправился в Ставку... Николай Николаевич принял меня со своим обычным видом, выслушал мой доклад и пригласил к завтраку, во время которого предложил мне новый пост командующего авиацией Южного фронта, причем добавил, что подобное же назначение на Северном фронте получил генерал Каульбарс, много работавший со мною по делу создания нашего воздушного фронта. Я указал главнокомандующему, что необходима не только связь между командующими авиацией двух фронтов, но и их субординация, на что великий князь Николай Николаевич согласился и подчинил мне генерала Каульбарса» /18/.

Служба великого князя закончилась вскоре после Февраля, когда общественность стала возмущаться пребыванием в Киеве членов дома Романовых. Тогда Александр Михайлович с семьей уехал в Крым.

Великий князь сознавал огромное цивилизационное значение Первой мировой войны. Оно стало для него показателем кризиса официального христианства, и в заключение своих мемуаров он обосновывает свою модель духовного христианства, имеющую как общемировое, так и специфически российское измерение. Именно нравственное воздействие на читателя Александр Михайлович признает главной целью своей «Книги воспоминаний» /19/, он хочет внести свою лепту в строительство нового мира, который должен наступить после окончания мировой войны.

«Книга воспоминаний» великого князя Александра Михайловича, безусловно, является интересным историческим источником по истории Первой мировой войны. В силу определенной близости к государю (родственной и дружеской, что, однако, судя по его мемуарам, не придавало Александру Михайловичу политического влияния) он был в курсе отношения последнего русского императора к войне и его усилий по ее предотвращению; интересны и характеристики, данные мемуаристом членом императорской семьи. Его служба на фронте позволяла ему быть ближе к проблемам армии, чем некоторым другим мемуаристам. Размышления же Александра Михайловича о причинах и последствиях Первой мировой представляют собой хороший пример рефлексии современника, испытавшего на себе сильное воздействие войны. Ведь хотя великий князь ко времени ее начала и сделал успешную военную карьеру, но это была первая война, в которой он принимал участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Софьин, Д.М. Воспоминания великого князя Александра Михайловича как исторический источник / Д.М. Софьин // Мат-лы конф. «Эпоха Николая II: политика, экономика, культура». — <http://voopik.perm.ru/index.php?page=vospominaniya-velikogo-knyazu-aleksandra-mihajlovicha-kak-istoricheskij-istochnik>.

2. Там же. Александр Михайлович. — <http://alexorgco.narod.ru/rtnv/M2.html>.

3. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — М., 1991. — С. 6.

4. Там же. — С. 29.

5. Там же. — С. 148.

6. Там же. — С. 208.

Безрезультатность обмена телеграммами между германским и российским императорами накануне войны мемуарист объяснял пошатнувшимся доверием Вильгельма к Николаю в связи с аннулированием договора в Бьёрке. Там же. — С. 150.

7. Там же. — С. 208–209.

8. Там же. — С. 126.

9. Там же. — С. 202.

10. Там же. — С. 150.

11. Там же.

12. Там же. — С. 120.

13. См. об этих слухах: Колоницкий, Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны / Б.И. Колоницкий. — М., 2010. — С. 289–313.

14. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. — С. 214.

15. Там же. — С. 216–217.

16. Там же. — С. 153. Самоцитата из письма великого князя императору по публикации в журнале «Красный архив».

17. Там же. — С. 225.

18. Там же. — С. 211.

19. Там же. — С. 267.

М.С. ЧИРКОВ

Самара

САМАРСКИЕ ЗЕМСТВО И ВЛАСТЬ В ПОИСКАХ ПУТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ (январь-октябрь 1905 года)

Январь 1905 года стал начальной стадией революционных событий, которые в скором времени охватили всю страну. 9 января в Петербурге была расстреляна демонстрация рабочих, шедшая к Зимнему дворцу с желанием подать петицию о своих нуждах императору. Весть о расстреле манифестации взбудоражила Россию. Уже на следующий день об этой трагедии стало известно в Самаре, что вызвало бурю возмущения общественности. Как писал впоследствии «Самарский курьер», после «кровавого воскресенья» город зажил «чисто вулканической жизнью» /1/. 17 января впервые в истории Самары началась первая политическая стачка на чугунолитейном заводе Молчанова.

Январские события в Петербурге совпали по времени с открытием очередных сессий губернских собраний. Либеральная общественность с нетерпением ожидала начала их работы, полагая, что земцы каким-то образом отреагируют на нарастающую волну революционного движения. С другой стороны, задачей местных администраций было не допустить вынесения на обсуждение собраний каких-либо политических вопросов. Но, вопреки желанию местных властей, в собраниях не удалось предотвратить дискуссии по политическим проблемам. Самарское губернское собрание, едва начав работу, столкнулось с теми же трудностями. Уже в первый день его работы, 31 января, наплыв публики, расположившейся в зале заседаний, был столь велик, что места всем желающим наблюдать за работой собрания не хватило. Часть зрителей проникла на хоры, нарушая общественный порядок, и председатель собрания А.А. Чемодуров прервал заседание.

Усиление оппозиционных настроений в обществе не могло не оказать влияния на верховную власть. Еще 14 декабря 1904 года император Николай II издал указ, содержавший обещания расширить права земских и городских учреждений в области местного благоустройства, устранить некоторые стеснения печати, ввести начала религиозной терпимости. При этом особо жестко указывалось на «непрерывное сохранение незыблемости основных законов

империи» /2/. Однако изменившаяся в январе 1905 года политическая ситуация заставила государя пойти по дальнейшему пути преобразований. 18 февраля был издан указ, с одной стороны, призывающий население бороться с «крамолой», а с другой — возлагавший на Комитет министров рассмотрение поступающих от частных лиц и учредителей заявлений и ходатайств, «касающихся усовершенствований государственного благоустройства и улучшения благосостояния» /3/. Манифест требовал от властей усилить карательные меры и содержал призыв к «благочестивым людям» поддержать царскую власть в войне с Японией и в «разумном противодействии смуте внутренней» /4/.

В этот же день был опубликован высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина. На министра возлагалась задача организации выборов во всероссийский представительный орган с законосовещательными функциями. Император писал о своем намерении привлечь достойнейших людей, избранных населением, к разработке законодательных актов, отнеся к таковым и представителей земств. Несмотря на возможные трудности «проведения сего преобразования в жизнь при неприменном сохранении незыблемости основных законов Империи» /5/, задача разработки законопроектов возлагалась на Особое совещание под председательством Булыгина.

Либеральные земцы восприняли этот рескрипт крайне настроенно. Как писал Протопопов, «недоверие к власти сидело в нас прочно, и обещаниям верили плохо» /6/. В то же время либералы были разочарованы тем, что функции представительного органа — Государственной думы — ограничены законосовещательными рамками. Более того, спустя некоторое время, чтобы положить конец требованиям о привилегии земским собраниям в Особом совещании, правительство объявило, что возвещенное рескриптом от 18 февраля совещание под председательством Булыгина не состоится, а проект, подготовленный в МВД, будет представлен в Совет министров, а затем подвергнут окончательному рассмотрению под председательством Николая /7/. К тому же было определено, что избирательное право предоставляется не всем категориям населения, в то время как «лозунг учредительного собрания на основе четырехчленной формулы был всеобщим» /8/.

Следующим шагом в становлении земской оппозиции стал в 1905 году майский съезд земских деятелей в Москве. В нем приняли участие и делегаты самарского земства (те же гласные, которые присутствовали на ноябрьском собрании). Съезд проходил под

впечатлением от известия о поражении русского флота в битве при Цусиме.

Съезд обратился с адресом к императору, призвав отложить «всякую рознь и все различия, нас разделяющие», и немедленно созвать народных представителей, избранных на основе всеобщего и равного голосования: «Пусть явят они всем народам Россию, не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении и сплотившуюся вокруг единого стяга народного. Пусть установят они в согласии с Вами обновленный государственный строй. Государь! В руках Ваших честь и могущество России, ее внутренний мир, от которого зависит и внешний мир ее. В руках Ваших держава Ваша, Ваш престол, унаследованный от предков. Не медлите, государь! В страшный час испытания народного велика ответственность Ваша перед Богом и Россией» /9/.

Страсти по поводу народного представительства разгорелись и в Самаре. 22 июня 1905 года открылась сессия чрезвычайного губернского собрания. Она должна была принять бюджет земства, рассмотрение которого оказалось сорванным в феврале. Однако нараставшее революционное движение не могло не наложить отпечатка на работу собрания. Особенно взволновало гласных известие о восстании на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический». На открытии сессии либерал Г.Н. Костромитинов прямо заявил: «Существующая система государственного управления не отвечает запросам времени, и собранию предстоит выяснить, чем она может быть заменена» /10/.

Собрание сочло необходимым высказать принципиальное отношение к идее немедленного созыва народного представительства. Известный общественный деятель эпохи П.Н. Милюков впоследствии писал, что общественность истолковала Манифест от 18 февраля 1905 года «как разрешение публично обсуждать вопросы государственного устройства» /11/. С большим трудом гласные добились включения в повестку дня вопросов, вытекающих из рескрипта 18 февраля. Однако губернатор Д.И. Засядко запретил, ссылаясь на статью 63 Положения о земских учреждениях, обсуждение политических вопросов. Возникла правовая коллизия: собрание имело право обсуждать инициативы, провозглашенные в манифесте, но не могло этого делать. В итоге спор был разрешен циркуляром МВД, который гласил: «Не препятствуя существующим общественным и сословным учреждениям, а равно и обществам, действующим на основании уставов, подлежащей властью

утвержденных, подвергать своему обсуждению предположения по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния, причем постановления, которые могли бы явиться впоследствии такого обсуждения, должны быть направлены в Совет министров» /12/.

В подготовленном докладе управы по поводу рескрипта 18 февраля 1905 года говорилось, что в организации народного представительства России не может быть допущено сословное начало. В основу будущей организации должны быть положены следующие принципы: во-первых, выборы необходимо проводить на основе всеобщего, равного и тайного голосования (причем правом голоса не должны быть наделены евреи); во-вторых, вышеозначенные выборы должны быть прямыми, то есть народные представители должны избираться непосредственно гражданами; и в-третьих, наряду с представительным собранием должно быть образовано особое представительство органов местного самоуправления, реорганизованное на демократических началах /13/.

Одновременно с этим уездные собрания высказали ряд собственных предложений. Так, Бузулукское чрезвычайное собрание постановило ходатайствовать о скорейшем вводе в действие Положения о земских учреждениях 1864 года. Самарское чрезвычайное собрание присоединилось к этой инициативе. Ставропольское частное совещание и Бугульминское чрезвычайное собрание также ее поддержали, однако последнее высказало мнение о необходимости создания объединений земских и городских органов самоуправления /14/. Новоузенское собрание выразило убеждение, что все законодательные акты должны утверждаться органом народного представительства, имеющим к тому же законодательную инициативу. Еще дальше пошло Николаевское чрезвычайное собрание, заявившее о необходимости создания комиссии при губернском собрании для выработки проекта политических реформ /15/. Одновременно собрание поручило экономическому совету управы подготовить проект аграрной реформы.

Примечательна реакция на результаты работы земских собраний губернатора Засядко, известного своей мягкостью и нерешительностью. На встрече с гласными губернского собрания он скептически отнесся к их решениям. Что же касается выборов в Государственную думу, то губернатор во всеуслышание заявил, что «Россия так уже далеко зашла по пути анархии, что даже созыв народных представителей вряд ли уже выведет ее из нынешнего ужасного положения» /16/.

6–8 июля 1905 года в Москве состоялся очередной съезд земских и городских деятелей. От самарского земства в его работе участвовали председатель губернской управы А.А. Ушаков, гласные Д.Д. Протопопов, Г.Н. Костромитинов и Н.А. Шишков /17/. Совещание высказало единодушное мнение: организация законосовещательного собрания не соответствует существующему политическому моменту. По мнению делегатов, «осуществление проекта гофмейстера Булыгина или иного проекта, построенного на сходных с ним основаниях и потому не создающего народного представительства в истинном смысле этого слова, не может внести успокоение в страну, предотвратит все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из настоящего состояния анархии на путь правильного и мирного развития на основах твердого государственного правопорядка» /18/.

Съезд высказался за создание Государственной думы, наделенной законодательными полномочиями на основе всеобщих, прямых и тайных выборов. Правительство должно нести ответственность перед Думой. Делегаты заявили о необходимости развития системы местного самоуправления и создания независимой судебной власти. Кроме этого, главной задачей земского движения съезд объявил достижение гражданских свобод: свободы слова, печати, совести, собраний и перемещений /19/.

Летом 1905 года противостояние правительства и общества приблизилось к опасной черте. 19–29 июля в Петергофе у императора Николая II прошли совещания с целью выработки окончательных решений по булыгинскому проекту народного представительства. Все министры высказались за сохранение самодержавного правления. Государственной же думе отводилась лишь законосовещательная роль. В итоге Николай повелел подготовить Манифест о законосовещательной Думе, который был оглашен 6 августа. По воспоминаниям А.И. Гучкова, идея такой Думы у либеральной общественности не вызвала «никакого удовлетворения и успокоения» /20/.

6 августа в Самаре открылся первый областной земский съезд. На нем присутствовали около 40 человек — представители земств Самарской, Симбирской, Уфимской и Саратовской губерний. В качестве помещения для работы съезда была выбрана небольшая крытая баржа, курсировавшая вдоль волжского берега.

Основные прения развернулись по вопросу тактики борьбы земств за воплощение в жизнь решений июльского съезда. Среди таких средств рассматривался и вариант проведения общеземской забастовки. Однако эта идея была отвергнута «ввиду многих неу-

добных ее сторон и неблагоприятного от нее впечатления на народ» /21/. Подобная акция, по мнению земцев, могла иметь место лишь в контексте всеобщей забастовки. Не нашла поддержки у представителей земств и идея неуплаты налогов, поскольку сумма прямых сборов была невелика, к тому же ее отсутствие могло привести к оскудению земских касс. Вместе с тем идея отказа от дачи рекрутов была принята.

7 августа бурное обсуждение вызвал вопрос об участии земств в выборах в Государственную думу (Манифест о проведении выборов делегаты получили в этот день). Большинство участников съезда высказали мнение о необходимости бойкота, то есть воздержания от выборов, называя Манифест от 6 августа пощечиной «бесцензовой интеллигенции и рабочим» — тем, кто более других принес жертв в борьбе за свободу /22/. На этом дискуссия земских деятелей завершилась.

12 сентября 130 представителей земств вновь собрались в Москве на свой съезд. От самарского земства на съезде присутствовали гласные Н.Н. Головин, Г.Н. Костромитинов, В.А. Племянников, Д.Д. Протопопов и Н.А. Шишков. В отличие от участников поволжского съезда, представители земств России выступили против бойкота Думы (единственным, кто до конца отстаивал идею бойкота, был Шишков), заявив, что рассматривают ее как шаг на пути достижения подлинного народного представительства /23/. Кроме того, съезд принял политическую программу, объединяющую земских и городских деятелей. В основном она повторяла принципы, выработанные на предыдущих съездах, такие как: введение в государственную практику начал законности; уравнивание граждан России в гражданских и политических правах; создание органа народного представительства на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права. Одновременно было заявлено о необходимости отделения судебной власти от административной, отмене смертной казни и прекращении преследований за политические и религиозные воззрения /24/.

Последний съезд земских и городских деятелей открылся в Москве 12 октября, но вследствие начавшейся забастовки железнодорожников в столицу смогла попасть лишь четвертая часть участников предыдущих съездов. Решением делегатов собрание превратилось в учредительный съезд конституционно-демократической партии, была выработана ее программа /25/.

Манифест императора Николая от 17 октября о даровании гражданских и политических свобод и о преобразовании

Государственной Думы из законосовещательного органа в законодательный большинство земцев встретили с воодушевлением. Его провозглашение означало, что главная цель борьбы земцев-либералов достигнута: Россия получила гражданские свободы и народное представительство. С момента появления Манифеста 17 октября земство перестало быть оппозиционным самодержавию движением, и это нашло свое отражение в последующих революционных событиях. Поиск путей общественного согласия в условиях революционной смуты завершился выработкой компромиссного политического решения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самарский курьер. — 1906. — 1 янв.
2. Законодательные акты переходного времени 1904—1908 гг. — СПб., 1909. — С. 18.
3. Власть и реформы. — СПб., 1996. — С. 431.
4. Законодательные акты... — С. 20—21.
5. Власть и реформы. — С. 485.
6. Протопопов Д.Д. Из недавнего прошлого (Самара в 1904—1905 гг.)// Д.Д. Протопопов // Русская мысль. — М., 1907. — № 12. — С. 31.
7. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 881. Л. 1, 4.
8. Протопопов Д.Д. Указ. соч. — С. 33.
9. ГАРФ. Ф.102. ОО. 1905. Д.1000. Л.62.
10. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 234. Л. 23.
11. Милюков, П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. — М., 1990. — Т. 1. — С. 277.
12. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 28. Л. 1.
13. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 234. Л. 30 об.
14. ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Д. 234. Л. 32.
15. ГАСО. Ф. 5. Оп. 12. Л. 34—34 об.
16. Протопопов Д.Д. Указ. соч. — С. 37.
17. ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Л. 61.
18. Белоконский И.П. Земское движение. — М.: Образование, 1914. — С. 295.
19. Протопопов Д.Д. Указ. соч. — С. 38.
20. А.И. Гучков вспоминает. — М., 1993. — С. 36.
21. 1905 год в Самарском крае. — Самара, 1925. — С. 159.
22. Протопопов Д.Д. Указ. соч. — С. 38.
23. Белоконский И.П. Указ. соч. — С. 366.
24. ГАРФ. — Ф. 102. — ОО. 1905. — Д. 1000. — Ч. 1. — Л. 102.
25. ГАРФ. — Ф. 102. — ОО. 1905. — Д. 1000. — Ч. 1. — Л. 121.

М.О. ЛОГУНОВА
Санкт-Петербург

АЛОИЗ-ЛАУРС ТРУУПС (Алексей Егорович Трупп). С ЦАРСКОЙ СЕМЬЕЙ ДО ПОСЛЕДНЕЙ МИНУТЫ

Самый известный на сегодняшний день латыш при императорском дворе — лакей 1-го разряда высочайшего двора подвижного состава, запасной младший унтер-офицер Алоиз-Лаурс Труупс. Практически все придворнослужители императорских резиденций проходили один карьерный путь: призыв в армию, служба, поступление на должность. На родине в Латгалии /1/ его считали выдающимся человеком, близкие полагали, что он дослужился до высокого звания. Автор статьи изучила все возможные архивные документы, подняла формулярные списки о службе /2/, в 2010 году общалась с Э.Д. Колесниковой /3/, внучатой племянницей А.Е. Труппа, и почерпнула у нее сведения о ее родственнике и семье.

Алоиз-Лаурс Труупс родился 8 числа 1856 года, месяц указывается по-разному. В формулярном списке /4/ — ноябрь, в «Википедии» /5/ (информация о Труппе здесь очень недостоверна) говорится об апреле, а по данным о крещении, которые представляются более верными, он родился 8 августа /6/. Место рождения — деревня Калнагалс Баркавской волости Режицкого /7/ уезда Витебской губернии. Крещен он как католик в баркавском костеле священником Эриком Мажиновским, при крещении получил два имени — Алоиз-Лаурс, в жизни главным стало первое. Родители Юрис и Анна Труппы были крестьянами, всего в семье было пятеро детей: четыре мальчика и девочка. Родители старались дать всем детям образование, но, кроме церковно-приходской школы, выбирать было не из чего, в ней Алоиз и получил начальное образование в 1866 году.

Со слов его родственников, в 1874 году он пошел служить в армию вместо старшего брата, однако в формулярном списке о службе сказано /8/: Алоизий Трупп, из крестьян Витебской губернии, Режицкого уезда, римско-католического вероисповедания, вступил в службу в лейб-гвардии Семеновский полк рядовым 1 января 1878 года. Он не участвовал в боевых походах и сражениях, был произведен в унтер-офицеры и уволен в запас армии 23 марта 1883 года сроком по 31 декабря 1892 года. Реальная служба продол-

фото К.Е. фон Ган

*Великая княжна Татьяна Николаевна верхом на пони, слева А.Е. Трупп.
Царское Село, 1902 г.*

жалась недолго, его воинским званием до конца остался чин младшего унтер-офицера. Очевидно, при призыве в армию произошла русификация имени: Алоиз-Лаурс Труупс стал Алоизием или даже Алексеем Егоровичем Труппом. 8 апреля 1883 года попал на службу к высочайшему двору по найму лакеем 1-го разряда подвижного состава сверх штата. Через три года, 2 сентября 1886 года, Алоиз, человек надежный и исполнительный, был зачислен в штат.

За свою безупречную службу он получал награды /9/: 16 февраля 1884 года — темнобронзовую медаль в память святого коронования Александра III и Марии Федоровны для ношения в петлице на Александровской ленте; вензелевое изображение Александра II; знак за нахождение в почетном конвое его величества; знак за отличную стрельбу; 30 марта 1892 года — серебряную медаль короля Дании, разрешенную для ношения российским императором.

Взысканиям или наказаниям, соединенным с ограничениями в преимуществах по службе, по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке не подвергался. В подозрении по преступлению, влекущим за собою ограничения, под судом не состоял. В отставке с награждением не был. Семейное положение — холост.

Придворный лакей относился к числу низших служителей придворного ведомства, но для латгальского крестьянина это была

головокружительная карьера. Сохранилась фотография, сделанная в Царском Селе в 1902 году, на которой изображена великая княжна Татьяна Николаевна на пони, рядом А. Трупп /10/.

Д. Латковский говорит о том, что Алоиз проявлял равнодушные к драгоценностям, был некорыстным человеком, но хорошие заработки позволили ему приобрести в окрестностях Петербурга несколько участков и дач /11/. Однако жалование придворнослужащих было невелико (у лакея 360 рублей в год), и приобретать недвижимость не представлялось возможным. В личном деле в графе «Об имении» помечено, что у А. Труппа и его родителей имении нет. Позднее Труппа перевели для службы при комнатах Ее Императорского Величества Александры Федоровны.

Всю жизнь Алоиз помнил о своей родной Латгалии, помогал знакомым деньгами, оказывал протекцию при устройстве на работу, но воздерживался от участия в общественных мероприятиях, ибо дорожил службой, хотя был веселым и коммуникабельным. Правда, позже карьере Труппа сильно повредила связь с женой одного из коллег. Очевидно, эта романтическая история повлияла на то, что Алоиз так и остался холостым человеком. Об этом поведал в 1938 году Эдуард Крустанс /12/, сестра которого Анна Крустане долгое время жила в Петербурге и воспитывала Симона, крестника Николая II. Тот факт, что императором стал крестным отцом этого ребенка, может говорить о посредничестве Труппа.

В 1904 году начался период истории Латгалии, известный как «Атмода» («Пробуждение» в переводе с латышского), — народ, постоянно находившийся в зависимости от более сильных стран, стал бороться за признание самого факта своего существования.

А.Е. Трупп

Алоиз все больше интересовался событиями в родном краю, в частности 16 августа 1909 года принимал участие в первом латгальском мероприятии, организованном просветителями братьями Скринда в Букмуйже /13/. В спектакле Алоиз играл роль офицера, что ему, человеку, прошедшему военную службу, было несложно.

Он бывал на родине в отпусках и по работе. Будучи численными к «подвижному составу», в 1910 году Трупп стал одним из 300 человек, прибывших в Ригу на яхте «Штандарт» вме-

сте с Николаем II на открытие памятника Петру I, приуроченное к празднованию 200-летия вхождения Риги в состав Российского государства.

Алоиз посещал Баркаву, жертвовал деньги на костел, в котором его крестили, постоянно поддерживал свою семью: присылал братьям из Петербурга сельскохозяйственную технику. Когда в 1900 году в результате пожара выгорела деревня Калнаганс, Трупп помог деньгами, благодаря чему Язепс и Петерис смогли построить себе дома. Труппы жили на берегу большого озера Лубанас, и однажды во время наводнения вода стояла до середины лета, урожай пропал, крестьяне голодали — Алоиз, прислав деньги, спас многих.

Трупп приехал на похороны своей матери в 1908 году, а последний раз посетил родные места в 1912 году. Он говорил близким, что, несмотря на любовь к ним и своей родине, его жизнь связана с царской семьей, и он всегда будет к ней возвращаться. Люди, его знавшие, считали его идеалистом и очень преданным человеком. Своих детей у него не было, но он был привязан к царским детям, любил детей вообще. Приезжая в свою деревню, Алоиз всегда привозил конфеты маленьким односельчанам. Его племянник Донат помнил, что мальчиком сидел на коленях у дяди и играл золотыми аксельбантами, украшавшими его ливрею. Униформа служителей была очень богатой, в фондах Государственного Эрмитажа сохранены ливрея и туфли, подписанные «А. Трупп».

Алоиз в своих родных местах был известен как «петроградец», «высокопоставленный чиновник при дворе», образованный человек и общественный деятель, являясь для своих соотечественников примером того, что простолюдин может достигнуть многого, благодаря своим личным качествам.

Последний этап жизни Труппа связан с трагедией царской семьи. В книге Г. Кинга и П. Вильсона «Романовы» /14/ сказано: «За семьей императора последовали двое слуг, сперва в Тобольск, а затем в Ипатьевский дом, где они были убиты вместе с Романовыми. Алексей Трупп, которому в год революции исполнилось 59 лет, был полковником, а затем его зачислили в штат прислуги императора, которому он служил в качестве камердинера. Трупп выделялся своим огромным ростом и крепким телосложением». Это недостойное свидетельство, к сожалению, стало тиражироваться в последующих изданиях и перекочевало в Интернет /15/.

Во-первых, Труппу в 1917 году исполнился 61 год. Во-вторых, его воинское звание — запасной младший унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка, а не полковник. В-третьих, он имел долж-

ность не камердинера, а лакея 1-го разряда. В-четвертых, как установила комиссия по исследованию останков /16/, его рост около 172–180 сантиметров. В-пятых, за царской семьей последовало не двое слуг, а больше. Верно только главное утверждение: Трупп разделил участь Романовых.

После 2 марта 1917 года, когда Николай II больше не смог платить своим слугам, А.Е. Трупп, повар И.М. Харитонов, горничная А.С. Демидова, врач Е.С. Боткин остались работать бесплатно. Императорская семья находилась под арестом в Царском Селе, потом ее отправили в Тобольск. Алоиз в числе немногих не оставил царскую семью, хотя мог уйти, как многие. После разделения семьи и отъезда Николая II, Александра Федоровны и Марии в Екатеринбург именно Трупп остался с детьми в Тобольске. Он помогал выносить ценности из бывшего губернаторского дома и выступал в качестве посредника между царской семьей и командой охранников /17/. Воссоединение семьи произошло через месяц.

В дневнике, который Николай II вел всю жизнь, первое упоминание о Труппе относится к 11 мая 1918 года: «С утра поджидали выпуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова для отдыха и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате» /18/.

«Старик» Чемодуров /19/ был немного старше Труппа. По воспоминаниям П. Жильяра /20/, наставника цесаревича Алексея Николаевича, подтвержденным дневниковыми записями Александры Федоровны, 11 мая Чемодуров заболел, и его перевели в тюремную больницу, где о нем забыли, благодаря чему он чудом избежал расстрела, но все же умер в 1918 году /21/.

Именно Трупп оказался в эти критические дни рядом с царской семьей и был самым пожилым в группе, которая волей судьбы оказалась под крышей Ипатьевского дома /22/. Трудно сказать определенно, но не повлиял ли на назначение тот факт, что Трупп был человеком военным и прекрасно стрелял (одну из наград он получил за стрельбу)?..

Прислугу периодически обыскивали. В книге записей дежурств членов отряда особого назначения по охране Николая II 24 мая 1918 года комендант Сидоров отметил: «Трупп Алексей Егорович в Дом особого назначения прибыл из Тобольска совместно с семьей б[ывшего] царя, лакей, 61 [год]. Имеет при себе деньги 104 руб. Найдено при обыске 310 руб.» /23/. Запись показывает, что слуги,

не получая жалованья, либо приносили свои деньги, либо являлись передаточным звеном и, рискуя жизнью, передавали средства, собранные для поддержки семьи Николая II.

Число людей, остававшихся с заключенными, резко сокращалось. Жильяр пишет: «По счастью при них оставался доктор Боткин, преданность которого была изумительна, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, Харитонов, Труп (так в тексте. — М.Л.) и маленький Леонид Седнев» /24/.

В это время охрана дома инженера Ипатьева состояла из соотечественников Труппа. Николай II писал о национальном составе команды несколько раз /25/. 25 апреля 1918 года: «<...> Сегодня заступил караул <...> большинство солдат были латыши <...>»; 1 мая: «караул из состава <...> особой команды фронтовиков — русских и латышей»; 25 июня: «Внутри дома на часах стоят новые латыши <...>». По воспоминаниям С.И. Иванова /26/, лакея цесаревича Алексея Николаевича, Трупп встретил родного племянника-красноармейца (сына своего брата) в Екатеринбурге, с которым он поговорил на родном языке. Был ли это действительно родственник или просто два латыша поговорили на своем родном языке, неизвестно. Э. Колесникова называет фамилию Яниса Иковниекса (Икавниекса) как односельчанина, однако сие остается недоказанным.

Католик Трупп участвовал в православной церковной службе: был пономарем, разжигал и подносил кадило, выносил свечу /27/.

Жизнь в екатеринбургском доме превратилась в постоянное испытание для obsługi. 1 июня 1918 года повар Харитонов обратился к коменданту с заявлением о том, что в комнате, где раньше размещались Седнев и Нагорный, а теперь расположились они с Труппом, на шкафу лежат непонятные предметы, на поверку оказавшиеся восемью заряженными бомбами, которые, впрочем, были тут же разряжены по приказу коменданта /28/.

Несмотря ни на что, связь пленников с родными в это время поддерживалась. Э. Колесникова вспоминала, что родственники в это время получали короткие письма от Алоиза. В одном из них он писал об отъезде в Тобольск, а в самом последнем о том, что их куда-то везут, но куда неизвестно. После 1940 года письма были уничтожены женой Язепса Труупса из-за страха перед новыми властями. Эта мудрая женщина запретила своим детям кому-либо говорить о «петроградце». Хотя в деревне сделать подобную информацию секретной невозможно, но никто из членов семьи не пострадал из-за Алоиза.

Расписка

Я нижеподписавшийся Труппа Алекс. Владим.
 Вятковский губ. Рязанский уезд Поручик
 вольф. 1. Когобы дано ему расписку в
 том что скелет убитый царя
 Николая Романову облужив подчинил
 и все найдет все равнозначен и подал
 Областной Совету Урала ифедерации
 Командант дома и считает себя наравне
 с семейством как и семья Романовых Труппа

ВЗ

Расписка А. Труппа

По воспоминаниям участника расстрела царской семьи М.А. Медведева (Кудрина), вопрос об уничтожении прислуги (кроме поваренка Л. Седнева) обсуждался — всем им с самого начала предлагалось покинуть Романовых, «часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть и разделяют...» /29/. В экспозиции Свердловского областного краеведческого музея представлена копия расписки А. Труппа (подлинник в ГАРФе) о том, что он продолжает служить бывшему царю и обязуется подчиняться распоряжениям и требованиям Областного Совета Урала и коменданта дома и считает себя наравне «как и семья Романовых».

Необыкновенно трогательным было поведение этих людей перед лицом смерти. Из воспоминаний Медведева: «Когда все вошли в нижнюю комнату <...> Юровский с Никулиным принесли три стула <...> На один из них <...> села царица, за ней стали три старшие дочери. Младшая — Анастасия почему-то отошла к горничной <...> В середине комнаты поставили стул для наследника, правее сел на стул Николай II, за креслом Алексея встал доктор Боткин. Повар и лакей почтительно отошли к столбу арки в левом углу комнаты и стали у стенки» /30/ (Курсив мой. — М.Л.).

Вопрос о поиске и идентификации екатеринбургских останков здесь не рассматривается, однако в материалах комиссии, занимавшейся исследованием останков, говорится о скелете под номе-

ром 9 /31/, принадлежащем мужчине пожилого возраста, ростом примерно 176 сантиметров, по антропологическому типу относящемуся к прибалтийскому варианту восточноевропейского типа. Именно этот скелет считается принадлежащим Группу.

17 июля 1998 года в Екатерининском приделе Петропавловского собора были похоронены, согласно официальной версии, члены семьи последнего российского императора: Николай II, Александра Федоровна, великие княжны Ольга, Татьяна, Анастасия, доктор Е.С. Боткин, горничная А.С. Демидова, повар И.М. Харитонов и лакей А.Е. Трупп.

В 1981 году РПЦ в сонме святых новомучеников и исповедников российских были прославлены большим списком, независимо от конфессии, почти все пострадавшие в 1918–1919 годах члены российского императорского дома и их окружение, среди них «Трупп Алоизий (Алексей) Егорович — камер-лакей (камердинер) последнего российского императора» /32/. В августе 2000 года РПЦ (Московский патриархат) канонизировала в сонме страсто-терпцев только членов царской семьи. Председатель Синодальной комиссии по канонизации святых РПЦ митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий в своем докладе /33/ говорил о правомерности канонизации слуг, подобающей формой почитания на сегодняшний день стало увековечение их подвига в житии царственных мучеников. В настоящее время вопрос о признании актов, принятых РПЦЗ и РПЦ за долгий период их существования в параллельном пространстве, является сложным.

1 октября 2008 года Генеральная прокуратура РФ в соответствии с законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» по заявлению М.В. Романовой /34/ реабилитировала членов императорской семьи, а 31 октября 2009 года — 52 приближенных, среди них лакея А.Е. Труппа /35/.

В Латвии рядом с деревней Калнагалс есть небольшое и аккуратное латышское кладбище Криевбирзе (в переводе «Русская роща»), на котором похоронены представители нескольких поколений семьи Трупп. Несмотря на желание родственников, самого известного представителя рода похоронили не рядом с семьей, а далеко от них, в Петербурге. И, хоть Алексей Егорович Трупп не занимал действительно высоких постов при Российском императорском дворе, но своей жизнью доказал, что человеческое достоинство значит больше, чем высокий чин. Его должность относилась к разряду низших, но для своего народа он стал общественным деятелем, меценатом и примером истинного служения долгу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латгалия (*Latgale*) — древняя историческая область в Восточной Латвии, населенная латгалами. В XIII веке захвачена немецкими рыцарями и в качестве части Ливонии стала называться Видземе. С начала XVII века название Латгалия закрепилось за юго-восточной частью Видземе южнее реки Айвиексте. Входила в Задвинское герцогство, с 1629 года в составе Речи Посполитой (Инфлянты польские), в 1772—1917 годах в Российской империи (Двинская провинция, затем западная часть Витебской губернии), с 1918 года в составе Латвии. Латгалы — древнелатвийская народность в восточной части современной Латвии, дали этническое название всему латышскому народу (Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 680—688).

2. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 893.

3. Эллина Донатовна Колесникова (урожденная Труупе) родилась в 1931 году в деревне Калнагалс в Латвии, работала учительницей, стала писательницей, автором пяти книг, внучка Язепса Труупса.

4. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 893. Л. 94 (об.).

5. Статья «Трууп Алоизий (Алексей)». URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10.05.2010).

6. Биография А.Е. Труупна см.: *Latkovskis, Donats. Nacionala atmoda Latgale: modinatāji, darlāveiceji. Rezekne, 1999. С. 74—77.* (Латковский Донат. Национальное возрождение Латвии. Резекне: изд-во Латгальского культурного центра, 1999.)

7. Резекне (*Rezekne*, до 1893 года — Розиттен, до 1917 года — Режица) — город (с 1773 года) в Латвии, на реке Резекне.

8. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 893.

9. РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 893. Л. 94 (об.).

10. Ковалевская, О.Т. С царем и за царя. Мученический венец царских слуг / О.Т. Ковалевская. — М.: Русский хронограф 1991, 2008. — С. 31.

11. *Latkovskis, D. Nacionala atmoda Latgale... С. 74—76.*

12. Воспоминания Эдуарда Крустанса о А. Труупе. Цит. по: *Latkovskis, D. Nacionala atmoda Latgale... С. 74.*

13. Букмуйжа — поселок в Латвии (в настоящее время Эзерниеки).

14. Кинг, Г. Романовы. Судьба царской династии / Г. Кинг, П. Вильсон. — М.: ЭКСМО, 2005. — С. 125.

15. См., напр., Дименштейн И. Последний камердинер // 7 секретов. 2009, 29 декабря. № 52; URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения 10.05.2010).

16. Аксючиц В. Покаяние. Материалы правительственной комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахороне-

нием останков российского императора Николая II и членов его семьи / В. Аксютин. — М.: Выбор; Бост-К, 2003.

17. Ковалевская О.Т. Указ. соч. — С. 33.

18. Дневники императора Николая II. — М.: Orbita, 1991. — С. 680.

19. Терентий Иванович Чемодуров (1849–1918) — камердинер Николая II.

20. См.: Жильяр, П. Император Николай II и его семья /

П. Жильяр. — Вена: Русь, 1921. (Репринт. М.: МАДА, 1991).

21. В некоторых изданиях ошибочно указано, что Т.И. Чемодуров был расстрелян большевиками.

22. А.Е. Трупп — 1856 года рождения, доктор Е.С. Боткин — 1865, Николай II — 1868, И.М. Харитонов — 1870, Александра Федоровна — 1872, А.С. Демидова — 1878 года рождения. Дети, естественно, моложе.

23. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–8 об.

24. Жильяр П. Указ. соч. — С. 261.

25. См.: Дневники императора Николая II.

26. Серафим (Кузнецов), игумен. Православный царь-мученик. — М.: Паломникъ, 2000. — С. 84–98.

27. Ковалевская О.Т. Указ. соч. — С. 36–37.

28. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–8 об.

29. Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 43–58. Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М.А. Медведева (Кудрина). Декабрь 1963 г.

30. Там же.

31. См.: В. Аксютин. Указ. соч.

32. Акт о прославлении Русской Зарубежной Церковью «Святых Новомучеников и Исповедников Российских», совершенный 19 октября/1 ноября 1981 года.

33. См.: Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых «Основания для канонизации царской семьи».

34. Романова Мария Владимировна (1953 года рождения) — дочь Владимира Кирилловича, внучка великого князя Кирилла Владимировича, правнучка великого князя Владимира Александровича, праправнучка императора Александра II, воспринимаемая сторонниками как местоблюстительница императорского престола Российской империи.

35. Генпрокуратура РФ. Официальный сайт. URL: <http://www.genproc.gov.ru/news> (дата обращения 20.06.2010).

«ЛАТЫШСКИЕ СПИСКИ» И ВНУТРЕННЯЯ ОХРАНА ДОМА ИПАТЬЕВА

Расследованию дела об убийстве семьи Романовых скоро столетие, но историкам так и не удалось выявить всех обвиняемых, не обнародован и полный состав внутренней охраны дома Ипатьева. Следствие 1918–1919 годов не установило конкретных личностей во внутренней охране Дома особого назначения (далее в тексте ДОН), которую почему-то все именовали «латышской». По ходу следствия усиленное внимание на представителей этой национальности обращали многочисленные свидетельства очевидцев: охранников и участников расстрела, которые упоминали об анонимных «латышах» из внутренней охраны как одних из исполнителей расстрела. Так как Н.А. Соколов ни одного из 10 так называемых «латышей» не смог поименно идентифицировать, то национальный состав охраны стал для следователей одной большой загадкой.

Первые авторы книг по «царскому делу» смело выдвигали различные версии насчет нерусских царевубийц: Р. Вильтон — венгры (1920), П. Жильяр — немцы (в тексте — австро-германцы, 1921), Т. Мельник-Боткина (1921) — евреи и латыши, пока, наконец, М.К. Дитерихс (1922) не обвинил всех — евреев, венгров и латышей. Тем самым клубок национального вопроса в этом деле все более закручивался.

Второму и третьему следствию (1991–2011) удалось установить личность только троих — В.Н. Нетребина, А.Г. Кабанова, и с большим сомнением упоминался также Я.М. Цэлмс¹, но совсем неизвестными остались семь охранников. Кем они являлись — вот острая интрига, которая до сих пор волнует умы многих исследователей и любителей данной темы. Сегодня предоставилась возможность использовать в решении проблемы до сих пор серьезно не изученный латвийский материал. Целью данного исследования является поименное обнародование состава внутренней охраны, установление причастности персонально каждого к расстрельной команде и окончательное определение национальных черт этого «преступления века».

¹ В литературе также встречается написание Целмс и Цельмс

СПИСОК ТОВАРИЩЕЙ РАБОТАВШИХ ПОД МОИМ

РУКОВОДСТВОМ В СВЕРДЛОВСКЕ :

1. ЦЕЛЫМС, Ян Мартынович - Командир Отряда внутренней охраны УМер
2. КАЯКС. Янис - В заводный ДТ 96-339, 19 окт. 65 лет 1957г
3. СНИКЕР, Ян Мартынович СМид ДТ 61-94-69
4. ИНДРИКСОН, Янис
5. КРУМИНЬШ, Николай Петрович
6. КРУМИНЬШ, Карл Бертович
7. ОЗОЛИНЬШ, Эдуард - Заместитель ЦЕЛЫМСА.
8. СИРУПС, Эдуард Францевич ДТ 78-2-33. Лешина 10/11/44 ГИРЗБУРГ 30 летр мумк
9. БРОВСКИЙ, Яков Михайлович - Комендант здания инж. Ипатьева. 3.5.
Погиб в Москве тел Г.33504. Его сын инж. Коитр. адмирал Мало-охранный прои
10. НИКУЛИН, Григорий Петрович - Заместитель Коменданта здания. 6.к 35
11. ЦИНИТ, Петр Петрович - Секретарь Комиссара тов. СВИККЕ. ДТ 22-33- Умер 26 лет 19 марта 1946г
12. ПРАТНИЭК, Карл Умер
13. КОВАНОВ, Михаил Михайлович Бывш. шифровальщик и Казначей.
14. РУБЕНИС, Эдвин Альфред Телефон 78-195.

Приложение 1.

*«Список товарищей, работавших под моим руководством в Свердловске».
Фрицс Индриксонс и Екабс Каякс поименованы как Янис
ввиду ошибки составителя*

В первую очередь следует обращаться к архиву широко известного большевика Яна Мартыновича Свикке, который в конце 50-х создал «Список товарищей, работавших под моим руководством в Свердловске» (приложение 1) /1/. Мною употребляется его сокращенное наименование «латышский список», так как уже существует сомнительный «венгерский список» И. Мейера. Свой список Свикке создавал постепенно, внимательно подбирая кандидатов, и завершил его окончательно только к концу 1961 года. На данный момент список известен в трех редакциях, датированных 1958—1961 годами, а также пересказан в тексте его воспоминаний «Последние дни днастии Романовых» /2/.

Журналистка С.В. Ильичева в 1991 году опубликовала четвертую, последнюю из версий списка, включенную в его воспоминания «Ясные дали» /3/. В этой версии, наряду с хорошо известными царубийцами Я.М. Юровским и Г.П. Никулиным, числятся 11 человек с типично латышскими фамилиями, именами и отчествами. Именно им Свикке приписывал охрану царской семьи в ДОНе. Четырнадцатым в список занесен русский М.М. Кованов, выдававший

себя за латышского стрелка и ставший главным свидетелем «деяний» Свикке-Родионова /4/. Этому составу Свикке приписывал охрану царской семьи, а себе — честь главного комиссара в ДОНе, который в финале выносил мифический приговор трибунала. Но не стоит искать в его манускриптах хоть каких-то подробностей расстрела, он так и не осмелился более подробно об этом написать, тем более — ясно заявить об участии кого-то из двенадцати в самой акции.

Потому выявить по списку новых царевубийц никому так и не удавалось, и лишь в 2001 году журналист Н. Сысоев описал одного из реальных охранников — Яниса Мартыновича Цэлмса /5/. Но его участие в расстреле осталось недоказанным, никто из серьезных исследователей данной темы не откликнулся на это из-за отсутствия каких-либо доказательств.

И только теперь, изучив весь «архив Свикке», удалось установить идентичность всех остальных охранников и работников типографии в списке. По материалам архивов, музеев и личных коллекций мною изучались биографии этих людей, записывались воспоминания родственников. В результате исследований подтвердилось, что все 12 — реальные люди, принимавшие участие в событиях 1918 года на Урале и в Сибири. Но пока не выявлены письменные документы или воспоминания, твердо доказывающие присутствие кого-либо из них в ДОНе. И только по косвенным уликам — воспоминаниям потомков, родственников и знакомых четверых из них /6/ — можно узнать об участии этнических латышских охранников в событиях Ипатьевского дома.

Кем же был этот своеобразный человек, столь усердно желавший стать знаменитым на фоне царевубийства? Документально установлено, что Свикке с 19 июня /7/ по 19 июля 1918 года находился в Екатеринбурге в качестве комиссара типографии штаба комиссариата Уральского военного округа /8/, тем самым став косвенным свидетелем главных событий. На старости лет он, будучи преподавателем истории и персональным пенсионером КПСС, выдавал себя за руководителя охраны Ипатьевского дома, Тобольского отряда и даже самого расстрела, а также именовал себя комиссаром Родионым. Но при изучении деятельности Свикке по его же личному, очень обширному архиву установлено, что все это выдумки, так как в апреле-июле 1918 года он находился совсем на других должностях. Например, до 9 июля в Екатеринбурге занимался изданием первого номера газеты Уральской секции латышских большевиков «Вперед» (по латышски «Uz priekšu!») /9/. В течение недели изданы еще два номера, так что времени для других больших дел у него просто не

оставалось. Однако именно он стал первым исследователем темы Романовых, так как уже после расстрела собирал материалы у очевидцев. Но в 1918 году ему в доме Ипатьева так и не пришлось побывать, так что свои воспоминания он позаимствовал у Р.Я. Берзина и Я.М. Цэлмса. К 19 июля в его распоряжение для эвакуации и охраны поезда прибыли четыре бывших охранника Ипатьевского дома — Янис Цэлмс, Фрицис Индриксонс, Екабс Каякс и Янис Сникерс.

Уже сразу после смерти Юровского в роковом 1938 году судьба предоставила Свикке неординарную возможность присвоить всю славу «царского дела» себе. С уходом на пенсию в 1945 году эти вымышленные «заслуги» стали для него увлечением и предметом изучения. Поэтому он до конца своих лет тщательно собирал все доступные материалы о тех событиях, общался с реальными свидетелями и участниками расстрела, писал статьи и даже мемуары. Но тогда мало кого волновала эта тема, редко кто всерьез воспринимал старого революционера, уже создавшего о себе своеобразное представление. Советские власти предпочли все это предать молчанию, и его старания опубликовать материал были заблокированы, ну а весь собранный им архив предан забвению. До и после войны он контактировал с тремя из четырех латышских охранников, как в Москве, так и в Латвии. Последняя встреча со Сникерсом¹ состоялась в 1973 году, за три года до смерти нашего героя, и четко описана по словам очевидца, его внука.

Еще в 1918 году в Екатеринбурге наш герой очень любил составлять списки, и с июля по сентябрь до нас дошли три разные версии состава сотрудников, коммунистов и технического персонала походной типографии Уральского военного округа. Самым важным из них для нас является список охраны, состоявшей из 24 охранников поезда № 11, которую в связи с эвакуацией начали формировать 19 июля (приложение 2) /10/. В типографии главным образом издавалась газета «Уральский рабочий» на русском языке, а также маленькая газета «Вперед!» — на латышском. Походная типография поезда № 11 располагалась в шести классных и в шести товарных вагонах, могла обеспечить работой и свободным проживанием до сотни сотрудников. Командиром этой охраны действительно являлся Цэлмс, а вместе с ним, как рядовые охранники, записаны и три остальных латыша внутренней охраны — Каякс, Индриксонс и Сникерс. Тем самым документально подтверждается, что сразу после расстрела четыре латыша из внутренней охраны перешли в распоряжение Свикке и стали охранять состав поезда № 11.

¹ В списках ошибочно: Сникер

Имена, Отчество и фамилии помещающихся в вагонах.	Занимаемая должность.	Принадле- мость к пар- тии.
Павел Осипович КУБИЛИС	Несение ка- раул. службы.	Коммунист.
Вольдемар Андреев РОНИС	тоже	тоже
Карл Павлович ПОДНЬК	тоже	тоже
Яков Карлович КАЯК	тоже	тоже
Ян Юрисович ЗИГМАН	тоже	тоже
Вольдемар Алекоандрович ДАМБЕРГ	тоже	тоже
Павел Петрович АНИСИМОВ	тоже	тоже
Эдуард Иванович ОЗОЛИН	тоже	тоже
Григорий Фирсанов ШЕНДЕР	тоже	тоже
Фома Степанович ЧЕРНИКОВ	тоже	тоже
Лука Францевич ПАЛЬЧЕВ	тоже	Безпартийн
Ян Вилумович ВИНАЛ	тоже	Л.-эссэр
Михаил Иванович ГРАСИС	тоже	Безпартийн
Август Петрович ПУДОЛИС	тоже	Коммунист
Эдуард Мартынович РУМПЕ	тоже	Безпартийн
Михаил Михайлович БРИНЕ	тоже	—
Янъ Рейнольдс АЖМЕН	тоже	тоже
Ян Александр. СТОЛИДЗЕН	тоже	тоже
Ян Мартынович КУПЦИС	тоже	Коммунист
Ян Янович СНИКЕР	тоже	тоже

Приложение 2. Список наличного состава людей экстренного поезда № 11 (фрагмент листа № 1).

Я. Свикке, Я. Цэлмс и Ф. Индриксонс перечислены на обороте листа № 1.

Неточности в именах Каякса, Индриксона, Сникерса и Озолинша вызваны субъективным подходом составителя списка (русификация латышских имен — Екабс на Яков, и Янис на Иван), а также опечатками

В списке доминируют фамилии прибалтийского образца (латышские, эстонские) и немецкие; бросается в глаза, что в подавляющем процентном отношении преобладают коммунисты. Но среди охранников отдельным блоком выявляются четыре фамилии другого образца — Г.Ф. Шендер, Ф.С. Черников, П.П. Анисимов и Л.Ф. Пальчев /11/, причем последние три с типично русскими именами и отчествами. В списке также указано, что первые трое были коммунистами, что немаловажно. Нетрудно прийти к заключению, что в списке перечислены четверо из пяти охранников «русского типа», подробно описанных в показаниях А.А. Якимова.

Доказательством тому служат воспоминания Юровского /12/, где он упоминает охранника Черняка. Такая фамилия на Урале практически не распространена, но Черниковых встречается вдоволь. Очевидно, что он вспомнил сокращенный вариант фамилии Черников, которым как кличкой пользовались в повседневном обиходе. По материалам первого следствия в показаниях А.А. Якимова и Ф.П. Проскурякова можно установить возраст и облик восьмерых из ДОНа. Разводящий Якимов в своих показаниях оставил подробное описание пяти персон русского облика, определив примерный их возраст, одежду, тип лица и цвет волос /13/. Без особых трудов фамилию Черников удастся связать со студентом-горняком (примерно 22–23 года, светлые волосы, в очках). В воспоминаниях В.Н. Нетребина он фигурирует как ученик Уральского училища в возрасте 21 года /14/, вместе с которым был зачислен в 1-ю пулеметную команду под командованием А.М. Верхаша. Проскуряков описывает одного из охранников с еврейским обликом, которого следует увязывать с характерной фамилией Шендер Григорий Фиршанович. Похожая фамилия работника ВЧК (Шиндер) упоминается в екатеринбургских документах 1918 года и материалах следствия. Остается добавить к списку А.Г. Кабанова и В.Н. Нетребина, которым было поручено собрать царские вещи в доме Ипатьева, — они уехали с Никулиным другим поездом. Вопрос о статусе военнопленных Р. Лахера и А.М. Верхаша в ДОНе, чье пребывание там доказано, требует отдельного исследования. В ДОНе находились также два шофера — С.И. Люханов и его помощник, первый из них стал соучастником преступления.

В итоге получается, что в ДОНе находились как минимум 15 лиц внутренней охраны и технического персонала, из которых к исполнению расстрела царской семьи привлекались восемь человек, включая Юровского и Никулина. В ночь убийства в дом прибыли П.З. Ермаков и М.А. Медведев, из внешней охраны к ним

присоединились как минимум два охранника — П.В. Медведев и А.А. Стрекотин. Тут и набирается точно указанный Юровским минимум команды в 12 человек, включая как раз шестерых охранников из числа нелатышей во внутренней охране.

Но что же делали и где находились во время расстрела четыре латышских охранника и как можно установить их непричастность к преступлению? Оказалось, об их отказе участвовать в расстреле имеется множество свидетельств очевидцев в следственном деле и воспоминаниях. К тому же мною были собраны доказательства непричастности этой четверки и по вновь выявленным источникам, в результате чего можно заявить о их троекратном алиби.

Во-первых, это подтверждается воспоминаниями троих главных участников расстрела — Юровского, Никулина и М.А. Медведева (Кудрина) /15/. Например, по всем трем текстам воспоминаний Юровского узнаем, что в последний момент два латыша отказались стрелять. Мною установлено, что это были командир внутренней охраны Каякс и Цэлмс. Двое других, Сникерс и Индриксонс, отстранились от участия уже днем, тем самым попав в число троих постовых. «Старший команды внутренней охраны» Каякс вечером расположил их на двух постах на втором этаже, а на чердак попал Кабанов. Сникерс находился все время в комендантской комнате у телефона, и к нему еще до расстрела присоединились два остальных охранника — Цэлмс и Индриксонс. Сохранилась об этом записка Свикке /16/, в которой он карандашом отдельно записал: «Сникер — дежурил у телефона», что и по воспоминаниям Сникерса подтвердили его родственники. Тем самым вторую группу алиби создают свидетельства потомков, родственников и знакомых, в том числе и самого Свикке. В-третьих, будучи коммунистами, все охранники оставили после себя множество автобиографий, служебных списков и партийных анкет, но нигде они не упоминают о своем участии в екатеринбургском расстреле. Ну а некоторые даже скрывали свое присутствие в ДОНе, что объяснимо только лишь их чувством вины и боязнью запоздалого наказания.

В итоге мы можем признать созданный Свикке на старости лет «латышский список» искусной компиляцией, так как он туда включил и шестерых реальных участников событий в ДОНе. Ну а 12 занесенных в список его сотрудников (кроме Юровского и Никулина) делятся на три разнородные группы: 1) четыре реальных охранника Ипатьевского дома; 2) пять работников типографии; 3) три латышских большевика, случайно попавшие во второй половине 1918 года в Пермскую Латсекцию РКП(б).

В первую группу попадают только четверо уже известных нам охранников, присутствие которых в Екатеринбурге и во внутренней охране дома Ипатьева в июле 1918 года очевидно. Надо отметить, что благодаря им весь этот отряд и стали называть латышским, хотя они составляли лишь четвертую часть персонала ДОНа. Все они раньше служили в полках латышских стрелков и состояли в партии большевиков с 1917 года.

Во вторую группу попадают те, кто к военным делам и охране имели весьма отдаленное отношение, но их присутствие в Екатеринбурге запечатлено в документах, фотографиях и воспоминаниях. Это пять большевиков и сотрудников походной типографии: К.Э. Пратниек¹, П.П. Цинитс², К.Б. Круминьш, Э.Я. Озолиньш и Э.Ф. Сирупс. Последние трое в списке (Н.П. Круминьш, Э. Рубенис и М.М. Кованов) в Екатеринбурге нигде не упоминаются и только во второй половине 1918 года появляются в Перми.

Поскольку автору были нужны живые свидетели, странным является причисление к списку Озолиньша, так как он один из всех двенадцати не дожил до послевоенного времени. Отсутствуют его подробные биографические данные, и потому нельзя точно установить причину его внесения в список. Надо полагать, что Свикке, скорее всего, надеялся подключить к делу какого-то другого однофамильца, так как подобное сочетание имени и фамилии довольно распространено среди латышей. Пока не установлена и причина зачисления в список Рубениса, известного участника революции 1905 года. Из всех поименованных в списке лживые показания давали только двое — Цинитс и Кованов. Цэлмс подтвердил свое присутствие в ДОНе, но под вымыслами Свикке свою подпись никогда не ставил, хотя и не оспаривал их. Таким образом, существовал своеобразный «заговор пенсионеров», из которых только Свикке и Кованов искали себе какой-то славы и признания.

Собранный Свикке архив, в том числе оригинальные фотографии, документы, воспоминания, являются ценным свидетельством о событиях июля 1918 года в Екатеринбурге. А созданные им списки сотрудников и охранников дают возможность завершить расследование длиною в столетие. По иронии судьбы надо отметить, что в противовес стараниям нашего героя сделать главным в деле им же созданные списки позволяют снять обвинение с четырех латышей и поименно выявить действительно виновных в изучаемом нами злодеянии. Но сюрпризов здесь нет — подтверждаются ранее

¹ В списке ошибочно: Пратниэк

² В списке ошибочно: Цинит

сделанные выводы российских исследователей (И.Ф. Плотникова, Н.Л. Розанова, Ю.А. Жука), а также следователя В.Н. Соловьева о том, что расстрел совершили уральские рабочие: чекисты и красногвардейцы, так же как в Перми и Алапаевске. Латышским охранникам в этом «преступлении века» просто не осталось места, к тому же от участия в этом деле они солидарно отказались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латвийский Военный музей. № RM 2-60571/1070-VII: Свикке Я.М. Ясные дали.
2. Там же. № LKM 16923/3420. Л. 1–7.: Свикке Я.М. Последние дни династии Романовых. С. 4.
3. Там же. Свикке Я.М. Ясные дали; Ильичева, С.В. Сенсационный список: Юровский не был главным царевубийцей / С.В. Ильичева // Независимая Балтийская газета. — 1991. — № 1, окт. — С. 8–9.
4. Там же. № RM 2-60569-1068-VII. Л. 1–4.: Кованов М.В. Мои воспоминания.
5. Сысоев, Николай. Телохранитель, ставший палачом / Николай Сысоев // Совершенно секретно. — 2001. — № 7/146, июль.
6. Сведения о латышских охранниках ДОНа (коллекция устных воспоминаний Г. Скутанса).
7. Удостоверение № 059 от 19 июня 1918 года, из личного архива Я.М. Свикке (коллекция документов Г. Скутанса).
8. Латвийский Военный музей, № RM 2-41346/379-VII.
9. Латвийский Государственный архив истории (Latvijas Valsts vēstures arhīvs). Ф. 54. Оп. 1. Д. 954. Л. 7
10. Список наличного состава людей экстренного поезда № 11 из личного архива Я.М. Свикке (коллекция документов Г. Скутанса).
11. Там же. С. 1.
12. Исповедь царевубийц. Подлинная история великой трагедии / автор-составитель Ю.А. Жук. — Москва: Вече, 2008. — 512 с. — С. 316.
13. Там же. — С. 473.
14. Там же. — С. 380.
15. Там же. — С. 187, 223, 285, 296, 312, 327.
16. Пропуск и список сотрудников Я.М. Свикке. Москва, от 15 декабря 1918 года. Из личного архива Я.М. Свикке (коллекция документов Г. Скутанса).

А.С. ВЫГОЛОВ
Самара

**СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С УБИЙСТВОМ
ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И ЕЕ ВЕРНЫХ СЛУГ,
произошедшие в Екатеринбурге
4–18 июля 1918 года,
в свете их трактовки как имеющих признаки
«ритуального убийства»
(опыт исследования)**

В трагических событиях июля 1918 года, связанных с убийством царской семьи и ее верных слуг, принимало участие много людей, но в действительности все действия в этой драме определили два человека: «Прибытие в Екатеринбург Императора вскрыло фигуру распорядителя Ф.И. Голощекина, а прибытие Августейших Детей — Я.М. Юровского» /1/.

Эти два большевистских руководителя во время революции приняли новые имена — Филипп Исаевич Голощекин и Яков Михайлович Юровский.

Для того чтобы понять логику действий этих людей, необходимо познакомиться с их происхождением и становлением как революционеров. На сегодня большинство исследователей располагают о них искаженными сведениями, ибо еще в молодости они сознательно порвали со своими национальными корнями, родственниками и культурой. Хотя и перенесли в свою революционную деятельность многое из своего реального прошлого...

Оба родились в 1870-х годах в очень религиозных семьях, исповедовавших иудаизм. Семья Ицика Голощекина жила в городе Невеле Витебской губернии. А невеликая еврейская община состояла в основном из сторонников широкого народного религиозного движения хасидим в части его центрального течения — хабад. Участники этого ортодоксального движения строго соблюдали все предписания Торы, и обычаи общины Невеля — яркое тому подтверждение. Ицик Голощекин имел добротный дом на Полоцкой улице, семья была обеспеченной и состояла из семерых детей. Глава семьи пользовался в общине авторитетом, так как ему принадлежал «фонарный» подряд, то есть он был главным фонарщиком в хасидской общине Невеля. К тому же очень

набожным человеком и каждый год на праздник Суккот делал свой шалашик. Несмотря на ограничения, сумел дать всем детям приличное образование. Так, его второй сын Иешуа (в обиходе Шая) поступил по окончании гимназии в зубоветеринарную школу в Риге, что давало ему право, согласно Закону от 1892 года, преодолеть черту оседлости.

Политические движения, захватившие еврейское население Российской империи в 1880-х годах, к середине 1890-х приняли окончательную окраску — абсолютное большинство евреев были деятелями левого толка. Дети Ицика попали под ассимиляцию евреев в российском обществе, но выбрали разные пути. Путь Шаи из местечка был тернистым. Начиная работать у брата Моисея в 1896 году, он ознакомился с программой сионизма, но в 1903 году сделал свой окончательный выбор в пользу социал-демократов. В 1905 году вступил в РСДРП и, приняв позиции большевиков, в своей активной деятельности дошел до личного знакомства с Лениным в 1909 году. С этого момента он и его жена Берта Перельман становятся надежными проводниками политики главы партии большевиков.

Последний раз мы можем видеть Голощекина в традиционном хасидском фраке на семейной фотографии 1902 года в Невеле. Такой же фрак носит и его брат Абрам, тоже ставший революционером. Отец и сестра Шаи упоминаются в воспоминаниях Н.К. Крупской за 1912 год как активные помощники социал-демократического движения.

Семья Хаима Юровского в 1870-х годах проживала в Томске, куда она перебралась из Каинска по окончании срока ссылки (Хаим был сослан из Полтавской губернии, вероятнее всего, за какое-то политическое преступление). Многодетная семья состояла из 10 детей. Но доход он имел минимальный: работал стекольщиком и старьевщиком, посему семья по большей части испытывала крайнюю нужду. Но, будучи сыном раввина, он в губернском Томске получил поддержку от местной еврейской общины и даже сумел снять комнату в доме скотопромышленника Дондо на Миллионной улице, где и проживал со своей большой семьей.

Хаим Юровский был глубоко верующим человеком и заставлял детей фанатично следовать заповедям Торы, зачастую конфликтуя с ними. И, скорее всего, его третий сын Янкель именно в результате такого конфликта однажды порвал с семьей и примкнул к социал-демократам. Причем ушел в революцию настолько, что в итоге «выкрестился» в лютеранство.

Свой первый революционный опыт Янкель Юровский обрел в 1897 году в Томске, где в качестве зачинщика забастовки часовщиков был уволен из артели с «волчьим билетом», что заставило его покинуть Сибирь и уехать на юг Европейской России, в Екатеринодар. Там он знакомится со своей будущей супругой Марией Янкелевной, вместе с которой посещает в 1904 году Германию, а в 1905 году после рождения в Батуми сына Александра они возвращаются в Томск, где открывают свой магазин. Но главная деятельность не была связана с коммерцией. Начиная с 1905 года Юровский содержит явку и занимается антиправительственной деятельностью. Он хранил и изготовлял поддельные документы, оружие, нелегальную литературу и прочее.

С прибытием в нарымскую ссылку группы Я.М. Свердлова Юровский окончательно заканчивает с коммерческой деятельностью. А при попытке укрыть политического преступника М.Г. Сорокина был арестован и в 1912 году сослан в Екатеринбург, где находился под надзором полиции до 1917 года.

Следует также отметить, что, помимо Янкеля и его младшего брата Эле-Мейера, в революционной деятельности больше никто из семьи Юровских не участвовал.

О событиях 1918 года Юровский оставил несколько воспоминаний. Причем два из них вызывают у нас особый интерес.

В рецензии В.Д. Бонч-Бруевича на воспоминания Юровского от 1922 года (записанные с его слов Ф.Ф. Сыромолотовым) говорится: «К этой исторической рукописи автор нашел нужным рассказать в предисловии о своем еврейском происхождении, бедности своего семейства, как будто бы это имело какое-либо значение при выполнении приказа центральной, правительственной и партийной власти <...> Эта несвязчивость со своим национальным происхождением ослабляет общую картину описания всего этого огромного исторического события, перенося его из сферы общенациональной в дело, в которое примешаны элементы почти личной мести»/2/.

Возникает вопрос: что же это была за «личная месть?»

В своем последнем письме сыновьям в июне 1938 года Юровский признается: «Так сложилось, что я вам почти ничего не рассказывал о себе, особенно о моем детстве и молодости. Сожалею об этом... Несколько раз брался я за перо, чтобы написать книжечку воспоминаний... Увы, не смог» /3/. А почему?

Теперь рассмотрим некоторые правила ритуального убийства (убоя) жертвы, практиковавшиеся в древние и новые времена у иудеев.

1. Жертва перед убоем не должна быть больна. Если она болеет, ей надо подлечиться.

2. Порядок убоя не имеет точного описания ни в Торе, ни в одной из других книг. Имеются лишь правила шехиты (ритуальной резки скотины для употребления в пищу). Однако предписывается, что смерть жертвы во время убоя должна наступить быстро и безболезненно, без мучений, посредством кровопускания.

3. По завершении убоя кровь жертвы должна быть пролита на землю, а пролитая кровь покрыта землею. Можно заменить землю, например, растертым кирпичом, древесными опилками, золою и т. д.

4. После этого тело жертвы должно быть помещено в воду для удаления всей крови из тела.

5. Запрещается убой матери и плода в один и тот же день. Если они подлежат убою, то убой должен быть в разные дни (например, сегодня и завтра). Исключение допускается, если мать или плод (один из них) будут признаны негодными для целей жертвоприношения.

6. После удаления крови тело вскрывается и исследуются внутренние органы.

7. После исследования органов отделяются плечо, челюсть и желудок или адекватные части (палец, щеки и задняя часть) для принесения в дар.

8. Далее с телом поступают согласно цели убоя.

9. Убой должен производиться непременно иудеем («израильтянином»).

10. Если убой имеет целью искупление грехов, то для этого «приводились два козла, похожие друг на друга внешнею, ростом, одинаковой ценности, и в одно и то же время взятые из стада» /4/. Один из них, помеченный красной материей, предназначался Азазелю и отпускался на волю в пустыню. Второй козел подвергался убою за грехи. Отпуск первого козла на волю строго контролировался, даже потом его нельзя было принести в жертву.

Теперь соотнесем действия убийц царской семьи с вышеуказанными практиками.

1. При определении, какие лица будут допущены к проживанию в заключении вместе с царской семьей, выбрали доктора Е.С. Боткина. При воссоединении семьи с августейшими детьми были разрешены посещения доктора В.Н. Деревенко. Семья находилась под постоянным наблюдением врачей.

2. Непосредственная подготовка к убийству началась 4 июля 1918 года с назначением Юровского новым комендантом ДОНа.

Вступая в должность, он знал, что ему предстоит убийство 12 узников. При определении способа убийства он выбрал расстрел. Для учинения мгновенной смерти ему потребовалось набрать команду из 12 индивидуальных палачей и использовать эффект неожиданности. Команду убийц (внутренний караул) Юровский привел в дом через четыре дня, то есть 8 июля.

Из записи беседы с И.И. Родзинским от 15 мая 1964 года:

«М.М. Медведев:

— Кто же подбирал непосредственно исполнителей?

И.И. Родзинский:

— Он сам. Никто не вмешивался. Он сам подбирал»/5/.

3. Древесные опилки были завезены Юровским якобы для благоустройства усадьбы. Однако использовались они по другому назначению.

Из протокола допроса Ф.П. Проскурякова от 1–3 апреля 1919 года:

«По приказанию Медведева Кронидов принес из-под сарая со двора опилок. Все мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь»/6/.

Из протокола допроса А.А. Якимова от 7–11 мая 1919 года:

«Когда трупы были уже унесены из дома, тогда двое из «латышей» — молодой в очках и другой молодой, лет 22, блондин — стали метелками заметать кровь и смывать ее водой при помощи опилок. Говорили Клещев с Дерябиным, что кровь с опилками куда-то выкидывалась, в какое-то, как я понял, подполье в самом доме, но хорошо я этого не помню» /7/.

4. После убийства требовалось удалить кровь из тел. Для этой цели Юровский за несколько дней до убийства выискивал подходящую шахту с водой, в которой тела убитых должны были отлежаться в воде не менее суток. Такую неглубокую шахту нашли вблизи деревни Коптяки. Она была удобна для спуска и подъема тел. Шахту Юровский нашел через четыре дня после того, как он привел внутренний караул, — 12 июля 1918 года.

5. Основная проблема заключалась в том, что мать и детей нельзя было убивать в один и тот же день. Данная проблема решалась только одним способом: убийство должно произойти на стыке двух дней, то есть в полночь. Чтобы обойти этот строжайший запрет, самым лучшим выходом было перевести стрелки часов, что и сделали тогда, когда еще только задумывалось убийство. Со времени екатеринбургского часа перевели на московское, тем самым запутав как возможные показания свидетелей, так и реальное время.

6. На данный момент достоверно неизвестно, сколько тел убитых было вскрыто. Точно можно утверждать, что расчленили двоих: царевича Алексея и княжну Марию. Кто вскрывал тела? Нам это неизвестно. Мы знаем также, что тела расчленили перед уничтожением. Примечательно, что, когда тела извлекали из шахты, на наследнике была одета лишь матроска. Что скрывалось под ней? Рубцы на теле? Не для сокрытия ли повреждений тел на случай их обнаружения использовалась привезенная позднее серная кислота? На случай обнаружения тел?

7. На руднике Ганина Яма белым следствием были обнаружены фаланга человеческого пальца («плечо») и вставная челюсть Боткина («челюсть»).

8. Какие манипуляции проводились с телами 18 июля (в девятый день месяца Ава 5678 года по еврейскому календарю), мы не знаем.

Но в своей работе «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале» генерал М.К. Дитерихс уточняет:

«18 июля в первой половине дня в Коптяковский лес приходили 2 грузовых автомобиля; один привез запас бензина для того грузовика, который застрял у Ганиной ямы, и бочку пудов в 10–12 керосина; другой грузовик еще с чем-то 3 бочки. <...> Во второй половине дня того же 18 июля в Коптяковский лес приехали Исаак Голощекин и Янкель Юровский. Исаак Голощекин приехал на легковом автомобиле еще с двумя какими-то лицами из “чрезвычайки”, но автомобиль оставили у будки № 184, а дальше ушел со своими спутниками пешком. Очень поздно вечером вернулись из леса назад к будке № 184 и уехали в легковом автомобиле в город, за ними же уехал в город и один из грузовиков, пришедших днем. Исаак Голощекин остался на ночь в лесу» /8/.

9. Убийством руководил Юровский и определенные им лица, а также два назначенных человека.

10. Странное сохранение жизни поварскому ученику Леониду Седневу вызвало удивление у многих.

Из воспоминаний бывшего члена коллегии Уральской областной чрезвычайной комиссии М.А. Медведева (Кудрина) от декабря 1963 года:

«Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика.

— Какого? Наследника? Я — против! — возражаю я.

— Да нет, Михаил, кухонного мальчика Леню Седневу нужно увести. Поваренка-то за что... Он играл с Алексеем» /9/.

Но иного объяснения, чем сравнение с ритуальным козлом отпущения, этот «акт милости» не имеет.

Выводы: в действиях преступников прослеживаются элементы ритуальности, но сам факт убийства царской семьи ритуальным убийством признать нельзя. Нет главных доказательств, обозначенных в пунктах 6 и 8, на основании которых можно с некоторой вероятностью сделать соответствующие выводы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Соколовъ, Н. Убийство царской семьи / Н. Соколов. — Берлин: Слово, 1925. — С. 133.
2. Исповедь цареубийц. Убийство Царской Семьи в материалах Предварительного Следствия и в воспоминаниях лиц, причастных к совершению этого преступления / автор-сост. Ю.А. Жук. — М.: Вече, 2008. — С. 281.
3. Резник, Я.Л. Чекист / Я.Л. Резник / Повести. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. — С. 132.
4. Еврейская энциклопедія: сводъ знаній о еврействе и его культуре въ прошломъ и настоящемъ / Общество для научныхъ еврейскихъ изданій; С-Пбъ.: Брокгаузъ—Ефронъ, 1908—1913 гг. — Том I. — С. 536.
5. Исповедь цареубийц. — С. 423.
6. Там же. — С. 393.
7. Там же. — С. 481.
8. Зайцев, Г.Б. Романовы в Екатеринбурге / Г.Б. Зайцев. — Екатеринбург: Сократ, 1998. — С. 188.
9. Исповедь цареубийц. — С. 186.

Ю.А. ЖУК
Москва

ИЗ КАКОГО ОРУЖИЯ БЫЛИ УБИТЫ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ И ЕЕ ВЕРНЫЕ СЛУГИ?

*Ровно в полночь Яков Юровский, возглавляющий команду палачей,
спустился вниз, чтобы разбудить своих узников.
В карман он засунул кольт с семью патронами,
а за пазухой у него имелся еще маузер
с деревянным ружейным прикладом и десятью патронами.*
Роберт К. Мэсси. Романовы. Последняя глава.

Отрывок из книги Р.К. Мэсси приведен автором неслучайно и, по его мнению, может служить эпиграфом к данной работе.

Не умаляя достоинств книги Мэсси и не ставя перед собой задачи более углубленной оценки всего произведения в целом, все же хотел бы заметить, что данный автор вообще не задумывался над тем, что выходит из-под его пера. Иначе как можно было написать подобное: «...за пазухой у него имелся еще маузер с деревянным ружейным прикладом и десятью патронами»?

Если бы Мэсси хоть раз видел пистолет Маузера «К-96/12» (а именно такой был у Я.М. Юровского во время убийства царской семьи), то, без сомнения, представлял бы себе его размеры (345 миллиметров в кобуре, а будучи пристегнутым к ней — 595 миллиметров) и наверняка подумал бы, прежде чем написать подобное...

Информируя читателя о личном оружии бывшего коменданта Дома особого назначения Юровского, Мэсси, вероятнее всего, был знаком с текстом его пояснительной записки на имя директора Музея Революции СССР С.И. Мицкевича, написанной не позднее 13 марта 1927 года. Ведь именно в ней Юровский поясняет причины передачи в музей принадлежащего ему оружия, которое именует не иначе, как «орудие казни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков верной им до гроба челяди».

Согласно содержанию записки, этим оружием являлись два пистолета, хранившихся у него со времен Гражданской войны: «один системы кольт номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы маузер за № 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук».

Ознакомившись с текстом записки, Мэсси попросту переименовал «деревянный чехол-ложу» в «деревянный ружейный при-

клад», что по своей сути вообще-то верно, за исключением несоразмерности данного оружия в случае его скрытого ношения за пазухой, о чем уже говорилось выше.

Однако не только зарубежные, но и некоторые отечественные исследователи порой более чем смело пытаются «пуститься в рассуждения» о предметах, даже близко им не знакомых.

Ошибочность выводов в таких случаях зачастую связана как с поверхностным знанием исследуемого предмета (большей частью из-за обычной невнимательности или нежелания до конца разобрататься в таковом), так и с «махровым» дилетантизмом, выдаваемым за научные рассуждения.

Наиболее яркий тому пример — работа писателя-исследователя Л.М. Сониной «Правда и ложь о тайне века», сокращенный вариант которой был опубликован на интернет-сайте: <http://www.agama.ru/rclub/journal/ural/UR//sonin.html>. (Впоследствии автор свою работу расширил и издал в виде книги под названием «Покер на костях», а также «Загадка гибели царской семьи».)

Да простит меня упомянутый автор, но в размахе своих фантазий он перешеголял даже самого П.З. Ермакова.

Несколько слов хотелось также сказать о некоторых ошибках и ляпах, связанных напрямую с оружием цареубийц.

В № 1 журнала «Родина» за 1993 год было помещено фото принадлежавшего Ермакову маузера К-96 модели 1912 года, заводской № 161474, снабженное пояснительной подписью: «Пистолет, принадлежавший Юровскому, из которого был убит последний российский император <...>»

Спустя семь лет в № 7 этого же журнала было опубликовано фото револьвера Нагана образца 1895 года (причем выпущенного после 1940 года, свидетельством чему — его модифицированная мушка), снабженное подписью: «Револьвер, из которого был застрелен Николай II».

Но если первое фото использовалось лишь в виде иллюстративного дополнения к сокращенному варианту воспоминаний Юровского «Последний царь нашел свое место» (в журнале они были опубликованы под заголовком «Исповедь палача»), то второе являлось одной из иллюстраций к интервью Л.А. Анненского со старшим прокурором-криминалистом отдела криминалистики Главного следственного управления Генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьевым. Таким образом, журналистские ляпы уже бросали тень на компетентность всего следствия в целом...

Однако обо всем по порядку.

В 1998 году издательство «Банк культурной информации» выпустило в свет книгу екатеринбургского журналиста Э.Г. Якубовского «Расстрел в подвале». Одну из иллюстраций в ней автор подписал так: «Оружие расстрельной ночи: маузер, наган, кольт. Фото Б. Полякова».

Но при более внимательном рассмотрении замечаешь, что фото пистолета Маузера К-96 модели 1912 года, расположенное в верхней части страницы, помещено в зеркальном изображении...

Не меньший интерес может вызвать и расположенный под ним «наган», изображение, а точнее говоря, рисунок которого позаимствован автором из книги моего отца — А.Б. Жука «Револьверы и пистолеты» или какой-либо другой его книги о стрелковом оружии. Однако рисунок сей есть не что иное, как изображение револьвера Нагана модели 1878 года, в то время как убийцы были вооружены револьверами Нагана образца 1895 года!

Что же касается пистолета Кольта М1 модели 1911 года, то здесь, пожалуй, не будет никаких особенных замечаний, за исключением разве того, что на данном фото изображен пистолет обычного американского серийного производства, а не его разновидность, специально изготовленная для России и имевшая клеймо «англ. заказ».

И, тем не менее, иллюстрация понравилась и стала использоваться некоторыми авторами.

Так, в частности, известный уральский историк, доктор исторических наук И.Ф. Плотников в своей книге «Правда истории. Гибель Царской Семьи» (Свердловская региональная общественная организация «За духовность и нравственность», Екатеринбург—Москва, 2003) сделал по поводу оружия царевбийц свои, не менее интересные умозаключения, а фото поместил точно под такой же подписью, убрав лишь фамилию его автора.

Так вот, рассуждая на тему оружия, Плотников делает просто «умопомрачительные открытия»:

«Заявки от 17 июля в “военный комиссариат” о выдаче “нагановских патронов 520 штук и маузера 4 обоймы” создают представление о том, сколько было израсходовано боеприпасов командой преступников, скорей всего только теми, кто состоял в команде ДОН (приглашенные для разового участия в этом М.А. Медведев, П.З. Ермаков, С.П. Ваганов — не в счет; они имели свои источники пополнения). В магазинах маузера (разной конструкции) вмещалось по 8 и 10 патронов. Речь шла о трех десятках патронов, а в целом — примерно 550. Сколько расходовали те трое — неве-

домо. Ермаков расстрелял комплекты трех револьверов, а все — не менее чем вдвое больше. И в целом этот вопрос для истории ясен. Необычайно щедро расходовали убийцы патроны: десятки на каждую жертву!»

Но если профессору Плотникову этот «вопрос для истории» кажется ясным, то исследователь П.В. Мультигули в своей книге «Свидетельства о Христе до смерти» (Фонд «Русский предприниматель», Екатеринбург, 2008) посвящает данной теме целую главу под названием «Исследование огнестрельного оружия при убийстве Царской Семьи».

Имея некоторый опыт оперативной работы, Мультигули, без сомнения, разбирается в вопросах оружия несколько лучше, нежели уважаемый Иван Федорович. Однако и он допускает в своих рассуждениях серьезные ляпы. И если ошибка Ивана Федоровича состоит лишь в серьезном преувеличении количества произведенных убийцами выстрелов (если не считать не существующего в природе «восьмизарядного» маузера), то «научность рассуждений» Петра Валентиновича в упомянутой главе порой не менее абсурдна.

А чтобы не быть голословным, приведу лишь несколько примеров.

В первую очередь удивляет то, что, выстраивая свои суждения (и не только относительно оружия!), Мультигули делает ссылки на какие-то мифические «свидетельства А.Г. Белобородова» в изложении некоей Л. Норд, которые по своей лживости могут конкурировать разве что с «откровениями» монаха-расстриги Илиодора (С. Труфанова), поведавшего миру об «отрубленных царских головах». Не меньшее удивление вызывает и ссылка на «рассказ Войкова», чье участие в расстреле до сих пор продолжает восприниматься всерьез некоторыми исследователями.

О некоторых других его ошибках или, так сказать, прочих нестыковках, уж совсем непростительных для бывшего оперуполномоченного, хотелось бы поговорить особо.

С одной стороны, Мультигули совершенно справедливо поражается количеству в 550 пуль, якобы выпущенных убийцами по своим жертвам. А с другой — неожиданно соглашается с тем, что «расстрел был осуществлен в течение 15 минут». Хотя если бы он более внимательно читал воспоминания того же Г.П. Никулина, то наверняка бы знал, что таковой длился не более 5 минут...

Не совсем понятны и его рассуждения о каких-то неведомых «спецчастях ВЧК», которые в 1918 году были вооружены пистолетами Маузера К-96...

Называя известного бельгийского оружейника Леона Нагана запанибрата не иначе как Лео, Мультиатули пишет, что его револьвер «состоял на вооружении русской армии перед Первой мировой войной и во время войны». И это также весьма примечательно, так как данная оружейная система была принята на вооружение императорской Русской армии, согласно высочайшему повелению государя императора Николая II Александровича от 13 мая 1895 года, то есть задолго до войны.

Весьма любопытно также и то, как Мультиатули характеризует этот «чересчур сложный», по его мнению, револьвер (хотя последний и находился в строю более полувека и продолжает нести службу в некоторых подразделениях ВОХР вплоть до настоящего времени): «Он медлителен при снаряжении — надо откинуть шомпол, открыть дверцу барабана, последовательно выбить стреляные гильзы и так же последовательно заполнить камеры новыми патронами».

Все вроде бы правильно. Но хотелось бы, однако, заметить, что шомпол у данной модели револьвера не откидывается, а вытягивается вперед, после чего вместе с шомпольной трубкой поворачивается влево до упора последней.

Упоминание же Петром Валентиновичем экспериментальной модификации этого револьвера с откидным вбок барабаном (относящейся к 1915 году) и вовсе неуместно, так как она была выпущена в количестве всего нескольких сотен экземпляров и к 1917 году не успела получить широкого распространения в войсках.

Весьма интересная мысль прослеживается у данного автора и в следующем полемическом абзаце: «Таким образом, если бы огонь по узникам дома Ипатьева велся исключительно из наганов, то для того, чтобы выпустить из них 500 пуль, убийцам понадобилось бы 70 с лишним “наганов” либо 700 патронов!»

Читаешь и просто восторгаешься! Ведь насчет «70 с лишним “наганов”» — это прямо в точку! Если, конечно, не забыть приплюсовать к ним еще один револьвер. Ведь из 71 револьвера Нагана можно выпустить 497 пуль, то есть количество, близкое к 500. А вот как увязать это число пуль с 700 патронами, лично для меня — загадка: ведь, как ни крути, а куда-то надо списать еще 200 пуль!

Не обошел стороной Мультиатули и излюбленное оружие Гражданской войны — пистолет Маузера «К-96». Поразмыслив немного о его тактико-технических характеристиках, а также о требованиях, которые это оружие предъявляет к своим владельцам (зоркость глаза, сильная рука и т. п.), он делает еще один, подоб-

ный предыдущему, вывод: «для убийства понадобилось 50 маузеров либо 50 обойм с патронами». Ну, «50 маузеров» — это понятно. Ведь количество предполагаемого наличия в них пяти сотен патронов как раз соответствует пяти сотням означенных Плотниковым пуль. Но при чем здесь тогда 50 обойм, которые сами по себе не стреляют?

Рассуждая далее о пистолете Кольта М1911, Мультиатули почему-то проводит аналогию его тактико-технических характеристик с пистолетом Маузера К-96: «Все вышеизложенное можно с уверенностью отнести к американскому кольту (браунингу) образца 1911 года». Но с этим никак нельзя согласиться, так как, в отличие от пистолета Маузера К-96, пистолет Кольта М1911 имел несравнимо больший калибр — 11,43 мм (.45). И это при начальной скорости пули в 250 метров в секунду, то есть почти такой же, как и у пули нагана. Но, по сравнению с револьверными, пуля кольта обладала более сильным останавливающим действием и при попадании фактически в любую часть человеческого тела начисто лишала раненого возможности какого-либо дальнейшего сопротивления.

Но когда дело доходит до описания следующего вида оружия — пистолета Браунинга, Мультиатули совершает уже куда более серьезный просчет: путает модель 1900 года с моделью 1903-го! А ведь это два существенно отличающихся друг от друга пистолета...

А посему возникает вопрос: как бывший оперативный работник не усмотрел разницы между пулями калибра 7,65 мм к стандартному патрону браунинга (фото которых имеются почти во всех изданиях книги Н.А. Соколова и других источниках) и пулями калибра 9 мм к длинному патрону браунинга?

Секрет же, по всей видимости, прост: в своем исследовании Мультиатули допустил элементарную небрежность, в результате чего тот самый «исторический пистолет» Браунинга модели 1900 года, заводской № 389965, оказался «заменен» на пистолет Браунинга модели 1903 года, пули к которому были найдены в 2007 году.

Мультиатули также указывает на тот факт, что из стен и пола комнаты следствием были изъяты 22 пули: «1 — из браунинга, 2 — из пистолета неустановленной системы и остальные из нагана». (К этому пистолету «неустановленной системы» мы еще вернемся). И это справедливо. Однако он не говорит ни слова о пулях, обнаруженных при вскрытии «царской могилы» в 1991 году, а также в ходе поисковых работ в 1993 и 2007 годах. Посему, прежде чем рассказать о таковых, автор позволит себе сначала сделать некоторые выводы в отношении огнестрельного короткоствольного оружия, которым располагали убийцы.

Вначале я уже упоминал о сдаче Юровским в Музей Революции СССР двух пистолетов — маузера и кольта, которые тот в прилагаемой записке называет «револьверами». А чтобы не вызывать кривотолков, следует пояснить, что словом «револьвер» по укоренившейся в то время привычке (револьверы были изобретены значительно раньше автоматических пистолетов), могли называться как непосредственно сами револьверы, так и автоматические пистолеты.

Еще одно весьма существенное дополнение к сданному Юровским оружию делает Никулин, поясняя, что сданный им пистолет Маузера был моделью с коротким стволом. (Пистолеты этой системы выпускались с длинными — 140 мм — и короткими — 98 мм — стволами.) Что же касается сданного Юровским пистолета Кольта М1911, то, судя по его номеру, он также принадлежал к партии этих пистолетов, поставляемых в Россию.

Здесь следует пояснить, что в 1915 и 1916 годах пистолеты данной модели поставлялись правительством США по заказу Военного министерства Российской империи. Общее количество пистолетов составило 15 000 штук. И, видимо, одна из партий, не успев дойти до действующей армии, осела где-то на военных складах в Екатеринбурге. (По словам историка-архивиста М.М. Медведева, сына М.А. Медведева (Кудрина), этими пистолетами были вооружены все члены коллегии Уральской ОблЧК, а также некоторые рядовые сотрудники. Кстати, аналогичная модель пистолета в свое время выставлялась в одном из залов Свердловского объединенного краеведческого музея.)

Еще одним косвенным доказательством того, что Юровский в 1918 году располагал пистолетом этой системы, служит нижеследующий факт. В наряде окружного хозяйственного управления Уральского военного округа, выписанном 10 июля 1918 года на отпуск вещей коменданту ДОН с Екатеринбургского вещевого склада, в числе прочих наименований упомянута и кобура для «револьвера Кольт» в количестве 1 штуки, в чем затребовавшему ее лицу было отказано ввиду отсутствия таковой на складе. (В настоящий момент в экспозиции Государственного центрального музея современной истории России выставлена принадлежащая Юровскому кобура к пистолету Кольта, вероятнее всего считающаяся по его заказу и представляющая собой увеличенный аналог кобуры к револьверу Нагана.)

Наличие у Юровского данных «орудий убийства» подтверждает и бывший разводящий А.А. Якимов. Так, будучи допрошенным в

качестве обвиняемого 7–11 мая 1919 года судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколовым, он, в частности, показал:

«Относительно оружия могу сказать следующее. У Юровского было два револьвера. Один у него был большой маузер, другой — наган. У Никулина также был наган. Кроме того, я видел в комендантской комнате большой револьвер, похожий по устройству на браунинг, но не браунинг, гораздо большего калибра револьвер. Я не знаю, как он назывался; возможно, что и кольт. У всех «латышей» были револьверы. Этих револьверов я не видел, но, судя по кобурам, думаю, что у них были наганы. У Медведева, когда я еще только поступил в охрану, был наган».

Фактически то же самое подтверждает и начальник караула П.С. Медведев: «У Юровского, кроме нагана, был маузер».

Более подробную картину распределения оружия среди убийц дает в своих воспоминаниях М.А. Медведев (Кудрин): «Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет себе два нагана и засовывает их за пояс, по нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев. Я отказываюсь, так как у меня два пистолета: на поясе в кобуре американский “кольт”, а за поясом бельгийский “браунинг” (оба исторических пистолета — “браунинг” № 389985 и “кольт” калибра 45, правительственная модель “С” № 78517 — я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный “маузер”), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган».

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что во время убийства царской семьи у Юровского был пистолет Маузера и револьвер Нагана образца 1895 года, а не кольт М1911. У Никулина и П.С. Медведева — револьверы Нагана, у М.А. Медведева (Кудрина) — пистолеты Браунинга модели 1900 и Кольта М1911, у П.З. Ермакова — три револьвера Нагана.

Один из так называемых «латышей», начальник пулеметной команды ДОН А.Г. Кабанов, годы спустя признал, что принимал непосредственное участие в расстреле, о чем поведал в своих «Личных записках»: «Разрядив свой наган по приговоренным, я побежал на чердак и прилег к пулемету, чтобы выполнить данный мне товарищем Юровским приказ». Значит, плюс еще один наган.

В убийстве царской семьи принимали участие восемь человек. Об участии вышеназванных шестерых можно сказать с уверенностью. А вот о личностях еще двух предполагаемых убийц —

сотрудниках Уральской ОблЧК С.А. Бройдте и А.Я. Биркенфельде (настоящее имя А.Т. Паруп) — автору стало известно со слов М.М. Медведева, которому, в свою очередь, рассказал о них его отец М.А. Медведев (Кудрин).

О том, каким оружием были вооружены эти двое, никаких упоминаний не сохранилось. Однако думается, что Бройдт, как самый молодой чекист, был вооружен револьвером Нагана. А вот Биркенфельд (Паруп) вполне мог иметь в своем распоряжении более престижное оружие, каким в то время являлся пистолет Кольта модели 1906 года калибра .32 (7,65 мм), так называемая карманная модель. Или, как его еще называли, пистолет Кольта-Браунинга, представляющий собой уменьшенный вариант пистолета Браунинга модели 1903 года и получивший до начала Первой мировой войны самое широкое распространение. Почему именно он? Да потому, что на тот момент только он, единственный из пистолетов калибра 7,65 мм под стандартный патрон браунинга, имел правый уклон полей нарезов.

Таким образом, подведя некоторые итоги, мы можем смело утверждать, что убийцы, явные и предполагаемые, были вооружены нижеследующим оружием:

Юровский — пистолетом Маузера К-96 модели 1912 года калибра 7,63 мм с коротким стволом и револьвером Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

Никулин — револьвером Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

П.С. Медведев — револьвером Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

М.А. Медведев (Кудрин) — пистолетами Браунинга 1900 года калибра 7,65 мм и Кольта М1911 калибра .45 (11,43 мм);

Ермаков — тремя револьверами Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

Кабанов — револьвером Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

Бройдт — револьвером Нагана образца 1895 года калибра 7,62 мм;

Биркенфельд (Паруп) — пистолетом Кольта образца 1906 года калибра .32 (7,65 мм).

Теперь далее. Из всего перечисленного оружия каждый из убийц мог произвести нижеследующее количество выстрелов:

Юровский — 10 + 7, то есть 17;

Никулин — 7;

П.С. Медведев — 7;

М.А. Медведев (Кудрин) — 7 +7, то есть 14;

Ермаков — 7 +7+7, то есть 21;

Кабанов — 7;

Бройдт — 7;

Биркенфельд (Паруп) — 7.

Итого: 87 выстрелов, что уже никак не похоже на цифру 550, предполагаемую Плотниковым и Мультиатули.

Со слов Юровского получается, что он расстрелял все 10 патронов из своего маузера, а также все патроны из своего кольта. Однако следствие и все дальнейшие поисковые работы выявили в комнате дома Ипатьева и на месте тайного захоронения трупов Романовых и их слуг всего лишь три пули калибра 7,63 мм. А так как пробить двери кладовой могли только пули маузера, то, значит, предполагаемое количество выстрелов, произведенных из пистолета Юровского, соответствует не менее чем четырем. Но со слов П.С. Медведева мы также знаем, что Юровский произвел не менее двух-трех выстрелов из нагана в голову наследника цесаревича. Но все же попробуем поверить Юровскому в том, что он действительно израсходовал всю обойму своего маузера, тем более что косвенным подтверждением этому является свидетельство М.А. Медведева (Кудрина).

Итак, следуя простому подсчету, получается, что Юровский произвел не менее 13 выстрелов.

Говоря об участии Никулина, можно сказать, что он произвел из своего нагана от одного до семи выстрелов. (После произведенного им одного-единственного выстрела он, не в силах выдержать взгляда раненого ребенка, вышел на улицу. Но мы все же на время представим себе, что он расстрелял все патроны из своего револьвера, то есть все семь штук.)

В отношении роли П.С. Медведева в царубийстве автор настоящего труда склонен считать, что он в таком не участвовал. Однако на время представим себе, что он произвел из своего нагана не два-три выстрела в государя, а все семь.

О количестве выстрелов, произведенных М.А. Медведевым (Кудриным), стало известно из его же собственных воспоминаний, благодаря которым мы знаем, что пять выстрелов из своего браунинга он произвел в государя, два остальных — в кого-то из жертв, а единственным выстрелом из своего кольта оборвал жизнь великой княжны Татьяны Николаевны. Таким образом, общее количество всех произведенных им выстрелов равняется восьми.

О том, сколько выстрелов произвел по своим жертвам Ермаков, стало известно также из воспоминаний М.А. Медведева (Кудрина), который прямо указал на то, что, расстреляв патроны в двух револьверах, он «стреляет из третьего нагана». И опять-таки, округляя количество выстрелов до максимального количества, мы на время представим себе, что Ермаков расстрелял патроны во всех трех револьверах, то есть произвел по своим жертвам 21 выстрел.

Количество выстрелов, произведенных Кабановым, также не подлежит сомнению, так как с его же собственных слов, приводимых немного выше, он полностью «разрядил» свой наган «по приговоренным», то есть произвел семь выстрелов.

Что же касается Бройдта, то если его участие в расстреле и вызовет сомнение у некоторых читателей, то смею заметить, что в нашем случае это никак не изменит суть рассматриваемого вопроса. Ведь если и не он, так кто-нибудь другой, вооруженный револьвером Нагана, стрелял в ту ночь в этой полуподвальной комнате... Так что вполне можно допустить, что и Бройдт выстрелил из своего нагана семь раз.

И, наконец, Биркенфельд (Паруп), участие которого в убийстве также может вызвать сомнения. Тем не менее три пули от предполагаемого автором пистолета Кольта модели 1906 года были обнаружены следствием в ходе эксгумации останков Романовых и их слуг в 1991 году. Поэтому, как и в предыдущем случае, можно на время предположить, что Биркенфельд (Паруп) выстрелил из своего пистолета семь раз.

В ходе простого подсчета несложно убедиться, что общее число выстрелов по жертвам составило уже 77 выстрелов, а не 87, как было при нашем изначальном подсчете. А так как мы умышленно увеличили число выстрелов, то попробуем посчитать их общее количество, более близкое к действительности.

Анализируя количество выстрелов, произведенных Юровским, можно допустить, что он все же сумел выстрелить из своего маузера 10 раз. (Хотя число пуль к пистолету этой системы, изъятых следствием и найденных в ходе поисковых работ, отнюдь не говорит в пользу этого варианта!) Так что, вернее всего, он произвел из своего пистолета не более шести выстрелов. Но мы знаем, что Юровский стрелял также и из нагана, произведя два или три выстрела. Значит, не менее девяти и не более 13 выстрелов.

Количество выстрелов, произведенных Никулиным, колеблется от одного до семи.

Мы также знаем, что П.С. Медведев «ходил слушать выстрелы» и пришел назад уже, что называется, к шапочному разбору. Посему количество произведенных им выстрелов равняется нулю.

Количество выстрелов, произведенных М.А. Медведевым (Кудриным), не подлежит сомнению — ровно восемь.

Сколько выстрелов сделал Ермаков, предположить сложно. Однако не подлежит сомнению, что не менее 17-ти, но и не более 21-го.

Количество выстрелов, произведенных Кабановым, также не подлежит сомнению — ровно семь.

Относительно выстрелов, произведенных Бройдтом, можно смело предположить, что общее их количество также составило ровно семь.

А предполагая количество выстрелов, произведенных Биркенфельдом (Парупом), можно прийти к выводу о том, что их было никак не менее трех-четырех, но и не более семи. (Хотя, по мнению автора, первое предположение ближе к истине.)

Подводя же итоги нашим исследованиям и с учетом обнаруженных в 1918, 1991, 1993, 1998 и 2007 годах пуль, можно смело утверждать, что по царской семье и ее верным слугам было произведено порядка 55—65 выстрелов, посему «версия» о 520 выстрелах не выдерживает никакой критики.

С.В. ИЛЬЧЕВА

Екатеринбург

ВОСПОМИНАНИЯ О Я.М. СВИККЕ

Воинские части латышских стрелков появились во время Первой мировой войны. Весной 1915 года войска кайзера подошли к Курляндии (современная юго-западная часть Латвии — Курземе). Верховный главнокомандующий российской армией великий князь Николай Николаевич получил просьбу от двух депутатов-латышей IV Государственной думы Я. Голдманиса и Я. Залита. Они просили разрешения приступить к формированию латышских воинских частей. Эти части были основой латышской стрелковой дивизии, ставшей военной опорой большевиков после Октябрьской революции 1917 года. Именно латышские полки принимали главное участие в разгроме всех выступлений против советской власти. Они яростно служили революции и Ленину. Известна поговорка: «Советская власть держится на еврейских мозгах, латышских стрелках и русских дураках».

Некоторые исследователи считают большой загадкой феномен беззаветной преданности латышских красных стрелков делу Ленина. Думается, здесь нет особой тайны. Социальная психология батрака в первую очередь объясняет ненависть латышей к «баронам». У латышей исторически не было своего дворянства, все они вышли из батраков, поколениями работавших в поместьях немецких баронов.

В момент создания стрелковых формирований шла война с Германией. Латвии, как государства, еще не было, а были три губернии царской России: Курляндская, Лифляндская и Витебская. Каждый латыш, ставший стрелком, психологически защищал свой хутор. Эту суть хорошо уловил певец Октябрьской революции поэт Демьян Бедный:

*Скажи: «барон!» И, словно бешеный,
Латыш дерется, все круша.
Чай, не один барон повешенный
Свидетель мести латыша.*

*Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!*

Большевики никак не могли обойтись без красных латышских стрелков и в трагических событиях лета 1918 года, связанных с гибелью императорской семьи в Екатеринбурге, хотя их участие отрицается почти всеми исследователями, изучавшими подробности июльской драмы в доме Ипатьева. Лично мне причастность латышей к «царскому делу» стала известна в 1960-е годы. Но это было свидетельство пока только одного человека — старого латышского большевика Яна Мартыновича Свикке. Родился он в 1885 году в Курляндии (точнее в Курляндской губернии), на хуторе Вецумниеки, в семье батрака. Этот рефрен «из семьи батрака» проходит через биографии всех латышей. В том числе и тех, кто работал впоследствии на важных государственных постах молодой республики Советов.

Так вот, Свикке исчислял свой партийный стаж с 1904 года. Некоторое время он проживал в Германии, отправившись туда в «путешествие подмастерьев». Утверждал, что лично познакомился с Лениным на Штутгартском конгрессе II Интернационала и бывал в гостях у него на квартире в Женеве в 1908 году. В своих воспоминаниях Свикке писал: «Мне особенно приятно вспоминать героические годы на Урале и как Владимир Ильич Ленин посылал меня на Урал. Мне как историку хочется правдиво отобразить тот замечательный подход Ильича и особенную теплоту, которую он проявил ко мне, когда я приехал к Ленину, чтобы сообщить ему о выполненных мною его заданиях по доставке в трехдневный срок из Тобольска в Свердловск семьи и свиты Романовых...»

В 1990-е годы, когда разваливался Советский Союз и исчезло государственное табу на тему гибели императорской семьи, я опубликовала две статьи об участии латышей в тех тяжелых событиях. Одна статья появилась в еженедельнике «Независимая балтийская газета» в Риге, где я работала заместителем редактора. Вторая статья напечатана в еженедельнике «Панорама» в Лос-Анджелесе. Обе публикации получили некоторый резонанс. Но в то же время, видимо, послужили толчком к более серьезным историческим исследованиям этой темы.

Моя статья была своего рода вынужденной реакцией русских на разгорающийся в Латвии откровенный национализм, даже бытовой, на необузданную русофобию. Да, я очень спешила. Да, я с «комсомольской искренностью» поверила интерпретациям Яна Мартыновича Свикке, в которых он многое просто наврал, страдая глубокой амбициозностью. Чего стоит только одно его утверждение о том, что именно Ленин рекомендовал ему партийный псевдоним «Родионов», чтобы «враги революции» не могли его раскрыть!

-начало движения при выполнении первого элемента буквы "К"	Угловатая 	Прямолинейная
Направление движений при выполнении: - второго элемента буквы «К»	Снизу вверх, слева направо 	Сверху вниз, справа налево
Относительное размещение точки начала движение: - при выполнении первого элемента буквы «а»	Справа сверху 	Слева

Исходя из представленного исследуемого материала, выявленные различающиеся признаки почерка устойчивы, существенны и в совокупности достаточны для категорического вывода о том, что краткая запись, выполненная на немецком языке, начинающаяся словом «Belsatzar» и заканчивающаяся словом «umgebracht.», и краткая запись выполненная на русском языке, начинающаяся словом «Книжка» и заканчивающаяся словом «Свикке», ксерокопии которых представлены, выполнены не одним, а разными лицами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Краткая запись на немецком языке, начинающаяся словом «Belsatzar» и заканчивающаяся словом «umgebracht.», и краткая запись на русском языке, начинающаяся словом «Книжка» и заканчивающаяся словом «Свикке», ксерокопии которых представлены, выполнены не одним, а разными лицами.

Эксперт: А.Н.Красильников
расшифровка

«Утверждаю»
Руководитель ООО «Новая экспертиза и Ко»

Директор А.И.Копейко

Акт зарегистрирован «14» июня 2012 г.
Акт без печати не действителен. М.П.

Рисунок 1. Акт графологической экспертизы (фрагмент)

Мой давний знакомый Юрий Александрович Жук, автор нескольких объемных книг на данную тему /1/, считает Свикке автором надписи на обоях расстрельной комнаты на немецком языке. Это строки из поэмы Гейне «Царь Валтазар»: «В эту ночь Валтазар / Был убит своими холопами».

Действительно, на первый взгляд, буквенная вязь почерка на обоях очень схожа с рукописными текстами Свикке. Однако это только кажущееся сходство. Мы заказали специальную экспертизу, которая отрицает его авторство. Результат экспертизы — на рисунке 1.

...Как-то осенью 2011 года в моей рижской квартире раздался телефонный звонок. Глуховатый мужской голос с местным, то есть латышским акцентом назвал меня по имени и отчеству. Что удивило: в Латвии принято обращаться только по имени. Незнакомец представился: историк Гинтс Скутанс. Его интересовали документы, особенно о Свикке. Лично побеседовать с Гинтсом удалось не сразу. Прошли осень, зима... Время от времени в телефоне раздавался его уже знакомый голос. Наконец, ближе к весне следующего года состоялась встреча. Историк оказался сравнительно молодым человеком, высоким, худощавым, несколько медлительным. Какой-то нерасторопный, подумалось мне. И зря. В его увесистой папке оказалось такое множество архивных раритетов, уникальных воспоминаний, справок, снимков, что я сразу прониклась профессиональным уважением. Это, конечно, не хобби, а серьезная работа специалиста. Перед мной был выпускник исторического факультета Латвийского университета, опытный музейный работник и неутомимый исследователь истории красных латышских стрелков. Говорит, проникся темой после моей статьи в «Независимой балтийской газете» /2/.

На меня вышел «по наводке» Юрия Жука, заочного знакомого из Москвы, автора нескольких книг на «царскую тему». В 1990-е годы, взбудораженный еще и предстоящим захоронением обретенных, будто бы подлинных августейших останков, Жук часто звонил мне в Ригу, слал много писем. Хотел узнать какие-то новые факты, просил снимки. Имя Свикке стало для него откровением. И не только для него. Уральский профессор И.Ф. Плотников вообще отрицает участие латышей в событиях трагической ночи 17 июля 1918 года. Мои статьи считает несерьезным источником, однако слово в слово повторяет мое описание некоторых деталей внешнего облика Яна Мартыновича Свикке, хотя лично никогда с ним не встречался. Просто списал у меня. Да и многие другие

авторы трудов на данную тему чаще всего строят свои тексты по ссылкам на уже известные публикации, а таковых великое множество.

Так вот, о Свикке. Конечно, он нафантазировал немало. Да так, что привел в заблуждение не только меня, и до сих пор солидные исследователи воспринимают его всерьез. Например, известный автор работ по истории ВЧК в ленинской России Игорь Симбирцев пишет, что эта организация строилась на совершенно иных принципах, чем сыск романовской империи. Дзержинский гордился тем, что в ВЧК не служили бывшие царские военспецы. В его справке указаны только двое из «бывших», но они не поименованы. Симбирцев предполагает, что один из них — латышский большевик Ян Свикке. Будто был он «кротом» в жандармском управлении, без официального оформления в штате до 1917 года. Симбирцев также замечает, что на службе в ЧК Свикке поменял фамилию и стал чекистом Родионовым /3/.

Для предположения Симбирцева есть основания. Немаловажную роль сыграли публикации в советской прессе самого Свикке, его анкеты с прозрачными намеками. И даже две мои вышеупомянутые статьи. Однако Родионовым был совсем другой человек. Штабс-капитан российской царской армии Николай Родионов еще до октябрьской революции служил на Урале в городе Надеждинске. В 1930-е годы город переименовали в Кабаковск в честь первого секретаря Уральского (Свердловского) обкома ВКП(б) Ивана Дмитриевича Кабакова, расстрелянного в 1937 году как «враг народа». Через два года Надеждинск переименовали второй раз, и теперь город носит имя летчика Героя Советского Союза Анатолия Константиновича Серова, уроженца тех мест.

Во время службы Николай Родионов познакомился в Надеждинске с будущими участниками кровавых событий в Екатеринбурге — А.Г. Белобородовым и С.С. Заславским Эти контакты помогли ему впоследствии при назначении командиром 4-го Уральского полка. Родионов погиб, принимая участие в усмирении восстания крестьян и горнозаводских рабочих против власти большевиков в Невьянске и других городах и поселках Среднего Урала. В середине июня 1918 года он был похоронен в Екатеринбурге на площади Коммунаров. Именно под таким названием я помню это место в начале проспекта Ленина, куда нас, первоклашек, водили на политическую прогулку. Запомнились густые кусты вдоль забора, а за ним здание Института материнства и младенчества — родины многих коренных свердловчан.

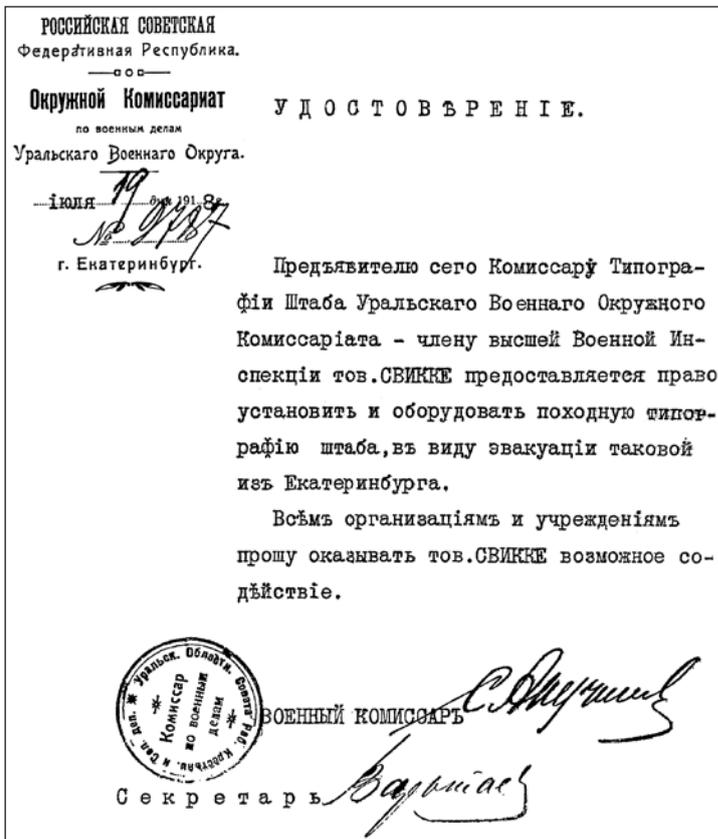

Рисунок 2.
Удостоверение члена Высшей военной инспекции Свикке, 1918 г.

Свикке в 1918 году занимался в Екатеринбурге выпуском газеты «Uz priekšu!» («Вперед!») на латышском языке. Редакция располагалась в доме № 15 по Златоустовской улице (ныне улица носит имя Розы Люксембург, здание не сохранилось). Он был не только редактором и автором многих заметок, но даже сочинял стихи, а подписывался своей «родной» фамилией — Свитис. Газета издавалась латышской группой, служила средством агитации и организации пополнения рядов Красной армии. Ян Мартынович в самом деле был комиссаром, но не отряда особого назначения, а группы. На рисунке 2 — документ, подтверждающий, что в июле 1918 года он работал в Екатеринбурге под собственной фамилией, был комиссаром и членом Высшей военной инспекции.

Фамилию «Родионов» он присвоил себе значительно позже, через несколько десятков лет, уже в Советской Латвии. Дела шли у Яна Мартыновича неважно: в Латвийском университете его преподавание не отличалось высоким качеством, ему пришлось уволиться с работы. Видимо, он считал себя достойным большего. Тем паче что, безусловно, довольно точно был осведомлен о событиях в доме Ипатьева июльской ночью 1918 года. Он бывал там и до, и после них в качестве члена Высшей военной инспекции.

Вплоть до 1990-х годов в СССР не было официального доступа к книге следователя Н.А. Соколова «Убийство царской семьи», изданной в Берлине в 1925 году. А Ян Мартынович имел возможность ознакомиться с ней в Риге, в специальном фонде Государственной публичной библиотеки имени Вилиса Лациса, и увидеть себя в образе Родионова, описанного следователем. Будучи участником многих событий революции и гражданской войны на Урале, он прекрасно знал, что Николай Родионов погиб, но из тщеславия пошел на нравственный подлог. Хотя, конечно, Свике и его поколению досталась нелегкая молодость /4/.

В своих биографических справках за 1930-е годы он вовсе не упоминает о личных заданиях Ленина и Дзержинского по перевозке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург «в трехдневный срок». Мне кажется, желание стать Родионовым промелькнуло у него во время войны, в 1943 году, когда он снова приехал на Урал, теперь уже в Свердловск, переименованный из Екатеринбурга. По заданию НКВД Свике работал переводчиком и агитатором в лагере немецких военнопленных № 84, находившемся в пригороде Свердловска на станции Монетная. Хорошо знавший немецкий язык, он должен был здесь, в глубоком тылу, внушать военнопленным антифашистские взгляды. Его пропуск для входа в зону лагеря — на рисунке 3.

Я не смогу это документально подтвердить, но есть данные, что у него состоялась личная встреча с П.З. Ермаковым, палачом царской семьи и активным участником сокрытия трупов. Думаю, именно теперь они впервые и познакомились. Ермаков находился в доме Ипатьева только на ночь расстрела, притом нетрезвый. Вряд ли в той безумной обстановке палачи представлялись друг другу по имени-отчеству, да и Свике в тот момент в доме не было. Так что вряд ли Ермаков запомнил имя «Ян» в 1918 году. А при встрече в 1943 году Свике представился: Ян Мартынович, партийный псевдоним Родионов.

Этой встречей двух единомышленников и ровесников (Ермаков только на год старше) можно объяснить правку Ермаковым

Рисунок 3. Пропуск Свике для входа на территорию лагеря немецких военнопленных № 84 на станции Монетная в пригороде г. Свердловска, 1943 г.

своих архивных воспоминаний в 1947 году /5/. Написано от руки черными чернилами: «Сам прибыл с двумя товарищами — Медведевым и другим латышом, теперь фамилию не помню <...> Прибыл в 10 часов ровно в дом особого назначения <...>» Над словом «не помню» сверху написал: «Ян», то есть в 1947 году подтвердил то, что говорил 4 августа 1945 года генералу Борщеву. Возможно, Ермаков имел в виду Свике, чье имя запомнил со встречи в 1943-м?

Откровенную мистификацию Свике устроил с документом из архива незаконно репрессированного бывшего командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом Р.И. Берзина (Берзиньша). После его полной реабилитации в 1956 году дочь Берзина обратилась в ЦК Компартии Латвии с предложением увековечить память доблестного сына латышского народа на его родине. К Яну Мартыновичу она отнеслась как к серьезному ученому, соратнику ее покойного отца и прислала ему некоторые исторические документы, в том числе записку Сталина по частному финансовому вопросу. Ее копия на рисунке 4 /6/.

Просьба выдать в долг
 Архивариусу-старшему и Реввоенсовету
 Захарову т. Родионову-Тарасову
 5000 рубль (5000) рублей.
 Машиниста Реввоенсовета т.
 Берзина выдать т. Родионову-Тарасову
 заимообразно 5000 (пять тысяч) рублей.
 т.ч. т.ч. Реввоенсовету (там)
 - 11/19.

Тарасов
 Выдашь
 Свигке
 Родионову

Рисунок 4. Записка Сталина с просьбой в адрес т. Берзина

Сталин просит члена Реввоенсовета т. Берзина выдать некоему Тарасову-Родионову заимообразно 5000 рублей. К этой записке никакого отношения Свигке не имеет. Однако он оставляет ее у себя. Зачем? Его привлекла фамилия «Родионов». В сентябре 1964 года Свигке сунул мне под нос эту записку во время встречи в Риге и сказал: «Вот две (три? — С.И.) ошибки великого человека!» Сейчас я вижу только одну ошибку: «плть» вместо «пять» да и то с натяжкой, возможно, это просто особенность индивидуального почерка Сталина. Но Ян Мартынович зафиксировал мое внимание на «Родионове», не выпуская записки из рук и не давая мне ее внимательно прочесть. И я с комсомольской честностью поверила в его партийный псевдоним и описала, как запомнила, этот сталинский документ. А позже известный сторонник «ритуального убийства», правнук царского повара Харитонов г-н Мультигули, сославшись на меня, сделал в своих публикациях на интернет-сайте «Москва — третий Рим» «вывод»: к убийству царской семьи причастен и Сталин.

Bos z. l. m. s. n. a. u. s. w. a. r. a. s. !

Vi su semju proletareeschi, sawenojateesi!

UZ PRIEKŠU!

Redakcijas adrese

г. Екатеринбург,
Башкирская № 15.
Телег. 245.

Redakcijai nosaukt un pildīt: 10-12
12 Baska priekšā, un no pildīt: 6-9
vak. „Pārīgrotāt” varam. Ut. № 5

Kreevijas Komunistiskā (leelneeku) Partija

Katrinpilnš latveeschu grupas organs.

Aboneshanas mūksa:

Par 1 mēnesi — 2.50 R.
Par 3 mēnešiem — 7.00 R.

Namurs maksā 20 kap.

Kontoris un Ekspedīcija:
Bashkirovska № 15.

Technisko apstahklū dehl awise lisaahks pagaidam 2 reises nedēla.

№ 1.

Ortdreen, 9. juli 1918 gada.

I. gads.

J. Swika.

Us preekschu!

Beedri, brahli, rindās droshki,
Ibi miris kaujas karogs koschi,
Us preekschu! mēls sauz us preekschu!

Uz preekschu! mēls sauz us preekschu!
Uz preekschu! mēls sauz us preekschu!
Uz preekschu! mēls sauz us preekschu!

Sauz mūs us preekschu — us preekschu
Wispahrht balsimāntis smuush,
Dauds līp — mūhā beedri, tik daudz —
Us preekschu, us preekschu mūs kaujas
sautz.

Dimdeet skani,
Kaujas swani,
Kaujas trosēt nesēt mani...
Us preekschu, stieģi, us preekschu!

Belnish-Birka.

Us Preekschu!

Us Preekschu, beedri, kaut pret
nāvi,
Jo bīriwās saites Weens mūhā,
Kā bīriwās negāsam teiks stāhju,
Naw swāhju, kas wāc pēnēhēti to
Tāhli „U” mūhū dēwāhā, „Pāshchi

plūhēt
Lūhē cīnās karogs pīwimās,
Kaujas sauz atwēshchānas
Pēhroks grūst — slūhja
Dēgoks nāhkas
Uo bēhri karogs mirdz un lūstās
Tās mūhā asins wina kwēh!

Tur darba lauzhu asins kwēh!
Beedri latweeschī Karnakā proletarātā
šchēras sīhās lakonā s uasāh pīmo retā
Kārtēpēt sawu gēhū latweeschū lakrakatā
„US PREEKSCHU!” Moments labāk leis
Naw swāhju, kas wāc pēnēhēti to
Tāhli „U” mūhū dēwāhā, „Pāshchi

J. Swika.

Dodeet Sarkana! Armijāi ap-sinģus zihntojus.

Neveenan naw nosēhpmus, ka ce-
wehrojama dala no mūhū tajēdās
sarkanas armijas, newar sēvi uskāt-
hēti par pīhēti revolucionaru kara
spēhku — strādneeku, zēmeeku tee-
shū — u socialisma alstahwājem.
Weedā rinda sarkanas armijas ne-
meetrū kuri plūhēt gāndhri pā w-
sām pēwogās plīshētām, acim re-
dzami pēerāhija, ka tik swārgs
wāists organizācijas darb-ka sarkā-
nas armijas organizāschana, tāhā
galitā turpinātees newar un nedrēhēt.

Wājādējs pamatīgi izmāhēt wēdus
un ilhdzēhē, kahdi tika leetoli
līhō schim sarkanas armijas orgā-
nizāschana, newēhētī jāzāmāis
fīobīlīzācijas wēdā.

Uz preekschu!

Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...

Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...

Uz preekschu!

Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...

Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...
Uz preekschu, kaut pret nāvi...

Рисунок 5. Первый номер газеты «Uz priekšu!» («Us preekschu!») — «Вперед!» на латышском языке

До 1991 года гранитные бюсты красных латышских стрелков, бывших деятелей Советского государства стояли на круговой липовой аллее в Риге, на площади Коммунаров. Свикке, конечно, там «не стояло». Сейчас эти памятники стерты с лица земли, а площадь называется Эспланада (историческое название). Коммунистическая партия в современной Латвии запрещена.

На рисунке 5 — первый номер газеты «Uz priekšu!» («Вперед!») на латышском языке, которую издавала группа Свикке в Екатеринбурге в июле 1918 года. Несмотря на огромный массив неправды, написанной, рассказанной и сохранившейся в архивах этого человека, мы все-таки должны его кое за что поблагодарить. После тщательного просеивания сведений, оставленных Свикке, сохранилось, пожалуй, единственное зернышко правды: он точно знал, кто конкретно из латышских стрелков непосредственно участвовал в расстреле. Но умалчивал об этом. И не потому, что это было государственной тайной. Ему хотелось и тут быть главным, возможно, даже создателем и организатором Коммунистической партии Латвии.

В сентябре 1964 года, во время встречи со Свикке на его квартире в Риге, выслушав рассказ об уральских событиях, я спросила в упор: «А лично вы стреляли в царя?» И получила короткий ответ: «Да». Он откровенно и беспардонно солгал. Хотя знал, что, кроме Яниса Цэлмса, в акции принимал непосредственное участие и второй латышский стрелок. Но об этом я написала в своей еще не изданной книге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жук, Ю.А. *Вопросительные знаки в «царском деле»* / Ю.А. Жук. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
2. *Независимая балтийская газета (Рига)*. — 1991. — № 1, окт.
3. Симбирцев, И. *ВЧК в ленинской России. 1917–1922* / И. Симбирцев. — М., 2008. — С. 19–22.
4. *Военный музей Латвии (Рига)*. LKM 16923\3420-Нг, LKM2-60567\1066-VII (архивное дело Свикке Я.М.).
5. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 149-а. Л. 184–187.
6. *Архив компартии Латвии. Письмо А. Димзе ЦК КП Латвии*. № 1680. 1956 г.

С.Н. ПОГОРЕЛОВ
Екатеринбург

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ В 2000–2001 ГОДАХ НА МЕСТЕ УБИЙСТВА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ НИКОЛАЯ II

Федеральные и международные законы об охране памятников истории и культуры (73-ФЗ РФ, европейские конвенции и др.) определяют, что:

1. Историко-археологический культурный слой является объектом культурного наследия.

2. Исторические населенные места являются объектами культурного наследия.

3. Культурный слой, в том числе связанный с любыми историческими памятниками, с момента выявления ставится на государственную охрану и вносится в списки памятников.

В древнерусских городах, местах первобытных городищ и античных полисов эти законодательные требования в нашей стране еще как-то исполняются, а на территориях исторических городов, возникших в Новое время, историко-археологические изыскания почти не проводятся. В Свердловской области подобных исследований до конца XX века не было, кроме отдельных работ в городе Верхотурье.

В 1998 году гендиректор НПЦ Ю.П. Литвиненко создал «городское» подразделение Отдела археологических исследований. Наши предложения начать архитектурно-археологические исследования в 15 исторических городах Свердловской области были приняты некоторыми представителями власти и бизнеса в штыки, но научные изыскания все же стали проводиться системно. За 15 лет инспекторы и археологи НПЦ выявили несколько сотен фактов незаконных земляных строительных работ в историческом центре одного только Екатеринбурга! Осуществлены сотни научных исследований в городах Верхотурье, Туринске, Ирбите, Камышлове, Невьянске, Каменске-Уральском, Алапаевске, Екатеринбургe, Нижнем Тагиле, Полевском, Ревде, Березовском.

Именно на начальном этапе становления городской археологии Свердловской области мы определили ряд знаковых исто-

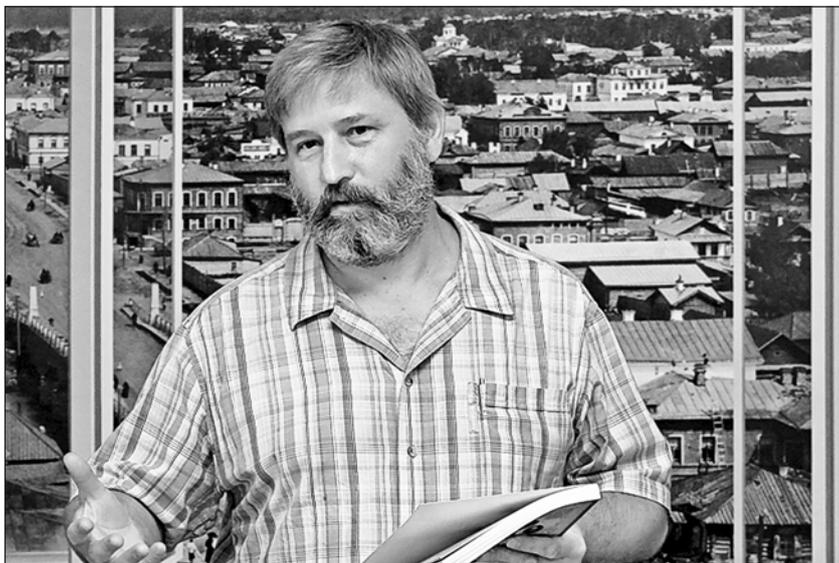

фото М. В. Махленко

*Выступление С. Н. Погорелова
на итоговом заседании XIV Романовских чтений*

рических мест Екатеринбургa, среди которых особенно ценным являлся участок загородной дачи В. Н. Татищева, позднее вошедший в территорию Большой Екатеринбургской крепости, где в то же время была возведена первая Вознесенская церковь. На ее месте в начале XIX века стали строить усадьбы, последняя из них осталась в истории как Ипатьевская. Сложная ситуация возникла в 1999–2000 годах, когда на месте снесенной Ипатьевской усадьбы появился очередной забор. Если два предыдущих были деревянными (в 1918 и 1977 годах), то новая ограда — бетонной. По городу поползли слухи, что наконец-то после нескольких попыток и лопнувших финансовых фондов нашли средства для строительства храма на месте убийства царской семьи. Кто, что, когда? Будут ли проведены последние научные исследования Ипатьевской усадьбы или за очередным забором историческую землю ковшами экскаваторов уничтожат?

Мы узнали, что заказчиком выступает Управление капитального строительства Свердловской области, исполнителем является ОАО «Уралэнергострой», курирует строительство губернатор Э. Э. Россель. Нам удалось добиться проведения научных разведочных работ. Главные архитекторы области при этом посчитали, что археологи могут пригодиться как «чернорабочие» только для того,

чтобы откопать подвальный этаж дома Ипатьева (стены и фундаменты до трех метров высотой).

Известно, что в середине 1980-х годов Вознесенская гора по линии улицы К. Либкнехта была срезана. Кроме того, в центральной части прорыли подземный пешеходный переход. Все это вызывало беспокойство за сохранность исторического объекта. Нам удалось точно привязать на местности контуры расположения Ипатьевского дома. Следующий этап разведочной шурфовки показал что южной, западной и восточной стен и фундамента дома нет, а с севера срезаны даже материковые отложения. То есть вместо стен мы обнаружили 1,5 метра переотложенного культурного слоя, лежащего на скальном материке Вознесенской горы! Итог для науки неоптимистичный, но строители не могли скрыть своей радости.

Вновь пришлось доказывать, что в культурном слое остались подлинные кирпичи и гранитные блоки от Ипатьевского дома, а также иные исторические артефакты! Начались раскопки. Основную работу выполняли православные верующие — ведь для них даже простая земля на этом месте священна. Нам удалось организовать поиск кирпичей и фундаментных блоков от знаменитого дома. Было собрано более 2500 сломанных кирпичей и мелких кусочков. Их сложили за часовней, посвященной священноймученице великой княгине Елизавете Федоровне и инокине Варваре. Также были извлечены из земли и сложены у забора к северу от часовни более 100 гранитных фундаментных блоков.

Апогеем первых изысканий стало обнаружение православного захоронения под полом «расстрельной» комнаты (частично застроенной бункером связи). Лопата бульдозера в 1980-х годах срезала только восточную часть могилы с останками, углубленными в скалу. При научном вскрытии мы определили, что скелеты принадлежат женщине и младенцу. Вместе с ними были найдены артефакты из бронзы и стекла, характерные для XVIII века. Известно, что после разборки храма Явления Господня на Торговой площади Екатеринбургской крепости части его были использованы для строительства других церквей. Вот и первую Вознесенскую церковь отстроили на склоне горы. Представители ГУВД отобрали у нас останки из церковного погребения, и с тех пор судьба их неизвестна. Строители же опять поспешили сделать вывод: прошлому конец, экскаваторы вперед!

Вновь пришлось отстаивать требования законов. Ученые согласны с тем, что начинать копать котлован надо, как только сами

строители будут готовы и если им хватит ипатьевских кирпичей и гранитных блоков для оформления священных участков будущего храма — ведь именно «на этих камнях» кровь царской семьи! Строители, даже не посчитав, ответили: нам их хватит. Сразу скажем: все кирпичи и гранитные блоки они выбросили!

Строители настаивали на закладке котлована сразу на всей площади. Мы высказали мнение, что территория Ипатьевской усадьбы вся является исторической. В саду гуляла царская семья, в каменном погребе под срубом каретника хранились вещи из царского обоза, прибывшего из Тобольска, а в культурном слое, кроме артефактов XVIII–XIX веков из истории Екатеринбурга, можно найти и предметы, связанные с последними месяцами жизни и убийством царской семьи. Последние артефакты можно назвать и историческими уликами — составными частями, а может, и дополнительными к следственному делу А.П. Наметкина, И.А. Сергеева и Н.А. Соколова.

Доказать чиновникам, что уничтожать культурный слой на всей площади Ипатьевской усадьбы нельзя, было почти невозможно, но мы это сделали. «Договор» такой: закладывается всего один разведочный шурф, и если культурного слоя нет — идет строительная техника, а если есть — надо проводить научные исследования. При скоплении общественников, журналистов, ученых, священнослужителей, чиновников и строителей в нарушение научной методики огромный экскаватор вскрыл землю. Мощность культурного слоя, который увидели все, составляла два метра! Обнаружение исторического слоя вызвало протест со стороны чиновников. Они призвали архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия освятить первый вырытый ковш. И на следующий день по культурному слою пустили бульдозер! Более критического момента в этой эпопее не было!

Мы вышли к строителям и смогли объяснить им суть происходящего: опозоримся перед всем миром, если за очередным забором добьем последние исторические следы на месте убийства царской семьи... Нежелание быть «стрелочниками» подвигло простых рабочих остановить землеройную технику и отказаться от уничтожения исторической земли. Через несколько дней на очередном производственном собрании в ОАО «Уралэнергострой» представителя НПЦ оскорбляли как могли. Но два десятка заседающих остановил гендиректор организации В.Б. Суруда. Сказанное им прозвучало удивительно и обнадеживающе: «Ладно, Сергей, иди копай... Завтра...»

В начале июня, после трех месяцев напряженных переговоров и разведочных изысканий, появился шанс показать, что у нас

действуют законы о культуре, что мы уважаем свое историческое наследие и достойно можем ответить всем: Свердловская область и Екатеринбург больше не прославятся очередным фактом дикости и вандализма!

Историки-археологи готовятся к экспедициям за год. Снаряжение, оборудование, обеспечение быта, камеральной лаборатории, научных кадров, рабочих — студентов-историков и т. д., ну и, конечно, финансирование. Всего этого не было. Мы предложили строителям план действий, чтобы не тормозить уже начавшееся строительство храма: мы отработываем полосы площади с востока на запад, а строители идут за нами. Сразу отметим, нам удалось собрать минимум оборудования и снаряжения, но базироваться приходилось под полиэтиленовым тентом и на досках, положенных на землю. Позже, когда стали пропадать найденные артефакты и снаряжение, хранившиеся просто на улице, нам предоставили небольшой вагончик. Кстати, среди прочего пропала и металлическая модель кораблика (возможно, игрушка цесаревича Алексея), а также золотая сережка.

Удалось решить и проблему с рабочими на раскопе. Научные сотрудники разных НИИ, историки-краеведы, студенты вузов и особенно Свердловского педколледжа, взвод солдат проводили изыскания в течение трех месяцев. Особую помощь оказала Екатеринбургская епархия. Призыв владыки Викентия привел на научные раскопки сотни православных верующих. Оказывали помощь и дети из воскресной школы. Мы не отказывались ни от чьей поддержки, даже если человек приходил на день-два. Всего нам удалось письменно зафиксировать почти 600 человек! Приходилось на ходу объяснять людям, не знакомым с научными методиками, как надо работать. Такая неклассическая ситуация привела нас к необходимости использования более сложной методики в плане сбора артефактов — собирали фактически все находки.

Чтобы разобраться в стратиграфии культурного слоя, решили заложить Т-образную разведочную траншею в центре Ипатьевской усадьбы. На третий день раскопок один из участников работ обнаружил очередную находку — развал фарфорового блюда с необычной орнаментацией /1/. На лицевой стороне посуды, в ее центре была подглазурная роспись, выполненная цветной эмалью и изображающая государственный герб Российской империи! Если в XX веке, например на Западе, гербы и флаги изображались хоть на нижнем белье, то в нашей стране в 1990-е годы это только начиналось, и лежащий в культурном слое артефакт с таким изображением

вызвал удивление. Ведь клеймо в виде двуглавого орла, да и то на внешнем дне посуды, позволялось ставить только поставщикам Его Императорского Двора, например М.С. Кузнецову, а уж рисовать «свой» герб на посуде с лицевой стороны мог только его владелец. Каково же было наше восхищение, когда после изъятия находки из слоя осмотрели ее дно и на нем оказалось подглазурное зеленое клеймо Санкт-Петербургской императорской фарфоровой фабрики с надписью «Н II» под изображением короны Российской империи и годом выпуска «1914», а также номером предмета в сервизе!

Стоит заглянуть в книгу Н.А. Соколова «Убийство царской семьи» /2/, и вы найдете описания находок подобной фарфоровой посуды! Таким образом, в конце работ мы могли заявить: то, что не собрали «белые» следователи и не забрали революционеры, удалось найти нам. Заметим, что вывезенное Соколовым почти все пропало, а от сборов большевиков сохранились, возможно, только некоторые драгоценности и изделия. Это блюдо стало первой в наших изысканиях безапелляционной исторической находкой, напрямую связанной с жизнью царской семьи! Как было определено позже, этот предмет относится к «коронационному» (?) фарфоровому сервизу императорской семьи Романовых, который достался царю Николаю II по наследству от Александра III и дополнялся им в течение своего правления.

Ценой невероятных усилий в экстремальной обстановке нам удалось полностью провести исследования на всей сохранившейся территории Ипатьевской усадьбы. В результате этого только находок было собрано 64 000! Составлена обширная полевая документация. К сожалению, до сих пор не нашлось кого-либо, кто профинансировал бы если не все работы экспедиции, то хотя бы научные исследования полученных материалов, составление научного отчета, его опубликование и работу по музеефикации собранной коллекции артефактов, среди которой не только сотни ценных предметов XVIII–XIX веков, но и десятки особо ценных, относящихся к последним месяцам жизни и гибели царской семьи в Ипатьевской усадьбе!

Кроме уникальных артефактов, были обнаружены и изучены остатки архитектурных объектов. Например, на глубине более трех метров от современной поверхности в скальной породе выявлена нижняя часть знаменитого каменного погребца, где хранились вещи из царского обоза. Пол помещения был выстлан тщательно обработанными гранитными плитами, которые мы вручную подняли на поверхность. Заметим, что их строители также выбросили.

Последним раскопом исследовали южную часть Ипатьевской усадьбы, где по краю выявили столбовые ямки и остатки самих столбиков ограды усадьбы со стороны Вознесенского переулкa (ныне улица К. Цеткин). Следующим загадочным объектом оказался «таинственный» колодец, выявленный на краю западного раскопа. Нам навязывали мнение о том, что данный участок не входит в историческую усадьбу. Мы доказали обратное: это объект Ипатьевской усадьбы. Прогуливаясь в саду, царская семья подходила к колодцу и отдыхала рядом с ним возле тополей, растущих на границе с усадьбой купца И.Ф. Шапошникова. Например, Я.М. Юровский писал в воспоминаниях «<...> Когда я чинил колодец, Николай приблизился ко мне и сделал какое-то замечание <...>» /3/. Еще одним подтверждением является описание Соколова, а затем и находка, сделанная нами на дне колодца, — трубы и части насоса инженера Ипатьева, с помощью которого вода подавалась в дом. Для спасения колодца от строительного котлована мы перекрыли шахту на глубине пяти метров от поверхности. Осенью из колодца пошла вода и залила пол подвального этажа. Строители поставили вопрос об уничтожении колодца. Но нам вновь удалось отстоять его и доказать, что он является единственным в Екатеринбурге сохранившимся объектом историко-культурного наследия, оставшимся от всей Ипатьевской усадьбы, и имеет прямое отношение к жизни царской семьи здесь в 1918 году.

В 2001 году мы продолжили исследования Ипатьевского колодца. Работать приходилось в темном бетонном подвале. Методика работ была простой, но опасной и очень трудоемкой. Ответственного человека спускали на протяжении полутора месяцев в провал заливаемого водой колодца на веревке, и он вручную вскрывал культурный слой (плотный завал), заполняющий колодец. Собранный грунт и различные обломки послойно поднимались на поверхность, выносились из подвала и промывались через мелкие сита водой. Такая методика позволила не упустить даже мельчайшие артефакты. На самом дне мы выявили следы от горных инструментов, которыми пробивали шахту (1x1,2 метра). Глубина же колодца от прежней дневной поверхности составляла порядка 18,5 метра.

Самой крупной находкой, обнаруженной в колодце, можно назвать развал керамической фигурной облицовки одной из печей Ипатьевского дома. Хорошим датирующим предметом оказался целый патрон для винтовки Мосина (Ремингтон, 1918). Предметы известного императорского сервиза оказались и здесь, среди

ряда других ценных предметов, например, была найдена резная ножка стула со следом пули, прошедшей поперек него. Известно, что в полуподвальную комнату, где убивали царскую семью, по ее просьбе принесли два стула, на которые сели императрица Александра Федоровна и цесаревич Алексей. Последнего, раненого и лежащего на стуле, достреливал тот же Юровский. Среди находок, принадлежавших цесаревичу Алексею, можно упомянуть бутылочку из-под святой воды с рельефным изображением святого Серафима Саровского. Известно, что, кроме обычных лекарств, для улучшения состояния цесаревича использовалась и святая вода. О поклонении царской семьи святому Серафиму Саровскому знают все. К тому же подобные находки зафиксированы и в описании вещей в следственных делах Соколова.

Таким образом, в 2000–2001 годах были проведены исследования всей сохранившейся исторической территории, где, кроме более древних объектов, располагалась Ипатьевская усадьба. Нами был изучен культурный слой XVIII–XX веков мощностью до двух метров на площади более 500 квадратных метров, а также проведены надзорные работы /4/.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Розанова, Н. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба / Н. Розанова. — М., 2008. — С. 480.
2. Соколов, Н.А. Убийство царской семьи / Н.А. Соколов. — М., 1990. — С. 201.
3. Исповедь палача (из мемуаров Я. Юровского) // Родина. — 1993. — № 1. — С. 188.
4. Погорелов С.Н. Архитектурно-археологические исследования культовых объектов в исторических городах Свердловской области / С.Н. Погорелов // Православие в судьбе Урала и России: История и Современность. — Екатеринбург, 2010. — С. 29.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ИССЛЕДОВАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УНИЧТОЖЕНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ¹

Николай II и члены его семьи были расстреляны большевиками в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге. Тела вывезены за город и подвергнуты различным манипуляциям для уничтожения следов преступления. В последующие годы как в СССР, так и за рубежом стали появляться многочисленные работы, посвященные последним дням царской семьи, обстоятельствам их расстрела и тайне места захоронения останков.

В июле 1991 года останки девяти человек, предположительно членов царской семьи и их прислуги, были найдены и извлечены из земли. После этих событий исследователи разделились на два лагеря: признающих подлинность царских останков, обнаруженных в Поросенковом логу, и отвергающих эту точку зрения. Официальный представитель СКП РФ В. Маркин заявлял, что наряду с комплексными медико-криминалистической и судебно-антропологической экспертизами проводилась и историческая экспертиза (далее ИЭ), которую возглавлял директор ГАРФ д-р ист. наук С. Мироненко. На конференции, проходившей в 2008 году в Екатеринбурге, были представлены положительные итоговые результаты генетической экспертизы, но результаты ИЭ обнаружены не были.

Словосочетание «историческая экспертиза» звучало в связи с работой правительственной комиссии. О необходимости ее проведения заявил один из членов комиссии академик В.В. Алексеев. Историк выступал за разработку соответствующей методики и применение ее в комплексном исследовании при идентификации царских останков и работе комиссии. Заведенное уголовное расследование было подвергнуто критике как со стороны историков, так и со стороны юристов. Алексеев считал, что только генетической экспертизы недостаточно.

Разработка теоретико-методологических основ ИЭ является одним из инструментов противодействия фальсификации исто-

¹ Данная статья отражает точку зрения автора и может не совпадать с мнением редколлегии.

рии. Экспертиза — это рассмотрение какого-нибудь вопроса экспертами для вынесения заключения. Наиболее развита эта процедура в уголовно-процессуальной деятельности, где насчитывается около 50 видов судебных экспертиз. ИЭ среди них отсутствует, наиболее близкими ей по содержанию являются искусствоведческая и документоведческая экспертизы.

В научной литературе и прикладной деятельности отмечено несколько профильных экспертиз, использующих методы исторических дисциплин: историко-культурная экспертиза, историко-культурная археологическая экспертиза, историко-искусствоведческая экспертиза, документоведческая (источниковедческая) экспертиза. По нашему мнению, источниковедческая экспертиза — это формализованный соответствующим образом источниковедческий анализ, который должен определить подлинность, ценность, достоверность содержания документа. Нередко за ИЭ принимают источниковедческую экспертизу.

Выявление достоверности содержащихся в источнике сведений подводит нас к пониманию методологических основ ИЭ, где источниковедческий анализ занимает центральное место. Решение проблемы достоверности информации в конечном итоге определяет и достоверность той или иной интерпретации в историческом исследовании, анализом которого и занимается ИЭ.

Однако ИЭ не ограничивается только научными исследованиями, она охватывает весь спектр исследований, публикаций, сведений, где в какой-либо степени были использованы исторические, отражающие реальные события факты. Из этого следует, что объект исторической экспертизы — это труды различного жанра, использующие историческую информацию. Предмет — достоверность и новизна исторической информации; правомерность и обоснованность выдвинутых гипотез; теоретическая, методологическая и методическая квалификация для научных исследований.

ИЭ применима и востребована в первую очередь в событийной истории. Основным ее объектом становится научное историческое исследование, в основе которого лежит принцип историзма, связанный с такими фундаментальными философскими категориями, как время, пространство, движение. Сбор фактов, их анализ и синтез — основные компоненты метода исторического исследования. Базовые элементы исторического исследования: постановка проблемы, объект, предмет, цели, задачи исследования, гипотезы, методология и методика. К методологии истории относятся и достижения источниковедения, создающие квалифицированную

фактологическую базу, и историография по теме исследования, определяющая степень разработанности темы, авторские концепции, направления поиска.

В ИЭ применяется комплексный подход. В зависимости от поставленных задач при ее проведении могут быть задействованы методы сбора и систематизации исторических данных, традиционные методы анализа исторического исследования /1/. При необходимости привлекаются ученые и специальные методы вспомогательных исторических дисциплин, других областей науки.

Подводя итог, мы приходим к выводу, что историческая экспертиза представляет собой вид экспертной деятельности, предназначенный для определения достоверности и новизны исторической информации, правомерности и обоснованности выдвинутых гипотез, а также теоретической, методологической и методической квалификации научных исследований. ИЭ исполняется профессиональными специалистами-экспертами (историками, архивистами, другими компетентными лицами) на принципах независимости, исключаящими какое-либо давление на эксперта. ИЭ проводится на принципах комплексного подхода с использованием общепринятых в исторической науке методик исследования. Ее результатом является заключение в пределах задач, поставленных перед экспертизой.

Несмотря на утверждение в средствах массовой информации, что историческая экспертиза была успешно проведена, мы утверждаем, что таковой не было, поскольку отсутствовал объект экспертизы — историческое исследование. В уголовно-процессуальной деятельности не ставится цель, а также отсутствуют условия, специалисты и методы, необходимые для проведения исторических исследований. Возможно, документоведческий анализ некоторых документов и именовали ИЭ. В рамках уголовного дела решались уголовно-процессуальные задачи: идентификация найденных останков как принадлежащих семье Николая II и его слугам, выявление и наказание давно умерших убийц.

Конечно, по прошествии времени экспертизе возможно подвергнуть сами материалы исторической части уголовного расследования. По нашему мнению, основу такого уголовного дела должно было бы составить капитальное историческое исследование, подготовленное компетентными специалистами, например работа уральского специалиста по истории гражданской войны д-ра ист. наук И.Ф. Плотникова /2/. В этой книге автор наиболее полно проанализировал основную версию уничтожения царской семьи.

Основной круг рассматриваемых проблем, вокруг которых происходит наибольшее количество дискуссий, — это обстоятельства расстрела и сокрытия останков, ритуальный характер убийства, степень участия и роль центральной и местной власти в убийстве, проверка версий спасения Анастасии и других членов семьи. Исследование требует использования более широких хронологических и тематических рамок, включающих весь период урало-сибирской ссылки царской семьи, а также изучение расстрела в доме Ипатьева в геополитическом контексте и в связи с операцией по уничтожению всей династии Романовых и их слуг в других городах.

Генеральная прокуратура РФ сосредоточила в рамках расследования уголовного дела практически все материалы, связанные с обнаружением останков предположительно семьи Николая II. Рассмотрим данное уголовное дело как объект ИЭ, поскольку в нем присутствуют элементы исторического исследования. ИЭ имеет свои особенности, определенные предметом, — это последовательность и стадии процедуры, в основном совпадающие с этапами исторического исследования. На любом этапе экспертизы исторического произведения могут быть обнаружены непрофессионализм, нарушения методики, ошибочные гипотезы, невольное или сознательное искажение фактов, причинно-следственных связей.

Первым этапом в оценке достоверности (экспертизе) исторического труда станет определение жанра, в котором он выполнен. В случае если он соответствует критериям научного исследования, то определяется форма предоставления текста. На этом этапе зафиксируем материалы уголовного дела как новый жанр, где были использованы исторические данные.

Вторым этапом в проведении ИЭ станет изучение структуры произведения и выявление тех разделов, где использованы исторические факты и где присутствуют вымысел, искажения, фальсификация. Эталонной и одновременно наиболее трудоемкой для экспертизы является работа с монографией или диссертацией, которые включают наиболее рациональные и необходимые структурные элементы научного исследования. Это — постановка проблемы, объект, предмет, цели, задачи исследования, гипотезы, методология и методика, историография и фактологический материал, отобранный под задачи исследования по определенным правилам. Работа по второму пункту включает анализ структуры труда и выявление в нем искажений исторических данных, но она невозможна без ознакомления с материалами уголовного дела.

Третьим этапом экспертизы становится «историографическое сито» — сортировка привлеченных исследований на предмет их достоверности, соответствие жанра научно-историческому исследованию, наличие и корректность использования научно-справочного аппарата в аргументации авторов. Расследование уголовного дела не предполагает проведения историографического анализа, поэтому третий этап экспертизы в уголовном деле отсутствует.

Четвертый этап — источниковедческий. Он включает полноту, достоверность и квалифицированное использование источниковой базы. Центральное место на этой стадии занимает источниковедческий анализ письменных источников, соотнесение сведений из них с результатами других экспертиз уголовного дела, оформление текста научного труда в соответствии с ГОСТ. Следует помнить и о материалах раскопок, артефактах, их квалифицированной атрибуции и интеграции с данными письменных источников.

При исследовании обстоятельств расстрела и сокрытия царских останков не было проведено обязательного для исторического исследования сравнительного анализа воспоминаний участников событий. Необходимы выявление и учет политической обстановки, в которой появились воспоминания. Основная источниковедческая работа при расследовании уголовного дела заключалась в выяснении авторства «записки» Я.М. Юровского. В то же время в опубликованных работах и в уголовном деле были задействованы лишь небольшая часть документов из материалов следствия Н.А. Соколова, отдельные архивные документы. Но не выявлены, например, протоколы заседаний пленумов ЦК РКП(б), президиума Уральского облсовета, коллегии ВЧК за вторую половину 1918 года. Уничтожение царской семьи и сокрытие останков производилось сотрудниками ВЧК, но историкам не известны подлинные чекистские документы.

Работа по источниковедческой и исторической экспертизе документов, проливающих свет на обстоятельства гибели семьи Романовых, носит долговременный характер и не ограничивается рамками уголовного дела. В качестве примера источниковедческого анализа, который не был осуществлен в уголовном деле, нами было проведено сравнение (контент-анализ) двух текстов расшифровки стенограммы выступления Юровского на совещании старых большевиков в 1934 году /3/.

На пятом этапе проводится анализ теоретико-методологических конструкций, правомерность использования основных и вспомогательных методов, установление причинно-следственных связей.

На шестом заключительном этапе рассматривается необходимость привлечения дополнительных исследований (экспертиз).

Закрытый характер следственного делопроизводства не позволяет получить немедленный доступ к материалам этого необычного уголовного дела. В криминалистике использование различных экспертиз получило широкое распространение. Всего выявлено более 50 судебных экспертиз /4/. Из них в изучении обстоятельств гибели царской семьи могут быть востребованы лишь некоторые. Их применение ограничено законодательством, ведомственными инструкциями и нормативами. Нередко эти задачи не совпадают с задачами исторического исследования. В расследовании событий, когда их участники и свидетели давно умерли, следует говорить не о чисто генетических, антропологических, искусствоведческих и прочих исследованиях, а об историко-генетических, историко-антропологических, историко-археологических исследованиях (экспертизах), поскольку в основе персонификации результатов экспертиз лежат уже исторические сведения. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что проведение поисковых и исследовательских работ по выявлению и идентификации останков предположительно членов семьи Николая II и их прислуги в рамках уголовного дела, а не исторического исследования было ошибочным.

Научное исследование предполагает публикацию материалов и полученных результатов, открытую полемику с выдвижением гипотез, преодолением заблуждений и ошибок, а в итоге — открытие нового знания. ИЭ, в отличие от научного исследования, повторно проходит путь размышлений исследователя для оценки подлинности исходных данных, правомерности применения избранных методик.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мазур, Л. *Методы исторического исследования* / Л. Мазур. — Екатеринбург, 2010. — С. 387.

2. Плотников, И.Ф. *Правда истории. Гибель Царской Семьи* / И.Ф. Плотников. — Екатеринбург, 2003.

3. Курлаев, Е.А. *Выступление бывшего коменданта дома особого назначения Я.М. Юровского на совещании старых большевиков в 1934 г.* / Е.А. Курлаев // *Документ. Архив. История. Современность: Мат-лы III Всеросс. науч.-практ. конф.* — Екатеринбург, 2010. — С. 86–93.

4. *Классификация судебных экспертиз и типизация их задач: Мат-лы к ученому совету.* / сост.: Шляхов А.Р. и др. — М., 1977. — С. 27.

А.Н. АВДОНИН
Екатеринбург

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
О ДОКЛАДЕ Е.А. КУРЛАЕВА
«Историческая экспертиза
и исследование обстоятельств уничтожения
царской семьи»**

По моему мнению, работа Е.А. Курлаева «Историческая экспертиза и исследование обстоятельств уничтожения царской семьи», название которой не соответствует ее содержанию, не представляет ни научного, ни исторического значения. В своей работе автор предпринял попытку разработки методических основ исторической экспертизы, поэтому материал содержит перечисление этапов ее подготовки и проведения. При этом автор не предполагает, что любая экспертиза — это творчество исследователя, зависящее от эрудиции исполнителя, а потому и теоретические построения этапов исторической экспертизы у Курлаева не предусматривают творческих обоснований.

В первом разделе доклада содержится необоснованная критика исследований, проведенных правительственной Комиссией по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи. Автор отмечает: «<...> мы считаем, что проведение поисковых и исследовательских работ по выявлению и идентификации останков предположительно членов семьи Николая II и их прислуги в рамках уголовного дела, а не исторического исследования было ошибочным».

В.Н. Соловьев 15 января 2009 года уже вынес постановление о прекращении «царского дела», так что, к счастью, работа Курлаева никак не может повлиять на деятельность Соловьева. Следственное дело, которое закончил Соловьев, состоит из двух томов, более 800 страниц текста — это историческая энциклопедия «царского дела». Соловьеву в его работе помогали десятки русских и зарубежных ученых высочайшего класса. Они провели множество исторических, генетических, судебно-медицинских и других экспертиз. Я неоднократно обращался к его труду в своей работе.

В ходе расследования выработаны новые методики. Во всем мире сейчас работают по методикам, связанным с идентификацией

останков царской семьи. Они применялись после знаменитого нападения боевиков Бен Ладена на башни-близнецы в Нью-Йорке, когда нужно было опознать сотни погибших, сгоревших людей. Сейчас эти методики стали обыденными. Помимо главного труда Соловьева, им написаны десятки статей и книг. Почему же Курлаев не ссылается ни на одну его работу? Да потому, что он там не найдет никаких погрешностей, на которые можно было бы сослаться и исказить какие-либо факты.

В ссылках я привожу отдельные работы Соловьева, в которых изложено все — и экспертизы, и исследования, причем эти работы были известны Курлаеву. В своем докладе Курлаев отмечает: «<...> была задействована лишь небольшая часть документов из материалов следствия Н.А. Соколова». Это неправда. Материалы следствия Соколова полностью использованы Соловьевым. Он установил ошибки, допущенные Соколовым в своих выводах.

Курлаев добавляет: «При исследовании обстоятельств расстрела и сокрытия царских останков не было проведено обязательного для исторического исследования сравнительного анализа воспоминаний участников событий. Необходимы выявление и учет политической обстановки, в которой появились воспоминания». Словно ожидая появления этого заявления, в качестве ответа я привожу выдержку из публикации В.Н. Соловьева и С.В. Мироненко: «В ходе современного следствия широко использовались воспоминания участников расстрела и захоронения царской семьи. Странно, что у наших оппонентов не вызывают никаких сомнений находящиеся в следственном деле Соколова показания участника убийства Павла Медведева, а воспоминания других участников, избежавших ареста и написавших воспоминания, не отличающихся по фактическим данным, но помещенные в советские секретные архивы, полностью игнорируются. Основные “советские” документы — это воспоминания коменданта Дома особого назначения (дома Ипатьева) Я.М. Юровского, его помощника Г.П. Никулина, Г.И. Сухорукова, И.И. Родзинского, М.А. Медведева (Кудрина), А.Г. Кабанова, П.З. Ермакова, А.А. Стрелотина /1/».

Курлаев утверждает: «Основная источниковедческая работа при расследовании заключалась в выяснении авторства “записки Юровского”». Курлаев умаляет значение исследовательских работ Соловьева с материалами Юровского. Обращаюсь к Соловьеву: «Следствием и комиссией историков был тщательно изучен текст “Записки”, его соответствие фактам, приведенным в “белогвардейском” следственном деле, воспоминаниях других участников

фото Э.П. Лиценко

Сотрудник Свердловского областного краеведческого музея Н.Б. Неуймин рассказывает участникам Романовских чтений о поисках захоронения цесаревича Алексея и великой княжны Марии в 2007 г.

событий, а самое главное — в материалах осмотров мест происшествия сразу после событий в 1918 и 1919 годах. Данные ситуационной экспертизы показали полное соответствие воспоминаний Я.М. Юровского с зафиксированными И.А. Сергеевым и Н.А. Соколовым следами пуль и клинкового оружия в расстрельной комнате Ипатьевского дома, а также с повреждениями холодным и огнестрельным оружием на останках тел в захоронениях 1991 и 2007 годов. Полностью совпала картина уничтожения одежды и перемещения тел в “Записке” и протоколах осмотра района Ганиной ямы в 1918–1919 годах. И т. д. /2/. Почему об этом не пишет Курлаев?

Наконец, заявление Курлаева: «Несмотря на утверждение в средствах массовой информации, что историческая экспертиза была успешно проведена, мы утверждаем, что такой не было». Но в публикации Соловьева я читаю: «В 2007 году следствием была назначена историческая экспертиза. Группу экспертов возглавил директор Российского государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории XIX — начала XX вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук С.В. Мироненко. Историческая экспертиза полностью подтвердила выводы о том, что документы “советского” периода не сфальсифицированы и в них содержится достоверная

информация о захоронении царской семьи в районе Поросенкова лога близ Екатеринбурга»/3/.

Конечно, Курлаев против сильной фигуры Мироненко не смотрит. Проще указать, что исторической экспертизы не было, а там хоть трава не расти. Соловьев и Мироненко отмечают: «О тщательности работы историков и архивистов говорит тот факт, что после окончания работы комиссии (государственной. — А.А.) с 1998 года в России и за рубежом не было выявлено ни одного значимого документа по теме гибели Романовых. Проблема изучена предельно полно»/4/.

Владимир Николаевич Соловьев со своей группой ученых выполнил значительную работу, имеющую важное историческое значение для России.

Доклад Е.А. Курлаева является бездоказательным и легковесным. Пользуясь неосведомленностью большинства людей о состоянии изученности «царского дела» в ходе следствия, он ввел в заблуждение участников Романовских чтений. Но это пиррова победа.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Гибель семьи императора Николая II. Следствие длиною в век. Каталог выставки.* — М., 2012.
2. *Соловьев, В.Н. Следствие длиною в век, или Как расследовалось убийство царской семьи / В.Н. Соловьев, С.В. Мироненко // Гибель семьи императора Николая II.* — С. 32.
3. *Соловьев В.Н. Тайны старой Коптяковской дороги.* — М., 2010. — С. 43, 44.
4. *Там же.* — С. 53.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АР — Автономная республика
БНЦ — Бурятский научный центр
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГБУК — Государственное бюджетное учреждение культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ГОСТ — Государственный стандарт
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
ГУВД — Главное управление внутренних дел
ДОН — Дом особого назначения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Императорская археологическая комиссия
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИЭ — историческая экспертиза
МБУК — Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МВД — Министерство внутренних дел
МПС — Министерство путей сообщения
НГИАМ — Невьянский государственный историко-архитектурный музей
НЗХТ — Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НИУ — Национальный исследовательский университет
НЛ — «Новый летописец»
НПЦ — Научно-производственный центр
ОГУК — Областное государственное учреждение культуры
ОМДС — Оренбургское магометанское духовное собрание
ОПИ — Отдел письменных источников
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПЛДР — «Памятники литературы Древней Руси»
ПСЗ РИ — «Полный свод законов Российской империи»
ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РПЦ — Российская православная церковь
РПЦЗ — Русская православная церковь за границей
РЦХИДНИ — Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории

- СКП РФ — Следственный комитет
при Генеральной прокуратуре РФ
- СЛ — «Сибирский листок»
- СО — Свердловская область, Свердловской области
- СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
- СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
- СТГ — «Сибирская торговая газета»
- ТКНС — Тобольская комплексная научная станция
- УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
- УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук
- ЦГАСО — Центральный государственный архив Свердловской
области
- ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии
Советского Союза
- ЦК РКП(б) — Центральный комитет Российской коммунистической
партии (большевиков)
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
при Московском университете

*Посещение участниками чтений
склепа Свято-Троицкого собора в Алапаевске*

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ XIV РОМАНОВСКИХ ЧТЕНИЙ

Авдониин Александр Николаевич	д-р геол.-минерал. наук, зав. отделом Свердловского областного краеведческого музея; председатель Фонда «Обретение» (г. Екатеринбург)
Бараненко Любовь Андреевна	научный сотрудник Государственного историче- ского музея (г. Москва)
Валитов Александр Александрович	канд. ист. наук, научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН
Ведьмин Олег Петрович	канд. ист. наук, доцент, Кемеровский государ- ственный университет
Верхоланцева Раиса Михайловна	краевед (г. Пермь)
Выголов Александр Сергеевич	частный предприниматель (г. Самара)
Гилева Ксения Вадимовна	студентка Забайкальского государственного университета (г. Чита)
Голикова Светлана Викторовна	д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
Гришин Дмитрий Борисович	канд. ист. наук, Международный институт менеджмента ЛИНК (г. Москва)
Громова Анна Витальевна	канд. ист. наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (г. Москва)
Дашкевич Людмила Александровна	д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
Жук Юрий Александрович	д-р юрид. наук, Фонд Памяти Новомучеников Императорского Дома Романовых (г. Москва)
Ильичёва Светлана Владимировна	Фонд Памяти Новомучеников Императорского Дома Романовых (г. Екатеринбург)
Исаев Григорий Евгеньевич	канд. техн. наук, ООО «Паломническая служба Радонеж» (г. Москва)
Карфидов Алексей Николаевич	старший научный сотрудник Невьянского госу- дарственного историко-архитектурного музея

Катарин Дмитрий Николаевич	старший преподаватель Уральского филиала Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова (г. Екатеринбург)
Кириллов Анатолий Дмитриевич	д-р ист. наук, профессор, Уральский центр Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Константинов Сергей Иванович	д-р ист. наук, профессор, Уральская государственная юридическая академия (г. Екатеринбург)
Костогрызов Павел Игоревич	старший преподаватель Уральской государственной юридической академии (г. Екатеринбург)
Кручинин Александр Михайлович	военно-исторический клуб «Горный Щит» (г. Екатеринбург)
Кручинина Наталья Александровна	канд. ист. наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Курлаев Евгений Анатольевич	канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
Логунова Марина Олеговна	канд. ист. наук, главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга
Маркова Любовь Павловна	заслуженный работник культуры РФ, МБУК г. Перми «Объединение муниципальных библиотек» Библиотека № 32 Просветительский центр «Библиотека Духовного возрождения»; Историко-культурный фонд «Обретение» (г. Пермь)
Митрофанов Виктор Владимирович	д-р ист. наук, доцент, Филиал Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске
Начапкин Максим Николаевич	канд. ист. наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)
Начапкин Николай Иванович	канд. физ.-мат. наук, Институт геофизики им. Ю.П. Булашевича УрО РАН (г. Екатеринбург)
Новиченков Николай Николаевич	директор Верхотурского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Огоновская Изабелла Станиславовна	канд. ист. наук, доцент, Специализированный учебно-научный центр Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Погорелов Сергей Николаевич	ОГУК СО «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области» (г. Екатеринбург)
Прокопова Людмила Игоревна	ведущий научный сотрудник Ливадийского дворца-музея (Украина, Республика Крым)
Робустова Елена Витальевна	канд. ист. наук, доцент, Московский городской психолого-педагогический университет
Романчук Алла Ильинична	д-р ист. наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
Семячкова Вероника Викторовна	Уральская государственная архитектурно-художественная академия (г. Екатеринбург)
Скутанс Гинтс Юрьевич	докторант, Латвийский университет (г. Рига)
Солодкин Янкель Гутманович	д-р ист. наук, профессор, Нижневартровский государственный университет
Софьин Дмитрий Михайлович	канд. ист. наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Томилов Игорь Сергеевич	Лаборатория истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции УрО РАН
Черкасов Иван Алексеевич	зав. отделом Музея-усадьбы В.И. Сурикова (г. Красноярск)
Чирков Михаил Сергеевич	канд. ист. наук, доцент, Самарская государственная академия культуры и искусств
Щуцкая Галина Константиновна	директор Филиала Государственного исторического музея «Палаты бояр Романовых» (г. Москва)
Юрова Галина Владимировна	МБУК «Публичная библиотека» (г. Новоуральск)
Ярков Александр Павлович	д-р ист. наук, профессор, Тюменский государственный университет

Научное издание

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ РОМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Международная научно-практическая конференция
(Екатеринбург—Алапаевск, 17-19 июля 2013 года).
Материалы*

На обложке:

Семья императора Николая II, Царское Село, 1905 г. Фонд Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)

На последней странице обложки:

*Валентин Серов. Портрет императора Николая II (1900). Холст, масло.
71 x 58,8 см. Государственная Третьяковская галерея, Москва*

*На стр. 1: Посещение участниками чтений монастыря Новомучеников
Российских, построенного на месте убийства великих князей Романовых*

*В оформлении книги использованы фотографии, предоставленные авторами
статей, из фондов ГАРФ, а также из архива издательства КВАДРАТ*

*Редколлегия благодарит М.В. Михненко, Э.П. Ляшенко и А.Г. Зубова
за предоставление фотографий, сделанных во время чтений*

ISBN 978-5-91357-038-3

9 785913 570383

*Главный редактор Е.Ф. Тамплон
Технический редактор Е.В. Кузьмина
Литературный редактор В.В. Мылов
Верстка И.С. Ленский*

*Сдано в набор 31.10.2013. Подписано в печать 27.11.2013. Формат 60 x 90 1/16.
Бумага ВХИ. Гарнитура Newton. Печать офсет. Усл.печ.л. 19,74. Уч.-изд. л. 23,74.
Тираж 500. Заказ 1075.*

*ООО «Издательство КВАДРАТ»
620014, г. Екатеринбург, ул. Мальшева, 21/3 - 83
тел.: (343)219-07-67, e-mail: aquapress@mail.ru*

*Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 620990, г. Екатеринбург, ул.Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru e-mail: sales@uralprint.ru*